

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 2 / 2020

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2020

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Мюллер В.** – д-р ист. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – канд. ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2020

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Miroshnichenko N. V.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баранов А. В. Арабский «мирный план» по Сирии на страницах «Аш-Шарк Аль-Аусат»	8
Васькина Д. С. Кочевые народы Северного Кавказа в начале XX века	16
Вирт Н. Ф. Веймарская республика в диалектической теологии Фридриха Гогартена	23
Володькова Е. Н. Развитие ремесленного образования в Ставропольской губернии во второй половине XIX века (на примере Ставропольского Михайловского ремесленного училища)	28
Казаров С. С. Святилище Нимф (Нимфей) в Аполлонии в Эпире	35
Кудрявцев А. А. Власть и общество в истории феодального Дербента арабского времени (VIII – начало X вв.)	39
Лагошина Н. А. Уголовное законодательство XVIII в.: изменение места и роли католиков в ирландском обществе	48
Маркова Д. К. Влияние внешнеполитических факторов на северокавказскую политику Российской империи в первое десятилетие XIX века	54
Мирошников А. В. Герои и мученики. Символы ирландского национализма	60
Надолинская А. И. «Зеленая» и «Белая книга» как первые попытки налаживания переговорного процесса в рамках Ольстерского кризиса	67
Наумова Н. А. Состояние экономики и внешней торговли Хорасана и Южной Персии накануне Первой мировой войны в донесениях российских дипломатов (на примере генерального консульства в Мешхеде и вице-консульства в Бендер-Бушире)	73
Панарин А. А. Роль сельскохозяйственной кооперации в снабжении средствами производства сельского населения Северного Кавказа в 1925–1927 гг.	80
Петришина И. Д. Переселенческое движение крестьян Центрального Черноземья в 1920-е годы	87
Тахушева И. С. Российские периодические издания XIX в. в историографическом пространстве Северного Кавказа (по материалам журнала «Современника»)	99
Тихонов Р. В. Александрия Оксианская: историографический аспект	107
Чикаидзе Ц. М., Тедеева У. Ш. Ближний Восток (1945–1950-е гг.): устремления сторон	113
Шимон А. От неприятия к примирению первые годы венгерского меньшинства в составе Чехословакии (1919–1925 гг.)	121

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бишель А. О. Перспективы развития финансово-правового регулирования деятельности банков с базовой лицензией	135
Бычко М. А., Комаревцева И. А. Институт отказа от наследства: история становления и развития	142
Гаджиев Т. Ф. Особенности валютно-правового статуса международных компаний в РФ	148
Солдаткина О. Л. Стратегические направления развития в сфере цифровизации права как приоритеты информационно-правовой политики	154
Суменкова М. В. Дуализм экономических и демографических интересов государства в контексте регулирования алкогольного рынка: история и современность	161
Темрезов Т. Б. Цели наличия пределов в праве: теоретические и практические аспекты	168

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горжая А. А. Психологическая женская проза как объект исследования	175
Грязнова В. М. Специфика словообразования местоименной лексики в говоре старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края	182
Ковалев Н. С. Переходность слов-предложений: аспекты современной русской коммуникативной динамики	188
Марченко Т. В. Интермедийность, интертекстуальность, интердискурсивность: коррелятивность понятий в аспекте исследований дискурса массмедиа	196

Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Лингвистическое портретирование пандемии COVID-19 в прессе России и Германии	202
Яковлева Е. В. Переводческая специфика полисемантов в общественно-политических текстах	210

РЕЦЕНЗИИ

Невская Т. А. Северный Кавказ глазами пастыря. («Биографические материалы. К 100-летию блаженной кончины Высокопреосвященнейшего Агафодора (Преображенского) архиепископа Ставропольского и Кавказского». В 2-х т. – Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2019)	217
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Елены Вячеславовны Галкиной (1976–2020)	220
--	-----

CONTENTS

HISTORY

Baranov A. The Arab's «peace plan» on Syria on the pages of «Al-Sharq Al-Awsat»	8
Vaskina D. Nomadic peoples of the North Caucasus at the beginning of the 20th century	16
Nikolay V. Weimar Republic in the dialectic theology of Friedrich Gogarten	23
Volodkova E. The development of vocational education in Stavropol province in second half of XIX century (by the example of Stavropol Mikhailovsky vocational school)	28
Kazarov S. The sanctuary of Nymphs (Nympheum) in Apollonia in Epirus	35
Kudryavtsev A. Power and society in the history of feudal Derbent in the Arab Period (VII – early X centuries)	39
Lagoshina N. Penal law in the 18th century: changing the place and role of Catholics in Irish society	48
Markova D. The influence of foreign policy factors on the north Caucasus policy of the Russian empire in the first decade of the XIX century	54
Miroshnikov A. Heroes and martyrs. Symbols of Irish nationalism	60
Nadolinskaya A. “Green” and “White paper” as the first attempts of the negotiating process within the framework of Ulster crisis	67
Naumova N. The state of the economy and foreign trade of Khurasan and South Persia on the eve of World War I in the reports of Russian diplomats (the case of consulate general in Meshed and vice-consulate in Bandar Bushehr)	73
Panarin A. Role of agricultural cooperation in supplying agricultural population with the means of production in the North Caucasus in 1925–1927	80
Petrishina I. Migration movement of the peasants in the Central Black Earth Region in 1920s	87
Takhusheva I. Russian periodic editions of the 19th century in the historiographic space of the North Caucasus (according to the materials of “Sovremennik”)	99
Tikhonov R. Alexandria Oxiana: historiographic aspect	107
Chikaidze Ts., Tedeeva U. Middle East vector in the policy of the leading world powers	113
Simon A. From refusal to acceptance: the first years of Hungarian minority in Czechoslovakia (1919–1925)	121

LEGAL SCIENCES

Bishel' A. Prospects for the development of financial and legal regulation of banks with a basic license	135
Bychko M., Komarevtseva I. The institution of renunciation of inheritance: history of formation and development	142
Gadzhiev T. Peculiarities of currency and legal status of international companies in the Russian federation	148
Soldatkina O. Strategic directions of development in the field of digitalization of law as priorities of information legal policy	154
Sumenkova M. Dualism of economic and demographic interests of the state in the context of alcoholic market regulation: history and present	161
Temrezov T. Objectives of extent limits in law: theoretical and practical aspects	168

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gorzhaya A. Psychological female prose as an object of research	175
Gryaznova V. The specifics of word-formation pronominal vocabulary in the dialect of old believers Nekrasov Cossacks in Stavropol krai	182
Kovalev N. Transition of sentence words: aspects of modern Russian communicative dynamics	188
Marchenko T. Intermediality, intertextuality, interdiscursivity: correlation of notions in the light of mass media discourse studies	196
Serebriakova S., Milostivaya A. Linguistic portraiture of the COVID-19 pandemic in the press of Russia and Germany	202
Yakovleva Y. Translation peculiarities of polysemantic words in socio-political texts	210

REVIEW

Nevskaya T. North Caucasus with the eyes of the Shepherd. Book review: Biographic materials to the 100th anniversary of the blessed end of the highly consolidated Agafodor (Transfigured) archiepiscopus of Stavropol and Caucasus. In 2 Vols. Stavropol: Stavropol theological seminar, 2019 . 217

OBITUARIES

In memoriam of Elena Vyacheslavovna Galkina (1976–2020) 220

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(569.1)2011]:070

А. В. Баранов

АРАБСКИЙ «МИРНЫЙ ПЛАН» ПО СИРИИ НА СТРАНИЦАХ «АШ-ШАРК АЛЬ-АУСАТ»

События «Арабской весны» 2011 г. на Ближнем Востоке вызвали изменение баланса силы в традиционной системе региональной безопасности. Саудовская Аравия, претендующая на роль региональной державы, закономерно попыталась воспользоваться складывавшейся ситуацией, в ходе обострившего противостояния в Сирии между правительством Башара аль-Асада и оппозицией. Воздерживаясь от открытого вмешательства во внутренние дела Сирии, Саудовская Аравия активно прибегает к «информационному противостоянию» в медиaprостранстве, задействуя мощные ресурсы. Одним из таких инструментов влияния на мировое общественное мнение является газета «Аш-Шарк Аль-Аусат», отражающая официальную политику Королевства Саудовская Аравия.

В статье, на основе материалов газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат», анализируется восприятие и реакция на предложенный в конце 2011 г. Лигой Арабских Государств «мирный план» по урегулированию конфликта в Сирии. Анализируется отбор и подача материала в описании происходящих событий газетой, связанных с об-

суждением и принятием данного плана, деятельностью миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии, и реакция на эту деятельность представителей сирийской оппозиции, информационным рупором которой и стала «Аш-Шарк Аль-Аусат».

На основе анализа, делаются выводы о том, что редакционная политика газеты была направлена на формирование у арабского и мирового общественного мнения негативного имиджа президента Башара аль-Асада как «кровавого» диктатора, с которым недопустимо вести переговоры, отстаивается позиция «жесткого» подхода и решительных действий, направленных на свержение сирийского режима. Фактически, Саудовская Аравия, посредством данного медийного инструмента активно влияла на общественное мнение, подготавливая его к активной фазе своего участия в урегулировании сирийского кризиса после 2011 г.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабская мирная инициатива по Сирии, «Арабская весна», Сирия, Саудовская Аравия, Аш-Шарк Аль-Аусат.

AAlexey Baranov

THE ARAB'S «PEACE PLAN» ON SYRIA ON THE PAGES OF «AL-SHARQ AL-AWSAT»

The events of the Arab Spring 2011 in the Middle East caused a change in the balance of power in the regional security system. Saudi Arabia, claiming to be a regional power, naturally tried to take advantage of the current situation during the aggravated confrontation in Syria between the government of Bashar al-Assad and the opposition. Refraining from open interference in the internal affairs of Syria, Saudi Arabia is actively resorting to “information confrontation” in the media. One such instrument of influence on world public opinion is the «Al-Sharq Al-Awsat» newspaper, which reflects the official policy of the Kingdom of Saudi Arabia.

The article, based on the materials of the «Al-Sharq Al-Awsat» newspaper, which is projecting the official Saudi Arabian politics to the world community, analyzes the perception and reaction to the «peace plan» proposed by the League of Arab States at the end of 2011 to resolve the conflict in Syria. It analyzes the selection and presentation

of material in the description of the events of the newspaper related to the discussion and adoption of this plan, the activities of the mission of the LAS observers in Syria, and the reaction to this activity of the representatives of the Syrian opposition, whose information mouthpiece was «Al-Sharq Al-Awsat».

Based on the analysis, it is concluded that the editorial policy of the newspaper was aimed at creating a negative image of President Bashar al-Assad among the Arab and world public opinion as a «bloody» dictator with whom it is unacceptable to negotiate, the position of a «tough» approach and decisive actions aimed at overthrowing the Syrian regime. In fact, Saudi Arabia, through this media tool, actively influenced public opinion, preparing it for the active phase of its participation in resolving the Syrian crisis after 2011.

Key words: Middle East, «Arab peace initiative», Arab Spring, Syria, Saud Arabia, «Al-Sharq Al-Awsat» newspaper.

«Сирийская весна» 2011 г. очень быстро перешла в стадию «горячего» конфликта, несмотря на все усилия сирийских властей не допустить его перерастания из мирных акций протеста в состояние гражданской войны. Не последнюю роль в эскалации сыграли и внешние силы, в первую очередь, ближайшие соседи Сирии. Сирийская оппозиция получила поддержку со стороны Турции, на территории которой шел процесс консолидации разномастных оппозиционных группировок, а также Катара и Королевства Саудовская Аравия (КСА). Именно благодаря стараниям этой «тройки» внутрисирийский кризис вышел на региональный, а затем и глобальный уровень.

Саудовская Аравия, заняв выжидательную позицию в начале массовых акций протеста в регионе, получивших название «Арабской весны», впоследствии стала позиционировать себя как ведущую силу, стремящуюся стать региональным арбитром в различных конфликтных ситуациях. КСА стало активно вмешиваться в дела соседних арабских стран, которые были охвачены лихорадкой «Арабской весны». Речь идет, в первую очередь, о Бахрейне, Египте и Йемене. Сирия, по целому ряду причин, также оказалась в фокусе политических интересов Эр-Рияда, что усиливалось противостоянием с Ираном, который имел стратегические отношения с Дамаском.

Для продвижения своих интересов в регионе и мире, КСА активно прибегало к информационным технологиям, используя СМИ, как пропагандистский рупор для объяснения и разъяснения официальных заявлений саудовских властей. В распоряжении властей Королевства Саудовская Аравия имеется мощный инструмент воздействия на мировое и региональное общественное мнение в виде одного из ведущих арабо и англоязычных ресурсов мира – газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» (араб. «Ближний Восток»). Кстати сказать, правящая фамилия Саудовской Аравии до сих пор сохраняет доминирующую позицию в управлении кампании, которая на сегодняшний день превратилась в мощный медиа-холдинг. С 2002 г. административный совет медиа-холдинга возглавляет саудовский принц Фейсал ибн Салман ибн Абдель Азиз Аль Сауд, сын правящего с 2015 г. короля Саудовской Аравии Салмана ибн Абдул-Азиза Аль Сауда.

Газета «Аш-Шарк Аль-Аусат» подробно освещала события «Сирийской весны», предоставив свои страницы представителям сирийской оппозиции. Редакторская политика газеты, шла в русле государственной политики КСА, в полной мере отражая подходы противников сирийского режима, в негативных красках описывая действия официальных властей Сирии. Внеся свою лепту в создание отрицательного образа кровавого режима Башара аль-Асада, «Аш-Шарк Аль-Аусат» в своей редакционной статье от 28 сентября 2011 года констатировала факт перерастания мирных протестов в вооруженное восстание.

Констатируя факт начала вооруженного восстания против режима, «Аш-Шарк Аль-Аусат»

приветствовала завершение формирования в Стамбуле 2 октября 2011 г. Сирийского национального совета (СНС), который должен был стать представительным органом сирийской оппозиции и альтернативным представителем сирийского народа на мировой арене.

Скатывание Сирии в фазу гражданского конфликта не могло не беспокоить, в первую очередь, страны региона, которые были объединены в Лигу арабских государств (ЛАГ). Сирия впервые попала в фокус ЛАГ еще 27 августа 2011 г., когда был поднят вопрос о реакции организации на происходящие события в стране. В результате рабочего визита генсека ЛАГ Набиля аль-Араби 10 сентября в Дамаск, после встречи с Башаром аль-Асадом, было заявлено о согласовании общей позиции по урегулированию кризиса в Сирии. Как заявил аль-Араби, он планирует представить согласованные меры на обсуждение глав МИД стран-членов ЛАГ, которые соберутся в Каире 13 сентября 2011 г. «Я сфокусировался на важности открытия национального диалога, который охватит всех представителей на основе национального примирения, в котором ЛАГ будет играть важную роль», заявил он по возвращении в Каир. Правда, деталей он не сообщил [20].

Однако на саммите 13 сентября, по признанию «Аш-Шарк Аль-Аусат», достичь консолидированной позиции по Сирии членам ЛАГ не удалось. Дело в том, что умеренный подход генсека ЛАГ, строился на возможности ведения переговоров с режимом в Дамаске.

В качестве альтернативного подхода к решению сирийского кризиса, «Аш-Шарк Аль-Аусат» привела точку зрения сирийских «братьев-мусульман» (БМ), являвшихся ведущей политической силой внутри сирийской оппозиции, за которой стояли Турция и Катар. Али Садреддин аль-Баянуни (Абу-Анас), экс глава сирийских БМ, с 2000 г. живший в Лондоне и представлявший БМ на встречах оппозиции в Стамбуле, заявил 20 сентября 2011 г.: «Мы не принимаем ничего, кроме свержения существующего режима. Мы не принимаем и не примем идеи о совместном разделении власти с режимом Башара аль-Асада. Мы отрицаем любую возможность примирения с режимом аль-Асада, даже при посредничестве Турции и благословении США. Это невозможно» [21].

«Аш-Шарк Аль-Аусат» оказалась на стороне радикально настроенной оппозиции, которая в стычки встретила инициативу генсека ЛАГ о возможных переговорах с сирийской властью. Ссылаясь на заявления главы ССА (Сирийской свободной армии) Рияда аль-Ассада, призвавшего сирийский народ «быстрее подыматься и становиться сильнее», он пообещал народу скорое падение режима, «очень скорое, и судьба лидера будет той же, что и судьба Каддафи, перебегающего с одного места на другое» [12]. Он выразил надежду, что мир «займет более твердую позицию в отношении сирийского режима», добавив, что режим – «это правящая банда», и ССА отвергает любое внешнее вмешательство, призывая ввести

эмбарго на поставку оружия режиму. Этот режим можно свергнуть только силой, мирными акциями протеста этого не добиться, заявил аль-Асад.

Поэтому сторонники жестких мер давления на сирийский режим, объединившиеся вокруг стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), где главные роли играли КСА и Катар, смогли провести, или даже провалить, на встрече глав МИД ЛАГ 16 октября предложение о приостановке членства Сирии в составе ЛАГ в качестве карательной меры в случае не выполнения рекомендаций «арабской мирной инициативы», которая официально была обнародована ЛАГ 31 октября 2011 г. Решение ЛАГ было принято несмотря на то, что ведущая сирийская оппозиционная организация в лице СНС, в своем официальном заявлении от 26 октября отвергла возможность национального диалога с властями, пока продолжаются силовые акции по подавлению протестов в стране. СНС призвала незамедлительно ввести в страну наблюдателей от ЛАГ и международных организаций.

А представитель Катара в ЛАГ глава МИД Шейх Хамад бин Джасем аль-Тани, стремясь продемонстрировать Дамаску всю серьезность ситуации, перешел к прямым угрозам, заявив, аль-Асад рискует столкнуться с международной интервенцией, если продолжит силовое подавление протестов. «Весь регион рискует оказаться в эпицентре шторма» [10], заявил он после трехчасовой встречи с сирийской делегацией. При этом, как подчеркивает «Аш-Шарк Аль-Аусат» контакты ЛАГ с Дамаском проходят на фоне организованной оппозицией кампании с требованием от ЛАГ заморозить членство Сирии в этой организации, которые начались в Сирии 30 октября 2011 г. В результате столкновений 28 и 29 октября 2011 г. в Сирии погибло около 100 человек, из них 30 – военнослужащие и полицейские. По количеству жертв, это самые кровавые дни за все время сирийской революции с марта 2011 г.

Принятие Дамаском «арабской мирной инициативы», о чем генсек ЛАГ сообщил 2 ноября 2011 г., было встречено с плохо скрываемым скептицизмом со стороны «Аш-Шарк Аль-Аусат», которая в своих сомнениях о неспособности Башара аль-Асада выполнить взятые на себя обязательства.

Аналитик и экс-редактор «Аш-Шарк Аль-Аусат» Тарик аль-Хамид, комментируя факт заключения соглашения по перемирию в Сирии, заявил, что инициатива ЛАГ в отношении Сирии, это ни что иное как попытка спасти аль-Асада. И это не преувеличение. Это подтверждается тем фактом, что с момента объявления аль-Асадом о принятии арабской инициативы, ничего не изменилось на местах. Сирийцы по-прежнему продолжают погибать, а армия и шабиха так и не выведены с улиц городов [6]. В этом отношении, по мнению экспертов «Аш-Шарк Аль-Аусат» принятие 12 ноября на экстренном саммите ЛАГ решения о «замораживании» членства Сирии в этой организации, полностью оправдывается предыдущими предупреждениями

о не договороспособности сирийского режима. Глава специального комитета ЛАГ по Сирии глава МИД Катара Шейх Хамад бин Джасем аль-Тани напрямую обвинил Дамаск в том, «что Сирия не уважает свои обязательства», поэтому «арабский министерский комитет соберется вновь и примет все необходимые решения» [11].

Главным виновником срыва перемирия в Сирии стал сирийский режим и Башар аль-Асад, в отношении которого стали звучать призывы к его отставке. Первым это сделал иорданский король Абдалла II в интервью BBC 14 ноября 2011 г., когда призвал аль-Асада уйти. А глава МИД Турции в тот же день Ахмет Давутоглу заявил, что его страна будет занимать «решительную позицию» и продолжит поддерживать сирийскую оппозицию. К хору сторонников скорейшей отставки аль-Асада примкнула и КСА, когда в Вашингтоне 15 ноября, саудовский принц Турки аль-Фейсал, бывший глава службы разведки, заявил: «Я думаю, это неизбежно, что аль-Асад уйдет в той или иной форме» [22]. Приводя подобную информацию, «Аш-Шарк Аль-Аусат» стремилась создать ощущение полной внешнеполитической изоляции режима, которому осталось совсем не много времени до падения.

Однако сторонники решительных мер против режима Башара аль-Асада столкнулись с чередой объективных преград. На фоне очередных заявлений сирийской оппозиции о полном отказе от диалога с режимом, так как «было бы глупо со стороны оппозиции вступать в диалог в каком-либо виде, с режимом аль-Асада, так как не может быть никакого диалога только как по вопросу передачи власти и прекращения кровопролития» [23], последовал ряд неприятных заявлений, в частности, со стороны Вашингтона. Госсекретарь США Х. Клинтон выразила опасение, что страна может скатиться в гражданскую войну. Поэтому она выступила против международного вмешательства по «ливийскому сценарию», отдав приоритет в действиях ЛАГ и Турции. МИД Франции и Великобритании также высказались за поддержку оппозиции и ужесточение санкционного давления, но ни слова в пользу вооруженного вмешательства.

К тому же 22 ноября 2011 г. Махер аль-Наими, официальный спикер ВС ССА в Сирии, признал факт неспособности частей ССА проводить какие-либо наступательные операции против правительственных войск САА. Правительственные войска, несмотря на массовые факты дезертирства, продолжают сохранять боеспособность, обладая подавляющим техническим и огневым преимуществом. Аль-Наими уверен, что никакие наступательные операции со стороны ССА будут невозможны до тех пор, пока не будут созданы, при международной поддержке, бесполетная и буферная зоны в приграничных районах Сирии. К тому же, по сведениям ССА, на помощь САА стали приходить шиитские добровольцы из соседних стран – Ирака, Ливана и Ирана.

Все вышеперечисленное заставляло обратить пристальное внимание на консолидацию между-

народной поддержки действиям оппозиции на мировой арене. Однако, не считая громких заявлений со стороны Анкары, когда Реджеп Т. Эрдоган сравнил Башара аль-Асада с Гитлером, Муссолини, Николае Чаушеску и Каддафи, подчеркнув, что у всех был трагический конец [24], никакой действенной поддержки получить не смогли. Так как разработанный «шестеркой» ЛАГ (КСА, Катар, Иордания, Марокко, Бахрейн и Кувейт) проект резолюции по Сирии, был заветирован в СБ ООН Россией и Китаем, а одобренный ГА ООН проект по Сирии, как известно, не имеет обязательств к исполнению, и носит декларативную форму.

Анализируя сложившуюся ситуацию в регионе, в целом, и в Сирии, в частности, Шади Хамид, старший научный сотрудник Центра Брукинга в Дохе (Катар), говорит о складывании новых политических реалий [9]. Для США, которые долгое время выполняли роль главной силы совместно с суннитскими монархиями Залива, потеряли своих старых союзников, типа Хосни Мубарака, создает новые возможности, а также, и вызовы. «Арабская весна» пошла по пути уменьшения внешнего влияния в пользу влияния региональных держав. И главным победителем в данной ситуации выступает Турция. Позиция занятая Турцией в сирийских событиях позволяет говорить о поддержке ею демократических революций в регионе. «Турция встала на сторону демократии. Она встала на правильную сторону истории», говорит Хамид. «Турция уже не просто региональная сила, она региональная суперсила». И свержение Башара аль-Асада в Сирии еще больше укрепит роль Анкары как региональной суперсилы.

Крушение режима аль-Асада в Сирии, нанесет сокрушительный удар по «шиитской оси» во главе с Ираном, куда также входят ливанская Хезбалла и Сирия. «Эра иранского доминирования подошла к концу», констатирует эксперт. Пока только КСА находится в состоянии выживания. Саудовская Аравия является суннитским соперником Турции в регионе. «Саудовская Аравия очень сильно настроена на сохранение статус-кво в регионе», уверен Хамид, правда, пока власти Эр-Рияда присматриваются к происходящему, они не успевают за инициативами Анкары. Но КСА может потеснить Турцию, если ситуация в Сирии продолжит ухудшаться, появится шанс к апелляции к мировому сообществу, которое будет вынуждено занять более жесткую позицию в отношении сирийского режима, вплоть до вооруженной интервенции.

Поэтому «Аш-Шарк Аль-Аусат» приветствовала решение ЛАГ, принятое 17 декабря на саммите в Дохе (Катар) о передаче сирийского досье на рассмотрение в СБ ООН. По словам катарского МИД Шейха Хамада бин Джассема Аль-Тани, Дамаск всячески «затягивает» с решением о принятии предложения ЛАГ об отправке наблюдательной миссии в Сирию. Поэтому, на следующей встрече глав МИД стран ЛАГ в Каире 21 декабря будет рассмотрен текст проекта, который будет вынесен на обсуждение. Однако внесение Росси-

ей своего проекта резолюции по Сирии, который обсуждался 19 декабря, привело к тому, что Дамаск согласился с положениями «арабской мирной инициативы», что оказалось полной неожиданностью для противников аль-Асада.

Прибытие миссии наблюдателей ЛАГ в Сирию с 22 декабря 2011 г. должно было запустить процесс национального диалога между властью и оппозицией, и положить конец кровопролитию при посредничестве ЛАГ, где возобладала позиция «умеренных» во главе с генсеком ЛАГ Набилем аль-Араби, представлявшего в организации Египет. Также против жестких мер выступал целый ряд стран, таких как Ирак, Ливан, Йемен и Алжир. В противовес заявлению генсека ЛАГ о начале деятельности миссии наблюдателей, страны-члены ССАГПЗ, по инициативе Катара и КСА, выступили с предупреждениями в отношении Дамаска, призвав сирийские власти к незамедлительному прекращению действия своей «машин убийств» [14], а своего главного соперника в регионе – Иран, прекратить вмешиваться во внутренние дела соседних государств. Для координации совместных действий, члены организации призвали к налаживанию военных интеграционных связей в качестве первого шага на пути формирования единого союза.

«Аш-Шарк Аль-Аусат» выступила с жесткой критикой деятельности миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии и лично главы миссии суданского генерала Мохаммада аль-Даби. Во-первых, режим не смог обеспечить безопасность в стране, когда 23 декабря в Дамаске произошло два теракта, в которых погибло 44 человека и 166 были ранены. Комментарии были сведены к тому, что теракты были совершены специально правительственными спецслужбами, чтобы продемонстрировать, что за насильем в стране стоят исламские террористы, с которыми режим и ведет борьбу.

Однако дальше всех в обвинениях о причастности власти к взрывам в Дамаске пошел Тарик аль-Хамид в своей статье, где напрямую заявил о наличии сговора между Дамаском и аль-Каидой. В качестве доказательств он привел наличие имеющихся, по данным американских спецслужб, контактов между Тегераном и аль-Каидой. Тем более, как стало известно от ССА, она задержала пять иранских граждан в Хомсе, «которые на самом деле не инженеры, а снайперы. И после всего этого, как может режим аль-Асада утверждать, что аль-Каида стоит за взрывами в Дамаске!» [3], возмущается он. По словам аль-Хамида, это все фарс, инсценировка властей страны, начиная от миссии наблюдателей ЛАГ и до взрывов в Дамаске, чтобы продлить еще на короткий срок свое пребывание у власти.

Из комментариев, присутствующих в статьях экспертов «Аш-Шарк Аль-Аусат», делался главный вывод о скором и неизбежном падении режима Башара аль-Асада, режим, который терпит поражение за поражением как внутри страны, так и на мировой арене. Следовательно, прибытие миссии ЛАГ, в рамках реализации положе-

ний «арабской мирной инициативы», есть ни что иное, как стремление режима выиграть себе немного времени. Так, один из комментаторов, Абдулрахман аль-Рашид [7] призывает читателей не верить тем, кто утверждает, что падение режима аль-Асада приведет к хаосу весь регион, что он погрузится в пучину региональных конфликтов. Они якобы говорят о региональных амбициях Турции и Ирана, которые среди прочих, могут привести к новому противостоянию в рамках всего региона. «Однако я не поддерживаю подобные мысли. Я уверен, что турки будут заниматься своими внутренними проблемами, к тому же у них нет экспансионистских амбиций. Что же касается иранцев, то сегодня они очень слабы для того, чтобы начинать региональные войны. Они скорее боятся коллапса режима аль-Асада из-за возможного влияния на свою внутреннюю ситуацию в стране». И чем скорее режим аль-Асада падет, тем быстрее регион сможет вернуться к стабильности и безопасности.

Критика действий миссии наблюдателей ЛАГ возросла после первых заявлений Мохаммеда аль-Даби, положительно отозвавшегося о стремлении сирийских властей содействовать выполнению своих задач миссией наблюдателей и назвавшего ситуацию в Хомсе, оплоте сирийской оппозиции, «вполне обнадеживающей». В качестве демонстрации истинного положения дел на местах, «Аш-Шарк Аль-Аусат» приводит информацию своих нештатных корреспондентов из Идлиба, где, якобы, прибывшую миссию ЛАГ встречали тысячи манифестантов, собравшиеся на площади города, и скандировавший: «Народ хочет освободить страну», «Народ хочет твоей казни, Башар», «Мы не простим тебе кровопролития» и т.д. [18].

Поступавшая таким образом информация, давала повод для обвинения членов миссии и ее руководителя в намеренном искажении состояния дел внутри страны. По словам Тарика аль-Хамида, члены миссии не наблюдатели, с правами и обязанностями, а «простые зрители». Высказывания главы миссии подрывают всю суть деятельности этого органа. По мнению аль-Хамида, то, что происходит в Сирии не требует делегаций и наблюдателей, требуются реальные меры по остановке машины убийств аль-Асада. Поведение главы миссии он назвал стремлением выслужаться перед режимом. «Сегодня сирийцам нужна не эта миссия призраков, им нужна буферная зона и бесполетная зона под зонтиком СБ ООН или другой организации». И не надо беспокоиться что сделают или скажут русские, которые уже призвали аль-Асада к сотрудничеству с миссией наблюдателей. Сирийцам нужно помочь перевернуть эту гнетущую страницу в их истории, и в истории всего региона. «Нам нужен смелый арабский подход», заявил в заключение аль-Хамид [5].

Этот подход, по мнению обозревателей «Аш-Шарк Аль-Аусат» должен заключаться в поднесении обществу честной и правдивой информации о происходящем в Сирии. А в случае

с деятельностью миссии ЛАГ, происходит все наоборот. Власти Сирии стремятся умышленно запутать и сбить с толку мировую общественность, искусственно подтасовывая факты. Так по данным оппозиции, режим аль-Асада стремится запутать наблюдателей ЛАГ тем, что они посещают только те территории, жители которых лояльны властям и скандируют лозунги, смущающие наблюдателей. Также активисты сообщают, что войска режима перекрашивают свои бронемшины в синий цвет, выдавая их за полицейский транспорт, тем самым, режим «выполняет» условие о выводе военной техники из жилых кварталов. «Наблюдатели посещают территории лояльные режиму», заявил Рами Абдул-Рахман из Сирийской обсерватории по правам человека (СОПЧ). А другой информатор также сообщал об автобусах, на которых власти подвозят своих сторонников к местам, посещаемые наблюдателями, где те и выступают перед наблюдателями, формируя у тех не правильную картину происходящего в стране [1].

Но, пожалуй, апофеозом возмущения деятельностью миссии ЛАГ можно назвать статью Дианы Мукаллед, где она «раскритиковала» присутствие наблюдателей ЛАГ в Сирии. По ее словам, несмотря на объявленный вывод танков с улиц городов, там «продолжаются расстрелы снайперами и убийства мирных граждан. Наблюдатели больше недели находятся в Сирии, но они не видят то, что видит весь остальной мир на экранах своих ТВ: тела детей, распростертые у дверей своего дома, жертвы пыток и т.д. Почему наблюдатели не слышат жалоб сирийцев на страдания, горе и потери? Разве не должны наблюдатели об этом говорить, документировать и осуждать? Это определенно не говорит об успешности миссии» [15], уверена она.

Главную роль в создании негативной картины происходящего играла сирийская оппозиция. ССА, обвинив правительственные войска в несоблюдении обязательства по прекращению кровопролития в стране, объявила о выходе из состояния перемирия со 2 января 2012 г. Секретарь ВС ССА капитан Аммар аль-Ваби, от лица вооруженной оппозиции, потребовал незамедлительно отозвать миссию наблюдателей ЛАГ из страны, а генсека ЛАГ Набиля аль-Араби «призвал уйти в отставку, так как он своими действиями наносит вред сирийской революции, ЛАГ, и арабским народам требующих свободы, справедливости и демократии» [13].

На таком фоне 7 января 2012 г. в Каире обсуждался предварительный доклад главы миссии ЛАГ Мохаммеда аль-Даби, который министерская встреча ЛАГ признала удовлетворительным и приняла рекомендацию о продолжении деятельности миссии до представления первого официального доклада к 19 января 2012 г.

Естественно, что такое решение ЛАГ не отвечало интересам сирийской оппозиции и их сторонникам. «Аш-Шарк Аль-Аусат» приводит слова представителя СНС Румы Флейхан, заявившей,

что первоначальный текст отчета очень объемный, и им фактически, режим купил себе больше времени. «Но нам нужно знать, что будет делать ЛАГ в случае, если режим и далее продолжит свои силовые действия в присутствии наблюдателей. Остается одно – обратиться к СБ ООН» [8]. К ней присоединился и глава МИД Катара Шейх Хамад бин Джасsem Аль-Тани также заявивший, что миссия в Сирии отклонилась от своих целей, и не может оставаться в Сирии, чтобы «тратить впустую время». По его словам, отправка миссии наблюдателей ЛАГ была «ошибкой», и для объективности необходимо расширить состав миссии за счет приглашения туда представителей западных стран и организаций. Развивая свою мысль далее, шейх Катара, в качестве гаранта безопасности международной миссии наблюдателей и для прекращения кровопролития, предложил отправить в Сирию арабские войска [16]. Однако никаких деталей не последовало. Но был важен сам факт обнародования подобного предложения для выяснения реакции со стороны международного сообщества.

Политический эксперт «Аш-Шарк Аль-Аусат» Тарик аль-Хамид в своей статье дал комментарий на инициативу эмира Катара. По его мнению, ЛАГ расколота по этому вопросу, так как Ирак, Ливан и Алжир не поддерживают этой идеи. С активных позиций внутри ЛАГ выступают только Саудовская Аравия и Катар. Их поддерживает Турция. И роль Турции в этом отношении очень важна. Благодаря ей, считает аль-Хамид, есть возможность для увеличения численности дезертиров из ССА, что ускорит падение режима и прекратит насилие в стране. Увеличение количества дезертиров может привести к военному перевороту против режима аль-Асада, или просто коллапсу всех ВС САР. Но этот вопрос с вводом войск требует международной поддержки, и прежде всего, со стороны арабских стран, которые должны помочь сирийской оппозиции. И помощь должна оказываться не на словах, коих сказано уже много, а на деле. Консолидация поддержки сирийской оппозиции на региональном уровне должны взять на себя Саудовская Аравия, Турция и Катар, при поддержке со стороны американской администрации, а также Франции и Великобритании. Они должны дезавуировать роль Китая и России в ООН и СБ ООН по сирийскому досье.

Поэтому сейчас на повестке стоит вопрос не отправки войск в Сирию, уверен аль-Хамид, а куда более важный вопрос – консолидация поддержки сирийской оппозиции, а затем создание буферной зоны. Если не получится этого сделать через СБ ООН, это может сделать международная коалиция, готовая спасти Сирию, чтобы положить конец зре угнетения не только сирийцев, но и всего региона [4].

Противникам сирийского режима было важно получить одобрение на внешнее вмешательство в дела Сирии на стороне оппозиции. Однако после того, как соответствующие резолюции были отклонены в СБ ООН 18 января и 3 февраля, а на министерской встрече ЛАГ 22 января была

принята резолюция в поддержку действия миссии наблюдателей ЛАГ до 26 февраля 2012 г., вырабатывается решение о формировании некой международной коалиции, которая поставит своей целью оказание поддержки действиям сирийской оппозиции по свержению режима Башара аль-Асада. В знак протеста КСА отозвала своих представителей из миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии. МИД СА Сауд аль-Фейсал объяснил отзыв представителей страны: «Моя страна отзывает своих наблюдателей, потому что сирийские власти не выполнили ни одного условия арабского мирного плана», заявил глава МИД КСА принц Сауд аль-Фейсал на министерской встрече в Каире [17]. 24 января 2012 г. союзники КСА по ССАГПЗ присоединились к демаршу Рияда об отзыве своих представителей в миссии наблюдателей в Сирии. 3 февраля к ним присоединилась Иордания. Деятельность и само существование миссии наблюдателей ЛАГ в Сирии была дискредитирована и фактически «заморожена».

Перед началом министерской встречи ЛАГ в Каире, 21 января 2012 г. боевики оппозиции наводнили пригород Дамаска – Дума, который войска оставили после якобы сильных столкновений с боевиками. После чего вошли в оставленные правительственными войсками еще в три пригородных района столицы – Сакба, Кафр Батна и Джисрин. Действия оппозиции следовали по уже апробированному сценарию. Пользуясь тем, что части ССА, в одностороннем формате, отводились из районов столкновений с вооруженной оппозицией, боевики просто на просто занимали оставляемые ССА районы. Так отряды ССА установили свой контроль над Забадани на границе с Ливаном, несколькими районами города Хомса.

Однако попытка захвата контроля в самой столице заставило правительственные войска ССА начать 26 января 2012 г. полномасштабную операцию по «зачистке» данных районов от боевиков, с применением бронетехники и артиллерии. Боевики ССА в своем обращении выразили сомнение в том, что правительственные войска дадут им возможность закрепиться в захваченных районах столицы. Действительно 30 января армия «зачистила» их от боевиков, но последствия для властей Сирии оказались крайне негативные. ЛАГ 27 января 2012 г. официально уведомила Дамаск о приостановке с 28 января 2012 г. деятельности миссии наблюдателей в Сирии из-за «критически осложнившейся ситуации» в связи с боями сил безопасности с мятежниками в трех пригородных районах Дамаска.

Фактически точка с миссией наблюдателей ЛАГ в Сирии была поставлена еще до формального срока истечения полномочий этой организации 26 февраля 2012 г., и была вызвана официальной отставкой 12 февраля ее главы генерала Мохаммеда аль-Даби. Новый глава назначен не был и пролонгации после 26 февраля не последовало.

По итогам заседания в СБ ООН 4 февраля 2012 г., французский президент Николя Саркози

заявил, что арабские страны должны отойти от своей прежней позиции, так как разговоры о реформах в Сирии так и остались пустыми разговорами, и необходимо поддержать инициативу Франции о создании «французской группы друзей сирийского народа», для чего Париж намерен установить контакты с арабскими и европейскими партнерами с целью поддержки реализации арабского плана, предложенного ЛАГ. Комментируя данную инициативу Н. Саркози, саудовский эксперт Тарик аль-Хамид [2], отметил, что одного шага недостаточно, «Группа друзей сирийского народа» должна пойти дальше и признать легитимность СНС и обеспечить ему всяческую поддержку. Необходимо принять меры для создания безопасных гуманитарных коридоров для мирного населения и безопасных демилитаризованных зон, которые будут обеспечиваться силами арабской коалиции при поддержке мирового сообщества. Арабские страны должны выдворить сирийских послов. Только такими действиями можно попытаться свергнуть тиранический режим в Дамаске.

«Группа друзей сирийского народа» должна объединиться вокруг уже новой инициативы, которая пришла на смену «арабской инициативе». Она была обнародована Катаром и КСА на саммите ЛАГ в Каире 22 января 2012 г. и шла в разрез с принятой резолюцией по Сирии на основании доклада М. аль-Даби. Новая инициатива напоминает «йеменский сценарий», предложенный КСА, для урегулирования политического кризиса в Йемене по вопросу передачи власти президентом страны Али Абдаллой Салехом, который ушел в отставку 27 февраля 2012 г., передав полномочия президента своему заму – вице-президенту на временной основе. В отношении Сирии, попытались осуществить тот же сценарий. Президент Башар аль-Асад отказывается от власти в пользу некой компромиссной фигуры, который будет временно исполнять обязанности главы государства. При нем создается правительство национального единства (ПНЕ), куда входят представители власти и оппозиции. ПНЕ берет на себя обязанности исполнять функции временного правительства, которое должно подготовить и провести свободные парламентские выборы и президентские выборы под арабским и международным контролем.

Дамаск, в лице МИД САР Валида Муаллема, охарактеризовал этот план как «нарушение суверенитета и вмешательство во внутренние дела». Данный план, по его словам, есть очередная

часть «заговора против Сирии, который продолжает осуществляться» [19]. Но это не помешало целому ряду государств, в индивидуальном порядке, высказаться в поддержку этого плана. Именно этот план был предложен генсеку ООН Пан Ги Муну 25 января 2012 г. за подписью генсека ЛАГ Набиля эль-Араби и главы МИД Катара шейха Хамада бин Джассима аль-Тани для внесения в СБ ООН. И после того, как проект резолюции был ветирован Россией и Китаем, он стал основой для программного документа деятельности «Группы друзей сирийского народа», которая провела свою первую встречу в Тунисе 24 февраля 2012 года.

Комментируя итоговый документ встречи – «Тунисскую декларацию», эксперты «Аш-Шарк Аль-Аусат» отмечают важность данного документа для легитимации сирийской оппозиции на международной арене. Согласно тексту декларации, коалиция дает Башару аль-Асаду 72 часа на прекращение кровопролития в стране и позволить гуманитарным организациям оказать помощь населению. В нем также заявляется о признании СНС в качестве легитимного представителя народа Сирии и обещается практическая помощь оппозиции. «Тунисская декларация» призывает поддержать арабскую инициативу, по которой аль-Асад передает власть своему вице-президенту на переходный период. Делается попытка повторить в Сирии «йеменский вариант» с уходом Салеха и передачи власти его помощнику.

Таким образом, подводя итоги по краткому периоду существования «арабской мирной инициативы», можно с уверенностью говорить об изначально негативной оценке данного плана со стороны Саудовской Аравии, транслятором которой и выступала газета «Аш-Шарк Аль-Аусат». Из номера в номер основным рефреном звучала идея изначальной обреченности инициативы, так как режим Башара аль-Асада строился на диктатуре и насилии по отношению к сирийскому народу. Поэтому официальные власти Эр-Рияда и стремились позиционировать себя в качестве защитника интересов сирийского народа от преследований со стороны «кровавого диктатора» аль-Асада. Тем более, что во всем регионе шла волна антиправительственных манифестаций под лозунгами расширения демократических прав и свобод, а Саудовская Аравия стремилась, тем самым, возглавить эти движения, закрепив за собой статус регионального лидера.

Источники и литература / References

1. Activists: Syrian regime misleading Arab observers // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 4. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/activists-syrian-regime-misleading-arab-observers> (Accessed: 04.01.2012).
2. Alhomayed T. Horror is hereditary in Syria // Asharq Al-Awsat. 2012. Feb 06. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/tariq-alhomayed/opinion/horror-is-hereditary-in-syria> (Accessed: 06.02.2012).
3. Alhomayed T. Is Al Qaeda supporting Al Assad? // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 25. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/tariq-alhomayed/opinion/is-al-qaeda-supporting-al-assad> (Accessed: 25.12.2011).
4. Alhomayed T. Sending Arab troops to Syria // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 16. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/tariq-alhomayed/opinion/sending-arab-troops-to-syria> (Accessed: 16.01.2012).
5. Alhomayed T. Syria: finally a genuine observer // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 1. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/tariq-alhomayed/opinion/syria-finally-a-genuine-observer> (Accessed: 01.01.2012).

6. Alhomayed T. Why is it an initiative to save al-Assad? // Asharq Al-Awsat. 2011. Nov. 6. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/tariq-alhomayed/opinion/why-is-it-an-initiative-to-save-al-assad> (Accessed: 06.11.2011).
7. Al-Rashed, A. The debate surrounding the ouster of the al-Assad regime // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 30. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/abdul-rahman-al-rashed/opinion/the-debate-surrounding-the-ouster-of-the-al-assad-regime> (Accessed: 30.12.2011).
8. Arab monitors "buy time" for Assad-Syria opposition // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 9. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/arab-monitors-buy-time-for-assad-syria-opposition> (Accessed: 09.01.2012).
9. Arab uprisings redefine geopolitics in Middle East // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 16. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/arab-uprisings-redefine-geopolitics-in-middle-east> (Accessed: 16.12.2011).
10. Arabs reveal Syria plan as NATO rejects intervention // Asharq Al-Awsat. 2011. Oct. 31. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/arabs-reveal-syria-plan-as-nato-rejects-intervention> (Accessed: 31.10.2011).
11. Arabs to meet on Syria failure to honour peace plan // Asharq Al-Awsat. 2011. Nov. 6. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/arabs-to-meet-on-syria-failure-to-honour-peace-plan> (Accessed: 06.11.2011).
12. Asharq Al-Awsat visits the Free Syrian Army // Asharq Al-Awsat. 2011. Oct. 9. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/features/asharq-al-awsat-visits-the-free-syrian-army> (Accessed: 09.10.2011).
13. FSA gives Syrian security forces 4-day ultimatum // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 4. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/fsa-gives-syrian-security-forces-4-day-ultimatum> (Accessed 04.01.2012).
14. Gulf states issue warnings to Syria and Iran // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 20. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/gulf-states-issue-warnings-to-syria-and-iran> (Accessed: 20.12.2011).
15. Moukalled D. What are the Arab observers doing? // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 5. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/diana-moukalled/opinion/what-are-the-arab-observers-doing> (Accessed 05.01.2012).
16. Qatar emir suggests sending Arab troops to Syria // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 14. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/qatar-emir-suggests-sending-arab-troops-to-syria> (Accessed: 14.01.2012).
17. Saudi withdraws Syria monitors, urges world pressure // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 22. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/saudi-withdraws-syria-monitors-urges-world-pressure> (Accessed: 22.01.2012).
18. Seventeen dead as Syrians stage mass protests // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 30. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/seventeen-dead-as-syrians-stage-mass-protests> (Accessed: 30.12.2011).
19. Syria rejects new Arab League plan to end crisis // Asharq Al-Awsat. 2012. Jan 23. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syria-rejects-new-arab-league-plan-to-end-crisis> (Accessed: 23.01.2012).
20. Syria, Arab League "agree reforms" as killings go on // Asharq Al-Awsat. 2011. Sep. 11. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syria-arab-league-agree-reforms-as-killings-go-on> (Accessed: 11.09.2011).
21. Syria's Muslim brotherhood: No dialog with regime // Asharq Al-Awsat. 2011. Sep. 20. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrias-muslim-brotherhood-no-dialog-with-regim> (дата обращения: 20.09.2011).
22. Syrian army defectors attack security complex // Asharq Al-Awsat. 2011. Nov. 16. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-army-defectors-attack-security-complex> (Accessed: 16.11.2011).
23. Syrian opposition reject talks with Al-Assad regime // Asharq Al-Awsat. 2011. Nov. 17. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-opposition-reject-talks-with-al-assad-regime> (Accessed: 17.11.2011).
24. Turkey premier urges Syrian president to step down // Asharq Al-Awsat. 2011. Nov. 22. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/turkey-premier-urges-syrian-president-to-step-down> (Accessed: 22.11.2011).

Сведения об авторе

Баранов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, руководитель НОЦ «Востоковедения и иранистики» (Саратов) / baranovav@mail.ru

Information about the author

Baranov Alexey – PhD in History, Associate Professor, Chair of World history, Institute of History and International Relations, Saratov State University (Saratov) / baranovav@mail.ru

УДК 94(47).083

Д. С. Васкина

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена кочевым народам Северного Кавказа в начале XX века. Актуальность определяется возросшим научным интересом к малоизученной теме и проблемам региональной истории. Среди них: взаимодействие органов государственной власти и населения в решении задач, стоявших перед ними в XIX – начале XX вв., взаимоотношения между народами. В статье подчёркивается, что к началу XX в. кочевые народы юга России всё органичнее входили в общероссийский рынок, прослеживается приобщение калмыков, ногайцев и туркмен к оседлости, к общегосударственным делам. Это особенно наглядно проявилось во время русско-японской и Первой мировой войн начала XX века. Основное внимание в статье уделено трём кочующим народам – калмыкам, ногайцам и туркменам, большая часть которых была сосредоточена в Большедербетовском, Ачикулакском, Туркменском приставах Ставропольской губернии и ногайцы в Караногайском приставстве Терской области. В статье показывается формы участия инородцев в русско-японской и Первой мировой войнах. Будучи освобождёнными от воинской повинности, кочевники внесли свой вклад в оказании помощи действующей армии финансовыми средствами, продовольствием, поставками конского поголовья,

в открытии лечебных учреждений для больных и раненых воинов. Это подтверждается конкретными примерами, цифрами. Большое внимание уделено национальной политике российского государства, в частности восстанию в 1916 г. в Караногайском приставстве Терской области. В статье показывается положение кочевых народов в российском государстве и подчёркивается, что своё равноправие они обрели только после свержения самодержавия в ходе революций 1917 г.

Научная новизна статьи заключается в комплексном изучении участия кочевых народов Северного Кавказа в войнах начала XX века. Проблема в такой постановке рассматривается впервые. Автор показывает, что в изучаемый период правительственная политика оказала существенное воздействие на переход калмыков, ногайцев и туркмен к оседлости, которая повлияла на экономическое развитие кочевников: становление крупных животноводческих хозяйств, увеличение распахки земли и т.д. В то же время, по мнению автора, возросла общественно-политическая роль кочующих народов.

Ключевые слова: война, санитарный отряд, военные пожертвования, калмыки, ногайцы, туркмены, Северный Кавказ, оседлость, приставство.

Danara Vaskina

NOMADIC PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article studies the nomadic peoples of the North Caucasus at the beginning of the twentieth century. The relevance is determined by the increased scientific interest in a little-studied topic and problems of regional history, among which one can mention the interaction of public authorities and the population in solving the problems facing them in the XIX – early XX centuries, relations between peoples. The article emphasizes that by the beginning of the twentieth century, the nomadic peoples of the south of Russia were more and more organically entering the all-Russian market, the Kalmyks, Nogais and Turkmens were introduced to sedentary activities, to all-Russian affairs. This was especially evident during the Russian-Japanese and First World Wars at the beginning of the 20th century. The main attention in the article is paid to three nomadic peoples – Kalmyks, Nogais and Turkmens, the bulk of which was concentrated in the Bolshederbetovskiy ulus, Achikulaksky, Turkmen bailiffs of the Stavropol province and Nogai in the Karanogai bureaucracy of the Tersk region. The article shows the forms of participation of foreigners in the Russian-Japanese and World War I. Being exempted from military service, the aliens made their contribution to assisting

the army in financial means, food, supplies of horse stock, and in opening medical institutions for sick and wounded soldiers. This is confirmed by specific examples, numbers. Much attention is paid to the national policy of the Russian state, in particular to the uprising in 1916 in the Karanogai district department of the Terek region. The article shows the situation of nomadic peoples in the Russian state and emphasizes that they gained their equality only after the overthrow of the autocracy during the 1917 revolutions.

The scientific novelty of the article lies in a comprehensive study of the participation of nomadic peoples of the North Caucasus in the wars of the early XX century. The problem in this formulation is considered for the first time. The author shows that during the study period, government policy had a significant impact on the transition of Kalmyks, Nogais and Turkmens to sedentary, which influenced the economic development of nomads: the formation of large livestock farms, an increase in plowing of land, etc. At the same time, according to the author, the socio-political role of nomadic peoples has increased.

Key words: war, sanitary unit, military donations, Kalmyks, Nogais, Turkmens, North Caucasus, settled, bailiffs.

Актуальность исследуемой проблемы определяется тем, что в начале XX века происходили значительные изменения, которые коснулись всех сторон жизни кочевых народов юга России. Изучение социально-экономической и административной политики Российской империи в начале XX века по отношению к калмыкам, ногайцам и туркменам позволит более полно и правильно представить, как протекали такие преобразования у кочевников Северного Кавказа, проследить ее историческую преемственность.

Автор считает, что наиболее изученной является история калмыцкого народа. Это во многом объясняется тем, что после революций 1917 года калмыки обрели автономию. Процесс изучения истории народа был прерван в 1943 году в связи с депортацией калмыков. После восстановления автономии в 1957 году проблемами истории, экономики, языка в Калмыцкой АССР продолжил заниматься воссозданный научно-исследовательский институт. Поэтому по истории калмыков издано значительное количество литературы. Однако, исследуемая тема в них отражена явно недостаточно.

Что касается ногайцев и туркмен, то исследованием их истории более предметно стали заниматься диаспоры с конца XX века. В современной исторической науке рассматриваемый вопрос является малоизученным и требует к себе пристального внимания. Большой интерес данной проблеме уделяли советские исследователи, так как именно этот период ознаменовался ростом патриотизма, который привел к заинтересованному изучению отечественной истории. Тема рассматривалась в основном в контексте работ, написанных по общей истории ногайцев, туркмен и калмыков. Так, коллективная работа сотрудников Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы, истории и Института истории АН СССР «Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период» [12]. В числе авторов были калмыцкие и ставропольские учёные: Н. Ш. Ташнинов, Т. И. Великов, У. Э. Эрдниев. Источниковедческой базой при ее написании послужили материалы партийного и государственного архивов Калмыцкой АССР, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей и Ставропольского края.

Так же по изучаемой теме опубликованы статьи: Д. С. Кидирниязова [6], К. Н. Максимова [8], Н. Д. Судацова [18], Б. Т. Ованесова, Н. Д. Судацова [11] и других.

Автор не ставит своей целью всесторонне описать жизнь кочевых народов Северного Кавказа в начале XX века, а показать участие инородцев в общероссийском движении по оказании помощи действующей армии в русско-японской и Первой мировой войнах. В статье использованы источники Государственного архива Ставропольского края, материалы периодической печати.

К началу XX века кочевые народы Северного Кавказа не только формально входили в состав Российской империи, но и приобщались к обще-

российскому рынку. Власти России всё настойчивее проводили политику насаждения оседлости среди «кочевых инородцев», которая активизировалась после отмены крепостного права и в ходе проведения «великих реформ», создававших условия для более интенсивного капиталистического развития России. После окончания Кавказской войны правительство всё большее внимание уделяло Северному Кавказу, имевшему богатые залежи полезных ископаемых, плодородные земли. Поэтому оно поощряло переселение сюда русских, украинских крестьян из Центральной России, Малороссии, Таврии и других мест на свободные земли. Переселенцы стали селиться и на территориях, занимаемых кочующими народами, создавая свои поселения, которые являлись примером хозяйствования на земле, что оказывало влияние на усиление тенденций, направленных на ускорение перехода кочевых народов к оседлости.

На юге России функционировали приставства кочующих народов: Ачикулакское – для ногайцев, Туркменское и Большедербетовский улус – для калмыков в Ставропольской губернии, Караногайское – в Терской области, а также Управление калмыцкого народа – в Астраханской губернии.

К началу XX века кочующие народы, хотя и с большими трудностями, всё основательнее оседали на земле и продолжали заниматься в основном скотоводством, а также поставляли на продажу животноводческую продукцию.

К этому времени появились десятки поселений калмыков, туркмен, ногайцев в Кубанской, Терской областях, Астраханской и Ставропольской губерниях: в них открывались школы, фельдшерские пункты, в жизнь всё активнее внедрялась магазинная торговля. В данный период чисто скотоводческими являлись улусы центральной зоны, северная и юго-западная часть Калмыцкой степи стали скотоводческо-земледельческими районами. При этом у жителей Большедербетовского улуса преобладавшей отраслью стало земледелие. По отчетам главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии прибыль, полученная от реализации хлеба в улусе, почти на 20% превышала таковую от продажи скота. Вовлечение Калмыцких улусов во всероссийский рынок повлияло на рост численности лошадей, крупного рогатого скота и тонкорунных овец, при сокращении численности овец калмыцкой породы [5, с. 55].

В январе 1904 г. началась война между Россией и Японией. Значительную помощь воюющей армии оказали кочевые народы Северного Кавказа. По уставу от 1 января 1874 года о воинской повинности инородческое население не подлежало призыву в армию, кроме добровольцев, и вместо этого платило денежный налог. Призыву на службу в казачьих войсках подлежали донские и оренбургские калмыки-казаки. Формы помощи армии были различные: пожертвование деньгами, продовольствием, скотом, тёплыми вещами, перевозочными средствами и т.д. [12]. Таким об-

разом, «инородцы» приняли активное участие в оказании помощи действующей армии.

Мусульманское население Ставропольской губернии, после отслуженных муллами молитв о ниспослании победы русскому оружию на Дальнем Востоке, просило принять от него пожертвования на военные нужды. Общий размер пожертвованый составил 372 тыс. 500 рублей, в том числе от Джембойлукских, Едисанских, Едишульских ногайцев 34700 рублей, от «трухмен» поселённых аулов 37800 рублей и от общества «кочевых трухмен» 300 тыс. рублей [4, л. 12]. Оставшиеся средства были распределены на сооружение миноносца, в пользу раненых и больных, на помощь семьям раненых и убитых на войне воинов из жителей Ставропольской и соседних с нею губерний [4, л. 28]. За пожертвования на военные нужды императором Николаем II была выражена благодарность ногайцам и туркменам «за выраженные чувства и пожертвования» [4, л. 34об.].

В рапорте от 21 марта 1904 г. Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии имеются сведения, что служители Большедербетовского улусного управления изъявили желание, чтобы ежемесячно удерживалось 2% из получаемого ими содержания «на нужды военного времени впредь до окончания войны» [4, л. 18 – 18об.]. Так, каждый род выделил на нужды армии: 1-й Икитуктуновский – 5500 рублей; Цоросовский, Шеретовский, Тарагинеровский – 3 тыс. рублей; Абганеровский – 500 рублей; 2-й Икитуктуновский – 400 рублей; 1-й Багатуктуновский – 2550 рублей; 2-й Багатуктуновский – 300 рублей; Абганер-Гахантинский – 500 рублей; Хаджинхиновский – 1500 рублей; Икичносовский – 5 тыс. рублей; Будульчинеровский – 750 рублей; Бюдермисова-Кюбетова – 5 тыс. рублей; Багабурулов – 2 500 рублей. Калмыки Большедербетовского улуса пожертвовали в общей сумме 27500 рублей [4, л. 20 – 20об.]. Всего инородцы в первые месяцы войны выделили 400 тыс. рублей [17].

Общество караногайского народа Терской области 5 февраля 1905 г. внесло пожертвование на войну из своих сумм 7000 рублей, в том числе на нужды воинов действующей армии 1000 рублей, в пользу пленных портартурцев 700 рублей, в пользу семейств убитых на войне 1500 рублей, на увековечение памяти убитого в Порт-Артуре генерала Кондратенко 100 рублей, на помощь семьям казаков Кизлярско-Гребенского полка 700 рублей, на сооружение флота 2000 рублей [19].

В России после первых крупных потерь флота в сражении у Порт-Артура, в бое у Чемульпо крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» развернулось движение по сбору средств на восстановление флота. Был создан специальный комитет, который возглавил брат императора Михаил Александрович. Всего было собрано более 18 млн рублей.

В этом движении завидную активность проявили ставропольские туркмены. Они были в числе тех, кто выделил крупные суммы на строительство флота. После уничтожения русского крейсе-

ра «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», туркмены пожертвовали флоту 337 тыс. рублей для строительства боевого корабля (это был один из наиболее крупных взносов в России), 75 тыс. рублей Обществу Красного креста и Красного Полумесяца, 2,5 тыс. руб. остались в губернии для помощи семьям солдат [4, л. 50 – 50об.]. Миноносец получил название в честь туркменского народа Ставропольской губернии «Трухмонец Ставропольский», позже был переименован в «Туркмонец Ставропольский».

Корабль в первоочередном порядке был построен в 1905 г. на российской судовой верфи общества «Ланге и его сын» в Риге, но к этому времени война подходила к концу. Поэтому миноносец не стали отправлять на Дальний Восток. 18 февраля 1905 года после спуска на воду он вступил в строй и был введён в состав Балтийского флота, где и нёс боевую службу [1, с. 129]. Судно приняло участие в боевых действиях в годы Первой мировой войны против германского флота.

Когда в губернии развернулось движение по созданию Ставропольского санитарного отряда для отправки на Дальний Восток, вместе со всеми жителями в работу включились и инородцы. В его обеспечение кочевниками были внесены средства и переданы для отряда 41 лошадь, 10 больших кибиток, выделены 4 туркмена для работы конюхами, которые умели обращаться с кибитками [11, с. 114–115]. Отряду было присвоено имя императрицы Марии Фёдоровны. На полях сражений в Маньчжурии проявил себя с наилучшей стороны.

В отряде самоотверженно работали сёстры милосердия Пятигорской общины. Он получил высокую оценку командования. В августе 1905 г. главнокомандующий Маньчжурской армией генерал Линевиц, выражая благодарность «за прекрасно оборудованный и примерно самоотверженно работающий Ставропольский отряд и столь щедрые денежные пособия, которые жертвуют ставропольцы в пользу раненых и больных воинов» [11, с. 121], попросил, чтобы санитарная группа осталась на Дальнем Востоке как можно дольше. По желанию главнокомандующего отряд должен был передислоцироваться во Владивосток, через который возвращались из Японии российские пленные. На Ставрополье отряд прибыл только в начале 1906 года. Врачи были награждены орденами, а сёстры милосердия и санитары медалями разного достоинства [11, с. 121–122].

Поражения в войне, революция 1905–1907 гг. вынудили правительство России провести преобразования. Одним из них было введение земских учреждений законом от 9 июня 1912 г. в Ставропольской губернии, как органов местного самоуправления, но при этом он не распространялся на территории кочующих народов.

В это же время произошли значительные перемены на международной арене. Прежде всего, они были вызваны борьбой великих держав за передел мира, а также за источники сырья, рабочей силы и новые территории сбыта продукции, которые привели к мировой войне.

В 1914 г. началась война между военными блоками Антантой (Россия, Англия, Франция) и тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия), которая переросла в мировую. В России была проведена широкомасштабная мобилизация. В мобилизации лошадей для армии активное участие принимали представители кочующих народов Северного Кавказа. В связи с успешным выполнением в 1914 г. мобилизационных работ, 12 февраля 1915 г. император Николай II учредил светло-бронзовую медаль для ношения на груди на ленте ордена Белого орла, которая присуждалась лицам военных, морских и гражданских учреждений, участвовавших в мобилизации, призыве на военную службу, в организации поставок и перевозки грузов. В числе награжденных было более 40 калмыков – зайсангов (старшина у калмыков, получивший грамоту от нойона (светского главы рода) в доказательство законности своей власти над аймаком), старшин аймаков (аймак – родоплеменное образование монгольских и тюркских народов, являющееся административной единицей улуса и находящееся в подчинении у зайсангов), членов мобилизационных комиссий, коннозаводчики, заведующие военно-конскими участками, старосты хотонов (традиционное поселение родственных семей, кочующее вместе, во главе со старейшим данной группы) [8, с. 23].

В военных действиях принимали участие более 4 тысяч казаков-калмыков, сражавшиеся на фронтах в казачьих донских полках. Все 12 офицеров-калмыков заслужили ордена, Георгиевское и Анненское оружие «За храбрость», 688 казаков-калмыков были награждены Георгиевскими крестами, а четверо стали полными георгиевскими кавалерами, 412 удостоены Георгиевских медалей [9, с. 45].

В 1914 г. среди народов Северного Кавказа широко развернулось добровольческое движение по участию мусульман в войне. Император Николай II своим указом разрешил создать из добровольцев-мусульман «туземную дивизию». В составе 2-го Дагестанского полка храбро сражались и добровольцы-ногайцы.

Иногородцы активно участвовали в добровольном пожертвовании денежных средств на нужды армии. Уже 29 июля 1914 г. сход калмыков Большедербетовского улуса постановил выделить 120 тысяч рублей на нужды военного времени и организовать калмыцкий санитарный отряд на 15 кроватей для посылки на театр военных действий [14]. Через два месяца сход, более широко рассматривая вопросы помощи действующей армии, обратился с ходатайством о создании санитарного отряда с наименованием «Калмыцкий Имени Его Императорского высочества наследника Цесаревича Алексея Николаевича санитарный передовой отряд». Для его оборудования требовались деньги, которые было решено взять из калмыцкого общественного капитала, который предназначался для накопления и целевого использования финансовых средств на нужды калмыков. Источниками поступления средств были

суммы от экономии на содержании аппарата управления, деньги за оброчные статьи на землю, от кибиточных сборов по 3 рубля и штрафы. Денежные средства находились под контролем Главного попечителя и министра государственных имуществ. Из калмыцкого общественного капитала было выделено 100 тыс. рублей. Кроме того, было решено поставить для армии 26 лошадей и для Верховного главнокомандующего лошадь с полным снаряжением, оборудовать и содержать лазарет на 80 кроватей в Башантинской больнице и лазарет на 50 воинов в Икичноновском училище [15]. Также было отправлено: 35 кибиток, 2 тыс. тужурок, 2 тыс. пудов пшеницы, 26 лошадей и 421 450 рублей [18, с. 188].

Туркмены из общественного капитала выделили средства на формирование санитарного отряда для работы на фронте. Но при этом выдвинули условие, чтобы в него была зачислена Елена Мавило (дочь Ставропольского губернатора М. М. Янушевича). Их просьба была удовлетворена. Елена оставила ставропольский госпиталь № 2, в котором работала сестрой милосердия, и убыла вместе с отрядом на фронт. В Ставрополь приходили известия о её хорошей работе в отряде. Вскоре стало известно, что за активное участие в лечении раненых в боевых условиях и проявленные при этом самоотверженность и мужество Е. Б. Мавило была награждена Георгиевской медалью 4-й степени [16]. Отряд завоевал блестящую репутацию среди солдат, которые говорили: «Туркменцы пришли – значит можно быть спокойными» [17].

Туркменский предприниматель Муса-Аджи Эшеев, отличившийся в период русско-японской войны, во время Первой мировой войны послал в армию туркменских лошадей. За это он был удостоен мундиром от императора Николая II. В связи с чем, в народе за обретенное влияние его неофициально называли князем [1, с. 129].

Миноносец «Туркменец-Ставропольский» продолжал служить российскому флоту. Его экипаж особенно отличился с немецкой эскадрой в районе Моонзундских островов.

С началом войны в тыл страны хлынул поток раненых. Правительство было не в состоянии решить проблему их лечения. Поэтому заботу о них всё больше брало на себя общество, местное самоуправление.

В августе 1914 г. калмыки Большедербетовского улуса поставили вопрос о создании лазарета на время войны в помещении 2 мужской гимназии, арендуемым калмыцким народом у домовладельцев К.А. Соколова и братьев Меснянкиных [3, л.3]. Большедербетовцы платили за аренду 1 200 рублей [3, л. 5]. 2-я мужская гимназия была переведена в Ольгинскую женскую гимназию, и ученики посещали занятия во вторую смену [3, л. 8].

В 1915 г. была создана Башантинская комиссия Елизаветинского благотворительного общества для организации кумысолечебного пункта в Башанте на 60 мест. Первыми мае 1915 года в

неё поступили 60 человек больных и раненых из Петрограда [7, с. 89]. В ней работали молодые образованные калмыки и туркмены [7, с. 88]. Затем открылись кумысолечебницы в Ачикулаке на 20 мест и в Летней Ставке на 40 мест. Лечение осуществлялось с помощью древних техник кумысолечения. В мае 1915 г. член Башантинской комиссии Е. Чонов доложил императрице Александре Федоровне о деятельности Елизаветинских комиссий в степных районах Ставропольской губернии, рассказал об открытии кумысолечебных пунктов по приему и лечению раненых и больных военнослужащих [10, с. 87–88].

Императрица передала благодарность Ставропольскому губернатору Б. М. Янушевичу, а также калмыкам, ногайцам и туркменам «за их преданную готовность принести посильную пользу в святом деле оказания помощи и облегчения участи раненых и больных защитников Родины» [10, с. 88].

Содержались они на средства калмыцкого, ногайского и туркменского общественного капитала и пожертвований населения [7, с. 88]. Расходы составили в период с 20 мая по 1 сентября: на офицера – 64 руб. 50 коп., на солдата – 5 руб. 50 коп. [7, с. 89].

Обеспокоенный такими расходами со стороны калмыков попечитель Большедербетовского улуса Е. Ф. Майгуров обратился к Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии Мишину с просьбой, чтобы аймачные общества прекратили финансировать кумысолечебный пункт, а затраты взымались из калмыцкого общественного капитала [12]. Однако Ставропольский губернатор С. Д. Оболенский дал отрицательный ответ. Лишь в 1916 г. было принято положительное решение о Башантинском кумысолечебном пункте. По поручению императора Николая II было выделено 10 тыс. рублей на содержание лечебницы [7, с. 89].

Поскольку инородческое население не призывались на военную службу, они занимались поставкой для действующей армии лошадей, скота и продовольствия. С 1 января 1915 г., согласно «Положению о военном налоге», кочевые народы Северного Кавказа вносили дифференцированный военный налог в виде прямого обложения каждой семьи (кибитки) в зависимости от количества скота [16]. В соответствии с этим документом в Ставропольской губернии начались реквизиции. Положение распространялось только на инородцев губернии, и население предоставляло по установленной цене сельскохозяйственное сырье, скот и лошадей для армии.

В 1916 г. по разнарядке Министерства земледелия Ставропольская губерния выделила 150 тыс. голов, в том числе от большедербетовцев поступило 7845 голов. Улус поставлял 33% скота и лошадей от общего количества, так как по статистике на 1 января 1916 года в улусе имелось 25 942 поголовья. Такие «добровольные закупки» проходили с большими затруднениями и наталкивались на противодействие калмыцких стар-

шин, которые противились выдавать скот, так как оставшаяся часть живности была необходима для ведения хозяйства. Администрация с помощью полиции применяла репрессивные меры к семьям, которые отказывались выполнять задание [18].

В 1916 году основная часть требуемого налога была выполнена, всего сдали: 6808 поголовья. Проводимые реквизиции, неурожай 1916 г. привели к распродаже и забою животных и обнищанию населения. На 1 января 1917 г. у калмыков Большедербетовского улуса за год количество живности уменьшилось практически вдвое [13, с. 2].

Вместе с поставками сельскохозяйственных животных от инородцев губернии по положению 1916 г. требовались поставки шерсти и пшеницы. В 1916 г. была низкая урожайность зерновых культур, поэтому хлеба не хватало даже до следующего урожая. На требование улусного управления о предоставлении сведений об излишках хлеба, местное население отвечало, что «большинство населения уже для себя покупает» [13, с. 2].

Главным поставщиком зерна среди кочующих народов был Большедербетовский улус. Так, посевы зерновых в 1916 году составили: 22 123 десятин пшеницы (93,6% всей посевной площади калмыцких земель), 20542 десятины ячменя (98,2%), 780 десятин ржи (34,9%), 826 десятин овса (90%), 810 десятин проса (93,1%) [2, с. 87].

Несмотря на неурожай 1916 года, калмыки-большедербетовцы под нажимом властей в первой половине 1917 года поставили в помощь армии 108838 зерна и муки [2, с. 87]. Они отправили на фронт больше зерновых культур, чем другие кочевые народы, тем самым стали основным поставщиком пшеницы на нужды армии среди инородческих территорий. Это свидетельствовало о том, что Большедербетовский улус был наиболее оседлым, так как занимался не только скотоводством, но и земледелием, а также, будучи отделенным от других калмыцких земель, тесно взаимодействовал с земледельческими регионами Юга России. Это в значительной мере сыграло важную роль в последующем развитии улуса, Районы, образованные на его территории, стали во второй половине XIX – начале XX вв. лидерами по производству зерна в Калмыкии.

Возраставшие требования царского правительства поставок для нужд войны усиливали недовольство среди кочевых народов региона [8, с. 23]. К этому добавилось и то, что в июне 1916 г. правительством был издан закон «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», хотя по российским законам национальные меньшинства окраин освобождались от воинской повинности и не подлежали призыву на военную службу, и вместо этого платили военный налог. За ним последовал указ правительства от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для

государственной обороны работ». Привлекалось мужское население от 19 до 43 лет [6, с. 91].

Но по инструкции 11 июля 1916 г. только зажиточные слои населения могли быть освобождены от этих работ при условии замены, то есть нанять и отправить вместо себя на фронт другого человека. Такое положение возмущало основную массу населения и среди бедноты росло недовольство. Указ наглядно выявил нарастание классовой дифференциации среди кочевых народов и обострил взаимоотношений между имущими и бедняками.

29 июля 1916 г. в ауле Теркли Мектеб Терской области состоялся сход, на который прибыло до 4 тыс. жителей ногайских поселений. Когда караногайский пристав Ф. Капельгородский объявил о том, что он ходатайствовал перед начальником Терской области об освобождении должностных лиц и некоторых крупных коневодов, которые могли ограничиться поставкой лошадей от оборонных работ, это вызвало взрыв возмущения основной массы присутствовавших [6, с. 92].

Царский указ был назван несправедливым и предназначенным для бедняков. На сходе требовали, чтобы богатые тоже подлежали мобилизации. Народ взбунтовался и началась потасовка, в ходе которой восставшие взяли власть в Теркли Мектебе [6, с. 92]. Состоялось вооруженное выступление представителей Караногайского приставства против реквизиции и мобилизации. К нему примкнули кумыкские и ногайские крестьяне с Аксай Хасавюртовского округа, Ачикулакского приставства Ставропольской губернии [6, с. 92]. Восстание было подавлено воинскими частями. Начальник Терской области ходатайствовал о лишении ногайцев «права выбора старшин и должностных лиц в предстоящий в 1918 г. очередной низам» [6, с. 92]. Для поддержания порядка в ауле Теркли Мектеб учредили конный полицейский

пост из 25 человек, за счет ногайского населения. Ногайцев подвергли крупному штрафу для содержания казаков Александровской, Бороздинской и Дубовской станиц, которые были командированы в состав сотни в Караногае [6, с. 92].

В ходе расследования Кавказский военный окружной суд привлёк к ответственности 72 ногайца, которых обвинили в препятствии царского указа и в последствии учинивших восстание [6, с. 92]. 30 января 1917 г. военный суд приговорил 2 человек к смертной казни, 24 человека подвергались ссылке на каторжные работы сроком на 15 лет, 5 человек отдавались в арестантские отделения на 2,5 года, 18 человек приговорены к тюремному заключению на 6 месяцев, 23 человека оправданы. При рассмотрении кассационной жалобы смертную казнь двум осужденным заменили бессрочной каторгой [6, с. 92]. Они были освобождены от наказания после Февральской революции 1917 г.

Анализ архивных документов показал, что в начале XX века кочевые народы Северного Кавказа всё органичнее входили в общероссийский рынок, втягивались в общегосударственные дела. Так, калмыки, ногайцы и туркмены внесли вклад в оказание помощи действующей армии во время русско-японской и Первой мировой войн. Несмотря на малочисленность, они смогли вносить пожертвования в помощь фронту, на собственные средства организовать санитарные отряды, лазареты, лечение раненых воинов на фронте и тылу, а также поставляли на фронт продовольствие, скот и лошадей.

В то же время войны, в которых участвовала Россия в начале XX века, оказали значительное влияние на народы империи, и породили революции 1905–1907 и 1917 годов, в результате которых кочевые народы Северного Кавказа стали равноправными гражданами России.

Источники и литература

1. Акопян В. З. Этнокультурный облик ставропольских туркмен. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 126–134.
2. Васькина Д. С. Большедербетовский улус в составе Ставропольской губернии // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: материалы рос. науч. конф. с межд. участием / под ред. А. Н. Команджиева. Элиста: Джангар, 2016. С. 85–87.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 75. Оп. 1. Д. 68.
4. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1711.
5. Каманджаев А. Н. Калмыцкое кочевое хозяйство в конце XIX – начале XX века // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: материалы рос. науч. конф. с межд. участием / под ред. А. Н. Команджиева. Элиста: Джангар, 2016. С. 50–56.
6. Кидирниязов Д. С. Восстание ногайцев в 1916 г. // История, археология и этнография Кавказа. 2015. №5. С. 91–93.
7. Лиджиева И. В. Калмыцкое самоуправление и развитие кумысолечения в Калмыкии во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. №53. С. 85–94.
8. Максимов К. Н. Калмыки в Первой Мировой Войне // Вопросы истории. 2014. №16. С. 20–26.
9. Максимов К. Н. Калмыки на защите геостратегических интересов России в XIX – начале XX вв. // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: материалы рос. науч. конф. с межд. участием / под ред. А. Н. Команджиева. Элиста: Джангар, 2016. С. 45.
10. Манджикова Л. Д. Очерки истории Большедербетовского улуса. Городовиковск: Джангар, 1998. 280 с.
11. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Ставропольский санитарный отряд на Дальнем Востоке 1904–1905 гг. // Русско-японская война: материалы Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию войны. Ставрополь, 2007. С. 112–122.
12. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред.: Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева и др. М.: Наука, 1967. URL: http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/ocherki_1/soderganie.htm/default.asp (Дата обращения: 15.04.2020).

13. Ротова Н. История Большедербетовского улуса // Вперед. Городовиковск. 2000. №2. С. 1–2.
14. Северокавказский край. 1914. 1 августа.
15. Северокавказский край. 1914. 16 октября.
16. Северокавказский край. 1915. 1 апреля.
17. Ставропольские губернские ведомости. 1904. 17 июля.
18. Судаевцов Н. Д. Народы Юга России в Первой мировой войне // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: материалы рос. науч. конф. с межд. участием / под ред. А. Н. Команджиева. Элиста: Джангар, 2016. С. 185–189.
19. Терские ведомости. 1905. 29 марта.

References

1. Akopyan V. Z. Etnokul'turnyi oblik stavropol'skikh Turkmen (*Ethnocultural image of the Stavropol Turkmen*). Pyatigorsk: PSLU publ., 2016. P. 126–134.
2. Vas'kina D. S. Bol'shederbetovskii ulus v sostave Stavropol'skoi gubernii (*Bolshederbetovsky ulus as part of the Stavropol province*) // Kochevyenarody Yuga Rossii: istoricheskiipytisovremennost': materialy ross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem / ed by A. N. Komandzhiev. Elista: Dzhangar publ., 2016. P. 85–87.
3. State archive of Stavropol region (GASK). F. 75. Inv. 1. D. 68.
4. GASK. F. 249. Inv. 2. D. 1711.
5. Kamandzhaev A. N. Kalmytskoe kochevoe khozyaistvo v kontse XIX – nachale XX veka (*Kalmyk nomadic economy at the end of the 19th – beginning of the 20th century*) // Kochevye narody Yuga Rossii: istoricheskii opyt I sovremennost': materialy ross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem / pod red. A. N. Komandzhieva. Elista: Dzhangar publ., 2016. P. 50–56.
6. Kidirniyazov D. S. Vosstanie nogaitsev v 1916 g. (*The Nogai uprising in 1916*) // Istoriya, arkheologiya I etnografiya Kavkaza. 2015. No. 5. P. 91–93.
7. Lidzhieva I. V. Kalmytskoe samoupravlenie I razvitie kumysolecheniya v Kalmykii vo vremena Pervoi mirovoi voiny (*Kalmyk self-government and the development of koumis therapy in Kalmykia during the First World War*) // Novyiistoricheskiivestnik. 2017. No. 53. P. 85–94.
8. Maksimov K. N. Kalmyki v Pervoi Mirovoi Voine (*Kalmyks in the First World War*) // Voprosyistorii. 2014. No. 16. P. 20–26.
9. Maksimov K. N. KalmykinazashchitegeostrategicheskikhinteresovRossii v XIX – nachale XX vv. (*Kalmyks defend Russia's geostrategic interests in the nineteenth and early twentieth century's*) // Kochevyenarody Yuga Rossii: istoricheskiio pytisovremennost': materialy ross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem / pod red. A. N. Komandzhieva. Elista: Dzhangar publ., 2016. P. 45.
10. Mandzhikova L. D. Ocherki istorii Bol'shederbetovskogo ulusa (*Essays on the history of the Bolshederbetovsky ulus*). Gorodovikovsk: Dzhangar publ., 1998. 280 p.
11. Ovanesov B. T., Sudavtsov N. D. Stavropol'skii sanitarnyi otryad na Dal'nem Vostoke 1904–1905 gg. (*Stavropol sanitary detachment in the Far East 1904–1905*) // Russko-yaponskayavoina: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskaya konferentsii posvyashchennoi 100-letiyu voiny. Stavropol', 2007. P. 112–122.
12. OcherkiistoriiKalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period (*Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period*) URL: http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/ocherki_1/soderganie.htm/default.asp (Accessed: 15.04.2020).
13. Rotova N. Istoriya Bol'shederbetovskogo ulusa (*History of the Bolshederbetovsky ulus*) // Vpered. Gorodovikovsk, 2000. No. 2. P. 1–2.
14. Severokavkazskii krai. 1914. August 1.
15. Severokavkazskii krai. 1914. October 16.
16. Severokavkazskii krai. 1915. April 1.
17. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1904. July 17.
18. Sudavtsov N. D. Narody Yuga Rossii v Pervomirovoi voine (*Peoples of the South of Russia in the First World War*) // Kochevyenarody Yuga Rossii: istoricheskiipytisovremennost': materialy ross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem / pod red. A. N. Komandzhieva. Elista: Dzhangar publ., 2016. P. 185–189.
19. Terskie vedomosti. 1905. March 29.

Сведения об авторе

Васькина Данара Сергеевна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / vdanara@mail.ru

Information about the author

Vaskina Danara – Postgraduate Student, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / vdanara@mail.ru

УДК 94(41/99)

Н. Ф. Вирт

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ ФРИДРИХА ГОГАРТЕНА

Статья посвящена рассмотрению взглядов лютеранского теолога Фридриха Гогартена на республиканский строй Веймарской Германии. В начале статьи раскрываются причины формирования диалектической теологии в Германии 20-х годов XX в. После установления республиканской формы правления положение протестантских церквей Германии существенно изменяется. Их роль и влияние ослабевают, а количество прихожан уменьшается. Процесс изменений затрагивает не только церкви как структурные образования, но и теологическую мысль. В статье выделяются основные причины перехода от либеральной теологии XIX в. к новой диалектической теологии. Одной из важнейших причин изменений в протестантском богословии стали последствия Первой мировой войны, которые вызвали общеевропейский культурный кризис. Также на формирование новой теологии оказали влияние идеи К. Барта. Решающее значение сыграла неспособность либеральной теологии найти выход из сложившегося культурного кризиса. Рассматриваются особенности богословских идей лютеранского теолога Ф. Гогартена, которые формируются под воздействием теологии кризиса. Отме-

чается вклад Ф. Гогартена в развитие диалектической теологии на протяжении 20-х и первой половины 30-х гг. XX в. Корни его политических представлений лежат в новой интерпретации взглядов на устройство государства и общества, которые были сформированы Мартином Лютером и другими реформаторами церкви. На основании рассмотрения политических концепций Ф. Гогартена раскрывается его отношение к Веймарской Германии. Теолог видит в республиканском устройстве анархизм, который противоречит фундаментальным основам христианства. Германия 20-х годов предстает в его сочинениях страной, вынужденной искать новые пути государственного устройства. Одним из вариантов Ф. Гогартен видит установление диктатуры для подавления анархистских тенденций германского общества. В заключение анализируются причины поддержки Ф. Гогартеном национал-социалистической диктатуры на протяжении 30-х гг. XX в. и его сотрудничества с протестантским движением «Немецких христиан».

Ключевые слова: диалектическая теология, протестантизм, Фридрих Гогартен, Веймарская Германия, теология кризиса.

Nikolay Virt

WEIMAR REPUBLIC IN THE DIALECTIC THEOLOGY OF FRIEDRICH GOGARTEN

The article is devoted to the consideration of the views of the Lutheran theologian Friedrich Gogarten on the republican system of Weimar Germany. At the beginning of the article, the reasons for the formation of dialectical theology in Germany of the 1920s are revealed. After the establishment of the republican form of government, the situation of the Protestant churches in Germany changes significantly. Their role and influence are weakening, and the number of parishioners is decreasing. The process of change affects not only churches as structural entities, but also theological thought. The article highlights the main reasons for the transition from liberal theology of the XIX to a new dialectical theology. One of the most important reasons for the changes in Protestant theology was the consequences of the First World War, which caused a pan-European cultural crisis. Also, the ideas of C. Bart influenced the formation of a new theology. Of decisive importance was the inability of liberal theology to find a way out of the current cultural crisis. The features of the theological ideas of the Lutheran theologian F. Gogarten, which are formed under the influence of theol-

ogy of the crisis, are examined. F. Gogarten's contribution to the development of dialectical theology during the 1920s and the first half of the 1930s is noted. The roots of his political ideas lie in a new interpretation of the views on the structure of the state and society, which were formed by Martin Luther and other church reformers. Based on a review of the political concepts of F. Gogarten, his attitude to Weimar Germany is revealed. The theologian sees anarchism in the republican system, which contradicts the fundamental foundations of Christianity. Germany in the 1920s appears in his writings as a country compelled to search for new ways of government. F. Gogarten sees one of the options as the establishment of a dictatorship to suppress the anarchist tendencies of German society. In conclusion, the reasons for F. Gogarten's support of the national socialist dictatorship during the 1930s are analyzed and his collaboration with the protestant movement of "German Christians".

Key words: dialectical theology, protestantism, Friedrich Gogarten, Weimar Germany, theology of crisis.

Первая мировая война коренным образом изменила ситуацию в Германии. На смену империи пришла республика, рожденная на осколках общества, проигравшего войну, находящегося в глубоком экономическом, политическом и психологическом кризисе. Ломка монархических институтов и введение демократии наложили отпечаток и на протестантские церкви Германии.

Начиная с периода объединения германских государств, протестантская религия играла важную роль в жизни страны. Протестантизм преобладал в Центральной, Восточной и Северной Германии, а также был силен на юге и юго-западе государства, особенно в Вюртемберге, Франконии и Пфальце [2, с. 58].

Положение протестантизма в Германской империи во многом являлось привилегированным. Особенно в Пруссии, чья церковь становится крупнейшей в стране. Однако количество верующих, постоянно ходящих на воскресные службы и причащавшихся, неуклонно сокращалось. В соответствии с имперским законодательством прихожане обязаны были причащаться в важные церковные праздники, а за непосещение богослужения наказывались денежным штрафом. Такое положение сохранялось до начала XIX в., когда на волне общественно-политических изменений, вызванных Французской революцией, германские протестантские церкви лишаются права судить за несоблюдение церковных законов. Количество воцерковленных верующих быстро пошло на спад. В 1862 г. доля причащавшихся на территории всех евангелических церквей будущей Германской империи (в границах 1871 г.) ещё составляла 58,5%, в 1880 г. – 45,5%, на рубеже веков (1900 г.) – 40,3%, а в XX в. сокращалась еще быстрее. В 1933 г., на закате Веймарской республики, данный показатель составлял лишь 25,4% [2, с. 61]. Но, несмотря на это обстоятельство, немцы продолжали причислять себя к одному из двух господствующих христианских течений страны. Согласно статистике на 1933 г. 62,7% немцев исповедовали евангелического вероисповедания, 32,5% придерживалось католицизма [2, с. 58].

Веймарский период явился испытанием для протестантских церквей Германии. Сложнее всего были 1919–1921 гг., когда принимается Веймарская конституция, изменившая положение религиозных организаций. К тому же правившие в этот период социал-демократы проводили политику секуляризации, которая встретила жесткое сопротивление со стороны церквей.

Высказывания против республики допускали не только рядовые прихожане во время праздничных богослужений, но и видные протестантские теологи Германии. Одни из них критиковали республику с теологических позиций, другие считали ее недостаточно национальным, германским государством.

На фоне изменений в обществе и государственном устройстве в ходе войны и установления республиканского строя, изменилась и протестантская теология. Появилась новая теологическая школа – диалектическая.

Обстоятельства, связанные с возникновением диалектического богословия на европейском континенте подробно изучены [5]. Несмотря на то, что среди исследователей существуют разногласия относительно точного времени появления этого движения, они четко установили три основных причины его появления, источники формирования новой теологии.

Первая причина заключается в том, что диалектическое богословие появилось как реакция на опыт мировой войны. Разумеется, не сама война разрушила оптимистичные представления о мире и культуре большинства образованных европейцев, в том числе протестантских богословов. Беспрецедентные разрушения и гибель сотен тысяч людей после конфликта стали восприниматься как разрушение всей европейской цивилизации, что способствовало появлению диалектического богословия. Характерными для этого времени являются персональные истории Пауля Тиллиха и Карла Барта, которые позволяют понять, что означала война для молодых теологов, получивших образование в традициях протестантского либерализма и ставших впоследствии основателями «теологии кризиса».

П. Тиллих прошел через окопы Первой мировой войны. Воспитанный в типичной для XIX в. консервативной прусской семье, получивший прекрасное образование, П. Тиллих добровольно отправился на службу в 1914 году. Подхваченный националистическим и патриотическим подъемом, охватившим Германию в первые месяцы после объявления войны Антанте, и уверенный в быстрой победе, двадцативосьмилетний П. Тиллих стал капелланом имперской армии. Он провел следующие четыре года на Западном фронте и получил там опыт, оказавшимся «поворотным моментом» его жизни [7, р. 20]. В 1917 году военный опыт П. Тиллиха умножился личностным кризисом, приведшим его к увлечению философией Ф. Ницше. Вскоре после демобилизации он вернулся домой, политизированный войной, и готовый принять участие в Ноябрьской революции 1918 г. После прибытия в Берлин, П. Тиллих втягивается в конфликт с церковным начальством за участие в демонстрациях Социал-демократической партии Германии. В 1920 г. П. Тиллих основал «Кайрос Круг» – группу интеллектуалов, главной целью которых было обновление «религиозных ценностей» в Веймарской республике.

Вторая история раскрывает влияние войны на диалектическое богословие – К. Барта. Уроженец Швейцарии, К. Барт провел годы войны в качестве пастора в городе Сафенвиле в швейцарском г. Ааргау. К. Барт, как и П. Тиллих, обучался в традициях немецкого либерального протестантизма и даже работал редактором-консультантом в «Die christliche Welt» – официальном печатном органе теологического либерализма. Хотя К. Барт не являлся свидетелем боевых действий, как П. Тиллих, он, тем не менее, знал, что война нанесла смертельный удар по европейской цивилизации. Личный кризис К. Барта, усиленный окружающим

его падением христианских ценностей и массовыми убийствами привели к тому, что теолог обратился к переосмыслению Библии и трудам реформаторов, в которых пытался найти путь выхода из кризиса [4, р. 17]. Таким образом, на примере двух представителей диалектической теологии видно, что именно Первая мировая война стала движущей силой для разработки совершенного нового взгляда на протестантское богословие.

Вторым элементом, обусловившим появление нового направления в теологии, стало опубликование книги К. Барта «Комментарий к посланию Павла к римлянам» [1] в 1919 г. К. Барт был не одинок в своем отрицании богословия XIX века, но его сочинение явилось первым подробным манифестом против либеральной теологии. К 1928 г. книга пережила шесть изданий и стала прочно ассоциироваться и отождествляться с развивающейся диалектической теологией.

В-третьих, диалектическая теология была вызвана восстанием молодого поколения против унаследованной мудрости их богословских «отцов». Работы новых богословов изобилуют ссылками на несостоятельность либеральной теологии XIX века. Например, К. Барт был одержим свержением того, что он считал богословскими идолами [4, р. 18]. Также очевидно, что движению диалектических богословов помог тот факт, что «идолы» довоенного европейского общества к 1918 г. уже пошатнулись.

Этот последний момент раскрывает важную связь между диалектическим богословием и Веймарским периодом. Используя общепризнанный «кризис» в европейской культуре в своих интересах, диалектические богословы отвергают все, что осталось от «старой эпохи». Эта иконоборческая стратегия включала вступление в открытый бой со своими «отцами» – людьми, у которых «диалектические богословы» учились до войны [4, р. 18].

Богословы 20-х годов XX в. по-разному относились не только к теологии или Веймарской республике. Одним из поводов для размежевания служило отношение к набиравшему популярность национал-социалистическому движению. Одним из тех, кто принял диктатуру НСДАП становится Фридрих Гогартен.

Основным мотивом для благосклонного отношения к национал-социализму для Ф. Гогартена явилось полное разочарование в Веймарской республике. Ф. Гогартен в начале Веймарского периода выступал одним из ведущих поборников диалектического богословия, которое ассоциировалось с прогрессивным движением. Конец Веймарского периода он встретил как сочувствующий нацистскому режиму, что его отдаляло от К. Барта и П. Тиллиха, открытых противников А. Гитлера и «Немецких христиан» (движение немецкого духовенства, поддерживающее национал-социализм, основанное в 1932 г. – *прим. Н. В.*).

Ф. Гогартен родился в 1887 году в г. Дортмунде. Теологический путь Ф. Гогартена был схож с

путем его ближайших друзей – К. Барта, П. Тиллиха, Э. Хирша. Он изучал либеральную теологию в университетах Берлина, Йены и Гейдельберга. Как К. Барт и П. Тиллих, Ф. Гогартен пропустил через себя военный опыт и через него радикализовался. Радикализация привела его к поиску новой теологии, способной разрешить как его личностный кризис, так и кризис европейской и германской культуры. В октябре 1920 г. Ф. Гогартен посетил К. Барта в Швейцарии, где произвел на него благостное впечатление своими размышлениями о богословии. После службы в качестве помощника пастора в Бремене, он взял на себя небольшой приход в Тюрингии. К этому времени Ф. Гогартен приобрел полное собрание сочинений М. Лютера и погрузился в изучение мыслей и идей великого реформатора христианства [6, р. 55]. Под руководством К. Барта Ф. Гогартен отделился от господствующей либеральной теологии, представленной Альбрехтом Ритчем и другими. Он выступил против историзма и антропоцентризма протестантского богословия XIX века, подчеркнув абсолютную противоположность Бога и человека.

Первым эссе, написанным Ф. Гогартемом, становится «Кризис культуры». Это была его первая работа, вызвавшая интерес окружающих. В это время на автора сильное влияние оказала книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» [3]. Опубликованная в 1918 г., она нашла широкий отклик в среде немецких интеллектуалов, находившихся в послевоенном кризисе и искавшими возможности выхода из него.

«Закат Европы» становится бестселлером, и никому в Германии после Первой мировой войны не стоило напоминать, что цивилизация находится в кризисе. Задача, которую Ф. Гогартен поставил перед собой, заключалась в том, чтобы прояснить отношение религии к кризису. И здесь он резко отличался от многих своих коллег-богословов. Вопрос, с которым они столкнулись, заключался в следующем: может ли христианство как западная религия пережить падение западной цивилизации? Многие пришли к выводу, что, хотя христианство как исторически обусловленная форма религии может не выжить, это не имеет большого значения, если основные религиозные истины, выраженные в христианстве, сохраняются. Данный факт, по их мнению, для христианства, как и для всех религий, является выражением глубокого внутреннего религиозного сознания человечества. Данное сознание сохранится, даже если христианство уйдет в прошлое вместе с западной цивилизацией [6, р. 56].

Ответ Ф. Гогартена был иным. Это была и защита современного ему христианства и во многом нападение на либерализм и либеральную теологию, господствовавшую в немецких университетах и храмах на протяжении всего XIX века.

В 1920 г. Ф. Гогартен пишет еще одно эссе, постулирующее его переход на позиции диалектической школы лютеранской теологии. Эссе «Между временами» («Zwischen den Zeiten») – краткое пророческое эссе, ознаменовавшее «окончатель-

ный, резкий разрыв Гогартена с либерализмом» [4, р. 28] и воплотившее дух нового движения в теологии. В эссе Ф. Гогартен использовал образ всеобъемлющей борьбы за существование «между временами» (довоенным и послевоенным), чтобы выразить «ужасное человеческое положение» послевоенной Европы. Его описание кризиса, охватившего европейскую культуру, включало в себя резкую критику собственных богословских наставников из либеральной школы, Ф. Гогартен не ограничивалось библейскими образами и богословскими аллюзиями. Фактически, ранние работы Ф. Гогартена имеют то же самое содержание, что и современные ему «светские» сочинения о культурном кризисе, лишь рассматривающие реальность под другим углом зрения [4, р. 28].

Эссе «Между временами» явилось важным символом нового движения, и его название использовалось в качестве названия нового журнала, который вскоре стал неофициальным голосом диалектического богословия. В 1922 г. Ф. Гогартен, К. Барт и Эдуард Турнайзен создали журнал «Zwischen den Zeiten», ставший «форумом протестантского богословского авангарда» [4, р. 28] на протяжении 20-х годов, известного в Европе как «теология кризиса» или «диалектическая теология», а в Северной Америке как «неоортодоксальность» [6, р. 57]. К его основателям вскоре присоединились Георг Мерц, Рудольф Бульманн и Эмиль Бруннер, а журнал неуклонно увеличивал свой тираж и количество авторов вплоть до роспуска в 1933 г.

В своей следующей крупной работе – «Politische Ethik» (Политическая этика) – Ф. Гогартен рассматривает значение лютеранской теологии в политическом дискурсе. Здесь можно заметить влияние доктрины М. Лютера о гражданской власти, которая обосновывавшей авторитет и власть магистратов. Восходящее к М. Лютеру нежелание Ф. Гогартена рисковать анархией и погружать Германию в еще больший хаос времен республики сделали его менее склонным к критике государства в первые годы нацистского режима. Этим Ф. Гогартен выделялся среди других представителей диалектической теологии.

В середине 30-х гг. происходило постепенное разделение богословских путей Ф. Гогартена и К. Барта. Последний обвинял Ф. Гогартена, Р. Бульмана и Э. Бруннера в том, что они оставили общий язык более ранней диалектической теологии и сделали ее слишком зависимой от философии, особенно от философии экзистенциализма в хайдеггеровском понимании. Этот конфликт привел к закрытию журнала «Zwischen den Zeiten», а также к последующему разрыву отношений между ними.

Продолжая преподавать в Университете Бреслау с 1931 по 1935 гг., и в Геттингенском университете с 1935 г. до своей отставки в 1955 г., Ф. Гогартен не публиковал никаких других крупных работ до окончания Второй мировой войны.

При рассмотрении богословских трудов Ф. Гогартена конца Веймарского периода, можно уви-

деть, как резко изменилась его реакция на кризис культуры. «Политическая этика» Ф. Гогартена, написанная в 1932 г., развивает его понимание государства в то время, когда крах Веймарской республики казался все более неизбежным. Ф. Гогартен утверждал, что государство должно базироваться на понятии «нации», причем «нации», обращенной к Богу. Он делал акцент на силе государства, обеспечении порядка и «послушания по принуждению», если это необходимо. Подобными размышлениями Ф. Гогартен оправдывал установление тоталитаризма в Германии. Под влиянием учения М. Лютера Ф. Гогартен утверждал, что анархические тенденции, существовавшие в Веймарской Германии, не позволяли людям жить по «закону», как это задумал Бог.

Ф. Гогартен приветствовал приход А. Гитлера к власти, и его «лютеровское» неприятие анархии толкало богослова к некритическому отношению к национал-социалистическому режиму. Ф. Гогартен также не последовал за К. Бартом и другими теологами, присоединившимися к борющейся против национал-социализма «Исповедующей церкви». Вместо этого он примкнул к «немецким христианам», группе, состоящей из церковных лидеров, поддержавших А. Гитлера, разделяя идеи расовой чистоты и национальной исключительности. В результате такого отношения к политике властей Ф. Гогартен смог сохранить свою должность преподавателя в Геттингене, вплоть до своей болезни в 1938 г. Однако со временем он дистанцировался от движения «Немецких христиан» по причине их нетерпимой расовой политики и иным действиям. Уже после войны Ф. Гогартен выступил с публичной критикой национал-социализма.

Таким образом, Ф. Гогартен как член диалектической школы, который наиболее убедительно обосновал разрыв движения с довоенной теологией и культурой, а также сформулировавший концепцию теологии «между временами», в конечном итоге поддался веяниям времени и встал на сторону национал-социалистической диктатуры, видя в ней спасение от антихристианской анархии. С другой стороны, путь Ф. Гогартена от диалектического богословия к союзу с национал-социализмом является убедительным символом духа времени Веймарской Германии. Послевоенные диалектические труды Ф. Гогартена и его публичные дебаты с Эрнстом Трельчем в 1923 г. становятся символом конфликта между поколениями, характеризовавшим начало 20-х годов в Германии, а его политические взгляды после 1930 г. отражают глубокое отвращение к демократии, которое многие образованные немцы этого периода так и не смогли преодолеть. Как и Ф. Гогартен, многие немецкие интеллектуалы видели в нацистской угрозе лишь стремление вернуться к порядку перед лицом пугающего «анархизма» республики.

Литература

1. Барт К. Толкование посланий к римлянам и филиппийцам. М.: Библейский богословский институт Св. Апостола Андрея, 2010. 306 с.
2. Гербер Ш. Христианство и церковь в кайзеровской Германии и Веймарской республике: тенденции развития и основные позиции / Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке. Сборник статей российских и немецких историков / отв. ред. К. Кроуфорд, Т. А. Некрасова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 57–64.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль. 1993. 666 с.
4. Haynes S.R. «Between the times»: German theology and the Weimar «Zeitgeist» // Soundings: An Interdisciplinary Journal, Vol. 74. №. 1/2 1991), P. 9–44.
5. Robinson J. M., ed. The Beginnings of Dialectic Theology. Richmond: John Knox Press, 1968. 256 p.
6. Runyon T. Exploring the Range of Theology. Eugene, Oregon, 2012. 245 p.
7. Stumme J. R. Socialism in Theological Perspective: A Study of Paul Tillich 1918–1933. Missoula, MT: Scholars Press, 1978. 297 p.

References

1. Bart K. Tolkovanie poslanij k rimljanam i filippijcam (*Interpretation of the Epistles to the Romans and Philippians*). Moscow: Biblical Theological Institute of St. Andrew publ., 2010. 306 s.
2. Gerber Sh. Hristianstvo i cerkov' v kajzerovskoj Germanii i Vejmarskoj respublike: tendencii razvitija i osnovnye pozicii (*Christianity and the Church in Kaiser Germany and the Weimar Republic: development trends and main positions*) // Hristianstvo v obshhestvennoj, politicheskoj i duhovnoj zhizni Germanii v XX veke: sbornik statej rossijskih i nemeckih istorikov / ed by K. Krouford, T. A. Nekrasov. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2017. P. 57–64.
3. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii (*Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history*). Moscow: Mysl', 1993. 666 p.
4. Haynes S. R. «Between the times»: German theology and the Weimar «Zeitgeist» // Soundings: An Interdisciplinary Journal. 1991. Vol. 74, No. ½. P. 9–44.
5. Robinson J. M., ed. The Beginnings of Dialectic Theology. Richmond: John Knox Press, 1968. 256 p.
6. Runyon T. Exploring the Range of Theology. Eugene, Oregon, 2012. 245 p.
7. Stumme J. R. Socialism in Theological Perspective: A Study of Paul Tillich 1918–1933. Missoula, MT: Scholars Press, 1978. 297 p.

Сведения об авторе

Вирт Николай Федорович – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / v575@bk.ru

Information about the author

Virt Nikolay – postgraduate student, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / v575@bk.ru

УДК 94(470.63)083

Е. Н. Володькова

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО МИХАЙЛОВСКОГО РЕМЕСЛЕННОГО УЧИЛИЩА)

Статья посвящена изучению процесса становления и развития ремесленного образования в Ставропольской губернии во второй половине XIX в. Данная проблема сохраняет свою актуальность в связи с тем, что она крайне слабо изучена в научных трудах как на общероссийском, так и на региональном уровне, так же и по причине роста в последнее время интереса руководства страны к профессиональному техническому образованию и увеличению подобных учебных заведений в России.

В статье подчеркивается, что в пореформенный период в Российской империи начинает активно развиваться промышленное производство. Все большее количество людей вступает в новые экономические отношения, увеличивается число промышленных предприятий, требующих сотрудников, имеющих соответствующую профессиональную подготовку. Ставропольская губерния в большей степени аграрная по своей специализации, включается в изменяющиеся экономические связи и отношения. В регионе увеличивается число предприятий, осуществляющих переработку сельскохозяйственной продукции, что требует подготовленных кадров. В связи с чем возникает необходимость в открытии ремесленных школ и училищ. Функционирование данных учебных заведений и их роль в подготовке ремесленных ка-

дров крайне слабо отражена в научных исследованиях на региональном уровне.

Автор при написании научной статьи непосредственно обращается к деятельности Ставропольского Михайловского ремесленного училища. В научный оборот вводятся архивные материалы 241 фонда государственного архива Ставропольского края. В статье анализируются дела фонда, касающиеся основных вопросов обсуждаемых на заседаниях педагогических советов ремесленного училища. Автором используются сведения из архивных материалов об учебных планах училища, проведении экзаменов и переводных испытаний, статистические и хозяйственные отчеты училища. О проблемах, с которыми сталкивалось учебное заведение, можно было судить из переписки о финансировании училища со Ставропольским городским управлением и Губернской земской управой. Ряд документов отражают материально-техническое обеспечение училища, состояние преподавания и заработной платы преподавателей.

Ключевые слова: пореформенный период, профессиональное образование, ремесленное образование, Ставропольская губерния, Ставропольское Михайловское ремесленное училище.

Elena Volodkova

THE DEVELOPMENT OF VOCATIONAL EDUCATION IN STAVROPOL PROVINCE IN SECOND HALF OF XIX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF STAVROPOL MIKHAILOVSKY VOCATIONAL SCHOOL)

The article is devoted to the study of the formation and development of craft education in the Stavropol province in the second half of the XIX century. This problem remains relevant due to the fact that it is very poorly studied in scientific works both at the national and regional levels, as well as due to the recent growth of interest of the country's leadership in professional technical education and the increase in such educational institutions in Russia.

The article emphasizes that in the post-reform period industrial production begins to actively develop in the Russian Empire. An increasing number of people enter new economic relations, and the number of industrial enterprises that require employees with appropriate professional training is increasing. Stavropol province is more agrarian in its specialization, it gets involved in the changing economic relations and relations. The number of enterprises engaged in processing agricultural products is increasing in the region, which requires trained personnel. In this connection, there is need to open vocational schools and colleges. The functioning of these educational institutions and

their role in training craft personnel is very poorly reflected in scientific research at the regional level.

When writing a scientific article, the author directly refers to the activities of the Stavropol Mikhailovsky vocational school. Archival materials of 241 funds of the state archive of the Stavropol territory are put into scientific circulation. The article analyzes the Foundation cases concerning the main issues discussed at the meetings of the pedagogical councils of the vocational school. The author uses information from archival materials about school curricula, examinations and tests, statistical and economic reports of the school. The problems faced by the educational institution could be judged from the correspondence about financing of the school with the Stavropol city administration and the Provincial land administration. A number of documents reflect the material and technical support of the school, the state of teaching and salaries of teachers.

Key words: post-reform period, vocational education, craft education, Stavropol province, Stavropol Mikhailovsky vocational school.

Реформы Александра II привели к коренным изменениям в экономической жизни страны. Изменилась специфика хозяйственной деятельности как в сельской местности и провинциальных городках, так и в крупных городах Российской империи. Население все больше начинает втягиваться в новые экономические отношения. Земские организации, наряду с другими функциями, начинают знакомить крестьян с современными агрономическими знаниями. За счет средств государства и земских организаций открываются школы и курсы, где крестьянское население получает необходимые знания для более успешного ведения хозяйства. В городах увеличивается число и финансовые обороты частных компаний. Соответственно на данных предприятиях растет потребность в квалифицированных рабочих кадрах. Изменения, происходящие в Российской империи во второй половине XIX в., коснулись и Ставропольской губернии. В регионе возникла потребность в открытии ремесленных учебных заведений. Начался процесс становления и развития системы ремесленного образования в Ставропольской губернии. И если процессу становления и развития профессионального образования в региональных научных исследованиях уделяется должное внимание, то, что касается ремесленного образования, мы можем встретить лишь фрагментарные сведения в работах Т. Е. Покотиловой [10], О. Н. Неженцевой [9], Р. Г. Прокопенко [11], С. Н. Русак [12], О. И. Шафрановой [13] и др. Но в данных работах авторы не ставили целью научных изысканий проследить становление и развитие ремесленного образования в Ставропольской губернии. Что повышает значимость данного исследования.

С момента заселения территории Ставропольской губернии основным родом занятия населения было сельское хозяйство. Соответственно промышленность напрямую была связана с переработкой сельскохозяйственной продукции. Что и определило специфику промышленного производства. Из архивных документов конца XVIII в. видно, что в осваиваемом регионе при хуторах были образованы кожевенные заводы, сады с тутовыми деревьями (для разведения тутового шелкопряда), мыльные заводы, кирпичные заводы, мельницы.

В пореформенный период на Ставрополье появились крупные хозяйства предпринимательского типа. В мукомольной, маслобойной и поташной отраслях производства предприниматели проводили модернизацию оборудования, использовали паровые механизмы, нефтяное отопление, совершенствовали аппаратуру для очистки и сортировки зерна, что требовало от сотрудников, работающих с данным оборудованием специальных знаний и наличия профессионального образования.

Потребности экономического развития Ставрополья обусловили формирование в конце XIX в. системы профессионального образования. Эти же потребности определили содержание подго-

товки специалистов для сельскохозяйственной отрасли, промышленности, торговли. Крестьяне и их дети, в этих условиях, все больше нуждались в современных знаниях по плодоводству, шелководству, пчеловодству, огородничеству, что дало бы серьезную дополнительную поддержку их хозяйствам [10, с. 109]. Обучение сельскому хозяйству осуществлялось главным образом в начальных школах, общеобразовательные программы которых дополнялись занятиями по основам полеводства, виноградарства, садоводства, пчеловодства, шелководства и т. д.

Развивающаяся промышленность Ставропольской губернии во второй половине XIX века нуждалась в кадрах, имеющих профессиональную подготовку. В связи с чем, в 1868 году при Ставропольском начальном училище был открыт ремесленный класс, где готовили кузнецов, слесарей, плотников, столяров. Тогда же встал вопрос об открытии ремесленно-технической школы. Вскоре по инициативе губернатора Г. К. Власова под техническую школу был приобретен дом, принадлежавший Евгению Ганиловскому и расположенный на Никольской улице вблизи Троицкого собора [1, с. 172] (ныне проспект К. Маркса, 46). Здание, в котором находилось училище, принадлежало городскому обществу и училище пользовалось им бесплатно. В этом же здании находилась квартира смотрителя и помещения, где проживали 2 сторожа.

Ставропольское Михайловское ремесленное училище было открыто 8 ноября 1872 года. Устав училища был утвержден наместником на Кавказе и великим князем Михаилом Николаевичем 18 июня 1872 г. В честь великого князя училище было названо Михайловским. Преобразование училища произошло 1 июля 1883 г., и с этого времени оно стало относиться к учебным заведениям третьего разряда. Ежегодно из средств, отпускаемых на содержание училища, выдавались деньги для учителей и учеников для проведения праздника в честь дня открытия училища. Контроль за деятельностью училища осуществляло Министерство Народного Просвещения. Ремесленное училище было рассчитано на 40 учеников и на 10–20 практикантов, т.е. всего на 50–60 учащихся. Целью учебного заведения была подготовка подмастерьев по столярному и слесарному ремеслу.

В Ставропольском Михайловском ремесленном училище была шестидневная учебная неделя, выходной день – воскресенье. Продолжительность урока составляла 55 минут. Уроки начинались с 8.30 и продолжались до 11.25. В первой половине дня у каждого класса было по 3 урока. С 13.30 до 17.30 у всех классов ремесленного училища были занятия в мастерских [8, л. 13].

Итак, мы видим, что в ремесленном училище обучались ученики и практиканты. В данное учебное заведение поступали юноши с 14 лет. В ремесленном училище были как бесплатные, так и платные места, оплата составляла 3 рубля в год

как для учеников, так и для практикантов, которые постигали в училище только ремесленное мастерство. А содержание одного ученика в год обходилось училищу в 146 рублей. Как правило, около 50% обучающихся освобождались от оплаты за обучение из-за низкого уровня жизни.

В отчете училища за 1888 год отмечается, что «состав всех учащихся поражает своей не бедностью, а просто нищетой. Поэтому ежегодно ученикам оказывается пособие в размере, далеко превосходящем плату за обучение и доходящем иногда до 200 рублей в год на всех. Пособие выдается ежемесячно наиболее бедным от 2-х до 3-х рублей на человека, а остальным одновременно с наступлением ненастной и холодной погоды на одежду в размере 4-х рублей каждому» [5, л. 13]. Также беднейшим ученикам предоставлялись учебники, для них покупались необходимые для работы в мастерской инструменты, что давало им возможность более успешно осваивать программу ремесленного училища. Оплачивались обеды учеников, которые проживали далеко от училища и привлекались к сверхурочным работам. Финансовая помощь в случае необходимости предоставлялась и сотрудникам училища.

Не смотря на крайне низкий уровень жизни обучающихся ремесленного училища, расписание учебных занятий не давало возможности ученикам подрабатывать и совмещать учебу с работой. А дисциплина в училище была очень строгая, и прогул занятий грозил отчислением из учебного заведения. Возможность подрабатывать у обучающихся возникала только во время каникул. Оплата труда работников их уровня была не высокой и составляла от 4 до 7 рублей в месяц.

Михайловское ремесленное училище финансировалось в основном за счет средств, поступающих от Ставропольской Городской Управы. Также составными частями доходной части бюджета училища была оплата за обучение ряда учеников, проценты на капитал училища, продажа изделий учеников, оплата за заказы, выполняемые в мастерских училища, поступления от Государственного Банка по обмену процентных бумаг на деньги. Но этих средств было недостаточно, поэтому училище было заинтересовано в увеличении числа платных учеников и числа заказов от частных лиц, предприятий, публично-правовых образований. Оплата за обучение была незначительной. Она составляла 3 рубля в год. А в связи с низким уровнем жизни населения, желающих освоить ремесло за деньги было не много. Зачастую ученики освобождались от оплаты за обучение. Например, в 1893 году от оплаты в первом полугодии было освобождено 19 человек, а во втором полугодии – 17 человек [7, л. 4 об.].

Ученики изготавливали на заказ детские коляски, предметы домашнего обихода и т.д. А с 1915 г. местный комитет земского и городского союзов «Земгора», созданный в Ставрополе для снабжения армии в годы 1-й мировой войны снаряжением и вещевым довольствием, стал привлекать к выполнению заказов Ставропольское Михайлов-

ское ремесленное училище. Программные работы ученики выполняли самостоятельно. Работы учеников либо использовались самим училищем, либо продавались. А вот специализированных базаров и специальных выставок ученических работ ремесленным училищем не устраивалось, что могло бы дать дополнительные средства на содержание учебного заведения. Руководство ремесленного училища объясняло это теснотой помещений. Ученики, выполнившие в мастерской программные работы, могли привлекаться к исполнению заказов от населения и организаций. В зависимости от степени владения мастерством они либо полностью выполняли заказ, либо какую-то его часть. Для учета ученических работ и работ, которые выполнялись в училище учениками и мастерами под заказ, велся специальный журнал. В данном журнале проводились расчеты по расходованию материалов на конкретный заказ и рассчитывалась прибыль по каждому заказу; определялась ответственность лица, принявшего заказ, в случае, если было израсходовано материалов на большую сумму, чем сумма самого заказа; отражались претензии заказчиков, если заказ исполнялся не в срок, так как за срочность училище взимало дополнительную плату. Если ученики в ремесленных мастерских зарабатывали на заказах достаточно денег руководство училища не скупились и могло купить ученикам спецодежду, например, суконные блузки с кожаными рукавами [2, л. 5 об.] для работы в мастерских.

Денежные средства ремесленного училища расходовались на ремонт здания, покупку и ремонт инструментов ремесленных мастерских, отопление и освещение помещений училища, очистку труб и двора, покупку материалов для ученических работ и заказов, каменного и древесного угля, учебных пособий и канцелярских товаров, оплату жалования вольнонаемным мастерам, которые выполняли заказы, поступающие в ремесленные мастерские училища.

Специально созданная комиссия отслеживала хозяйственную деятельность совета Ставропольского Михайловского ремесленного училища. Денежных средств не хватало, в связи с чем смотритель училища регулярно обращался в Городскую Управу с просьбой осуществить осмотр помещений накануне начала учебного года и своими глазами убедиться в том, что помещение нуждается в ремонте, начиная с косметического ремонта помещений учебного заведения (покраска дверей, побелка стен классов, замена или ремонт дверей, окон, ремонт туалета) и заканчивая капитальным ремонтом ремесленных мастерских.

Штатный состав Михайловского ремесленного училища включал смотрителя училища, законоучителя, учителей наук и языков, штатных мастеров (слесаря, столяра, кузнеца, молотобойцев), двух сторожей. В 1889 г. смотритель училища преподавал геометрию, физику, технологию металлов и дерева; Закон Божий преподавал священник Иоанн Бойко; арифметику и рисование во всех классах, русский язык во 2-м и 3-м клас-

сах, историю и чистописание в 1-м классе преподавал И. П. Матвеев; черчение во всех классах, геометрию и историю во 2-м классе преподавал Н. Л. Ларионов. Слесарное мастерство преподавал мастер В. И. Рублев, столярное – Г. В. Алексеев, кузнечное – Т. Г. Шальнев [6, л. 1 об.]. Смотритель училища – К. И. Дементье, учителя Н. Л. Ларионов, И. П. Матвеев имели высшее образование. Уровень подготовки преподавателей ремесел оставлял желать лучшего. Большая часть мастеров в училище были безграмотными и сами не получили специального ремесленного образования. Но из-за низкой заработной платы преподавателям ремесла в училище существовала проблема с кадрами. Весь преподавательский состав училища были мужчины православного вероисповедания.

Врача при училище не было. Но несмотря на это, руководство училища отслеживало состояние здоровья обучающихся в течение года. Чаще всего ученики болели лихорадкой, простудой, получали вывихи или ушибы и т.д.

Ставропольское Михайловское ремесленное училище, заинтересованное в улучшении кадрового состава педагогического коллектива и мастеров училища, пригласило на должность учителя слесарного мастерства Я. И. Сухоносова, который ранее преподавал в Елизаветпольском профильном училище в течение 5 лет, а затем в мастерских Закавказской железной дороги. Я. И. Сухоносов окончил курсы училища царевича Николая в Санкт-Петербурге и имел хорошие рекомендации.

Преподаватели Михайловского ремесленного училища регулярно давали открытые занятия, на которых могли присутствовать директор и инспектор народных училищ и учителя других учебных заведений города Ставрополя. Что позволяло руководству контролировать учебный процесс, отслеживать уровень профессионализма педагогических работников, обмениваться опытом и повышать уровень мастерства присутствующим на открытых занятиях педагогам.

Параграф 13 Устава Ставропольского Михайловского ремесленного училища определял, что в училище принимаются мальчики: 1) окончившие курс в начальных двухклассных училищах; 2) прошедшие курс двух низших классов гимназии; 3) выдержавшие соответствующий первому пункту экзамен [2, л. 1]. До преобразования училища в 1883 г. в него принимались лица, окончившие курс одноклассных начальных училищ. А экзамены сводились к проверке 4-х действий математики над целыми числами и умению писать. Умение писать понималось в буквальном смысле слова. Столь легкое поступление в училище способствовало увеличению числа желающих и из-за нехватки мест им приходилось отказываться в поступлении. Те, кто не прошел испытание в училище не принимались. В училище поступали по свидетельству из казенных, общественных и частных училищ, из лиц, получающих домашнее образование.

Большая часть обучающихся, поступающих в училище, получали образование либо дома, либо окончили первый класс гимназии, либо подготовительный или первый класс духовного училища, тех же, кто окончил начальное училище было меньшинство. Разница в уровне подготовки поступающих учеников сказывалась на учебном процессе и значительно затрудняла его успешное освоение поступившими.

Учебный год в училище длился с 22 сентября по 14 мая, обучающиеся учились в течение 162 дней. В каникулярное время обучающимся выдавался отпускной билет, в котором указывалось учебное заведение, ФИО ученика, класс и дата окончания каникул. Длительность обучения составляла три года. Все три года обучения ученики изучали Закон Божий – 2 урока в неделю; русский язык – 2 урока в неделю; черчение и рисование – 2 урока в неделю, арифметику – 2 урока в неделю, геометрию – 2 урока в неделю. В первом и втором классах изучали географию – 1 урок в неделю; русскую историю – 1 урок в неделю; чистописание – 1 урок в неделю; в третьем классе изучали технологию и моделирование – 2 урока в неделю. Также с обучающимися проводились беседы по физике, механике, обработке металлов и дерева [2, л. 1 об.]. Занятий по физической культуре учебным планом заведения предусмотрено не было. Перевод в следующий класс осуществлялся по результатам экзаменов. Тем, кто не выдержал экзамены для перевода в следующий класс назначалась переэкзаменовка.

У каждого класса был свой кабинет для занятий, также имелся чертежный класс, общий зал для сбора учеников, библиотека, ремесленные мастерские. Парты у учеников в учебных кабинетах были с откидными крышками.

В Ставропольском Михайловском ремесленном училище преподавали в основном столярное и слесарное мастерство, а кузнечное мастерство в пределах потребностей слесаря. Занятия в мастерских проходили после обеда по 4 часа ежедневно, кроме воскресенья. Требования к освоению ремесел были аналогичны требованиям училища царевича Николая в Санкт-Петербурге. Специального экзамена по ремеслу в училище учебным планом не было предусмотрено. При оценке успеваемости обучающихся обращалось внимание на время, которое тратил ученик на изготовление того или иного изделия и качество его исполнения. Помещение слесарной мастерской было не очень удобно по размещению комнат, что затрудняло контроль мастера за работой учеников. Кузня была совершенно не приспособлена для проведения занятий в холодное время года. В слесарной мастерской была самоточка, строгальный и сверлильный станок, токарный станок по металлу и др.; в столярной мастерской осуществлялась ручная обработка дерева.

По национальной принадлежности в училище обучались в основном русские, но были и представители других национальностей, например, армяне. По религиозной принадлежности в ос-

новном православные, но были также и католики, и представители григорианской церкви и лютеране. По социальной принадлежности – дети мещан, крестьян, низших чиновников, очень редко – дети дворян, купцов и священнослужителей.

Обучающиеся пропускали занятия крайне редко и в основном по уважительным причинам: по болезни, семейным обстоятельствам, в связи с исполнением служебных обязанностей, вызова в суд и др. Крайне редко исключали из училища по причине неуспеваемости и за неудовлетворительное поведение. Если у учеников была низкая успеваемость в освоении учебных дисциплин, их переводили в число практикантов.

В 1893 г. в Михайловском ремесленном училище числилось 44 обучающийся, из них учеников – 31 человека, практикантов – 13 человек. В 1893 году в училище обучали столярному и слесарному мастерству. В слесарной мастерской обучалось 24 ученика и 7 практикантов, в столярной мастерской – 7 учеников и 7 практикантов [2, л. 4 об.]. Как мы видим, более востребованным было слесарное мастерство, так как оно было в большей степени востребовано в сельскохозяйственном регионе.

Объем занятий в мастерских в неделю составлял 20 часов. Как отмечают преподаватели училища, этого времени было крайне недостаточно для постижения ремесла. Поэтому начиная с 1890 года стало практиковаться проведение летних занятий ремеслом с 1 по 15 июля. В летний период обучающиеся работали в мастерских по 8 часов ежедневно, что способствовало повышению их профессионального уровня и практических навыков. Особое внимание уделялось сборке сельскохозяйственных машин. В 1893 г. для обучающихся смотрителем училища было организовано посещение двух паровых маслобойных заводов. На одном из этих заводов работал механиком воспитанник училища, окончивший учебное заведение в 1890 г. Что подтверждает мысль о том, что училище отслеживало, по возможности, профессиональную судьбу своих выпускников. Так как в летнее время учебный процесс длился в течение 8-ми часов, ремесленное училище организовывало бесплатное питание для учеников, далеко живущих от училища.

При ремесленном училище была библиотека. Она была укомплектована учебными пособиями по истории, географии, математике, естественным наукам, чистописанию, рисованию и т.д. Фонд библиотеки ежегодно пополнялся новыми экземплярами книг, атласов, чертежей. Периодически библиотека училища получала книг в дар. В 1893 г. Санкт-Петербургский императорский сельскохозяйственный музей подарил училищу атлас конструкторских чертежей сельскохозяйственных машин и орудий. А вот учебников или книг, написанных преподавателями ремесленного училища, в библиотеке не было. Преподавательский состав научной и учебно-методической работой не занимался, за исключение смотрителя, который являлся автором ряда статей, выходивших

не только в местных газетах, но и в общероссийских журналах. Библиотекой могли пользоваться как преподаватели, так и ученики училища.

В училище пансиона не было. Приезжие ученики жили либо у родственников, либо в арендованных квартирах, ставропольчане жили с родителями.

Ставропольское Михайловское ремесленное училище активно сотрудничало и всячески взаимодействовало с другими образовательными учреждениями города Ставрополя. Например, 20 апреля 1884 г. попечительский совет Ольгинской женской гимназии обратился к руководству ремесленного училища с просьбой, допустить в мастерские училища специалиста, который выточит для гимназии необходимые ей детали [4, л. 3]. Преподаватели училища участвовали в испытаниях, предшествующих назначению лиц на должность учителя Ставропольского Александровского начального училища. С 26 декабря 1889 г. по 6 января 1890 г. смотритель училища Дементьев принимал участие в деятельности съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. Он был отправлен на съезд с целью более эффективной организации обучения ремеслу в Ставропольской губернии. На поездку ему было выплачено 100 рублей из средств города, а 100 рублей ему предоставил попечительский совет училища [5, л. 19].

В Ставропольском Михайловском ремесленном училище не было попечительства или общества, которое отслеживало бы судьбу учеников, окончивших данное учебное заведение и ежегодной статистики, касающейся данного вопроса у училища тоже не было, оно ее не вело и судьбу каждого ученика не отслеживало. В ряде случаев она отражена в отчетах училища за разные годы. Подтверждением чего служат данные отчета за 1893 г. В 1893 г. окончили курс в звании подмастерьев 4 ученика. Из них один столяр и один слесарь состояли при мастерских училища подмастерьями, третий – слесарь состоял в ремесленной мастерской в имении Безминовых в Ставропольском уезде, четвертый выехал из города [7, л. 1]. Ставропольское Михайловское ремесленное училище по мере возможности поддерживало связь со своими бывшими учениками, рекомендуя их лицам, ищущим мастеров. Выпускники училища, как правило, пристраивали в городские мастерские, частные ремонтные мастерские, на мельницы и т.д.

Михайловское ремесленное училище регулярно посещали директор и инспектор народных училищ. Они осматривали мастерские училища, знакомились с работами учеников, присутствовали на занятиях и экзаменах учеников, могли задавать вопросы обучающимся. Например, при посещении училища 26 января 1893 г. инспектор М.Р. Заводский во 2-м классе задавал вопросы на уроках русского языка и математики, а в 3-м классе на уроках физики, геометрии, арифметики и русского языка [7, л. 3].

В отчетах Ставропольского Михайловского ремесленного училища обращалось внимание

и на трудности, с которыми сталкивается училище в процессе организации учебного процесса. Поднимался вопрос нехватки учебных коллекций по изучению ремесел, и если в первые 4 года существования училища они закупались на средства Городской Управы, то далее на их закупку приходилось изыскивать собственные мизерные средства училища. Также крайне негативно сказывалось на объеме финансирования деятельности учебного заведения расхожее мнение общественности о том, что у учеников ремесленного училища нет необходимости в освоении наук. В журнале заседаний совета училища за 10 августа 1884 г. [3, л. 7] смотритель обращает внимание членов совета на то, что у училища нет приспособлений для изготовления сельскохозяйственной техники, например, плугов, которые очень востребованы на региональном рынке и их изготовление могло бы приносить училищу дополнительную прибыль. Смотрителем регулярно поднимался вопрос о повышении оплаты труда учителям ремесел, что напрямую влияло на уровень подготовки мастеров, работающих в ремесленном училище и на качество подготовки обучающихся. Низкий уровень знаний мастеров не представлял возможности давать высокопрофессиональные комментарии действий учеников во время работы в мастерских, при выполнении ученических работ, заказов и т.д. Но это хоть как-то компенсировалось преподаванием курса обработки металлов и дерева.

Итак, мы видим, что Ставропольское Михайловское ремесленное училище было открыто как следствие реформ Александра II. Организация учебного процесса и учебные планы была заимствована у аналогичного ремесленного учебного

заведения в Петербурге. В связи со спецификой региона ремесленное училище готовило в основном столяров и слесарей. Причем, слесарное мастерство пользовалось большей популярностью у обучающихся в связи с востребованностью данной профессии на предприятиях Ставропольской губернии. Учебное заведение осуществляло тесное сотрудничество с промышленными предприятиями региона, куда регулярно водило своих учеников на экскурсии. Зачастую на данных предприятиях работали выпускники училища.

Ставропольское Михайловское ремесленное училище удовлетворяло потребности Ставропольской губернии в подготовке штата сотрудников для мельниц, пивоварен, маслобоен, ремесленных мастерских, кузней и других промышленных предприятий. Также выпускники были востребованы в качестве мастеров, осуществляющих ремонт сельскохозяйственной техники.

Ставропольская губерния была аграрным регионом, промышленное производство здесь было развито слабо, а существующие предприятия в большей части занимались переработкой сельскохозяйственной продукции. Активное обновление оборудования на данных предприятиях прошло во второй половине XIX в. Для работы с новым оборудованием нужны были квалифицированные специалисты, подготовкой которых занималось Ставропольское Михайловское ремесленное училище. Обучающихся знакомили с оборудованием заводов по переработке сельскохозяйственной продукции, сборкой таких сельскохозяйственных машин как косилки, молотилки и др. Подготовка ремесленных кадров училищем, в первую очередь, была ориентирована на специфику экономики региона.

Источники и литература

1. Беликов Г. А., Савенко С. Н. Облик старого города. Ставрополь: Издательство «Снег», 2007. 496 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 10.
4. ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 17.
6. ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 24.
8. ГАСК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43а.
9. Неженцева О. Н. Реализация государственной политики Российской империи в сфере образования на Ставрополье во второй половине XIX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 251 с.
10. Покотилова Т. Е. Народное образование в Ставропольской губернии в конце XIX века в контексте «стабилизирующих контрреформ» // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №4. С. 107–112.
11. Прокопенко Р. Г. Особенности реализации программы всеобщего начального образования в сельской местности Ставропольской губернии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. №10. С. 89–96.
12. Русак С. Н. Становление и развитие среднего образования на Ставрополье в условиях реформирования системы просвещения в XIX – начале XX века: на примере Ставропольской мужской гимназии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 178 с.
13. Шаfranова О. И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX начале XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2004. 25 с.

References

14. Belikov G. A., Savenko S. N. Oblik starogo goroda (*Appearance of the old city*). Stavropol: «Snow» Publishing House, 2007. 496 p.
1. State Archive of Stavropol Krai (GASK). 241. Inv. 1. D. 4.
2. GASK. F. 241. Inv. 1. D. 10.
3. GASK. F. 241. Inv. 1. D. 13.

4. GASK. F. 241. Inv. 1. D. 17.
5. GASK. F. 241. Inv. 1. D. 18.
6. GASK. F. 241. Inv. 1. D. 24.
7. GASK. F. 241. Inv. 1. D. 43a.
8. Nezhtentseva O. N. Realizacija gosudarstvennoj politiki Rossijskoj imperii v sfere obrazovanija na Stavropol'e vo vtoroj polovine XIX veka (*Implementation of the state policy of the Russian Empire in the field of education in Stavropol in the second half of the XIX century*): abstract of thesis. Pyatigorsk: PSLU publ., 2008. 251 p.
9. Pokotilova T. E. Narodnoe obrazovanie v Stavropol'skoj gubernii v konce XIX veka v kontekste "stabilizirujushhih kontrreform" (*Public education in Stavropol province at the end of the 19th century in the context of «stabilizing counterreforms»*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2017. No.4. P. 107–112.
10. Prokopenko R. G. Osobennosti realizacii programmy vseobshhego nachal'nogo obrazovanija v sel'skoj mestnosti Stavropol'skoj gubernii (*Features of implementation of the universal primary education program in rural areas of Stavropol province*) // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2011. No. 10. P. 89–96.
11. Rusak S. N. Stanovlenie i razvitie srednego obrazovanija na Stavropol'e v uslovijah reformirovanija sistemy prosveshhenija v XIX – nachale XX veka: na primere Stavropol'skoj muzhskoj gimnazii (*Formation and development of secondary education in Stavropol in the conditions of reforming the education system in the XIX – early XX century: by the example of the Stavropol men's gymnasium*): abstract of thesis. Pyatigorsk: PSLU publ., 2005. 178 p.
12. Shafranova O. I. Obrazovanie, obshhestvennaja i professional'naja dejatel'nost' zhenshhin Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX nachale XX v. (*Education, social and professional activity of women of the North Caucasus in the second half of the XIX – early XX century*): abstract of thesis. Stavropol: SSU publ., 2004. 25 p.

Сведения об авторе

Володькова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / e.volodkova@yandex.ru

Information about the author

Volodkova Elena – PhD in History, Associate Professor, Chair of Theory and Methodology of History and Social Science, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / e.volodkova@yandex.ru

УДК 94(3)

С. С. Казаров

СВЯТИЛИЩЕ НИМФ (НИМФЕЙ) В АПОЛЛОНИИ В ЭПИРЕ

Представленная статья, посвященная, святилищу нимф (Нимфею) в Аполлонии в Эпире, никогда не была предметом исследования отечественных антиковедов. Разнообразная и богатая природа Эпира, области на северо-западе Греции, изобилующая непроходимыми горами, бьющими из-под земли источниками, загадочными пещерами, казалась грекам таинственной и загадочной. Не случайно уже в глубокой древности здесь возникло около десятка различных святилищ и оракулов, посвященных различным персонажам древнегреческого пантеона – Зевсу, Дионе, Аполлону, Асклепию и т.д., самым известным из которых было святилище Зевса в Додоне. Не был исключением в этом смысле и основанный коринфянами город Аполлония, где существовало святилище нимф, известное как Нимфей. Культ нимф был широко распространен как в самой

Древней Греции, так и в основанных её жителями колониях, ярким примером чего является город Нимфей, расположенный недалеко от Пантикапея. Культ нимф олицетворял не только разнообразные силы природы, но представлял собой некое женское начало. Согласно новейшим археологическим исследованиям доказано, что святилище находилось внутри городских стен. Одним из достоверных фактов, свидетельствующих о функционировании святилища, являлись Нимфейские игры, в которых участвовали атлеты из всей Греции и победа в которых считалась значимой и почетной. Не имея значения политического центра, свое религиозное значение святилище Нимф сохраняло даже в период господства Римской империи.

Ключевые слова: Эпир, святилище, Аполлония, нимфа, божество.

Sergey Kazarov

THE SANCTUARY OF NYMPHS (NYMPHEUM) IN APOLLONIA IN EPIRUS

The presented article, dedicated to the sanctuary of the nymphs (Nymphaeum) in Apollonia in Epirus, has never been the subject of research by domestic scientists. The diverse and rich nature of Epirus, an area in northwestern Greece, teeming with impassable mountains, spouting springs from underground, mysterious caves, seemed mysterious to the Greeks. It is no accident that already in antiquity about a dozen different sanctuaries and oracles arose here dedicated to various characters of the ancient Greek pantheon – Zeus, Dion, Apollon, Asclepius, etc., the most famous of which was the sanctuary of Zeus in Dodona. The city of Apollonia, founded by the Corinthians, was not an exception in this sense, where there was a sanctuary of nymphs known as Nymphaeum. The cult of nymphs was

widespread both in Ancient Greece itself and in the colonies founded by its inhabitants, a striking example of which is the city of Nymphaeum, located near Panticapaeum. The cult of nymphs personified not only the diverse forces of nature, but represented a certain feminine principle. According to the latest archaeological research, it was proved that the sanctuary was inside the city walls. One of the reliable facts testifying to the functioning of the sanctuary was the Nymphaeum games, in which athletes from all over Greece participated and the victory in which was considered significant and honorable. Without the importance of a political center, the nymph sanctuary retained its religious significance even during the reign of the Roman Empire.

Key words: Epirus, sanctuary, Apollonia, nymph, deity.

Как мы уже пытались показать в ряде своих статей, территория Эпира, суровой и горной области на севере Греции, ввиду особенности и причудливости своего ландшафта была прибежищем различного рода святилищ и оракулов. Как справедливо отметил Р. Бьюмонт, горы, реки и долины северо-запада Греции уже сами по себе являлись безмолвными источниками божественного присутствия [2, p. 61–62]. Помимо общегреческого святилища с оракулом Зевса в Додоне, здесь располагались и святилище Асклепия в Буфроте, и оракул мертвых на Ахеронте, и святилище Афины Паллады в Хаонии, и ещё одно святилище Зевса, но уже в молосском Пассароне и т.д. [8, s. 158, 164, 170, 172].

Определенное место в ряду этих святилищ занимало святилище нимф – Нимфей (лат. *Nymphaeum*), возле Аполлонии, небольшого города на территории Эпира. Наличие святилищ, посвященных таким авторитетным олимпийцам, как Зевс, Афина или Асклепий не кажется нам удивительным, но вот существование святилища нимф в Эпире на первый взгляд не может не удивлять. Разнообразная природа Эпира неизбежно привела к её обожествлению, отражением которой и стало поклонение нимфам – второстепенным божествам, обитающим не на высоком Олимпе, а в тени лесов (нимфы-дриады), у журчащих ручьев с прохладной водой, способной утолить жажду уставшего путника (нимфы-наяды), нимф,

обитательниц горных пустынь (нимфы-дриады), олицетворяющих «ласковые морские волны» нимфы-нереиды. Как справедливо отмечал Ф. Ф. Зелинский, «...древний эллин чувствовал и видел бога... в желтеющей ниве, в душистой роще, в наливающейся благодати плодового сада Он кружил себя и свою человеческую жизнь целым сонмом природных божеств, то ласковых, то грозных, но всегда участливых» [1, с. 40–41].

Надо сказать, что культ Нимфы был весьма популярен на всей территории Древней Греции. Наиболее известным нам является основанное в VI в. до н.э. посвященное Деметре святилище нимф, получившее название Нимфей и находившееся в 17 км от Пантикапея и из которого, по-видимому, затем возникло городское поселение, имевшее черты полиса. Страбон описывает его как город с «прекрасной гаванью» (Strab. VII. 4.4). В Аркадии, области на Юге Греции, находилась целая область, получившая название Нимфада. Как указывает Павсаний, она была богата «проточными водами», а также имела богатую растительность (Paus. VIII. 34.3). Таким образом, и здесь культ нимф находился в тесной связи с разнообразной и живописной природой региона.

Ещё одно известное культовое место Древней Греции располагалось недалеко от дороги из Сициона во Флиунт. Здесь недалеко от храма Геры Простасии и Коры находилась особая священная территория, где свои праздники отмечали исключительно женщины. В Нимфейоне находились статуи Диониса, Деметры и Коры (Paus. II. 11.3). Данный пассаж Павсания, как нам кажется, позволяет сделать ещё одно важное предположение: культ нимф являлся олицетворением некоего женского начала в древнегреческой религии и мифологии.

Даже в Малой Азии, в Сирии между устьем реки Оронт и Касием находилась священная гора Нимфей (Strab. XVI. 2.9).

Прежде всего, хотелось бы кратко обобщить все сведения, которые известны нам об Аполлонии. Подобно большинству колоний, расположенных на территории Эпира, она была основана коринфянами. Когда в этот район прибыла группа коринфян в 200 человек под руководством некоего Гилакса, данная территория была местом проживания иллирийцев. Тем не менее, колония здесь была основана, и в правление тирана Периандра получила временное названия Гилаксея (Steph. Byz. v. Apollonia). Хотя известный афинский историк Фукидид причисляет её к колониям коринфян (Thuc. I. 26.2), некоторое число жителей Керкиры также приняли участие в её основании. Впоследствии поселение получила название Аполлония по имени Аполлона, бога-покровителя её основателей (Plin. N.H. III. 145; Strab. VII. 5.8; Paus. V. 22.3). Подобно большинству коринфских колоний Аполлония сохраняла верность и преданность своей метрополии, однако можно предположить, что со временем их общие интересы и связи начали постепенно утрачиваться. Связи Коринфа с его колонией Аполлонией, скорее всего, прерва-

лись в к. V в. до н.э. Тем не менее, в двух небольших конфликтах с участием коринфян жители Аполлонии выступили именно на их стороне. Когда Коринф и Аполлония совместно покоряли область Трония и Абантиды, они, по всей вероятности, пытались обезопасить сухопутный маршрут, который коринфяне использовали в 435 г. до н.э.

Некоторый интерес представляют и обнаруженные около Аполлонии памятники материальной культуры. Однако они не столь многочисленны. Во-первых, это обнаруженный на территории Аполлонии надгробный камень, датируемый второй половиной VI в. до н.э., а также остатки импортируемой из Коринфа керамики. Нередки здесь и остатки аттической краснофигурной и чернофигурной керамики.

Короткие и отрывочные сведения о самом святилище нимф – Нимфее в Аполлонии, мы находим и у античных авторов, – как греческих, так и римских. Все они демонстрируют по отношению к святилищу уважительное и даже почтительное отношение.

Впервые это культовое место упоминается Аристотелем и особенно часто – авторами эпохи Римской республики, точно также, как и авторами, писавшими в Римскую императорскую эпоху (Arist. mir. 127; Strab. VII. 36.8; 42,49,10; Plin. Nat.hist. 3, 26 (145); Plut. Sull. XXVII. 1; Dio. Cass. 41.45.3).

Не менее важен вопрос о локализации святилища и примерной датировке его основания. Аполлония была основана примерно в 600 г. до н.э. в южной Иллирии в области местного племени Тавлантиев возле современной гавани Поджьяни. Противоречивость источников не позволяет нам дать однозначный ответ на вопрос, была ли она исключительно коринфской колонией или же была основана совместно Коринфом и островом Керкирой. В качестве коринфской колонии её упоминают Фукидид (I.26.2), Плиний (Plin. Nat. hist. 3. 26 (145), Плутарх (Plut. Mor. 552 E-F), Дион Кассий (Cass. Dio X, 42; 41, 45, 1), Стефан Византийский (Steph. Byz. Apollonia и Gulakeia). О том, что Аполлония была совместной колонией Коринфа и Керкиры, указывают Псевдо-Скимн (Ps.-Skymn. 439-440), Страбон (Strab. VII. 5.8) и Павсаний (Paus. V. 22.4). Исследования не могут дать более ясного ответа на вопрос, в какой мере эти противоречивые общие основания дают более или менее ясный ответ на вопрос о влиянии эллинов Средней или Южной Греции на Севере Греции в V в. до н.э. При царе Пирре, который проводил активную политику объединения страны под своей властью, город был включен в Союз эпиротов [4, p.77, 79: «Apollonia est le port naturel de la partie septentrionale de l'Épire, tout comme Ambracie joue ce rôle pour les régions méridionales. Que le souverain eacide ait accordé un statut particulier à la grande cité portuaire, c'est très vraisemblable»]. Однако затем уже во второй половине III в. до н.э. город вышел из состава союза, а в 229 г. из-за иллирийских набегов добровольно перешел под протекторат Рима.

На основе упоминаний античных авторов о святилище в Нимфее нельзя сделать заключение о ясной локализации Аполлонии [7, p. 377–379; 9, p. 108; 6, p. 231–234]. Хотя открытые в Аполлонии архитектурные остатки относятся к IV–III вв. до н.э., некоторые из них были идентифицированы как Нимфей. Хотя античные авторы практически не упоминают внутреннюю структуру Нимфея, местоположение святилища внутри городских стен современными авторами выводится в качестве основополагающего вывода.

Сохранившиеся пассажи, упоминающие Нимфей, в общем виде представляют из себя следующую картину:

Arist. mir. 127. (842 в 11):

Ἐν δὲ Ἀπολλωνίᾳ τῇ πλησίον κειμένη τῆς τῶν Ἀμαντίων χώρας φασι γίνεσθαι

Liv. 42, 36, 8: ad Nymphaeum in agro Apolloniati

Liv. 42, 49, 10: ad Nymphaeum in Apolloniatum agro (C. 180).

Strab VII. 5.8:

Ἐν δὲ τῇ χώρᾳ τῶν Ἀπολλωνιατῶν καλεῖται τι Νυμφαῖον

Plin. Nat. hist. 3, 26: Apollonia ...cuius in finibus celebre Nymphaeum accolunt barbari Amantes et Builliones

Cass.Dio. 41,45,2-3:

Ἦρ πολὺ πρὸς τῷ Ἀώῳ ποταμῷ ἀναδίδεται... Νυμφαῖον ὀνομάζεται

Plut. Sulla 27,1:

Ἀπολλωνία...καὶ πρὸς αὐτὴν τὸ Νυμφαῖον, ἰερὸς τόπος

Ampellius 8,1: Apolloniae ad Amantiam milia passus quinque in monte Nymphaeo, ubi ignis est et de terra flamma.

По мнению Н. Мустакиса, упоминаемые латинские понятия *ager*, *finis* и греческое *χώρα* ясно означают, что Нимфей следует искать не вне территории Аполлонии, а внутри городских стен [8, s. 181].

Относительно локализация Нимфея существует обоснованное мнение, что святилище находилось около современного местечка Селеница. Подобной позиции придерживаются английский путешественник В. Лик [7, p. 377–379]; итальянский археолог, профессор Л. Уголини [9, p. 108] и английский историк и археолог Н. Хэммонд [6, p. 231–234]. Это предположение может показаться убедительным, поскольку месторождение битума, располагающиеся у поселения Селеницы, достаточно хорошо описано античными авторами в качестве примера природного феномена, находившегося поблизости от Нимфея (см.: Arist. mir. 127; Strab. VII. 5.8; Plut. Sulla. 27; Ampellius. VIII. 1).

Не менее важен вопрос о зоне влияния и определение значимости святилища.

Приведенные выше тексты указывают на значение культовых мест Аполлонии, Аманции и Биллиса (или Биллиак). Аманция с древними развалинами была идентифицирована у местечка Плокё. Гавань V в. до н.э. была укреплена и достроена во второй половине III в. до н.э., укрепления которой достигали 20 м в высоту, а стены достигли в длину приблизительно 2100 м. Греческий историк Н. Мустакис предполагает, что Аманция была заменена в качестве прибрежного города вместо разрушенного Трония в качестве главного порта жителей региона [8, s. 182]. Аманция вероятно при Пирре стала членом симмахии эпиротов, выйдя между 268–232 гг. из этой симмахии. По мнению же П. Кабанеса, такие соседние регионы, как Паравея, Тимфея и Атинтания, по крайней мере, до 230 г. до н.э. были в составе Эпира и говорит о стабилизации границ государства на юге вплоть до восхождения на престол Эпира Александра II [4, p. 80].

Находящийся неподалеку городок Биллис (Биллиак) с древними остатками укреплений современными исследователями идентифицируется с современным Градишти. В середине IV в. до н.э. территория размером в 30 га была хорошо укреплена. Политически значимо, что Биллис (Биллиак) при Пирре, вероятно, был присоединен к симмахии эпиротов. Город выдвинулся в III в. до н.э. в качестве центра Союза (Койнон) Биллионов и выбыл в конце III в. до н.э. из Эпиротского союза. Основанием для этого служит тот факт, что Союз (Койнон) Биллионов упоминается в одной из додонских надписей (SEG 24 (1969), 449), гипотетически датируемой серединой IV в. до н.э. [8, s. 183].

То, что сфера влияния Нимфея распространялась на три вышеназванных города, можно подтвердить посредством сравнения монетных символов (изображениями на аверсе и реверсе) этих городов. Так, употребляемые всеми тремя городами их монетные изображения находятся в тесной связи с Нимфеем. При этом, однако, они имеют некоторые индивидуальные различия, так, что нельзя не заметить, что оба маленьких городка, Аманция и Биллис, опирались на монетные стандарты Аполлонии, так что можно предположить, что Нимфей мог, в силу этого предположения на основе скудных источников, по крайней мере, с IV в. до н.э. являлся культовым местом регионального значения. Очарование места в силу тогдашнего природного феномена и, вероятно, только один функционировавший в это время оракул в регионе, наверняка обеспечивал ему некую привлекательность.

Политические функции этого культового центра, во всяком случае, в силу скудости или, точнее, отсутствия источниковой базы, наверняка не могли быть установлены. Нам, в противоположность мнению Пьера Кабанеса, кажется сомнительным, что на основе двух надписей соответственно III в. до н.э. и II вв. до н.э. с упоминанием некоего жреца из Нимфея, едва ли это культовое место может располагаться вне стен города.

Прежде всего, на основании находок – обе надписи найдены на территории Аполлонии, по моему мнению, следует принять, что в обоих упомянутые жрецы из города Аполлония имели отношение к культу нимф. Следовательно, упомянутый Нимфей может быть обнаружен внутри городских стен. При этом допускается версия, что Нимфея было два: один располагался внутри стен города, другая его часть – за таковыми (обоснование подобной версии мы предпримем ниже). В самом городе Аполлонии существовал культ Нимфы, но этот культ не был связан с соседней сельской округой, поэтому мнение, что святилище выполняло какие-либо важные политические функции, едва ли может считаться корректным. К тому же эпиграфических доказательств политического значения Нимфея в Аполлонии на сегодняшний день не существует. Но описание античных авторов указывают на то, что роль Нимфея заключалась в установлении и сохранении идентификационных маркеров для региона, в котором располагались Аполлония, Аманция и Биллис.

Важнейшим событием, позволяющим высветить общегреческое значение эпирского Нимфея, были спортивные состязания, проводившиеся при святилище, и известные нам исключительно из эпиграфических источников.

Сложно сказать, где проводились эти состязания – внутри или вне городских стен. Во всяком случае, сомнительно то, что нимфейские состязания второй половины II в. до н.э. могли происходить внутри стен города Аполлонии, где располагалось святилище. В качестве одной из

дисциплины, по которым проходили спортивные состязания, являлись скачки, что определено следует из текста надписи, обнаруженной в Аполлонии [8, s. 185]. Авторитет и значимость Нимфейских игр подтверждается тем, что они привлекали сюда даже атлетов из самых отдаленных уголков Греции. Так, в одной из надписей, посвященной неким победителям с острова Делос, датируемой приблизительно II в. до н.э., среди других многочисленных триумфаторов упоминается атлет, добившийся победы на Нимфейских играх в Аполлонии (Νιμφαῖα τὰ ἐν' Ἀπολλωνίᾳ). В другом списке из Афин среди добившихся победы на играх Νᾶα в Додоне и ряде других состязаний (каких, не удастся понять из-за поврежденности текста), упоминается победа и на Нимфейских играх в Аполлонии (IG 2, 3147). Повторимся, что информация об этих состязаниях становится известной исключительно благодаря раскопками, проводившимся в Нимфее из Аполлонии и давших разнообразный археологический материал. Эти упоминающие победителей надписи, обнаруженные у Селеницы, касались святилища Нимфея и имели, прежде всего, региональное значение для Аполлонии, Аманции и Биллиса.

Таким образом, святилище Нимфеев в Эпире ко II в. до н.э. в ряду других святилищ Эпира занимало свое особое место, добавляя пестроту и разнообразие в картину религиозной и мифологической жизни северо-запада Греции.

Об одном можно лишь сожалеть: имеющиеся в нашем распоряжении как нарративные, так и эпиграфические источники оставляют открытым вопрос о религиозной жизни самого святилища.

Источники и литература / References

1. Зелинский Ф. Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. 330 с.
2. Zeliński F. F. Elliniskaya religiya (*Hellenic religion*). Minsk: Econopress publ., 2003. 330 p.
3. Beaumont P. Corinth, Ambrakia, Apollonia // *Journal of Hellenic Studies*. 1952. P. 62–72.
3. Blawatski W. D. Apollonia et les Illyriens // *Actes du VIII-e Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Beograd 9–15 septembre 1971. Belgrad, 1971. P. 235–239.
4. Cabanes P. Les modifications territoriales et politiques en Illyrie meridionale et en Epire, au III siècle et dans la premiere moitié du II siècle av.n.ere. // *Iliria*. No.16. 1986. P. 75–93.
5. Cabanes P. Les politarques en Epire et en Illyrie meridionale // *Historia*, 37. 1988. P. 480–487.
6. Hammond N. G. L. Epirus. The Geography, the Ancient Remains, the History and Topography of Epirus and Adjacent Areas. Oxford: Clarendon Press, 1967. 847 p.
7. Leake W. M. Travels in Northern Greece. Vol. I. London: Rodwell, 1835. 486 p.
8. Mustakis N. Heiligtumer als politischen. Untersuchungen zu den multidimensionalen Wirkungsgebieten von polisübergreifenden Heiligtumern im antiken Epirus. München: Herbert Utz Verlag, 2006. 240 p.
9. Ugolini L. Albania Antica. Bd.I. Rome: Societa editrice d'Arte illustrata, 1927. 88 p.

Сведения об авторе

Казаров Саркис Суменович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / ser-kazarov@yandex.ru

Information about the author

Kazarov Sarkis – Doctor of History, Professor, Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / ser-kazarov@yandex.ru

УДК 94(5)

А. А. Кудрявцев

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ДЕРБЕНТА АРАБСКОГО ВРЕМЕНИ (VIII – НАЧАЛО X вв.)

Арабские завоевания на Кавказе открыли новый этап в истории раннефеодального Дербента, превратившегося в период арабского владычества в регионе в главный оплот борьбы с кочевниками на северных границах Халифата.

В VII – первой четверти VIII вв. арабы вели с хазарами ожесточенную борьбу за Дербент и в 115 г.х./733–34 г. известному арабскому завоевателю Масламе б. Абд ал-Мелику (сыну халифа Абд ал-Мелика и брату халифа Хишама) удалось окончательно утвердить власть арабов в Дербенте. Он переселил в город 24 тысячи арабов и расселил их по этно-племенному признаку в четырех кварталах, что заложило основу формирования квартальной мусульманской общины, игравшей очень большую роль в общественной структуре и социально-экономической жизни мусульманского города VIII – начала X вв.

В этот период сложились специфические отношения между властью феодального Дербента, представленной высшей арабской бюрократией, назначаемой

на пост правителя города лично халифом, и городским обществом, в основе которого лежала квартальная мусульманская община из переселенных сюда арабских племен, пользовавшихся большим авторитетом в халифате.

Однако социальная структура Дербента стала меняться, когда в 237 г.х./851 г. город и зависимые от него «исламские центры» были пожалованы халифом наместнику Азербайджана и Армении Мухаммаду б. Халиду в качестве лена, т.е. стали феодальным владением. После его смерти (ок.861 г.) в Дербенте к власти приходит местная династия Хашимидов, основатель которой Хашим б. Сурака, хотя и происходил из известного арабского племени Сулейм, но пришел к власти не по назначению из Багдада, а был избран дербентской знатью, т.е. «был первым среди равных», что отразилось на его положении в дербентском обществе.

Ключевые слова: арабы, халифат, наместники, эмиры, квартальная община, социальная топография, исламские центры.

Alexandr Kudryavtsev

POWER AND SOCIETY IN THE HISTORY OF FEUDAL DERBENT IN THE ARAB PERIOD (VII – EARLY X CENTURIES)

The Arab conquests in the Caucasus opened a new stage in the history of the early feudal Derbent, which during the period of Arab rule in the region turned into the main stronghold of the fight against nomads on the northern borders of the Caliphate.

In VII – the first quarter of the VIII centuries. Arabs fought with the Khazars a fierce struggle for Derbent, and in 115 A.D. / 733–34 the famous Arab conqueror Maslam b. Abd al-Melik (the son of the caliph Abd al-Melik and the brother of the caliph Hisham) was able to finally establish the authority of the Arabs in Derbent. He resettled 24 thousand Arabs into the city and settled them on an ethno-tribal basis in four quarters, which laid the foundation for the formation of a quarterly Muslim community, which played a very large role in the social structure and socio-economic life of the Muslim city of the VIII – early X centuries.

During this period, specific relations developed between the power of the feudal Derbent, represented by the highest

Arab bureaucracy, appointed as the ruler of the city personally by the caliph, and the urban society, which was based on a quarterly Muslim community from the Arab tribes resettled here, who enjoyed great authority in the caliphate.

However, the social structure of Derbent began to change when, in 237 AH / 851, the city and its dependent Islamic centers were granted by the Caliph to the governor of Azerbaijan and Armenia, Muhammad b. Khalidu as flax, i.e. became feudal possession. After his death (c. 861) in Derbent, the local Hashimid dynasty came to power, the founder of which is Hashim b. Surak, although he came from the famous Arab tribe of Suleim, but came to power for other purposes from Baghdad, and was elected Derbent nobility, i.e. "Was the first among equals", which reflected on his position in Derbent society.

Key words: Arabs, caliphate, governors, emirs, quarter community, social topography, Islamic centers.

Арабские завоевания на Кавказе, пришедшие в основном на вторую половину VII – первую половину VIII вв. н.э., открыли новый этап в истории средневекового Дербента и способствовали

значительной трансформации социально-экономического и этнокультурного развития его феодального общества и власти эпохи арабского владычества здесь [12, с. 56–57].

Включение Дербента в VII – начале X вв. в состав Арабского халифата, одного из крупнейших и высокоразвитых государств средневекового Востока, способствовало активному развитию этого широко известного памятника мировой фортификации и превращению его в арабский период в главный оплот халифата в борьбе с кочевниками на северной границе государства, а также в один из наиболее крупных и значительных городов Кавказа [5, с. 35, 91–94].

Активное арабо-хазарское противостояние в VII – первой половине VIII вв., в центре которого нередко стоял Дербент, оказало большое влияние на формирование его исторической топографии и социальной структуры, трансформировавшихся в контексте задач военно-политического характера [1, с. 16–19; 9, с. 11–22].

Именно ожесточенные арабо-хазарские войны, затянувшиеся почти на целое столетие, стали одним из главных факторов, определивших специфику становления дербентского общества в VII–VIII вв. и характер его взаимоотношения с властью города этого периода. На этом этапе арабского завоевания на Северном Кавказе экономический фактор еще не играл решающей роли в развитии Дербента, оставшегося в VII–VIII вв., главным военно-политическим центром халифата на северной границе и важнейшим оплотом в борьбе с кочевниками [13, с. 173–174].

Власть в Дербенте VII–VIII вв. была представлена известными арабскими полководцами, прославленными в сражениях, выступавшими наместниками халифа, назначавшимися им лично. Они занимали обычно весьма значительное место в военно-бюрократической иерархической структуре халифата и пользовались большим авторитетом в местном феодальном обществе и у арабской знати всего региона.

Городское общество Дербента и зависимых от него исламских центров Дербентского прохода в большинстве своем было представлено арабскими воинами и мусульманским населением квартальных общин, связанных родоплеменными традициями их членов, переселенных в Дербент в первой половине VIII в., из центральных областей халифата и расселенных в городе по племенному признаку [1, с. 17–18; 14, с. 52]. Подобная социальная и этно-конфессиональная структура феодального Дербента способствовала формированию специфических взаимоотношений верховной власти и мусульманского общества города, которые претерпели значительную трансформацию в процессе их развития.

Наряду с высокоразвитыми областями Ближнего Востока Передней и Средней Азии, Кавказ вошел в число регионов, ставших объектами ранних арабских завоеваний, отмеченных стремлением включить их в состав формировавшегося Арабского халифата. Кавказ привлекал внимание завоевателей не только своими природными богатствами и плодородием почв, но и геополитическим положением, так как представлял прекрасный плацдарм для нападения как на богатейшие

территории «золотого полумесяца», так и на известные экономические центры Ближнего и Среднего Востока.

В связи с этим очень важной задачей для безопасности нового, быстро расширявшегося, Арабского государства, была надежная защита его северных границ. В многочисленных восточных легендах и произведениях восточных историков, философов, поэтов сообщалось о страшных мифических племенах, именуемых в Библии «Гог и Магог», а в Коране «Яджудж и Маджудж», стремившихся вырваться из «северных пределов» и разгромить весь цивилизованный мир Востока. Согласно данным этих авторов [6, с. 18; 7, с. 32–35; 11, с. 32], одним из важнейших деяний Александра Македонского, нередко именуемого средневековыми мусульманскими авторами Искандером Зулькарнейном, считается возведение в Дербентском проходе «между морем и скалами Кавказа» мощной стены «протяженностью в 6000 шагов» [6, с. 15–16].

С проблемой борьбы с кочевыми объединениями Юго-Восточной Европы и защиты своих северных границ столкнулся уже Сасанидский Иран, правители которого в период расцвета их державы в конце V – начале VII вв. н.э. возвели в Дербентском проходе огромный оборонительный комплекс, перекрывающий узкую прибрежную полосу прохода от моря до гор, а также все обходные дороги в горах до неприступных вершин Главного Кавказского хребта.

Арабы, сразу же после разгрома Сасанидского Ирана (642 г.), попытались распространить свое влияние на эти главные «Ворота» Кавказа, даже не покорив при этом, основные территории и государства региона [6, с. 80]. Представляется вероятным, что арабы были хорошо информированы о кавказских проходах и, прежде всего, о важнейшем из них – Дербентском [4, с. 314; 11, с. 121; 12, с. 57].

Унаследовав огромные территории, входившие ранее в Сасанидский Иран, арабы столкнулись и с существовавшими на его северных границах проблемами – это прежде всего набеги евразийских кочевников, стремившихся прорваться через Дербентские ворота на благодатные территории государств Закавказья, Передней Азии и Ближнего Востока. Арабские историки IX–X вв. сообщают о походах арабских отрядов под руководством известных военачальников к Дербенту еще в 40-е годы VII в. (ал-Баладзори, ат-Табари, ал-Куфи, местные исторические хроники).

Арабский историк IX в., ал-Баладзори относит самый ранний поход арабов к Дербенту ко времени арабского халифа Османа (644–656 г.) и связывает его с именем известного арабского полководца Салмана ибн Раби'а [1, с. 13–14]. Другой, весьма авторитетный автор X века ат-Табари, сообщает о более раннем времени первого похода и датирует его 22 г.х./642–43 г. По его данным поход состоялся в период правления халифа Омара и возглавлял его Сурака ибн Амру, с которым в походе участвовал Абд ар-Рахман, брат Салмана ибн Раби'а [14, с. 21–22].

Следует отметить, что несмотря на гибель державы Сасанидов, арабы заставили Дербент хорошо укрепленным, весьма крупным и благоустроенным городом, правитель которого, носивший имя Шахриярили Шахр-Бараз, являвшийся тезкой и братом своего знаменитого родственника, завоевавшего в 614 г. Иерусалим и даже несколько месяцев занимавшего сасанидский престол [5, с. 32]. Он заключил с арабами выгодный мир, но джизию, т.е. подушный налог, который в Арабском халифате платили все не мусульмане, платить отказался [13, с. 174].

Шахрияр заявил: «Кроме жителей этих местностей (Дербента – А. К.) нет других, кто (умел бы) воевать с ними (кочевниками). Вместо джизии мы будем воевать» [14, с. 39].

Исследования исторической топографии и структуры Дербента V – начала VII вв. н.э. показало, что ко времени арабского завоевания территория застройки города достигала 26–27 Га [8, с. 58]. Его городская структура включала две основные части характерные для большинства раннесредневековых городов Закавказья, Средней и Передней Азии, Ближнего Востока: цитадель (по-персид. – «кухендиз») и собственно город (по-персид. – «шахристан») [8, с. 59]. Сплошная застройка кухендиза составляла около 4,5 Га, с концентрацией дворцового комплекса сасанидских правителей Дербента у восточной стены цитадели, именуемой в настоящее время Нарын-Калой. Общая площадь застройки шахристана в V – нач. VII вв. достигала 21–22 Га, т.е. общая площадь территории застройки Дербента в сасанидский период достигала 26–27 Га [5, с. 53–55]. Эти данные раскопок 1970–1995 гг. [6, с. 99–156] свидетельствуют, что накануне арабского завоевания Дербент был крупным раннесредневековым городом с развитой исторической топографией и четкой двухчастной городской структурой. В этот период многие известные города Средней Азии уступали ему в размерах: Термез – 20 Га, Кяфир-Кала – 16 Га, Варахша – 7–9 Га, Пенджикент – 14 Га, Бухара – 35 Га [3, с. 6; 5, с. 56].

Основные военные действия арабов и хазар в VII – начале VIII вв. развернулись в районе Армении, Дербента и Северного Дагестана. Упомянутый Баладзори арабский полководец Саламан ибн Раби'а, возглавлявший один из первых походов арабов к Дербенту, вскоре пал здесь в битве с хазарами. Баладзори сообщает, что, когда Салман с войсками покинул Дербент и направился на север против хазар, жители заперли за ним северные городские ворота, ныне именуемые Кырхляр-капы (Ворота сорока шахидов), а в арабское время – Баб ал-джихад (Ворота священной войны), «а (хазарский) хакан встретил его со своей конницей за рекой Баланджар, здесь был (Салман) убит с четырьмя тысячами мусульман» [1, с. 14].

Правда, по версии ат-Табари, в этом сражении погиб не сам Салман, а его брат Абд ар-Рахман ибн Раби'а, который по сообщению ат-Табары, принял участие в походе 642 года, возглавляв-

ший Сурака ибн Амру в период правления халифа Омара. Сам же Салман ибн Раби'а упоминается в связи с новым походом арабов на север против хазар в 33 г.х./654–55 г., как правитель Дербента.

Баладзори весьма подробно излагает гибель Салмана в Северном Дагестане, воздавая ему похвалу как полководцу и праведному мусульманину. Весьма скупо излагая события арабского завоевания Кавказа, он отстывает от сухой сводки событий своей «Книги завоевания стран» при описании гибели Салмана и его личности: «Здесь был (Салман) убит с четырьмя тысячами мусульман и здесь, на поле сражения (или «в ущелье») их призыв к молитве (или военный клич) (еще долго) был слышен» [1, с. 14].

Воздавая хвалу этому первому арабскому правителю Дербента, он сообщает, что «Салман ибн-Раби'а был первым судьей в Куфе, где прославлялся своей честностью и набожностью» [1, с. 14]. При этом Баладзори говорит, что в халифате есть два прославленных человека Салман и Кутайба ибн Муслим, о которых знаменитый арабский поэт IX века ибн Джумана писал: «У нас две дорогих могилы: одна в Баланджаре (севернее Дербента – А. К.), другая в Синистане (Китае)» [1, с. 14].

Баладзори еще раз подчеркивая особое место Салмана среди других полководцев халифата, сообщает, «что Хабиб (арабский наместник Армении – А. К.), после своих многочисленных завоеваний в Армении», в направленном халифу Осману письменном донесении о своих победах, с большим сожалением «сообщает и о кончине Сальмана» [1, с. 14].

Это сообщение ал-Баладзори, одного из наиболее ранних и авторитетных летописцев арабского завоевания Кавказа, служит ярким свидетельством высокого положения и социального статуса уже первых представителей верховной арабской власти Дербента в военно-бюрократической иерархии халифата.

Данные письменных источников арабского времени позволяют полагать, что в этот период правителями Дербента, именуемого арабами Баб ал-абваб (Ворота всех ворот; Ворота и ворота), являлись известные полководцы Арабского халифата, прославившиеся в сражениях на византийском, среднеазиатском, хазарском фронтах и назначенные на эту высокую должность лично халифами.

Центральная власть халифата и арабские наместники в Армении и Азербайджане ставили перед арабской властью в Дербенте две основные стратегические задачи: полностью подчинить арабскому влиянию и контролю территории Северо-Восточного и Восточного Кавказа, продвигая арабское завоевание на север, на весь Северный Кавказ; поддерживать оборонительные сооружения Дербента, прежде всего фортификацию городских стен и цитадели города, всемерно укрепляя арабское владычество в Дербенте, прочно закрыть эти главные ворота Кавказа, не допуская

прорыва кочевников через них в Закавказье и на Ближний Восток.

Эти военно-стратегические задачи становились особенно актуальными в периоды антиарабских выступлений городов Кавказа. Усилившееся налоговое бремя тяготило и местную феодальную верхушку региона, и рядовое население Армении, Азербайджана, Грузии, что в периоды ослабления власти арабов приводило к восстанию кавказского населения, стремившегося освободиться от гнета завоевателей. Нередко для этого оно призывало на помощь кочевников Северного Кавказа и Предкавказья, союзы с которыми правители Кавказа заключали и ранее [13, с. 175–177].

Известные раннесредневековые армянские авторы Моисей Хоренский и Агафангел, в связи с завоеванием Армении Сасанидами писали, что в этой войне правители Закавказья использовали против персов кочевников Северного Кавказа и Прикаспия.

После разгрома Сасанидами огромной Парфянской державы и гибели ее последнего царя из династии Аршакидов Артабана V, борьба против персов в отдельных парфянских провинциях еще некоторое время продолжалась и особого размаха она достигла на Кавказе [10, с. 37–38]. Здесь армянский царь Хосров I (204–239 гг.), происходивший из династии парфянских Аршакидов, призвал себе на помощь кочевников Северного Кавказа и Предкавказья и «приказал открыть проходы Аланский и Дербентский или Джора», для их проникновения на территорию Закавказья. Пришедшие «полчища иверцев, агван, гуннов, джигпов, лпинов, каспов и других», совершили набеги на «Персию, где предали огню и мечу города и села», разграбили там все «разгромив весь край до самого Тисбона (Ктезифона)» [7, с. 75].

Опасаясь прорыв кочевников через Дербентские ворота, арабы, несмотря на сложную военно-политическую обстановку на византийском фронте, в Средней Азии и Северной Африке, снимали для защиты Дербента войска с этих направлений и отправляли их на помощь дербентским правителям «в ал-Баб». Когда, согласно данным историка X в., ат-Табари, в Армении начались антиарабские выступления, халиф срочно направил войска в Дербент: «В дни Муавия остались неверующими (или отошли от религии) жители Армении, и Муавия приказал Хабибу ибн Маслама идти на ал-Баб» [14, с. 21], т.е. постарался исключить участие в этом восстании хазар.

Положение арабов на Кавказе осложняло и то обстоятельство, что Византия широко использовала в борьбе с Арабским халифатом войска Хазарского каганата и других кочевых объединений степей Предкавказья и Юго-Восточной Европы, которые, прорвавшись через Дербентские ворота, наносили неожиданные удары в тыл арабским войскам.

Византийские императоры не жалели значительных сумм из своей казны для подкупа хазарских каганов и других ханов кочевых объедине-

ний Северного Кавказа и Нижнего Подонья, для организации их систематических нападений на арабские территории на Северо-Восточном Кавказе и в Закавказье [13, с. 173–177].

Многолетние археологические раскопки, проводившиеся в Дербенте под руководством автора статьи, свидетельствуют о разрушениях и пожарах в культурных отложениях города VII–VIII вв. связанных с арабо-хазарской войной за обладание Дербентом [7, с. 133].

Многочисленные находки в слоях этого времени сероглиняной керамики, предметов вооружения и конской упряжи (наконечники стрел и копий, костяные обкладки луков, седельные и подпружные пряжки, удила и др.), характерных для памятников кочевых культур Северного Кавказа, Предкавказья, Низовий Дона хазарского времени [8, с. 302–305], позволяют полагать, что обширные сообщения арабских авторов IX–X вв. об ожесточенных сражениях арабов с хазарами на Северном Кавказе, в центре которых нередко оказывался Дербент [1, с. 16–19; 9, с. 10–15; 14, с. 18–53], находят свое подтверждение в археологических материалах города VII–VIII вв. Одним из свидетельств этого, возможно, является знаменитое граффити с изображением хазарских лошадей на южной, т.е. безопасной, контролируемой арабами стене города [7, с. 310, рис. 44].

На раннем этапе в VII – нач. VIII вв. арабское завоевание мало изменило историческую и социальную топографию Дербента, который продолжал оставаться типичным раннесредневековым восточным городом с двухчастной структурой, несущей в себе его основные этнополитические, экономические и социокультурные характеристики.

Военно-политическим и административным ядром Дербента выступала мощная цитадель, по-персидски «кухендиз» (в настоящее время именуемая Нарын-Кала), где в V – первой пол. VII в. находилась резиденция иранского, а позднее арабского правителя города и области Дербентского прохода, который носил высокий титул «марзпана» – в сасанидской бюрократической иерархии наместник крупной провинции Персидского государства. Полномочия и военные силы этого представителя верховной власти Дербента-марзпана, были столь велики, что он без поддержки центрального правительства мог сам подавлять антииранские восстания в государствах Закавказья и Восточного Кавказа [7, с. 85, 167–168].

Основную часть городской структуры составлял собственно город, по-персидски «шахристан», в котором были сосредоточено все его население, представленное городским людом (ремесленники и мелкие торговцы), торгово-ремесленной знатью, феодальной верхушкой, занимавшей верхние, ближайшие к цитадели кварталы города.

В VII в., в период активного арабско-хазарского противостояния на Северном Кавказе, связанным с многочисленными осадами, штурмами и разрушениями инфраструктуры города, кочевники-бединцы вряд ли могли изменить историческую и

социальную топографию раннесредневекового города, поменялся его этнический и конфессиональный состав. Во многом этому способствовало не только присутствие здесь арабских отрядов дербентского гарнизона, но и значительная миграция местного полиэтнического населения в горы и другие более спокойные области Северо-Восточного и Восточного Кавказа.

В сасанидский период верховная власть Дербента, правители-марзпаны, их бюрократический аппарат и двор, солдаты гарнизона, были практически целиком представлены иранцами, исповедовавшими зороастризм. Это порой приводило к противоречиям между властью и городским обществом, которое, подобно большинству раннесредневековых городов Западного Ирана состояло из сирийцев, греков, евреев и местных этносов, в основном христиан, иудеев, язычников [4, с. 285; 7, с. 165–166].

В связи с этим сасанидские правители нередко сбор налогов с дербентского населения передавали в руки христианских священников, авторитет которых в городском обществе был очень велик [4, с. 286; 7, с. 178].

Не исключено, что на ранних этапах своего владычества в Дербенте, арабские правители города могли поступать таким же образом. Так, в третьей части, «Истории агван», которую большинство исследователей датируют X в., (в отличие от первых двух, написанных Моисеем Каганкатвацци в VII в.) сообщается, что: «В 180 году (по армянскому летосчислению, т.е. в 732 г. – А. К.) Маслиман (т.е. Маслама – А. К.) вторично выстроил Дербент во имя таджиков (т.е. арабов – А. К.), но не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще до сих пор существует в нем (Дербенте – А. К.)» [7, с. 176]. Представляется вероятным, что ко времени написания источника, т.е. к X в., христианское духовенство могло сохранять определенное влияние в Дербенте, где власть и основная часть общества были мусульманами.

С именем этого известного арабского полководца и представителя высшей арабской знати халифата связаны укрепление арабской власти в Дербенте и впечатляющие по масштабам строительные работы в городе. Знаменитый завоеватель Кавказа, сын халифа Абд ал-Мелика и брат халифа Хишама б. Абд ал-Мелика, Маслама б. Абд Мелик в 115 г.х./733–34 г. н. э. не только «вторично выстроил Дербент во имя таджиков», но и заселил его арабскими воинами и колонистами. «Маслама ибн-Абдулмалик переселил в город ал-Баб-у-ал-абуба (Дербент) двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии, обязавшись выдавать им усиленное жалование» [1, с. 17].

Именно Маслама заложил основы исторической и социальной топографии средневекового Дербента, разделив город на четыре квартала (арабск. «кисм»), в которых как сообщают известные арабские историки IX–X вв. [1, с. 17; 14, с. 52], поселил арабов из Сирии по племенному признаку: «Одну часть он отдал жителям Дамаска, вторую – жителям Куфы, третью – обществу

Джазиры, четвертую – жителям Химса» [1, с. 17; 14, с. 52].

В отличие от известных раннесредневековых городов Средней Азии, таких как Бухара и Самарканд, где арабы расселялись по всей территории шаристанов этих городов, чтобы контролировать местных жителей [3, с. 151]. Компактное расселение арабов в шахристане Дербента по племенному признаку, сыграло значительную роль в формировании дербентской квартальной мусульманской общины – основной этно-социальной ячейки его городского общества.

Масштабные строительные работы Масламы в Дербенте, заложившие основы исторической топографии средневекового мусульманского города [6, с. 81, 129–133], способствовали формированию его социального, торгово-экономического и культурного центра. «И построил (Маслама) (в городе) амбар для провизии, амбар для ячменя и склад для оружия; он приказал вычистить цистерну (водохранилище – А. К.) (городскую) исправил разрушенные места в городе и украсил его» [1, с. 17]. Маслама приказал построить в Дербенте соборную мечеть – Джума мечеть, которая существует и функционирует в городе до настоящего времени, являясь одной из древнейших мечетей мира, а также четыре квартальных мечети, но из них лишь одна сохранилась до наших дней.

Из выдающихся военачальников, оказавших влияние на формирование власти, в Дербенте, «вместе с Масламой был и Мерван ибн-Мухаммед, который доблестно сражался рядом с ним против хазар» [1, с. 17]. Вскоре халиф Хишам назначил Мервана правителем Армении и ему удалось покорить весь Восточный и Северо-Восточный Кавказ, обложив их правителей крупной данью. Среди правителей этого региона, подчинившихся Мервану источники упоминают «владельца Престола», т.е. «правителя Серира», «Жителей Тумана», «владельца Зирикирана», «владельца Хамзина», «владельца Синдана (Масдар)», «Табасараншаха», «князь лакзов», «владельца Ширвана», «Филаншаха», которые должны были поставлять арабам зерно, юношей и девушек [1, с. 18–19]. Позднее, после убийства халифа Валида бен Язида (743–744), Мерван занял халифский престол.

Вся дань, выплачиваемая арабам правителями Восточного и Северо-Восточного Кавказа, поступала в Дербент, «в зернохранилища ал-Баба», в основном в виде зерна, которое служило стратегическим запасом на случай длительной осады города и раздавалось в качестве оплаты арабским воинам гарнизона и «гази» (борцам за веру) «исламских центров» прохода.

Арабские историки сообщают, что правитель Сарира (крупное владение в Северо-Западном Дагестане) был обязан ежегодно поставлять «в зернохранилище ал-Баба сто тысяч мер зерна» [1, с. 18; 5, с. 33], жители Тумана должны были доставлять «двадцать тысяч мер», «Зирикиран – «десять тысяч мер в зернохранилище», Хамзин – «тридцать тысяч мер (зерна) ежегодно в зерно-

хранилище Баба», «Табасараншах – десять тысяч мер [1, с. 18; 5, с. 33].

Единовременной или ежегодной данью были обложены и другие, более мелкие, владельцы средневекового Дагестана, а также «владелец Ширвана» и «Филаншах», «и обязал Филаншаха только участвовать в походах с мусульманами», в награду за поддержку Мервана [1, с. 19; 5, с. 33].

Крупные объемы зерна, поступившие в распоряжение правителя Дербента, значительно повышали его власть и влияние как в местном мусульманском сообществе города, так и среди населения «исламских центров» Дербентского похода и соседних территорий.

Установившиеся во второй половине VIII в., определенное затишье и перемирие между арабами и хазарами на Северном Кавказе, во многом связанное с успешными действиями против Хазарского каганата дербентского правителя Мервана ибн Мухаммеда, ставшего в последствии халифом, создало очень благоприятные условия для развития международной торговли по Прикаспийскому пути, что способствовало быстрому возвышению Дербента и укреплению экономического могущества его правителя и городской феодальной верхушки.

В период конца VIII–X вв. арабам удалось в значительной мере подорвать византийскую торговлю со странами Восточной Европы, сместив большую часть традиционных международных маршрутов в бассейн Прикаспия, что привело к возвышению ряда городов Восточного Кавказа, в первую очередь таких как Баб ал-абваб (Дербент), Бардаа (Партав), Ардебиль и др.

Особое военно-политическое и торгово-экономическое положение Дербента, которое он в VIII–X вв. стал занимать на Кавказе, очень ярко отразилось на социальной структуре и сословном устройстве дербентского феодального общества.

Военно-политическая и социокультурная жизнь города VIII–X вв. во многом зависела от взаимоотношений правителя Дербента, назначаемого сюда халифом, и феодального общества средневекового города, представленного в основе своей мусульманской квартальной общиной. Разделив, еще в 115 г.х./732–33 г., территорию шахристана раннесредневекового Дербента на четыре квартала, Маслама положил начало формирования социальной топографии средневекового Дербента, в основе которой лежало этно-территориальное объединение по племенному признаку. Следует отметить, что квартальную структуру по племенному признаку город сохранял до XVII–XVIII вв., но местная историческая хроника «Дербенд – каме» упоминается уже восемь кварталов в шахристане позднесредневекового Дербента. Сегодня в верхней, древнейшей части Дербента сохранилось девять территориальных этнических объединений, во многом воспринявших историческую и социальную топографию Дербента средневековой поры, но именуемых не арабским топонимическим термином «кисм» – квартал, а местным тюркским – «магал».

Об особом положении дербентской мусульманской общины, с которой вынуждены были считаться назначенные в город правители, свидетельствует целый ряд арабских и местных источников. Так, Баладзори, в связи с переселением в Дербент «двадцати четырех тысяч солдат из Сирии», которым он обязался «выдавать усиленное жалование» пишет: «Вот почему жители Баба и до сего дня не позволяют ни одному правителю входить в город, если с ними нет денег, которые бы он распределил между ними» [1, с. 17].

Более того, согласно данным местной исторической хроники «Дербенд – каме», халифом Харуном ар-Рашидом жителям Дербента было даровано право изгонять правителей города, злоупотреблявших своей властью и «угнетавших» народ «ал-Баба». Назначая в 180 г.х./796 г. правителем Дербента Хафса б. Омара, халиф Харун ар-Рашид дал ему такое наставление: «Ничего не предпринимай, не посоветовавшись. Все дела Дербенда в твоих руках, если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя» [11, с. 165].

При этом источник сообщает, что в случае кончины или смещения правителя города со своего поста халифом, последний предоставил право занять этот важный пост, до прибытия из столицы халифата нового назначенца, одному из лидеров местной арабской знати – Аглабу ас-Сулами, а в дальнейшем его потомкам. «Если бы правитель Дербенда умер или оказался бы тираном, Аглаб Сулейми (Сулами) должен был стать заместителем до прибытия нового правителя» [11, с. 165; 2, с. 425].

Сведения письменных источников довольно четко рисует весьма сложные взаимоотношения арабских правителей и мусульманского общества средневекового Дербента, в основе которых лежала как особое положение города и наместника халифа на северных границах исламского мира в VIII–X вв., так и особая роль арабской племенной знати мусульманской квартальной общины в военно-политической, экономической и этно-социальной жизни феодального города.

В связи с этим выдающийся востоковед В. В. Бартольд писал, что «история действительно знает большое число князей и наместников Аррана и Дербента из племени Сулейм от Усейда б. Зафира, современника халифа Хишама, до Сейд ад-Дина Мухаммеда б. Халифы», упоминаемого испанским арабом Абу Хамидом Андалуси в XII в. [2, с. 425].

Подобная социальная структура и взаимоотношения между дербентским мусульманским обществом и верховной властью города, сложившаяся при Омайядах и первых Аббасидах (с 750 г.), стабильно сохранялись в Дербенте в VII–VIII вв., но иногда попытки халифских наместников на Кавказе (правителей Армении и Азербайджана), самостоятельно изменить традиционный статус и права власти и общества Дербента, приводило к весьма тяжелым последствиям.

Арабский автор X века Якуби в своем труде «История» сообщает, что в правлении халифа Харуна ар-Рашида жители Дербента, недовольные нарушением сложившихся традиций, убили сборщика налогов, присланного в город арабским наместником Армении для взыскания налогов. По приказу последнего, за это неповиновение был казнен «владелец ал-Баба Неджм б. Хашим», что привело к восстанию жителей Дербента. Сын казненного правителя Хайюн б. Неджм, желая отомстить за смерть отца, изменил халифу и в 183 г.х./799 г. призвал на помощь хазар, открыв им Ворота Дербента [2, с. 421–422].

Кочевники разорили богатые закавказские провинции Арабского халифата вплоть до Аракса и «причинили значительный ущерб мусульманам», разграбив всю территорию и угнав большое количество пленников. Харун ар-Рашид сместил своего наместника в Закавказье и назначил правителем Армении и Азербайджана Йазида ибн Мазьяда, которому пришлось приложить много усилий для восстановления власти халифа в районе прохода и в Дербенте [2, с. 422; 5, с. 36]. Несмотря на то, что Хайюн б. Неджм был казнен по приказу халифа, Харун ар-Рашид весьма милостиво отнесся к «народу ал-Баба».

Жителям города были пожалованы нефтяные доходы, собираемые в Шивране, а беднейшему населению квартальной мусульманской общины Дербента были переданы «в вакф» сады и мельницы в окрестностях города [2, с. 422; 5, с. 36–37]. И хотя власть центрального правительства в Дербенте была полностью восстановлена, Аббасиды продолжали поддерживать особый статус Дербента, проявляя значительную лояльность к назначавшимся сюда правителям и населению города.

В первой половине IX в., постепенно власть багдадских халифов в отдаленных провинциях и на границах государства начинает ослабевать, но правители Арабского халифата стремились все же сохранить свою твердую власть и влияние в наиболее важных стратегических местах, в число которых входил и Дербент. Так, при халифе Мутамиде в 270 г. х./833–34 г., в пользу жителей Баб ал-абваба у ширванцев были отняты и пожалованы «в вакф» все доходы с нефтяных и соляных источников. Указ Мутамиды очень жестко регламентировал права дербентцев на эти доходы и гласил: «Тот, кто эту нефть и соляные промысла возьмет у жителей Дербента, да будет врагом Аллаха и пророка» [6, с. 85].

Однако, социально-экономические и военно-политические процессы в халифате, начавшие набирать силу к середине IX века, в том числе мощное движение дейлемских и курдских племен в Западном Иране, освободившее значительную часть его территорий от власти арабов, способствовали ослаблению влияния Аббасидов и на Кавказе. Здесь зависимость от Багдада постепенно становится все больше и больше номинальной.

Начавшийся во второй половине IX в., процесс децентрализации в халифате, приведший к появ-

лению на Кавказе практически независимых или номинально зависимых от Багдада государств, оказал большое влияние на социально-экономическое, военно-политическое развитие Дербента и зависимых от него земель. Эпоха обширных арабских завоеваний прошла и Дербент перестал выступать главным оплотом халифата в борьбе с кочевниками на северных границах государства, куда в VII–VIII вв. обычно направлялись в качестве правителей и полководцев знаменитые военачальники, такие как Салман ибн Раби'а, Абд ар-Рахман, Маслама б. Абд ал-Мелик, Мерван ибн. Мухаммед, Саид ибн ал-Асса и др.

Сложившаяся в VII–VIII вв. при Омайядах и ранних Аббасидах практика назначения правителей Дербента претерпела значительные изменения, а статус их и место в арабской бюрократической структуре Кавказа понизился.

В правление халифа Мутаваккила (847–861 г.) центробежные устремления в Закавказье значительно активизировались и, стремясь укрепить свое влияние в регионе, Мутаваккил в 237 г. х./851 г. пожаловал в качестве феодального владения наместнику на Кавказе Мухаммаду б. Халиду, занимавшему пост правителя Армении, Азербайджана и Аррана, город Дербент и земли Дербентского прохода. В знаменитом труде «Тарих Баб ал-абваб» («История Дербента»), написанной в городе в XI в., сообщается, что Мухаммаду б. Халиду, основателю ширванской династии Йазидидов, «Мутаваккил пожаловал Мухаммаду б. Халиду в качестве лена город Баб ал-абваб с зависимыми от него землями» [11, с. 46].

Последний так высоко оценил пожалование халифа, что ради него отказался от высокого поста правителя Армении, Азербайджана и Аррана. Это, традиционное на мусульманском Востоке, пожалование сыграло большую роль в формировании социальной структуры феодального города и в истории взаимоотношений власти и общества Дербента домонгольской поры. Знаменитый «Баб ал-абваб» с зависимыми от него землями стал феодальным леном, пожалованным халифом за службу и вышел из подчинения центральной власти Арабского халифата, превратившись, наряду с Шивраном, в крупнейшее феодальное владение Восточного и Северо-Восточного Кавказа. В IX–X вв. Дербент трансформировался в своеобразный город-государство с развитой социальной структурой его городского общества и мусульманского населения зависимых от него, «исламских центров».

То обстоятельство, что Дербент и Ширван в процессе своего развития превратились в два самых значительных государства Восточного и Северо-Восточного Кавказа, а также факт пожалования Дербента и всех зависимых от него земель халифом Мутаваккилом «в качестве лена» основателю ширванской династии Йазидидов Мухаммаду б. Халиду, стало причиной многовекового противостояния правителей Дербента и Ширвана, в котором Ширваншахи последнего предъявляли Дербентским эмирам свои права на дербентский

престол. Однако, Дербентскому эмирату удалось отстоять свою независимость в IX–XI вв. и, более того, Ширваншахам в XII–XIII вв. пришлось искать в борьбе с Дербентскими эмирами помощь у соседних государств. Известный автор этого периода Йакут (1179–1229 гг.) даже называет столицу Ширвана Шемаху «округом (‘амал) Баб ал-абваба, и его владетель Ширваншах, является братом владетеля Дербенда» [6, с. 97].

Однако преемникам Мухаммада б. Халида не удалось удержать власть над Дербентом и после его смерти (ок. 861 г.) к власти здесь пришел один из представителей дербентской арабской знати Хашим б. Сурака б. Салис б. Хаймун б. Наджм б. Хашим из племени бану Сулайм, ставший основателем местной династии Дербентских эмиров – Хашимидов (255/869 г. – ок.470/1077 г.). Местная историческая хроника «Тарих Баб ал-абваб» относит это событие к 255 г. х/869 г. и сообщает: «Когда после убийства Мутаваккила (247/867) халифат распался, ввиду того, что тюркские клиенты (мавали) захватили управление, жители ал-Баба и гази пограничных областей собрались и сделали Хашима своим эмиром и преданно повиновались ему» [11, с. 65]. Источник подчеркивает, что Хашим б. Сурака пришел к власти по выбору своих сотоварищей, а не по назначению из Багдада.

Халиф Мухтади, занятый тяжелой войной с тюркскими эмирами, в борьбе с которыми он и погиб, не смог вернуть власть халифов на северной границе государства и Хашим сохранил и упрочил свою власть в Дербенте, сделав ее наследственной. Однако, источник сообщает, что Хашим «решал дела только посоветовавшись с мудрыми стариками (‘укала) и начальниками (ру’аса)» [11, с. 65], т.е. власть его на этом этапе была весьма ограниченной.

То обстоятельство, что дербентская династия Хашимидов пришла к власти по выбору мусульманской общины Дербента и гази, т.е. борцов за веру «исламских центров» зависимых от города земель ставило дербентских правителей в особое положение. Они не имели авторитета наместников, назначенных халифом или наследственных крупных феодальных владетелей Кавказа, а были лишь «первыми среди равных». Это ставило их в значительную зависимость от арабской родо-племенной верхушки города и сильно изменило взаимоотношение дербентской власти и городского общества в период домонгольского развития Дербента.

Попытка восстановить власть халифата на северной границе была предпринята в конце IX – первой четверти X вв. кавказской династией Санджидов, возвышавшейся в этот период в Закавказье.

Один из наиболее успешных правителей этой династии Йусуф (288–315 г.х./901–928 гг.), признавший свою вассальную зависимость от Аббасидов, приложил много усилий для поддержания прежних традиций и влияния халифата в Закавказье. В рамках этих халифатских традиций Йусуф предпринял попытку вновь вернуть контроль над Дербентскими воротами Аббасидам.

К 305 г. х./917 г. Йусуфу удалось укрепить свое влияние в Дербенте и провести здесь некоторые строительные работы по укреплению стен города (северной и южной) и цитадели [11, с. 40, 98]. Но после его кончины в 315 г. х./928 г., Хашимиды вернули себе власть в городе и на зависимых от него землях прохода, восстановив Дербентский эмират, и сложившиеся в нем отношения между властью и обществом феодальной поры.

Источники и литература

1. Баладзори. Книга завоевания стран / текст и пер. с арабск. П.К. Жузе. // Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку: Издание О-во Обследования и Изучения Азербайджана, 1927. 42 с.; 26 с. арабского текста.
2. Бартольд В. В. Дербент. Соч. Т III. М.: Наука, 1965. 711 с.
3. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Наука, 1973. 389 с.
4. Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 444 с.
5. Кудрявцев А. А. Феодальный Дербент. Пути возникновения города в VI – середине XIII вв. М.: Наука. 1993. 320 с.
6. Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана: Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. 320 с.
7. Кудрявцев А. А. Пути развития северокавказского города (по материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь: СГУ, 2003. 351 с.
8. Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А. Феодальный город Северного Кавказа (Средневековый Дербент в VI–XIII вв.). Ставрополь: СКФУ, 2015. 307 с.
9. Куфи. Книга завоеваний / текст и пер. с арабск.яз. З.М. Бунятова. Баку: Элм, 1981. 84 с.
10. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Наука, 1969. 218 с., XXI табл.
11. Минорский К. Ф. История Ширвана и Дербенда. М.: Изд-во восточная литература, 1963. 265 с.; 30 с. араб. текста.
12. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах народах Северного Кавказа и Дагестана / перевод с древнегрузинского, предисловие и коммент., Г. В. Цулая. М.: Наука, 1979. 102 с.
13. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
14. Табари. «История пророков и царей» / перевод и комментарии Шихсандова А. Р. Махачкала: Дагестанского науч. Центра РАН, 1971. 101 с.

References

1. Baladzori. Kniga zavoevaniya stran (*Book of conquests of countries*). // Materialy po istorii Azerbajdzhana. Issue. III. Baku: Izdanie O-vo Obsledovaniya i Izucheniya Azerbajdzhana, 1927. 42 p.; 26 p. Arabского текста.
2. Bartold V. V. Derbent (*Derbent*). Vol. III. Moscow: Nauka publ., 1965. 711 p.
3. Belenickij A. M., Bentovich I. B., Bolshakov O. G. Srednevekovyj gorod Srednej Azii (*Medieval city of Central Asia*). Leningrad: Nauka publ., 1973. 389 p.
4. Dyakonov M. M. Ocherk istorii drevnego Irana (*Essay on the history of ancient Iran*). Moscow: Izd-vo vostochnoj literatury, 1961. 444 p.
5. Kudryavcev A. A. Feodalnyj Derbent. Puti vozniknoveniya goroda v VI – seredine XIII vv. (*Feudal Derbent. Ways of emergence of the city in the VI – mid-XIII centuries*). Moscow: Nauka publ., 1993. 320 p.
6. Kudryavcev A. A. Musulmanskij gorod Dagestana: Slozhenie Derbenta v domongolskij period (*Muslim city of Dagestan: the Addition of Derbent in the pre-Mongol period*). Mahachkala: Dag. kn. izd-vo, 1994. 320 p.
7. Kudryavcev A. A. Puti razvitiya severokavkazskogo goroda (po materialam Derbenta domongolskoj pory) (*Ways of development of the North Caucasus city (based on the materials of the pre-Mongol Derbent)*). Stavropol: SSU publ., 2003. 351 p.
8. Kudryavcev A. A., Kudryavcev E. A. Feodalnyj gorod Severnogo Kavkaza (Srednevekovyj Derbent v VI–XIII vv.) (*Feudal city of the North Caucasus (Medieval Derbent in the VI–XIII centuries)*). Stavropol: NCFU publ., 2015. 307 p.
9. Kufi. Kniga zavoevanij (*The book of conquests of Abu Muhammad Ahmad A'sam al-Kufi*). Baku: Elm publ., 1981. 84 p.
10. Lukonin V. G. A. Kultura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Oчерki po istorii kultury (*Culture of Sasanian Iran. Iran in the III–V centuries. Essays on cultural history*). Moscow: Nauka publ., 1969. 218 p., XXI tabl.
11. Minorskij K. F. Istoriya Shirvana i Derbenda (*History of Shirvan and Derbent*). Moscow: Izd-vo vostochnaya literatura, 1963. 265 p.; 30 p. arab. teksta.
12. Mroveli Leonti. Zhizn kartlijskikh carej. Izvlechenie svedenij ob abhazah narodah Severnogo Kavkaza i Dagestana (*Life of the Kartli kings. Extracting information about Abkhazians the peoples of the North Caucasus and Dagestan*). Moscow: Nauka publ., 1979. 102 p.
13. Novoselcev A. P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza (*The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus*). Moscow: Nauka publ., 1990. 264 p.
14. Tabari. Istoriya prorokov i carej (*History of prophets and kings*). Mahachkala: DSC of RAS publ., 1971. 101 p.

Сведения об авторе

Кудрявцев Александр Абакарович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kaa0210@yandex.ru

Information about the author

Kudryavtsev Alexandr – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaa0210@yandex.ru

УДК 94(415)

Н. А. Лагошина

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XVIII в.: ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТА И РОЛИ КАТОЛИКОВ В ИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

В конце XVII – начале XVIII вв. английский парламент принял целый ряд ограничительных законов для ирландских католиков и других инакомыслящих. Уголовные законы были предназначены для поддержания протестантской власти в Ирландии и предотвращения восстания против английского правления. Существование этих законов постоянно формировало отношения между религиозными группами в Англии и Ирландии, способствуя эмиграции многих ирландских католиков в XVIII–XIX вв. Основанные на религиозных отличиях, уголовные законы способствовали укреплению позиций потомков английских поселенцев, позволяя протестантам осуществлять контроль над собственностью и торговлей. Тем не менее, экономические последствия этих законов благотворно отразились на положении большинства католиков, являющихся посредниками и арендаторами крупных поместий. Многие дискриминационные законы были официально отменены в конце 1700-х и первые десятилетия 1800-х гг., однако в Ирландии до сих ощущаются последствия давних социальных разногласий. Отсутствие автономии и власти, предо-

ставленной ирландскому парламенту, управляемому английским лордом-лейтенантом, подпитывало восстания на протяжении всего XVIII в. После окончательной эмансипации католиков в 1829 г. особенностью историографической традиции XIX в. стало преувеличение последствий уголовного законодательства и масштабов угнетения католиков на фоне правовой и политической дискриминации. В статье изучается специфика и особенности реализации Уголовного законодательства в Ирландии, а также его влияние на ирландское общество XVIII в. Автор приходит к выводу о том, что уголовные законы, реализация которых была связана с рядом региональных особенностей, не имели исключительно негативных последствий, привнеся в ирландское общество традицию лояльности и адаптации, способствуя формированию национального самосознания, основанного на католицизме и традиционной гэльской культуре.

Ключевые слова: Уголовные законы, ирландские джентри, католицизм, история Ирландии, национальная идентичность.

Nataliya Lagoshina

PENAL LAW IN THE 18TH CENTURY: CHANGING THE PLACE AND ROLE OF CATHOLICS IN IRISH SOCIETY

In the late XVII – early XVIII centuries, the English parliament passed a number of restrictive laws for Irish Catholics and dissenters. The penal laws were designed to maintain Protestant authority in Ireland and prevent rebellion against the English rule. The existence of these laws constantly formed relations between religious groups in England and Ireland, contributing to the emigration of many Irish Catholics in the XVIII–XIX centuries. Based on religious differences, penal laws contributed the position of descendants of English settlers, allowing Protestants to exercise control over property and trade. Nevertheless, the economic consequences of these laws had a beneficial effect on the position of most Catholics, who are middlemen and tenants of large estates. Many discriminatory laws were formally repealed in the late 1700s and early decades of the 1800s, but the effects of long-standing social divisions are still felt in Ireland. The absence of autonomy and power left to the Irish parliament, led by the English Lord-Lieutenant, stim-

ulated rebellion throughout the eighteenth century. After the final emancipation of Catholics in 1829, a feature of the historiographical tradition of the 19th century was the exaggeration of the consequences of penal law and the extent of oppression of Catholics against the background of legal and political discrimination. The article discusses the specifics and features of the implementation of penal legislation in Ireland, as well as its impact on Irish society in the XVIII century. The author concludes that penal laws, the implementation of which was associated with a number of regional features, did not have exclusively negative consequences, bringing a tradition of loyalty and adaptation to Irish society, contributing to the formation of national consciousness based on Catholicism and traditional Gaelic culture.

Key words: penal laws, Irish gentry, Catholicism, Irish history, national identity.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-39-90024 от 27.08.2019 г. (номер внутренней регистрации РФФИ/19-53-ИС).

Уголовные законы, лишавшие ирландских католиков религиозных свобод, земельной собственности и политических прав, были приняты английским правительством в 1695 г. Новое законодательство было результатом определенной политики, существовавшей в Ирландии со времен Войны двух королей 1689–1691 гг. Главной целью данной политики, основанной на предыдущей традиции английских законов и ирландских прокламаций, была безопасность протестантских землевладельцев. Победа в Лимерике в октябре 1691 г. не положила конец угрозе протестантскому влиянию Вильямитов в Ирландии. Страх перед католической Европой оставался неизменным до тех пор, пока Вильгельм III воевал с Францией, и этот страх усиливался действиями каперов и якобитских партизан [21, р. 25–46]. В поисках большей безопасности политика, разработанная для разоружения ирландских католиков, активно поддерживаемая Вильгельмом III, осуществлялась исполнительной властью в Ирландии, поддерживалась и поощрялась ирландскими протестантами. Преднамеренно определяя имущих и неимущих, политически влиятельных и угнетенных на основе религии, уголовные законы оказывали глубокое влияние на ирландское общество XVIII в., а также имели долгосрочные последствия. Отсутствие автономии и власти, предоставленной ирландскому парламенту, управляемому английским лордом-лейтенантом, подпитывало восстания на протяжении всего XVIII в. Эти законы имеют ключевое значение для понимания истории того периода, а также межконфессиональных конфликтов, которые и по сей день происходят в Северной Ирландии.

После окончательной эмансипации католиков в 1829 г. особенно историю историографической традиции XIX в. стало преувеличение последствий уголовного законодательства и масштабов угнетения католиков на фоне правовой и политической дискриминации. Происхождение и цель уголовных законов, их роль и последствия до сих пор мало изучены как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Исследование М. Уолл «Уголовные законы» [26], вышедшее в 1961 г., стало первой попыткой изучения особенностей уголовного законодательства в Ирландии. Уголовные законы и их отрицательные последствия подробно представлены в трудах У. Леки [17], С. Коннолли [7] и Л. Каллена [21, р. 23–36]. Однако они мало изучены как свод законов и по своему воздействию на общество. В данном исследовании предпринята попытка изучить особенности реализации уголовного законодательства, его влияние на положение католиков и последствия для ирландского общества XVIII в.

Уголовные законы были четко истолкованы в законодательных сводах, однако их применение на практике существенно отличалось от абстрактной буквы закона. По мнению зарубежных исследователей, претворение законов в жизнь было менее эффективным, чем было предписано [18,

20, р. 114], однако отмена этих дискриминационных мер в том виде, в котором они существовали, как это ни парадоксально, была менее радикальной или благотворной по своим результатам, чем предполагалось. Постепенная отмена уголовных законов с 1778 г. сопровождалась новым рвением обеспечить соблюдение действующих законов и создать формы внеправовой дискриминации, чтобы заменить падение правовых барьеров.

Внесение изменений в существующие законы, начиная с 1756 г., сопровождалось усилением религиозной вражды [3, р. 97]. В период острой борьбы за эмансипацию католиков в 1750-х – 1760-х гг. появляется значительная литература о массовых убийствах 1641 г. Однако положения о собственности в уголовном законодательстве мотивировали католиков принять протестантскую веру [5, р. 276–299; 6, р. 485–508]. Весьма значительный интерес представляют обращения в протестантизм в 1760-е гг., так как за обращениями дворян и духовенства последовало большое число незнатных католиков [2]. Обращенные католики менее страдали от дискриминации, и их успехи в социальном и профессиональном плане были прогрессивными.

Для понимания положения ирландских католиков, необходимо рассмотреть вопрос о собственности, который включает в себя политику, поскольку политическое представительство и влияние в политических системах Британских островов в XVII и XVIII вв. совершенно уникальным образом были основаны на собственности. Уголовное законодательство лишь частично достигло своих целей в намерении лишить католиков имущества. Резкое перераспределение собственности католических землевладельцев было достигнуто не уголовным законодательством, а конфискацией земель, вызванной восстанием и унижительным поражением. Часть имущества католических семей была принудительно передана в руки новых собственников в мирное время, большая часть имущества была восстановлена посредством юридических процедур и смены религии. Это объясняет, почему колонизация Уэксфорда в 1610-х гг. и конфискация земель древнего ирландского клана О'Бирнов в 1630-х гг. в мирное время встретили яростное сопротивление местных жителей.

В период действия уголовных законов католики, хотя и были лишены избирательного права и права заседать в парламенте, все же могли играть довольно заметную роль в политической жизни страны при условии, что они оставались в некотором смысле имущими. Арендаторы голосовали в соответствии с пожеланиями своего непосредственного землевладельца. В ирландской системе землевладения арендодателем мог быть не только лендлорд, которому принадлежало имущество, им мог быть промежуточный землевладелец – субарендатор, джентльмен, посредник или крупный фермер. Как правило, субарендаторы или посредники арендовали значительные участки земли на длительный срок и

предоставляли небольшие поместья в субаренду крестьянам и мелким фермерам, получая доход в виде процента от стоимости аренды. Это означало, что многие католики, не являясь собственниками и не имея права голоса, могли возможность быть услышанными. Протестантский кандидат до некоторой степени был обязан подчиняться своим католическим главным арендаторам и протестантским избирателям, а новообращенный кандидат или неявный католик мог надеяться на множество голосов не столько потому, что он владел поместьем, сколько потому, что католические главные арендаторы его и других поместий имели большое влияние среди протестантских избирателей. Этот механизм работал нормально до тех пор, пока единственным фактором на выборах было взаимодействие нескольких влиятельных семей. Но если кандидат приобретал явный католический статус, или в графстве не существовало единого отношения дворянства к уголовным законам, была высока вероятность обострения борьбы внутри дворянских группировок. На западе Ирландии новообращенные семьи вытесняли потомков кромвельских поселенцев, устанавливая контроль над политикой графства и становились частью политического истеблишмента графства.

В результате уголовного законодательства католические землевладельческие семьи не сократились ни в численности, ни в акрах. Опора на доверенных лиц, тайный сговор по юридическим причинам и следование догматам англиканской церкви – все это в той или иной степени способствовало удержанию собственности в руках католиков, что усугубляло сложность статистических подсчетов реальных владельцев собственности в Ирландии. В зарубежных исследованиях говорится о снижении доли католиков в общей земельной площади страны с 14% в 1702 г. до 5% к 1776 г. [24, р. 160, 193–196]. Данные подсчеты исключают новообращенных, в большинстве своем разделяющих интересы древних католических родов. Неоднозначный религиозный статус Т. Мэтью из Типперэри, новообращенного, выдвинувшего свою кандидатуру на всеобщих выборах в Палату общин 1761 г. [7, р. 390], формально соответствовал юридической процедуре, но был оспорен его политическим соперником [16, р. 71–72]. Более того, независимо от того, были ли новообращенные номинальными или убежденными протестантами, они сохраняли связи с родственниками и другими католическими семьями, и их мировоззрение почти неизменно оставалось сочувствующим бывшим единоверцам. Даже на пике протестантского господства Э. Мэлоун, сын новообращенного из Уэстмита, выступал за смягчение уголовного законодательства: не случайно политика его графства разделялась по религиозному признаку, и он был скорее правительственным человеком, чем представляющим графство.

Обращение в протестантизм, распространенное среди католиков после введения уголовного законодательства, не вызывало порицания в ка-

толической среде. Несмотря на то, что вынужденный конформизм исключал отношение к новообращенным как вероотступникам, ирландцы не стремились распространяться о своем статусе [15, р. 12]. Общественное отношение к обращенным католикам отражено в том факте, что Ирландская комиссия по рукописям первоначально отклонила идею публикации новообращенных на том основании, что сведения о них могут быть источником смущения [9].

Прогрессивное снижение католической собственности на землю с 14 до 5 процентов не свидетельствует о фактическом распределении собственности. Многие семьи, такие как Батлеры, состояли из католиков и протестантов, и право наследования в таких семьях не основывалось на религии. Новообращенные семьи ирландских джентри с большими поместьями на западе острова во многом поддерживали католиков. Новообращенные представляли собой третью силу между протестантскими землевладельцами и лишенными имущества католиками, которая, своими связями с обеих сторон, создала региональное общество и контролировала политику и управление двумя графствами.

Увеличение числа новообращенных в середине XVIII в. не повлияло на существующую модель католического землевладения на острове. Такие семьи, как Брауны и Дейли, не только увеличили акры своих фамильных владений, но и стали арбитрами политики двух крупнейших графств в Ирландии. Они также имели вес в парламенте и в Дублинском замке. Семьи ирландских католиков, которые смогли приспособиться к новому порядку и адаптироваться до 1691 г., как правило, не разделяли интересов новообращенных. Ч. О'Хара являлся членом Дублинского политического истеблишмента и, несмотря на дружбу с Э. Берком, не поддерживал притязания католиков [13]. Однако его сын был одним из парламентских друзей католиков. Более того, даже семьи, которые оставались верными католической религии, и чья покорность английской короне была предупредительным правовым актом, смогли расширить свои земельные владения в несколько раз.

Особенность ирландского землевладения заключается в том, что большинство землевладельцев, даже самые крупные, владели землей на правах лизгольда того или иного рода, а также на правах фригольда. Большая часть земельного богатства, и особенно земельные владения преуспевающих семей, покоились на правах лизгольда, поскольку ирландский титул был шатким [2, р. 94]. Образование плантаций в Уэксфорде и сопутствующая протестантская иммиграция позволила преуспевающим католическим посредникам приобрести крупные арендные участки. Успешная иммиграция, подобная той, что была в Уэксфорде, была отмечена присутствием многих колонистов и относительно небольшого числа мелких дворянских поселенцев, стремившихся приобрести землю в субаренду. Это давало возможность успешным католикам занять промежу-

точное место в качестве посредников и мелких джентри между временными держателями поместий и крупными землевладельцами [14].

Несмотря на высокие затраты и риски, связанные с поиском платежеспособных арендаторов, выгоды от данного предприятия были значительными [23, р. 236]. Католические семьи посредников контролировали голоса значительной части исключительно протестантских избирателей этих округов. Местное протестантское дворянство, проявлявшее интерес к собственным поместьям, а также к соседним католическим, оказалось лишены прямого контакта со своими протестантскими арендаторами [25, р. 861–862].

Центральным аспектом католического вопроса является географическое распределение католических поместий и менталитет дворян. Совершенно уникальными являются графства Голуэй и Майо, содержащие, по утверждению У. Тона, цвет католического дворянства Ирландии. Кроме многочисленного дворянства, в Голуэе проживали представители среднего класса, а также существовало небольшое количество поместий, принадлежащих собственникам из Англии [21, р. 25–46]. Эти дворяне были хорошо образованны: большинство из них состояло в иннах Лондона с XVI в. Старшие сыновья католических семей часто были барристерами, атторнеями и специалистами по передаче недвижимости. Младшие сыновья, как правило, строили карьеру в военной, церковной и научной сферах. Процветание древних гэльских семей в Майо и Голуэе также было обусловлено отсутствием в этих графствах крупных протестантских землевладельцев, которые преимущественно были сконцентрированы в Типперэри, западном Уотерфорде и Корке [22].

Вторая группа католических землевладельцев была сосредоточена в южном и северном Керри, Лимерике, Клэр, южном Типперэри, Килкенни, южном Карлоу, северном Уэксфорде, Корке и западном Уотерфорде. Смешанные между собой брачными узами, эти семьи были тесно связаны с аристократическими родами Голуэя. Католические семьи из южных графств обычно вступали в брак за пределами региона, с землевладельческими семьями Пейла. Во время Войны двух королей 1689–1691 г. многие из них сражались до последнего в Лимерике, тогда как католические семьи из Голуэя после поражения якобитов в битве при Бойне в 1690 г. отступили и сдались армии Вильгельма III. Не смирившись с условиями капитуляции, католические землевладельцы из южных графств численностью в 20 000 человек последовали за ирландским офицером П. Сарсфилдом в изгнание. В отличие от дворянских семей Коннахта, в XVIII в. якобитские настроения католиков Манстера были гораздо более заметны. Некоторые стихи дворянских семей Манстера 1744–1775 г. выражают подлинные политические чувства и описывают обстановку на фронте якобитов [11, р. 31].

Третья группа католических землевладельческих семей сохранилась в Пейле, Килдэре, Мите,

Дублине и, в некоторой степени, Лауте и Уэстмите. К ним относятся лорды Пейла, немногочисленные, но более знатные, чем большинство дворян, гордящиеся своей почтенной родословной и менее тесно связанные с колониальной торговлей, чем другие семьи. Среди них были и более мелкие семьи католиков и нообращенных. Некоторые семьи этого региона, лишённые фамильных поместий и политической власти, имели заметное влияние в ирландском обществе в середине XVIII в. Принимая во внимание родословную Фицджеральдов, становится очевидной существенная преемственность землевладения католических семей в окрестностях Дублина, отражающая, сравнительную лояльность и осмотрительность дворян восточного побережья, также присущую дворянским семьям Голуэя. Дублин, Мит и Килдэр были примечательны наличием крупных фермерских хозяйств, преимущественно принадлежавших католикам. На окраинах столицы сохранилось большое количество католических землевладельцев, так как данная местность менее привлекала поселенцев, а сельские городские земли и небольшие города находились под властью католических общин. Единственным регионом, в котором не преобладали католические семьи, был Лаут. Еще в 1710-х гг. там находилось лишь три крупных католических поместья [19, р. 114–115]. Это единственный пример упадка католической земельной сети после 1691 г. Кроме того, неразвитая экономически, большая часть графства, состоявшая из высокогорных пустошей, была слабо заселена в начале XVIII в. В 1760-х гг. ирландский политический деятель и юрист Энтони Фостер поселил французских протестантов в поместье близ Коллона, а в 1782 г. была предпринята неудачная попытка переселения женеvских протестантов в Ленстер. Лаут был последним примером поселения иностранцев на суше в Ирландии. Семья Фостеров стремилась создать крупную протестантскую общину на землях Лаута, и, несмотря на попытки модернизации, сельскохозяйственные практики в данном регионе оставались архаичными.

Единственной провинцией, в которой не сохранилось католических землевладельческих семей, был Ольстер. Исчезновение католических семей было не столько следствием уголовных законов XVIII в., сколько влиянием английской колонизации предшествующего столетия. Распределение земельной собственности в Ольстере было завершено к 1691 г., и немногие владельцы католических владений вступили в борьбу с уголовным законодательством. Примечательно относительное отсутствие выходцев из Ольстера среди католиков XVIII в. Иммиграция в Ольстер также была массовой, существовали целые баронства, в которых католики находились в меньшинстве. Землевладельческий класс исчез: единственным примером заметного выживания католических землевладельцев является семья О'Рейли в Каване и Мите.

Отсутствие землевладельческого класса отразилось на общей бедности католиков Ольсте-

ра. Они были слабо представлены в духовенстве католической церкви, иностранных армиях, торговых кругах за границей и деловой среде Дублина. Католики Ольстера были бедны, их состояние было небольшим, церковная организация появилась поздно и была ограниченной, духовенство и школьные учителя были немногочисленны. Единственным исключением было появление во время Великого льняного бума 1780-х гг. горстки преуспевающих католических семей, добившихся значительных высот в сфере торговли в Южном Антриме и Арме.

Совершенно особой была судьба знатных католиков северного Майро, Слайго, северного Роскоммона и Лейтрима, выживание которых находилось под угрозой [10, р. 148–149]. Этот регион сильно пострадал после событий XVII в., и его землевладельческий класс, в отличие от Голуэя или южного Майо, потерял еще больше земель вследствие сражений после капитуляции Голуэя. В то время как в Голуэе и южном Майо сохранились наиболее влиятельные католические джентри в Ирландии, в Коннахте также выделялся регион, где католическое землевладение было фактически уничтожено. Уцелела лишь часть семей с небольшими наследственными поместьями, ни одна из которых, даже при завышенном уровне арендной платы в конце XVIII в., не получала арендную плату выше 500 фунтов. Большинство семей данного региона не смогли остановить деление крошечных вотчин, и их состояние постепенно приходило в упадок на протяжении столетия.

Уголовные законы и их применение повлияли на отток населения, который сохранялся на протяжении XVIII в. На пике ирландской миграции в 1720-е и 1730-е гг. на службу в континентальные армии ежегодно поступало 1000–1500 новобранцев из Ирландии, а с конца 1750-х гг. подобная практика почти полностью прекратилась. Высокий уровень миграции сохранялся для сыновей из дворянских семей, стремившихся сделать карьеру за границей в армиях Франции, Испании и Австрии. В середине XVIII в. на континенте служило столько же ирландцев в звании офицеров, сколько англичан в британской армии [4, р. 86]. Тем не менее, эти молодые люди не покидали страну без надежды вернуться обратно, они никогда не были отрезаны от Ирландии. Учитывая небольшое жалованье прапорщика или лейтенанта, а также значительные расходы на обмундирование и экипировку, они получали финансовую поддержку из дома не только в течение года учебы за границей для поддержания внешнего воинского вида, а затем при зачислении в полк, но и в течение многих последующих лет. Поскольку за границей брак был невозможен при зарплате ниже должности капитана, и поскольку большинство офицеров не надеялись продвинуться дальше лейтенантского звания, они часто возвращались домой либо для того, чтобы унаследовать землю, либо для того, чтобы жениться. Острый интерес к образованию для подготовки сыновей к карьере был очевиден

в благополучных католических семьях в период действия уголовного законодательства, и успешные родственники за границей помогали нести расходы на образование.

На протяжении XVIII в. наблюдается стремление ирландских католиков к построению карьеры в юридической сфере, обусловленный католическими притязаниями на земельную собственность и доступ к политическому управлению страной. Эти интересы были наиболее распространены в западной части страны, где сформировалось земельное общество, совершенно отличное от остальной части страны. Появление интереса католиков к выборам в Типперэри в 1761 г. вызвало яростное сопротивление протестантов, отчасти потому, что выборы происходили в графстве, которое, за пределами Севера и Уиклоу, имело самое большое сельское протестантское население в Ирландии. Возрастание интереса католиков к политике появилось в неподходящий момент, когда вопрос о католической помощи был поднят в нереализованных парламентских биллях 1756 и 1757 гг., и когда война и страх вторжения пробудили чувства в регионе с наиболее укоренившейся протестантской враждебностью на острове. Возмущения протестантов были также сосредоточены на юге графства, где проживали наиболее влиятельные католические семьи. Факт того, что католики столкнулись с большим сопротивлением, свидетельствует о том, что в середине XVIII в. протестанты были встревожены масштабами политических интересов католиков.

Если сыновьям ирландских католиков не удавалось устроить карьеру за границей, они оставались на родине, получив положенную часть фамильного имущества, и осваивали неблагородную профессию «деморализованных посредников», увековечивая устаревшую социальную систему до Великого голода XIX в.

Парламентская борьба ирландских католиков за восстановление своих политических и земельных прав способствовала сплочению разрозненных католических семей и усилению чувства национального самосознания. К 1760-м гг. частицы О и Мак в начале ирландских имен, некогда вышедшие из употребления, были восстановлены, а местные газеты пестрили разнообразием родословных и гербов древних католических семей. Свидетельством обширной популяризации ирландской культуры является страх, выраженный протестантами вначале 1790-х гг., связанный с появлением карты Ирландии, иллюстрирующей распределение старых семей, задуманной, по мнению протестантов, как план восстановления земель католиков [12, р. 235].

Реализация уголовного законодательства была связана с рядом региональных или местных особенностей, поскольку буква закона в Ирландии XVIII в. трансформировалась в различных регионах под влиянием местных католических семей. Политику управления в графствах координировали древние католические семьи, влияние которых в ирландском обществе, несмотря на

утрату титулов и земельных владений, было велико. Тесной общности взглядов между севером и югом не существовало, поэтому католики северной части острова были менее вовлечены в борьбу за свои права, которая началась в 1760-х гг. Трансформация ирландской системы землевладения привела к появлению класса посредников, связующего звена между лендлордами и конечными арендаторами, увеличивших свое состояние с помощью сдачи поместий в аренду.

Несмотря на репрессивный характер уголовных законов, их последствия не имели исключительно негативного воздействия. Борьба за политические права привела к сближению католических семей в стране и всплеску национального самосознания. Получение образования в метрополии и служба в континентальных армиях открывали новые возможности для ирландских католиков за пределами родины.

Источники и литература / References

1. Barnard T. The Kingdom of Ireland, 1641–1760. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 216 p.
2. Brady J. Catholics and Catholicism in the eighteenth-century press. Maynooth: Catholic Record Society of Ireland, 1965. 350 p.
3. Brady J. Proposals to register Irish priests, 1756–1757 // *Irish ecclesiastical record*. Vol. 97. No. 4. 1962. P. 209–222.
4. Breffny B. Letters from Connaught to a Wild Goose // *Irish Ancestor*. Vol. 10. No. 2. 1978. P. 81–98.
5. Bums R. The Irish penal code and some of its historians // *Review of politics*. Vol. 21. 1959. P. 276–299.
6. Bums R. The Irish popery laws: a study of eighteenth-century legislation and behavior // *Review of politics*. Vol. 24. No. 3. 1962. P. 485–508.
7. Connolly S. Divided Kingdom: Ireland 1630–1800. Oxford: Oxford University Press, 2008. 519 p.
8. Connolly S. Religion and history // *Irish economic and social history*. Vol. 10. 1983. P. 66–80.
9. The convert rolls: the calendar of the convert rolls, 1703–1838 / ed by O'Byrne E., Chamney A. Dublin: Irish Manuscripts Commission, 2005. 487 p.
10. Costello N. Two diaries of the French expedition, 1798 // *Analecta Hibemica*. Vol. 11. Dublin: Stationery Office, 1941. 174 p.
11. Cullen L. Catholics under the Penal Laws // *Eighteenth-Century Ireland*. Vol. 1. 1986. P. 23–36.
12. Cullen L. Emergence of Modern Ireland, 1600–1900. Dublin: Lilliput Press, 1983. 300 p.
13. Edmund Burke, New York agent: with his letters to the New York Assembly and intimate correspondence with Charles O'Hara 1761–1776 / ed by Hoffman R. Philadelphia: American Philosophical Society, 1956. 632 p.
14. Faulkner's Dublin Journal. 1754. 29 June – 2 July.
15. The Irish Times. 1984. 9 August.
16. Journals of the House of Commons of the Kingdom of Ireland, 1761–1762. Vol. 12. Dublin: Bradley A., 1762. 896 p.
17. Lecky W. A History of Ireland in the Eighteenth Century. Vol. 1. London: Longmans, 1913. 500 p.
18. The Making of Modern Ireland, 1603–1923 / ed by Beckett J. London: Faber and Faber, 1966. 496 p.
19. Malcomson A. John Foster: the politics of the Anglo-Irish ascendancy. Oxford: Oxford University Press, 1978. 504 p.
20. McDowell R. Public Opinion and Government Policy in Ireland, 1801–1846. London: Faber and Faber, 1953. 303 p.
21. McGrath C. Securing the Protestant interest: the origins and purpose of the penal laws of 1695 // *Irish Historical Studies*. Vol. 30. 1996. P. 25–46.
22. Musgrave R. Memoirs of the different rebellions in Ireland. Dublin: Robert Marchbank, 1801. Vol. 1. 583 p.
23. O'Murchadha D. Gaelic Land Tenure in County Cork: Uibh Laoghaire in the Seventeenth Century // *Cork history and society: interdisciplinary essays on the history of an Irish county* / ed by P. O'Flanagan, C. Buttimer. Cork: Geography Publications, 1993. P. 213–248.
24. Simms J. The Williamite confiscation in Ireland, 1690–1703. London: Faber and Faber, 1956. 207 p.
25. The Statutes Relating to the Ecclesiastical and Eleemosynary Institutions of England, Wales, Ireland, India, and the Colonies. London: J. Parker, 1845. 1108 p.
26. Wall M. The penal laws, 1691–1760: church and state from the treaty of Limerick to the accession of George III. Dundalk: Dundalgan Press, for the Dublin Historical Association, 1961. 72 p.

Сведения об авторе

Лагошина Наталия Анатольевна – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / natallidalli@mail.ru

Information about the author

Lagoshina Nataliya – Post Graduate, Department of Foreign History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / natallidalli@mail.ru

УДК 94 (470.6) «18»: 325.3

Д. К. Маркова

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СЕВЕРОКАВКАЗСКУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XIX ВЕКА

В работе анализируются обстоятельства, повлиявшие на формирование российской политики на Кавказе после присоединения к империи Картли-Кახетинского царства. Показаны те сложности, с которыми пришлось столкнуться царской администрации, заинтересованной в скорейшем умиротворении местных народов и их вхождении в правовое пространство государства. Рассматривается реакция на это со стороны соседних держав, являвшихся конкурентами Российской империи в регионе. На Кавказе активно действовала турецкая и персидская агентура, которая всячески старалась спровоцировать мятеж местных народов против русских. Для этого применялись самые различные средства, начиная от пропаганды и подкупа представителей местной знати и заканчивая открытым вооружённым вторжением.

В сложившейся ситуации российская администрация вынуждена была применять силовые методы борьбы со своими соперниками. Учитывая весьма ограниченные средства, которые империя могла позволить себе держать на недавно обретенных землях, приходилось идти на физическое устранение наиболее проблемных оппонентов. Выразителем такого курса был П. Д. Цици-

анов, сумевший в короткий срок обеспечить укрепление позиций российской власти в крае. Гибель князя заставила его преемника графа И. В. Гудовича действовать более осторожно и пытаться нейтрализовать враждебные шаги части горцев с помощью подкупа, что в официальной переписке называлось политикой «ласканий». Такие меры были вызваны необходимостью сосредоточиться на борьбе с внешней угрозой, оставляя решение внутренних проблем на более благоприятное время.

Ни Персия, ни Османская империя не смирились со своими неудачами в борьбе за Кавказ. В результате начавшихся войн России удалось нанести им ряд поражений и принудить к заключению мира, который не только подтвердил прежние её права на эти территории, но и ещё больше расширил их. В результате одержанных побед Петербург получил возможность сосредоточить свои усилия на «умиротворении» горских племён, которые отныне должны были поступиться частью своих привычных способов взаимодействия с соседями, а именно – отказаться от набеговой практики.

Ключевые слова: империя, горцы, набеги, дипломатия, война, внешнеполитическая конъюнктура, переговоры, вооружённая конфронтация, экспансия.

Daria Markova

THE INFLUENCE OF FOREIGN POLICY FACTORS ON THE NORTH CAUCASUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST DECADE OF THE XIX CENTURY

The paper analyzes the circumstances that influenced the formation of Russian politics in the Caucasus after the accession of the Kartli-Kakheti kingdom to the empire. The difficulties that the tsarist administration had to face, interested in the speedy pacification of local peoples and their entry into the legal space of the state. We consider the reaction to this from neighboring powers, which were competitors to the Russian Empire in the region. In the Caucasus, Turkish and Persian agents actively acted, who did their best to provoke a rebellion of local peoples against Russians. A variety of means were used for this, from propaganda and bribing representatives of the local nobility to an open armed invasion.

In this situation, the Russian administration was forced to use forceful methods of dealing with its rivals. Given the very limited means that the empire could afford to keep on newly acquired lands, it was necessary to go for the physical elimination of the most problematic opponents. The exponent of this course was P.D. Tsitsianov, who managed in a short time to ensure the strengthening of the position of the Russian authorities in the region. The death of the

prince forced him to succeed Count I.V. Gudovich to act more carefully and try to neutralize the hostile steps of part of the highlanders with the help of bribery, which in the official correspondence was called the policy of "taming". Such measures were caused by the need to focus on the fight against an external threat, leaving the solution of internal problems to a more favorable time.

Neither Persia nor the Ottoman Empire reconciled with their failures in the struggle for the Caucasus. Because of the wars that began, Russia managed to inflict a number of defeats on them and force them to conclude peace that not only confirmed its former rights to these territories, but also expanded them even more. As a result of the victories won, Petersburg got the opportunity to focus its efforts on the "pacification" of mountain tribes, who from now on would have to sacrifice part of their usual ways of interacting with their neighbors, namely, abandon raiding practice.

Key words: Empire, highlanders, raids, diplomacy, war, foreign policy, negotiations, armed confrontation, expansion.

Особый характер горских сообществ формировался под влиянием не только внутренних, но и внешних факторов. Они имели как деструктивное, так и вполне позитивное воздействие на местные сообщества, могли размывать его локальность и, наоборот, способствовали его укреплению. Одновременно внешнеполитическая конъюнктура определяла и шаги российского правительства, которое должно было выработать курс на выстраивания диалога с автохтонными народами с учётом реакции на него сопредельных (и не только!) держав. Вокруг Кавказа и на его территории сплелись интересы России, Персии, Турции, с каждым десятилетием возрастало внимание к нему британской дипломатии. Если говорить о начале XIX столетия, то нельзя не вспомнить и французские интересы, которые были связаны с экспансионистскими планами Наполеона, искавшего способы ослабить своего петербургского соперника, создавая для него в южном порубежье дополнительные проблемы. Эти направления, то актуализируясь, то ослабевая, оказывали воздействие на происходящие в крае процессы, провоцируя и без того склонные к вооружённой конфронтации племена к новым выступлениям.

Данные обстоятельства были ситуативными, и в дальнейшем побудительные мотивы в политике Российской империи в крае изменятся, но в обозначенный период они определялись, прежде всего, внешнеполитическими приоритетами. Представляется, что в таком контексте проблема ещё не рассматривалась, т.к. в советской историографии 1950-х гг. внешнеполитическая конъюнктура трактовалась как неизменный фактор, а между тем её значение к концу обозначенного нами периода ослабевает. В кавказоведении накоплен значительный историографический пласт, в том числе и по выделенному этапу. В научный оборот введены обширные материалы, и это даёт возможность, опираясь на труды предшественников, сформулировать собственное видение проблемы.

Присоединение Грузии в 1801 г. вызвало болезненную реакцию со стороны давних оппонентов и соперников России в лице Ирана и Турции. Петербургу этот шаг дался нелегко, т.к. его последствия предугадать было несложно. Недаром генерал К.Ф. Кнорринг получил указание рассчитать необходимое количество войск, которые были нужны для защиты новых владений [8, с. 99]. Помимо ожидаемого столкновения с персами и османами, следовало быть готовыми и к обострению ситуации на Северном Кавказе. Сюда устремлялись агенты противника, чтобы деньгами и ещё более щедрыми обещаниями не оставить единоверцев без всевозможных преференций и покровительства, втянуть местные племена в войну с «неверными».

Сами горцы были кровно заинтересованы в недопущении укрепления русского присутствия в Грузии. Они уже давно совершали сюда свои «коммерческие» набеги и достаточно успешно научились прорывать её ослабленные рубежи.

В немалой степени этому способствовали непрекращающиеся распри, раздирающие грузинскую элиту, которая не чуралась в корыстных целях прибегать к поддержке разорителей своего народа [1, с. 140, 232].

Россия в поисках надёжных границ на юге приступила к освоению этого беспокойного региона. При всех ожиданиях выгоды от экономического развития этих земель, политические задачи имели ведущее значение для империи [1, с. 121–122]. Ради этого она готова была понести весомые материальные и людские потери, ожидая в перспективе обретения несомненной выгоды от таких шагов. Что касается самой Грузии, то даже весьма критично настроенный к России и русским и отражавший западные взгляды итальянский автор Луиджи Виллари, при всех его революционных симпатиях (он посетил регион в период буржуазной революции 1905–1907 гг.), вылившихся в критику шагов царской администрации, как в прошлом, так и в настоящем, должен был признать, что «освободившись от опасности мусульманских и горных набегов, люди развивались, процветала торговля, возрождалась литература и культура» [17, р. 33].

Вряд ли императоры Павел I и Александр I предполагали, насколько огромной окажется цена их решения. Империи предстояло подвергнуть реформатированию образ жизни весьма воинственных обществ, которые оказались невероятно иммунными к любым попыткам разрушить их устоявшийся и доказавший свою жизнеспособность образ существования. Торопливость, в которой нередко обвиняли русские власти, вмешавшиеся в дела местных народов, была зачастую вынужденной реакцией на существующую угрозу внешнего вторжения, заставлявшую ускорять процесс интеграции этих племён в политическое и правовое пространство России.

Пытаясь выстраивать диалог с кавказскими народами, империя долгое время рассчитывала свести своё воздействие на их образ жизни к минимуму. В этой связи может послужить иллюстрацией обращение Павла I к генералу Кноррингу: «...советую вам как можно меньше вмешиваться в дела горских народов, покуда не касаться будут до границы нашей, ибо сии народы находятся более в вассальстве нашем, нежели в подданстве» [2, с. 581]. Казалось достаточным ограничиться гарантией сохранения добрососедских отношений, лояльности со стороны местной правящей верхушки. Будучи централизованным государством, Россия могла со своей стороны гарантировать соблюдение взятых на себя обязательств и рассчитывала на такое же соблюдение договорённостей и от кавказских правителей. В рамках этих надежд следует расценивать усилия по созданию федеративного союза, в который должны были войти владения Северного Азербайджана и Дагестана. Он мог стать буфером, с помощью которого Петербург рассчитывал отгородиться от ирано-турецкого противодействия, чреватого крупномасштабной войной.

Предполагалось, что созданный под протекторатом России федеративный союз, помимо решения внешнеполитических задач, будет способствовать ещё и разрешению внутрикавказских противоречий, снимет те взаимные претензии, которые накопились у местных сообществ друг к другу. Это был инструмент, с помощью которого можно было подготовить население края к более серьёзной интеграции с империей. Не следует, как представляется, приписывать российскому императору абсолютное непонимание тех проблем, с которыми ему пришлось столкнуться на вновь обретенных землях. Имеющиеся политические иллюзии были вызваны нехваткой информации о регионе, а успешная экспансия на юг его предшественников, прежде всего Екатерины Великой, вселяла надежду, что и с горцами удастся добиться скорых позитивных результатов [8, с. 102].

Подписанный 26 декабря 1802 г. в Георгиевске договор о союзе показал тщетность надежд правительства на решение поставленной цели, опираясь на местные центры силы [4, с. 250–251]. Он оказался не в состоянии снять те противоречия и взаимные претензии, которые существовали на Кавказе. Да и реальная власть владельцев над своими подданными была далеко не всеобъемлющей. Новые подданные императора были не прочь устроить набег на таких же присягнувших Александру I соседней. Интриги и попытки самостоятельно вступить в контакты с представителями сопредельных государств, предпринимаемые кавказскими феодальными владельцами, внушали не беспочвенные опасения, что в случае войны они могут ударить в тыл русской армии.

Между тем международная ситуация стремительно накалялась. На Ближнем Востоке усиливалась экспансия Британской империи, представители которой энергично занимались распространением своего влияния в Иране. В частности, чрезвычайное посольство, возглавляемое капитаном Д. Малькольмом, сумело найти подходы к шаху и заключить с ним военно-политический союз.

Одновременно шаги по закреплению в Персии и Турции предприняла и Франция [6, с. 70–71]. Конкурируя с англичанами, французы одновременно своей первоочередной задачей видели и создание для России проблемной зоны в её южном пограничье. Посол Франции Жобер сумел убедить шаха в готовности его страны поддержать его усилия по присоединению к Ирану кавказских земель. Имея за плечами столь могущественных европейских «благожелателей», персы активно готовились к боевым действиям, тем более что для самой России ситуация складывалась весьма непросто.

Грузинская княжеская фронда, недовольная потерянными влиянием, стала активно агитировать своих сторонников поддержать иранцев в войне против русских. По сведениям, полученным русским командованием, «...царевич Александр с свитой до 150 человек прибыл в Ганджу и принят ганджинским ханом весьма хорошо.

На третий день своего туда прибытия отправил якобы несколько чиновников свиты своей в Джары и Белаканы для собрания войск лезгинских, а между тем и для приглашения к стороне своей князей Кахетинских; – он получил будто бы фирман Баба-хана, в коем сей приглашает лезгин вспомоществовать царевичу и за кампанию, кою предпринимает царевич против нас сделать, обещает в фирмане том каждому из лезгин по 100 руб. серебром. Говорят, также, что царевич имеет фирман и султана турецкого...» [2, с. 288]. Столь щедрая оплата не могла не заинтересовать дагестанских удальцов, которые, к тому же могли рассчитывать и на захват трофеев, подобных тем, которые приносили их предки, участвовавшие в нападениях на Грузию. То, что от таких нападений больше всего страдали грузинские крестьяне, царевича, видимо, не волновало. Как показывал опыт, желающим заработать на крови Багратиды без труда находили и в других частях Кавказа [2, с. 582]. Связано это будет не столько с желанием помочь персам или грузинским царским изгнанникам, сколько со стремлением заработать привычным набегами ремеслом, изжить которое Российской империи не удастся на протяжении многих десятилетий, в том числе из-за иностранного вмешательства.

Почти сразу возникли проблемы с бесперебойным функционированием дороги по Дарьяльскому ущелью [15, с. 39]. Она не раз выходила из строя из-за природных катаклизмов, но иранцам удалось склонить к антироссийским акциям ещё и местную феодальную верхушку. Движение было парализовано, что несло серьёзную угрозу русским войскам в Закавказье. Командование вынуждено было спешно наводить порядок на магистрали и силой принуждать «набежчиков» прекратить диверсии в своём тылу. Оказавшись в затруднительной ситуации, российская власть должна была пойти на жёсткие силовые методы воздействия на горцев. Выразителем этого курса был П. Д. Цицианов, назначенный главнокомандующим на Кавказ [9, с. 177]. Он стал инициатором проекта строительства Военно-Грузинской дороги, который был одобрен императором. Благодаря решительным действиям генерала удалось нейтрализовать наиболее беспокойных недоброжелателей среди северокавказских владельцев.

Стали возводиться новые укрепления, армированные российское пограничье и ставшие базой для предполагаемых наступательных действий [7, с. 51]. Естественно, что появление в близости от своих жилищ военных объектов встретило далеко не однозначную реакцию кавказских племён. Для одних это была гарантия безопасности, а другие видели в крепостях угрозу привычной жизни и готовы были с оружием в руках бороться с ней. Поднявший мятеж на Военно-Грузинской дороге алдар А. Дударов рассчитывал сохранить эту трассу как источник своих доходов [12, л. 174–175]. Но такие действия решительно пресекались П. Д. Цициановым, который, не вступая в переговоры, жёстко подавил недовольство, заявив:

«не стану я с вами договоры делать; у кого есть штыки, тому денег платить не следует» [3, с. 555].

В Дагестане у персов тоже были свои сторонники. Ших-Али-хан дербентский и Сурхай-хан казикумухский призывали поддержать шаха, но этим лишь спровоцировали конфликт с собственными общинниками.

Если персидская агентура действовала на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, то Турция искала потенциальных союзников на северо-западе. Действуя через анапского пашу, османские эмиссары призывали своих сторонников поддержать султана в случае начала боевых действий, обещая скорую присылку своих отрядов в Закубанье [13, л. 9–10]. Рвение поддерживали и раздачей денег, прекрасно понимая, что только религиозные лозунги не способны привлечь большое число приверженцев пойти на немалый риск и выступить против России. Естественно, что все эти шаги не могли не создавать проблем для российской администрации, а командование должно было учитывать возможность получить удар в спину во время борьбы с внешним неприятелем.

Персия 10 июня 1804 г. объявляет войну России, и почти сразу становится очевидным, что шахские войска уступают своим соперникам в боевой подготовке и мотивации. Отдельные неудачи, как, например, под Ереванской крепостью, общей картины не меняли. Даже гибель П. Д. Цицианова, вызвавшая короткое замешательство в рядах русского командования, не смогла изменить ситуации. Назначенный главнокомандующим граф И. В. Гудович, будучи человеком зрелого возраста (ему было 70 лет), действовал осторожно, но при этом не позволял неприятелю захватить инициативу и нанести своим войскам непоправимый урон. Генерал теснил персов и тем зарабатывал авторитет в глазах горцев Северного Кавказа, по отношению к которым он проводил политику «ласканий». Он был сторонником активизации миссионерской деятельности в крае, т.к. справедливо отмечал, что вопрос в выборе веры в этой исторической ситуации был вопросом и политической ориентации. Он подкупал местную элиту, причём не только подарками, но и различными экономическими преференциями. Последние охотно пользовались сложившейся политической конъюнктурой, но их присяги на верность не отличались надёжностью, а были следствием ситуативной выгоды.

Положение резко осложнилось после вступления в декабре 1806 г. в войну Турции. Османы сумели выбрать наиболее благоприятный для себя момент, что справедливо увязывается с влиянием французской дипломатии, сумевшей подтолкнуть султана к решительным действиям [8, с. 114]. Фактически Россия вынуждена была противостоять сразу трём противникам. Но даже в таких условиях она продолжала громить армии восточных государств, которые не смогли использовать преимущества европейских поражений своего северного соседа [5, с. 42].

После Тильзитского мира 1807 г. начались переговоры о мире с османами, но они так и не за-

вершились подписанием необходимого договора. Турки и иранцы нашли себе нового спонсора в лице Англии, и военные действия вновь активизировались [5, с. 44]. Одновременно на Северный Кавказ устремились эмиссары этих стран, пытаясь дестабилизировать тыловые районы в южном пограничье России [10, л. 9об., 21об. – 24об.; 11, л. 17].

Империи было что противопоставить таким шагам старинных недругов. Судя по многочисленным присягам на верность, позиции «пророссийской» партии среди местных сообществ по-прежнему были сильны [14, л. 68–69]. Кавказская администрация умело пользовалась традиционной для этих мест практикой наёмничества, переориентируя воинственный потенциал горцев на борьбу со своими геополитическими соперниками. Отряды горской милиции участвовали в войне против персов и османов, а наиболее отличившиеся всадники получили награды правительства за проявленную доблесть. На фоне военных побед участились случаи подтверждения присяг на верность со стороны горских обществ. Российской командование могло не опасаться масштабных выступлений у себя в тылу, хотя отдельные нападения всё же случались. Это приводило к организации силовых операций по пресечению враждебных акций, как, например, поход в Кабарду в 1810 г.

Можно сказать, что войны с Ираном и Турцией стали катализатором тех политических процессов, которые проходили в крае и были связаны с выбором политической ориентации среди местного населения. Отмечалось, что «часть феодальной знати, преследовавшая узкоклассовые цели, стремилась к отторжению от России, с тем, чтобы нажить в глазах своих турецких и иранских покровителей политический престиж и таким образом сохранить свои феодальные привилегии. Другая часть феодалов спешила принять новые присяги на верность России, надеясь усилить феодальный гнёт над эксплуатируемыми массами» [8, с. 120]. Таким образом, внешнеполитические обстоятельства находили отражение во внутренних социальных процессах, которые меняли облик ещё вчера казавшегося «застывшим» края.

Война с Турцией имела два очага, один из которых был связан с Балканами, другой – с Кавказом. Везде османы терпели поражения, и только поддержка внешних покровителей заставляла султана продолжать несчастливое для него противоборство. Утрачивая свои форпосты на черноморском побережье, турки одновременно теряли и центры влияния на черкесские племена, феодализирующаяся верхушка которых находилась под значительным культурным влиянием Стамбула. Блестящая военная кампания, проведённая М. И. Кутузовым, дала возможность своевременно заключить в 1812 г. мир в Бухаресте и развязать руки для отражения наполеоновской агрессии. В глазах населения Северного Кавказа русская власть продемонстрировала свою мощь и доказала, что способна действовать в самых неблагоприятных обстоятельствах [6, с. 184–192].

Столь же значимая победа в войне с Ираном и подписание в 1813 г. Гюлистанского мира завершила процесс вхождения народов Дагестана в состав империи. По крайней мере, с точки зрения международного права, Россия получала возможность приступить к распространению на северо-востоке региона своих законов и модели управления [16, с. 212–218].

Сложилась предпосылка для освоения новых территорий, которые хотя формально и были

подчинены Петербургу, но фактически оставались вне правового поля империи. Местные народы своеобразно воспринимали подданство, желая максимально использовать те блага, которые принесла им Россия, но отказываясь выполнять обязательства перед ней. Имея мирную передышку, российская администрация попыталась максимально эффективно воспользоваться ею и форсировать процесс адаптации северокавказских сообществ к новым историческим реалиям.

Источники и литература

1. Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. Комментарии Г. А. Анакидзе и Б. П. Миловидова. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2009. 264 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.I. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1866. 816 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.II. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. 1238 с.
4. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2005. 384 с.
5. Гулиа Д. Г. К истории Восточного вопроса. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми: Издательство «Алашара», 1978. 111 с.
6. Дегоев В. В., Стамова И. И. Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2013. 455 с.
7. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье // Кавказ. 1850. №13.
8. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 328 с.
9. Лапин В. В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.482. Оп.1. Д.17.
11. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 39.
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 33.
13. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 49.
14. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 64.
15. Рябиков А. Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2008. 156 с.
16. Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2005. 292 с.
17. Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London: T.F. Unwin, 1906. 348 p.

References

1. Avalov Z. D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii (*Georgia joining Russia*). Comments: G. A. Anakidze, B. P. Milovidov. St.Petersburg: ZHurnal "Zvezda" publ., 2009. 264 p.
2. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts collected by the Caucasus Archaeographic Commission*). Vol. I. Tiflis: Printing house of the head Viceroy of the Caucasus, 1866. 816 p.
3. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts collected by the Caucasus Archaeographic Commission*). Vol.II. Tiflis: Printing house of the head Viceroy of the Caucasus, 1868. 1238 p.
4. Vinogradov B. V. Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg. (*The specifics of Russian politics in the North Caucasus in 1783–1816*). Slavyansk-on-Kuban: SSPI publ., 2005. 384 p.
5. Gulia D. G. K istorii Vostochnogo voprosa. Russko-tureckaya vojna 1806–1812 gg. i Angliya (*On the history of the Eastern Question. Russian-Turkish war of 1806–1812 and England*). Suhumi: Alashara publ., 1978. 111 p.
6. Degoev V. V., Stamova I. I. Priz dlya pobeditelya. Mezhdunarodnoe sopernichestvo na Kavkaze v pervoj treti XIX veka (*Prize for the winner. International rivalry in the Caucasus in the first third of the 19th century*). Moscow: MSIR-University publ., 2013. 455 p.
7. Istoricheskij ocherk rasprostraneniya i ustrojstva russkogo vladychestva pod Kavkazom i v Zakavkaz'e (*The historical outline of the spread and structure of Russian rule under the Caucasus and Transcaucasia*) // Kавказ. 1850. No. 13.
8. Kinyapina N. S., Bliev M. M., Degoev V. V. Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnej politike Rossii (vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX v.) (*The Caucasus and Central Asia in the foreign policy of Russia (second half of the 18th – 80s of the 19th century)*). Moscow: MSU publ., 1984. 328 p.
9. Lapin V. V. Cicianov (*Tsitsianov*). Moscow: Molodaya gvardiya publ., 2011. 542 p.
10. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 482. Inv. 1. D.17.
11. RGVIA. F. 482. Inv. 1. D. 39.
12. RGVIA. F. 846. Inv.1. D. 6164. Part. 33.
13. RGVIA. F. 846. Inv. 1. D. 6164. Part. 49.
14. RGVIA. F. 846. Inv. 1. D. 6164. Part. 64.

15. Ryabikov A. N. Voenno-diplomatscheskij aspekt deyatel'nosti Rossii na Kavkaze v kontekste mezhdunarodnyh otnoshenij v pervoj treti XIX veka (*The military-diplomatic aspect of Russia's activities in the Caucasus in the context of international relations in the first third of the XIX century*). Slavyansk-on-Kuban: SSPi publ., 2008. 156 p.

16. Yuzefovich T. Dogovory Rossii s Vostokom politicheskie i torgovyje (*Political and trade treaties between Russia and the East*). Moscow: State Public Historical Library publ., 2005. 292 p.

17. Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London: T.F. Unwin, 1906. 348 p.

Сведение об авторе

Маркова Дарья Константиновна – аспирант кафедры исторических и социально философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pgu.ru

Information about the author

Markova Daria – post-graduate student, Chair of the Historical and Socio-Philosophical Subjects, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / aspirantura@pgu.ru

УДК 94 (415)

А. В. Мирошников

ГЕРОИ И МУЧЕНИКИ. СИМВОЛЫ ИРЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В многовековой истории ирландского национализма символика занимает важное место. В этой истории насчитывается много героических и трагичных страниц. В пантеон национализма включены все герои мученики борьбы за независимость. Но далеко не все из них получили «статус символа». Как правило, символами являются отдельные персонажи национального движения либо события, которые оказали серьёзное влияние на ход истории Ирландии. Символы призваны сохранять историческую память и способствовать процессу национальной самоидентификации. Одним из таких символов является «эпитафия Эммета», стимулирующая стремление к созданию единой Ирландии. Большое влияние на возникновение символов оказывает кельтская ментальность, для которой свойственна мифологизация и тесная связь с образами прошлого. Очевид-

но, что конкретный символ не является искусственно созданным предметом. Он возникает спонтанно и затем нередко используется лидерами национального движения. В советской и российской историографии символика ирландского национализма не была предметом специального исследования. Изучение появления, содержания и влияния символов на процесс развития ирландского национального движения имеет немаловажное значение. Их изучение позволяет определить социопсихологические аспекты явления, выявить проблему соотношения «лидер-массы», полнее понять логику постановки целей движения и механизмы их реализации.

Ключевые слова: символы, национализм, Тоун, Эммет, О'Коннелл, Манчестерские мученики.

Alexander Miroshnikov

HEROES AND MARTYRS. SYMBOLS OF IRISH NATIONALISM

In the long history of Irish Nationalism, symbolism occupies an important place. This story has many heroic and tragic pages. The Pantheon of Nationalism includes all the heroes and martyrs of the struggle for independence. But not all of them received "symbol status". As a rule, symbols represent individual characters of the National Movement or events that have had a serious impact on the course of the History of Ireland. Symbols are designed to preserve historical memory and contribute to the process of national self-identification. One such symbol is the "Epitaph of Emmet," which stimulates the desire to create a united Ireland. A great influence on the emergence of symbols is provided by the Celtic mentality, which is characterized by mythologization and close connection with the images of the past. Obviously, a particular symbol is not an artificially created

object. It arises spontaneously and then is often used by leaders of the National Movement. In Soviet/Russian historiography, the symbolism of Irish Nationalism was not the subject of a special study. The study of the appearance, content and influence of symbols on the development of the Irish National Movement is of no small importance. Their study allows us to determine the sociopsychological aspects of the phenomenon, to identify the problem of the "leader-mass" relationship, to more fully understand the logic of the formulation of the aims of the movement and the mechanisms for their implementation.

Key words: symbols, nationalism, Tone, Emmet, O'Connell, Manchester Martyrs.

Ирландское национальное движение, его многовековая история, как и сама идеология национализма, неминуемо создавали целый набор символов, смысл которых заключался не только в сохранении прочной исторической памяти, но и способствовал формированию национальной идентичности.

Характерно, что нередко эти стабильные символы возникали спонтанно в сознании народа, а затем они стали использоваться лидерами различных направлений внутри ирландского национализма. Далеко не всегда легко определить «избирательность» в выборе такого символа. Символы не «назначались сверху», а являлись

продуктом массового сознания, которое транслировало их из поколения в поколение.

Особенности кельтского характера, психотипа также накладывали свой отпечаток на формирование в ирландской политической мифологии образов «великих личностей», ставших символами. В известной мере ирландское сознание нередко было проникнуто идеями величия своей нации.

Весьма отчётливо это видно в письме одного из адептов национализма рубежа XIX–XX вв., Джорджа Расселла, творившего под псевдонимом Æ, Уильяму Йейтсу. Расселл писал: «Из Ирландии воссияет свет, который преобразит эпохи и народы» [2, с.13].

Кельтская мифология плотно наполнена такими фантастическими образами.

Одну из легенд приволил в своих «Кельтских сумерках» Нобелевский лауреат Уильям Батлер Йейтс. Она гласит, что, когда великий ирландский поэт Рафтери стоял перед кустом, «...и разговаривал с ним, и куст отвечал ему по-ирландски» [2, с.202]. Для ирландского сознания иного языка, кроме национального в данном контексте и быть не могло, равно как и вполне нормальным считался такой фантастический диалог.

В данной статье мы обращаемся к нескольким важнейшим символам ирландского национализма, которые сохраняют своё значение до сегодняшнего времени. Следует отметить, что без всякого исключения персонажи национального движения, вне зависимости от их принадлежности к революционерам или апологетам «моральной силы» высоко чтутся ирландцами; нация отдаёт дань своим предкам.

Однако далеко не все персоны национальной истории приобрели «статус символа», что не умаляет уважения их последующими поколениями ирландцев. Следовательно, существуют некие неординарные явления, которые трансформировались в символические знаки. Эту логику мы попытались выявить.

Например, лидер патриотического движения Генри Граттан, активность которого привела к восстановлению в конце XVIII века независимого от Вестминстера ирландского парламента, Дойла, безусловно, остаётся в памяти нации [11; 15].

Реализм политики Граттана выразился в постепенности достижения намеченной цели, но ставя для решения конкретные задачи, он в своей аргументации далеко выходил за их пределы. 19 апреля 1780 г. Граттан в палате общин при обсуждении Декларации ирландских прав, суть которой сводилась к движению за восстановление автономии Дойла, резко подверг критике нерешительность ирландских политиков, одновременно высказался о тактике движения к самоуправлению. Обращаясь к ирландским коммонерам, он говорил: «Вы, с тремя миллионами жителей, стоящими за вами, с хартиями в одной руке и оружием в другой, боитесь сказать: «Мы свободные люди?» Вы, величайшая Палата общин, когда-либо заседавшая в Ирландии, желающая только одного акта, который уравнил бы с английской палатой общин, принявшей «Петицию о правах»,... вы боитесь сказать Британскому парламенту, что вы свободные люди?» Необходимо проявить волю и осознать ответственность: «Я вынуждаю вас законами земли и их нарушениями; поручениями 18-ти графств; оружием, вдохновением и провидением настоящего момента – назовите нам правило, по которому мы должны действовать; утвердите закон Ирландии; провозгласите свободу земли!» [20, р. 1, 365, 371].

Последующие адепты революционного направления в ирландском национализме скептически оценивали эволюционный подход Граттана, заявляя, что автономизация Дойла не принесла

свободу стране. Сторонники «граттановского конституционализма» при защите своего лидера подчёркивали, что в своей тактике он был скован условиями того времени и своим воспитанием [11, р. 178–180]. Спорить с этим не имеет смысла, ибо иных способов изменения зависимого положения Ирландии в то время действительно не существовало.

Но и в критике конституционализма находятся рациональные зёрна. Собственно говоря, даже восстановленный в правах Дойл при изменении курса британской политики был ликвидирован Актом об Унии 1800 года.

Воспринимая Граттана в качестве одного из основоположников ирландского патриотизма, ореола «символа» в массах он не снискал, хотя по большому счёту, восемнадцать лет существования «граттановского парламента» были временем необычайного подъёма ирландской экономики.

Пример иного свойства связан с первой попыткой вооружённого восстания против англичан в 1798 г., предпринятой «Объединёнными ирландцами» во главе с Уолфом Тоуном, казалось бы, идеально подходит к определению символа революции. Но можно говорить не только о трепетном отношении к героизму восставших, нужно учитывать, что Тоун заложил основы революционного направления, разработал ряд его доктринальных положений для будущих поколений [18, р. 15–20].

Протестант по вере, Тоун в то же время стремился опираться на союз всех средних классов, на крестьян, стопроцентно католических. Политический прагматизм в этом направлении был свойственен Тоуну [6, р. 62]. Он начинал свою политическую и общественную деятельность как сторонник тактики Граттана, однако развитие революционных событий во Франции довольно быстро способствовало его переходу в стан приверженцев революции. Впервые в его доктрине прозвучали, как призывы к борьбе за республику, так и выработка тактики ориентации на союз с врагами Британии, на Францию, прежде всего.

Недаром организация, созданная Тоуном, носила название «Объединённые ирландцы». Тем самым он стремился соединить в ней представителей протестантской и католической конфессий, что было чрезвычайно важно. Неминуемым стало ещё одно положение идеологии Тоуна, отторжение церкви от политики. Косвенно наносился удар и по Дойлу Граттана, который был протестантским [8].

Стартовым положением для доктрины Тоуна стал принцип свободы человека. Но он смог применить его для нации и государства. Французская революция явилась катализатором политической активности во многих странах, Тоун напрямую говорил, что «освещение общественного мнения в Ирландии» было стимулировано «светилом правды и свободы во Франции» [38, II, р. 55].

Франция для Тоуна и его сподвижников была важна не только в силу её значения как основно-го противника Англии, хотя, как указывалось, он строил надежды на военную помощь Парижа в

борьбе за ирландскую независимость. Значение 1789 года, по словам Тоуна, в том, что «Французская революция стала испытанием политического кредо для каждого человека» [38, I, p. 51].

Безусловно, Уолф Тоун был родоначальником революционного направления в ирландском национализме. Историки склонны давать ему широкую характеристику. «Революционер, республиканец, демократ» [6, p.46], эти определения не противоречат сути воззрений Тоуна. Практическая его деятельность и собственные высказывания [37, p. 180–183] безусловно подтверждают такие оценки.

Завершая анализ идеологием Уолфа Тоуна, отметим, что комплексная программа «Объединённых ирландцев», изложенная в документе «План парламентской реформы «Объединённых ирландцев» от марта 1794 г. [14, p. 237–238], предлагала политические преобразования в рамках традиционного для 18 века эгалитаризма. Независимость, всеобщее избирательное право, ежегодное переизбрание парламента, отделение церкви от государства. Требование изменения сетки избирательных округов соседствовало с назначением жалования коммонерам.

Функции государства виделись авторам документа в защите национальной экономики, развитии культуры и повышении грамотности населения.

Фактически это был первый проект устройства новой Ирландии. Однако в исторической памяти народа оставили свой след не эти предложения, они стали стартовой площадкой для будущих поколений националистов и материалом для исследователей, а героизм восставших в 1798 г. Однако, несмотря на это Тоун и его сподвижники символами не стали.

Речь не идёт о недооценке того или иного события, или личности в истории страны, национального движения, все националисты навечно внесены в пантеон памяти, но в данном случае мы рассматриваем непреходящие символы Ирландии.

Первым вечным символом героизма и одновременно мученичества стал Роберт Эммет, поднявший восстание против англичан в 1803 г.

Роберт Эммет был, пожалуй, единственным потомственным аристократом в плеяде борцов за свободу Ирландии.

По существу, и восстание 1803 года было незначительным эпизодом в истории национального движения.

Героизируется не само восстание, а поистине пророческая фраза Эммета из последнего слова перед судом.

Ключевая фраза, получившая название «Эпитафия Эммета» имеет гораздо большее значение, чем сам автор тех слов.

«Когда моя страна займет свое место среди народов земли, тогда, а не до тех пор, пусть моя эпитафия будет написана... [23], посыл в «Эпитафии» к борьбе за полную независимость Ирландии был очевиден.

Можно согласиться с тем, что сама идеология Эммета, чётко выраженная в словах: «Мы сра-

жаемся не против богатых и их богатства, а против религиозной нетерпимости, не против глупых предрассудков, а против британского господства» [40] выявила неизменные векторы ирландского национализма.

Все последующие поколения националистов боролись за «настоящую эпитафию Эммета». Под этим лозунгом вела активную борьбу Ирландская Республиканская Армия (ИРА). Несмотря на все соглашения по стабилизации положения в Шести графствах Ольстера, принятые в XX в., истинные националисты заявляют, что Вся Ирландия ещё не свободна.

Сейчас в связи с Брекзитом, актуальность реализации мечты Эммета стала ещё острее. Во всяком случае, Шинн Фейн считает возможным наконец-таки объединить две части острова.

Президент Шинн Фейн Джерри Адамс, депутат Дойла, высказывался об этом вполне определённо [10].

Такая позиция настойчиво транслируется и в пропаганде партии [16].

Правда, три года назад автор настоящей статьи в личных беседах с представителями ирландской интеллектуальной элиты отметил, что они выражали серьёзное сомнение в реальности соединения Северной Ирландии, как составной части Соединённого Королевства с Ирландией.

Незыблемым символом ирландского национализма является Дэниел О'Коннелл, получивший народное прозвище «Освободитель».

Думается, что известная гиперболизация этого народного титула имела место. По большому счёту «Освободителю» удалась лишь эмансипация католиков.

О'Коннелл первым в Европе сумел создать общенациональное мнение и всеирландскую организацию, задачей которых было достижение эмансипации католиков, иными словами, предоставить им пассивное избирательное право. По сути, в случае достижения намеченной цели, все католики, которые могли бы стать коммонерами или государственными служащими, освободились бы от религиозной клятвы Короне.

Созданная О'Коннеллом Католическая Ассоциация использовала целый набор средств, как для пропаганды эмансипации, так и была призвана создать массовое движение, основанное на принципах единой цели и осознания общности ирландской нации.

Митинги, проводимые Католической Ассоциацией по всей стране, утверждали в сознании нации принципы «моральной силы», которые основывались на сознательном давлении общественного мнения. Воспитываемое коннеллизмом, это мнение отражало справедливые требования, усиливало вес нации в ее собственном сознании. Сила национальной общности, выраженной в конкретных политических требованиях, должна была задуматься правительство и британское общество об Ирландии.

Кроме проведения многотысячных митингов, Ассоциация контролировала ряд печатных изданий, создавала свои собственные еженедель-

ники. Католическая организация использовала газету «Даблин Ивнинг Поуст», а редактор её Ф. У. Конуэй фактически сделал издание официозом Ассоциации. Не меньшее внимание пропаганде эмансипации католиков оказывал М. Стонтон, редактор «Морнинг Реджистер». Газеты предназначались для грамотной части общества [13], однако материалы газет читались вслух и на митингах. Нередко статьи о митингах публиковались на страницах местной прессы, например, в «Типперэри Фри Пресс» [35; 36].

Весьма оригинальным и действенным способом объединения нации под знамёнами эмансипации стало введение по инициативе О'Коннелла так называемой Католической ренты. По задумке лидера националистов каждый ирландец мог по желанию внести любую сумму, от фартинга до гиней в адрес Ассоциации.

Дабы избежать нападок со стороны правительства по поводу сбора финансов, О'Коннелл поступил весьма мудро. В 1825 г. из собранных средств пятнадцать тысяч фунтов стерлингов было направлено в государственный фонд безопасности. Кстати, это была не только уловка или демонстративный акт лояльности, хотя и это нельзя сбрасывать со счёта, но главное, – О'Коннелл лишним раз убеждал и правительство, и своих сторонников в движении в рамках закона.

Основная же масса денег ренты шла на митинги, прессу и инвестирование реформы избирательных округов.

Как образно отметил видный исследователь коннеллизма МакКэффри, рентой «О'Коннелл женил ирландский национализм и бентамистский радикализм» [17, р. 16].

Вся палитра методов Ассоциации цементировала католическое общественное мнение.

Вестминстер и Кабинет не могли безучастно наблюдать развитие событий. Ассоциация была создана в 1823 г., а уже 15 февраля 1825 г. при обсуждении ирландских дел в парламенте Джордж Каннинг крайне резко охарактеризовал опасность, исходившей от новоявленной организации. Оратор заявил, что Ассоциация является организацией, которая сама избрала свой состав, самостоятельно сконструировалась, действующая самостоятельно и «... – не признающая ничего выше...» [12]. Принимая во внимание и то, что Каннинг имел ирландские корни, и то, что являлся одним из самых демократичных политиков того времени, достаточно назвать его безукоризненную поддержку независимости латиноамериканских бывших колоний Испании и одобрение борьбы греков за свободу, можно сделать два вывода. Во-первых, явное нежелание Вестминстера идти на уступки католикам Ирландии, во-вторых, вигская партия в таком отрицании эмансипации смыкалась с самыми твердолобыми тори.

Несмотря на это, движение за эмансипацию приобрело такой размах, что премьер Веллингтон, даже при угрозе раскола партии, решился на принятие Билля. 13 апреля 1829 г. Вестминстер принял Акт об эмансипации католиков [14, р. 247–249; 22, р. 64].

Известие об эмансипации вызвало в Ирландии небывалый подъем и энтузиазм населения, о чем свидетельствовал великий английский поэт-романтик Уордсворт, посетивший остров в тот год [9, р. 53–64].

Победа была достигнута, но в тот же день, 13 апреля были изменены стандарты имущественного ценза при выборах в Ирландии. До этого времени ценз на острове был самым низким в Королевстве. Поскольку в Вестминстер могли пройти только протестанты, а электорат был в своём большинстве католическим, то лендлорды нуждались в наибольшем числе своих избирателей. Теперь картина кардинально изменилась.

Вот как отреагировал О'Коннелл на новую ситуацию. Он писал жене: «Следующей пришла беда – билль, ставящий квалификацию фригольдеров до десяти фунтов. Это плохо, очень плохо и мы должны предотвратить это, если сможем. Я опубликую во вторник письмо по этому вопросу... Кто думал, что мы можем получить билль от Пилля и Веллингтона. Католики могут быть судьями, мэрами, шерифами, олдермэнами, членами советов, пэрами парламента, коммонерами, всеми, короче, всеми. Не было сомнений при прохождении билля... Дорогая, я могу сказать, что я содействовал этому. Все хорошо, но 40-шиллинговый фригольд, однако, по-моему, 10 ф.ст. реально дадут больше силы католикам. Я должен, несмотря ни на что, поддержать фригольдеров... О, если бы я мог поддержать 40-шиллинговых фригольдеров. Это, это – только позор» [19, IV, по 1529].

Понятно, что от Акта об эмансипации выиграли лишь католики из верхних слоёв социальной лестницы, но это была первая победа общественного движения и забыть её нация не имела права.

Выше мы отмечали известную мифологизацию, свойственную ирландскому сознанию. Особенно сильно она проявлялась в провинции. Крестьяне трепетно обращали внимание на происхождение своих лидеров, отталкиваясь от кельтских обычаев и предрассудков.

Это для горожан О'Коннелл был политиком, а для провинции важнее было то, что он «вождь клана Керри». Ментальность патернализма арендаторов придавала О'Коннеллу образ современного спасителя отечества, наделяла его звучными прозвищами. «Ирландская зеленая коноплянка», «Орел Керри», «Моисей Ирландии», «Блестящая звезда нашей нации», «Новый Брайан Бору», в них были смешаны национальные, религиозные, эмоциональные и исторические элементы, господствовавшие в сознании католической провинции. [17, р. 2].

Такой многогранный образ, победа в эмансипаторском движении априори создал из О'Коннелла мощный национальный символ, невзирая на то, что победа была довольно ограничена по своим масштабам.

В 1867 г. ирландское общество пережило трагедию, известную современникам и вошедшую в историю под названием «Манчестерские мученики».

Весной того года члены Ирландского Революционного Братства (ИРБ), известного также под названием Фенианское Братство предприняли попытку вооружённого восстания. Оно было подавлено английскими войсками.

На смену ирландскому руководству Братство пришли ветераны Гражданской войны США, представители ирландской диаспоры в Штатах.

Именно они решили перевести новое восстание на территорию Англии, где центром его должен был стать Манчестер.

Однако новоявленные лидеры, включая главу Братства Келли и его помощника Дисы, были арестованы.

Во время транспортировки арестованных была предпринята попытка их освобождения, завершившаяся удачно. Келли и Дисы бежали. Но во время атаки фениев на тюремную карету был застрелен полицейский сержант [32].

Непреднамеренное убийство полицейского привело к моментальной ответной реакции. Начался погром ирландских кварталов города. Было сразу же арестовано пятьдесят ирландцев, из числа которых двадцать шесть предали суду [5, p. 196].

Несмотря на то, что за поимку Келли и Дисы было обещано триста фунтов, обоим фигурантам удалось сбежать и пути их расходятся. Дисы вернулся в Штаты, а Келли обосновался в Бельгии [29; 30].

Властям необходимо было демонстративное наказание не обязательно участников убийства сержанта, главное ирландцев. Поэтому суд не удосуживался сбором неопровержимых доказательств вины конкретного человека. Инкриминировалось предумышленное убийство представителя власти.

Согласно приговору от 13 ноября пятеро обвиняемых – Уильям Филипп Эллин, Майкл О’Брайен, Эдвард Кондон (судился под псевдонимом «Шор»), Майкл Ларкин и Томас Мэгвайер были приговорены к смертной казни, семеро – к каторге, остальные получили различные сроки тюремного заключения. «Энньюэл Реджистер» привел подробное описание судебного расследования, опросов свидетелей и допросов обвиняемых [39].

Суд был стремительным и отметил все несурзности обвинения, к примеру, Мэгвайер вообще отсутствовал на месте преступления. Не было доказано, что арестованные ирландцы были членами Фенианского Братства, тем более выполняли там какие-то важные поручения.

Выступления приговорённых к смертной казни на суде свидетельствовали и об их патриотизме, об уверенности в своей невиновности, о готовности умереть во имя родины.

Осуждённый Эллин заявил: «...Я невиновен... Я говорю это не ради помилования; я не хочу и не жду его. Я умру, как умерли многие тысячи, за свою любимую страну и ее защиту» [4; 9, p. 265–266].

Ларкин воскликнул в своем последнем слове: «Боже, будь с вами, ирландцы и ирландки» [31].

Слова, произнесенные приговоренными к смерти: «Боже, спаси Ирландию!» стали известны всей стране [21, p.273].

Мировое сообщество восприняло приговор скептически, многие в Европе и в Америке расценивали данное решение суда, который безусловно, выполнял задачу правительства, как акцию мести и устрашения.

Одной из организаций, которая выступила с призывом к властям Англии отменить приговор стал Первый Интернационал.

19 ноября прошло первое заседание Генерального Совета по ирландскому вопросу. К его началу в манчестерском деле произошли существенные изменения.

По ходатайству прессы, доказавшей, что Мэгвайер действительно отсутствовал во время освобождения Келли и Дисы, он был помилован.

По требованию правительства США, Кондону, как американскому гражданину, смертную казнь заменили пожизненным заключением.

На чрезвычайном заседании Генерального Совета единогласно было принято обращение к британскому министру Харди. Отмечалось, что судебное расследование основывалось на ложных показаниях, что косвенно подтвердило помилование Мэгвайера, а казнь троих патриотов «...будет носить характер не судебного акта, а политической мести». Обращение призывало к смягчению приговора, что стало бы «...не только актом справедливости, но и актом политической мудрости» [1, p. 118–122; 3].

Обращение Генерального Совета Интернационала, как и многие другие аналогичные предложения из-за рубежа, было проигнорировано.

23 ноября «манчестерские мученики» – Эллин, О’Брайен и Ларкин взойшли на эшафот.

Казнь потрясла Ирландию, шокировала Англию, возмутила Европу и Америку. Даже «Нью-Йорк Таймс», газета, которая всегда выступала против американских фениев, квалифицировал казнь как неоправданную жестокость [26; 27]. По мнению авторитетной ирландской газеты, вовсе не сторонника революции, «Айришмэн», убийство троих ирландцев по решению суда привело к обострению ситуации и усилению напряженности на острове [24; 25].

«Манчестерские мученики» стали после Эммета первыми ирландцами, казненными за политическую акцию.

Было бы наивно полагать, что всё общественное мнение Королевства было проникнуто идеями гуманизма. Проправительственный «Таймс» фактически открыто высказал не просто поддержку казни ирландцев, но и выразил главный вектор Лондона в решении ирландского вопроса. Газета писала «...Мы не можем дольше колебаться, в каком направлении двигаться... Мы стоим лицом к лицу с шайкой безрассудных преступников, которые не уважают человечность и божественность... Мы должны уничтожить их любой ценой...» [28].

Католическая церковь с самого начала создания ИРБ проводила открытую борьбу против ре-

волюционного направления в национальном движении, пыталась стать его руководителем.

Неслучайно, что высшие иерархи католичества обращались к единоверцам с призывами покинуть ряды Фенианского Братства, посылали проклятия на головы осуждённых [33; 34].

Трагедия «манчестерских мучеников» осталась в национальном сознании навечно.

Пройдёт не одно десятилетие, прежде чем вновь родиться революционное направление в ирландском национализме. И XX в. требовал уже формирования новых символов, всё более отвечающих революционному настроению, царившему среди масс.

Пасхальное восстание 1916 г., жестоко подавленное британской армией, не только создало в национальном сознании новую плеяду героев и мучеников, но породило соединение реальных борцов за свободу с образом мифологического героя Кухулина. Неслучайно в штаб-квартире революционных республиканцев, расположенной в Главном почтамте Дублина, фигура Кухулина до сих пор олицетворяет те героические дни.

Не в последнюю очередь такой синтетический символ появился благодаря атмосфере Кельтского культурного возрождения рубежа XIX–XX вв.

Ирландское национальное сознание проникнуто преклонением перед лидерами освободительного движения. Оно в разные периоды было окрашено то в революционные цвета, то уповало

на мирные, конституционные формы сопротивления. Вне зависимости от политических пристрастий разных слоёв населения всё оно сохраняет историческую память. Правительство Ирландии культивирует это чувство, пропаганда истории – одно из важнейших направлений как государства, так и многочисленных общественных организаций. Закономерно, что в реализации так называемой «Кельтской культурной экспансии», важной программы Правительства страны символы великого прошлого занимают особое место. «Экспансия» предназначена, прежде всего, для ирландской диаспоры, рассеянной по всему миру.

Несколько лет назад в рамках сотрудничества нашего Ирландского Центра Воронежского государственного университета с Посольством Ирландии в России с лекциями для студентов университета по линии организации Culture Ireland в университете выступал доцент Нилл Кью. Центральное место в его занятиях нередко занимала тема исторической памяти нации, где символизм играл одну из главных ролей.

По всему острову установлены памятники, статуи великих ирландцев и тех главных символов, которые стали неотъемлемой частью национального самосознания. Сент-Стивенс Грин, парк в центре Дублина, наполнен галереей памятников героям, великим литераторам, улицы ирландских городов носят имена выдающихся соплеменников.

Источники и литература / References

1. Генеральный Совет Первого Интернационала. Протоколы. 1866–1868. М.: Госполитиздат, 1963. 344 с. General'nyy Sovet Pervogo Internatsionala. Protokoly (*General Council of the First International. Protocols*). 1866–1868. Moscow: Gospolitizdat publ., 1963. 344 p.
2. Йейтс У. Б. Роза и Башня. Санкт-Петербург: Симпозиум, 1999. 560 с. Yeys U. B. Roza i Bashnya (*Rose and Tower*). St. Peterburg publ.: Simpozium, 1999. 560 p.
3. Маркс К. Заключение в Манчестере фении и Международное Товарищество Рабочих // Сочинения. в 39 т. / Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960. С. 224–225. Marks K. Zaklyuchennyye v Manchestere fenii i Mezhdunarodnoye Tovarishtche-stvo Rabochikh (*Manchester Prisoners and Manpower International Fellowship*) // Sochineniya. In 39 Vols. Vol. 16. Moscow: Gospolitizdat publ., 1960. P. 224–225.
4. Сулливан А. М. Новая Ирландия // Русская мысль. 1881. №4; 5; 7; 8; 9; 10; 1882. №6; 7; 9.
5. Sullivan A. M. Novaya Irlandiya (*New Ireland*) // Russkaya mysl'. 1881. No.4; 5; 7; 8; 9; 10; 1882. No.6; 7; 9.
5. Annual Register for the Year 1867. London, 1868. 288 p.
6. Cronin S. Irish Nationalism. A History of its roots and ideology. Dublin, 1980. 391 p.
7. Cronin S. Wolfe Tone. Dublin, 1963. 178 p.
8. Elliott M. Wolfe Tone: Prophet Of Irish Independence. London; Boston, 1989. 488 p.
9. Fackler H. V. Wordsworth in Ireland, 1829: A Survey of His Tour // Éire-Ireland. Vol. VI. 1971. Spring. No. 1. P. 53–64.
10. Full Text of Sinn Féin President Gerry Adams TD's speech on visit of EU Chief Negotiator Michel Barnier to the Oireachtas on Tuesday May 11, 2017. URL: https://www.sinnfein.ie/files/2017/Gerry_Adams_Brexit_Speech.pdf (Accessed: 29.12.2019).
11. Gwynn St. L. Henry Grattan and His Times. Westport (Conn), 1971. 221 p.
12. Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. Vol. XII. Col. 465.
13. Hayley B. Irish periodicals from the Union to the Nation // Anglo-Irish Studies / ed. P.J. Drudy. 1976. Vol. II. P. 83–108.
14. Irish Historical Documents, 1172–1922 / ed. by E. Curtis, R.B. McDowell. London, 1943. 331 p.
15. Kelly J. Henry Grattan. Life and Times Series. Dundalk, 1993. 178 p.
16. McDonald M. L. No-deal Brexit would lead to vote on united Ireland, says Sinn Féin // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/feb/13/no-deal-brexit-would-lead-to-vote-on-united-ireland-says-sinn-fein> (Accessed: 29.12.2019).
17. McCaffrey L. J. Daniel O'Connell and the Repeal Year. Lexington, 1966. XXIII, 252 p.
18. Moody T. W. The political ideas of the United Irishmen // Ireland To-day. Vol. III. 1938. January. No.1. P. 15–25.
19. O'Connell D. The Correspondence of Daniel O'Connell / ed. M.R. O'Connell. Shannon, 1972. Vols. 1–2, Dublin, 1973–80. Vols. 3–8.
20. Orations of British Orators Including Biographical and Critical Sketches. Vols. 2. New York, 1900. 449 p.

21. Pigott R. Personal recollections of an Irish national journalist. Dublin, London, 1883. 447 p.
22. Reynolds J. A. The Catholic Emancipation Crisis in Ireland. 1823–1829. New Haven, 1954. 265 p.
23. Robert Emmet's speech from the dock // The life and times of Robert Emmet / Madden R.R. New York: Haverty, 1868. P. 238–246.
24. The Irishman. 1867. December 7.
25. The Irishman. 1867. November 30.
26. The New York Times. 1867. November 25.
27. The New York Times. 1867. November 26.
28. The Times. 1867. December 16.
29. The Times. 1867. November 14.
30. The Times. 1867. November 15.
31. The Times. 1867. November 2.
32. The Times. 1867. September 19.
33. The Times. 1868. January 3.
34. The Times. 1868. January 6.
35. The Tipperary Free Press. 1828. April 26.
36. The Tipperary Free Press. 1828. March 15.
37. Tone Th. W. Autobiography / Ed. by S. O'Faolain. Dublin, 1937. 243 p.
38. Tone W. The Life of Theobald Wolfe Tone. Vol. 2. Washington, 1826.
39. Trial for the rescue of Fenian Prisoners and murders of a police sergeant at Manchester // Annual Register for the Year 1867. London, 1868. P.196–205.
40. Whelan K. Robert Emmet: Between history and memory // History Ireland. Dept. of Modern History Trinity College, Dublin. Autumn 2003. Vol.11. No. 3.

Сведение об авторе

Мирошников Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж) / av_miroshnikov@mail.ru

Information about the author

Miroshnikov Alexander – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Foreign Countries History and Oriental Studies, Voronezh State University (Voronezh) / av_miroshnikov@mail.ru

УДК 94

А. И. Надолинская

**«ЗЕЛЕНАЯ» И «БЕЛАЯ КНИГА» КАК ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ НАЛАЖИВАНИЯ
ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА В РАМКАХ ОЛЬСТЕРСКОГО КРИЗИСА**

В статье автор обращается к проблеме дипломатического урегулирования Ольстерского кризиса во время премьерства Эдварда Хита в Великобритании. Впервые обозначаются этапы переговорного процесса в указанный период. Важными его ступенями признаются «Зеленая книга» и «Белая книга», выпущенные консервативным правительством с целью урегулирования Ольстерской проблемы, а также необходимостью общественного обоснования результатов введения прямого правления и обозначения перспектив урегулирования конфликта. Источниковедческую базу исследования составили разноплановые документы, такие как текст «Зеленой» и «Белой книги», материалы британских и ирландских парламентских дебатов, ирландской и британской периодики. В статье всесторонне исследуются предпосылки и цели издания «Зеленой книги» и «Белой книги» консервативного правительства Великобритании. Документы представляются читателю как этап в развитии переговорного процесса в рамках Ольстерского кризиса. Автор доказывает, что «Зеленая книга» носила теоретический характер, представляя анализ политического и исторического развития

Северной Ирландии до 1972 года, а также различные пути урегулирования конфликта, которые предлагали влиятельные на тот момент североирландские партии и организации. «Белая книга» предлагала конкретные шаги в отношении урегулирования ситуации, которые представляли решение Ольстерского вопроса, исходя из интересов консервативной партии. В обоих документах подтверждается конституционный статус Северной Ирландии в составе Великобритании, пока население региона не захочет выйти из состава Великобритании, что в реальности было неосуществимо, благодаря условиям, обозначенным консерваторами в документах. Автор приходит к выводу, что оба документа носили декларативный характер. В статье представляется всесторонний сравнительный анализ текстов документов, их общественное восприятие с британской и ирландской стороны, анализируются итоги их издания, а также обозначается вклад в решение Ольстерской проблемы.

Ключевые слова: Ольстерский кризис, консервативная партия, «Зеленая книга», «Белая книга», переговорный процесс в Северной Ирландии.

Anastasia Nadolinskaya

**“GREEN” AND “WHITE PAPER” AS THE FIRST ATTEMPTS OF THE NEGOTIATING
PROCESS WITHIN THE FRAMEWORK OF ULSTER CRISIS**

The author addresses the problem of diplomatic settlement of the Ulster crisis during the Premiership of Edward Heath in the UK. For the first time, the stages of the negotiation process during this period are indicated.

“Green Paper” and “White Paper” were released by the conservative government and were recognized as important steps. The aim was to settle the Ulster problem and there was a need for public justification of the results of the direct rule introduction and for the referral of settlement's prospects of the conflict.

The source base of the research was made up of various documents, such as the text of the “Green” and “White book”, British and Irish parliamentary debates, Irish and British periodicals.

The article comprehensively explores the background and objectives of the “Green Paper” and “White Paper's” publication.

The documents are presented as a stage in the development of the negotiation process in the framework of the Ulster crisis.

The author argues that the “Green Paper” was theoretical in nature, presenting an analysis of the political and historical development of Northern Ireland until 1972, as well as various ways of resolving the conflict, which were proposed by the then influential Northern Ireland parties and organizations. The “White Paper” suggested concrete steps to resolve the situation, which represented a solution to the Ulster problem, based on the interests of the conservative party. Both documents confirm the constitutional status of Northern Ireland as part of the UK, until the population of the region wants to secede from the UK, which in reality was not feasible, due to the conditions indicated by the conservatives in the documents. The author concludes that both documents were declarative in nature. The article presents a comprehensive comparative analysis of the texts of documents, their public perception from the British and Irish sides, analyzes the results of their publication, and also indicates the contribution to the solution of the Ulster problem.

Key words: Ulster crisis, Conservative Party, Green Paper, White Paper, negotiation process in Northern Ireland.

В истории политического урегулирования Ольстерского кризиса прямое правление занимает особенное место. В марте 1972 года британский премьер-министр Эдвард Хит принял решение упразднить национальный парламент Стормонт и ввести пост государственного секретаря по делам Северной Ирландии. Подобная форма политического устройства была нова как для Великобритании, так и для Северной Ирландии. Все функции Стормонта выполнял секретарь по делам Северной Ирландии. Местные политики, которые на протяжении длительного времени играли значительную роль в политической системе Северной Ирландии, теперь были исключены из нее.

В социально-экономической жизни региона в течение 1970-х гг. присутствовали негативные явления. В это время закрылись крупные иностранные предприятия в Северной Ирландии, что было связано с нарастанием кризиса. Безработица в промышленности выросла, а уровень жизни в провинции стал самым низким во всем Британском Королевстве. Падала занятость в государственном секторе. Важной чертой социально-экономического развития Северной Ирландии в 1960-80-е гг. было то, что британцы занимали в экономике Северной Ирландии основные ниши. Это отчетливо проявлялось в дискриминации католиков при проведении жилищной политики, трудоустройстве, что вызывало возмущение ирландских националистов. Дискриминация ирландцев затронула и другие сферы общественной жизни, такие как религиозная и образовательная. В 1970-е и 1980-е года наблюдается пик террористической активности Ирландской республиканской армии, члены которой боролись за выход Северной Ирландии из состава Великобритании. Ей противостояли оранжисты – ирландские протестанты, которые также террористическими методами вели борьбу за соблюдение прав протестантского населения. На фоне столь непростой исторической обстановки происходило опубликование и реализация документов, речь о которых пойдет ниже.

Как любые политические решения, введение новой системы политических отношений в Северной Ирландии – прямого правления – требовало документального закрепления. В связи с этим консервативное правительство во главе с Эдвардом Хитом столкнулось с необходимостью издать документы, в которых бы закреплялись и разъяснялись результаты прямого правления, а также обозначались бы перспективы урегулирования ситуации. Такими документами стали «Зеленая книга» и «Белая книга», выход которых в свет привел к подписанию Саннингдейлское соглашение. Данные документы имели своей целью поэтапное закрепление результатов прямого правления. В данной статье будет проведен анализ первых двух документов.

«Зеленая книга», которая получила официальное название «Будущее Северной Ирландии: документ для обсуждения» была опубликована английским правительством в октябре 1972 г. Ее

начало ознаменовало предисловие, подписанное Уильямом Уайтлоу – государственным секретарем по делам Северной Ирландии. Определяя цель документа, он отмечал, что необходимо было избавить людей Северной Ирландии от насилия и страха, в котором они жили, сделать их свободными в осознании своего собственного потенциала [6].

Казалось, что «Зеленая книга» – это первый шаг к миру в провинции. Она являлась первым опубликованным консерваторами документом, направленным на установление мира в Северной Ирландии. Создавалась иллюзия, что это был большой шаг на пути к предотвращению кризиса. Но при попытке анализа можно отметить, что «Зеленая книга» не предлагала кардинальных решений по установлению мира, предложения носили достаточно однобокий характер. Документ являлся скорее теоретическим по своему содержанию, заключающая в себе анализ политического и исторического развития Северной Ирландии до 1972 года, представленный в развернутом виде в первой части документа. «Зеленая книга» содержала в себе и подробно расписанные предложения различных влиятельных на тот момент партий и организаций Северной Ирландии по выходу из кризиса: юнионистов, партии Альянса, лейбористов, социал-демократов, ольстерской либеральной партии и других. Здесь были собраны все предложения, выдвинутые ранее для установления политической и экономической стабильности в Северной Ирландии [4]. Это была попытка обобщить все предложенные пути выхода из кризиса, сформировать у общественности мнение о возможных вариантах разрешения кризиса для того, чтобы выбрать наилучшую траекторию, с одной стороны, а с другой, очертить еще раз намерения и позицию консерваторов в Северной Ирландии. Ознакомившись с документом, читатель мог сформировать свое мнение о предложениях касательно пути развития провинции и выхода ее из кризиса в преддверии ведущих партий Северной Ирландии, различных по своей политической направленности.

В «Зеленой книге» консерваторы продолжали настаивать на своей позиции относительно конституционного статуса Северной Ирландии. Он оставался неизменен, предполагая продолжение существования Северной Ирландии в составе Великобритании. Подчеркивалось, что, когда премьер-министр Хит объявлял о прямом правлении, он пообещал, что в будущем периодически будут проводиться референдумы в провинции с целью определения позиции народа Северной Ирландии относительно конституционного положения провинции [6]. В статье «Айриш таймс», посвященной выходу документа, обозначается, что выполнения именно этих обещаний ждет народ Северной Ирландии [7]. Конечно, в этом контексте для консерваторов было очень важно провести показательный референдум и получить нужные для британской стороны результаты, что и было сделано. Но при этом в «Зеленой книге»,

подчеркивалось, что, если пожелает большинство, ситуация может измениться. Этот тезис носил больше теоретический характер, создавая потенциальную возможность для изменения статуса провинции, что, безусловно, практически было едва возможно.

Важной целью публикации «Зеленой книги» было закрепление результатов прямого правления, в частности, упразднения Стормонта. Согласно документу, юридические акты, принятые в Вестминстере, имели действие и на территории Северной Ирландии. В будущем предполагалось создание Ассамблеи, которая играла бы важную роль в создании законов, касавшихся исключительно Северной Ирландии [6].

В «Зеленой книге» указывалось на необходимость наличия у правительства Соединенного Королевства «эффективного и решающего голоса в любых обстоятельствах, требующих в будущем использования вооруженных сил и введения чрезвычайных полномочий, или в таких обстоятельствах, которые могут привести к каким-то международным последствиям» [2, с. 45]. Таким образом, можно сказать, что «Зеленая книга» – это проспект отношений Северной Ирландии и Великобритании, который заключал в себе выгоды преимущественно только для последней стороны. Так как документ включал в себя наработки и идеи консерваторов о будущем устройстве провинции, после его издания самым важным показателем успешности «Зеленой книги» было отношение общества к ней, а также оценка ее парламентариями.

2 ноября 1972 года в парламенте Республики Ирландия происходило обсуждение «Зеленой книги». Л. Косгрейв выразил точку зрения о том, что предложения, высказанные относительно будущего Северной Ирландии, скоро вступят в силу. «Зеленая книга», по его мнению, – это большой вклад в развитие политической мысли. Она не является решением; и это не план урегулирования. «Зеленая книга» открывала возможности для дальнейшего прогресса [3]. В целом, был высказан достаточно оптимистический прогноз относительно документа. Очевидно, что ирландская сторона видела в нем возможности для дальнейшего сотрудничества с Великобританией. Главным итогом этого парламентского обсуждения можно было считать готовность Республики Ирландия «вступить в переговоры с британским правительством и в дискуссии с представителями всех политических партий на Севере» [3].

В газете «Таймс», где также была дана оценка документу, можно встретить достаточно противоречивую аналитику, относящуюся к нему. С одной стороны, политический обозреватель Д. Тейлор называл «Зеленую книгу» «умно сформулированным документом» [8], подчеркивая таким образом, что не все содержание документа лежит на поверхности, а также его выгоду для британской стороны. Выделялись его преимущества: «Зеленая книга» – первый документ, который по содержанию устроил и премьер-министра Респу-

блики Ирландия и лидера юнионистов Б. Фолкнера. В статье внимание читателя акцентировалось на том, что британское правительство понимало и поддерживало интересы ирландской стороны (что, безусловно, является больше популистской, чем объективной оценкой), также на том, что британское правительство полностью отрицало взгляд на решение проблем Северной Ирландии только в рамках Соединенного Королевства [8].

20 марта 1973 года правительство Хита выпустило новый документ под названием «Белая книга» – свод новых предложений по урегулированию ситуации в Северной Ирландии, который продолжал политическую линию «Зеленой книги». Если последняя, как отмечено выше, носила в большей степени теоретический характер, то «Белая книга» – практический. Постоянно углубляющийся кризис в провинции требовал незамедлительных мер и конкретных предложений от консервативного правительства Хита, которых от него ждала общественность как Северной Ирландии, так и Великобритании.

В книге Н. П. Грибина «Трагедия Ольстера» автор неоднозначно оценивал документ, находя в нем как прогрессивные предложения, так и, наоборот, бесполезные. К первым можно отнести то, что была создана однопалатная Ассамблея. Это являлось «жестом в сторону католического меньшинства» [2, с. 148]. Безусловно, это было так. Но можно, в свою очередь, отметить, что документ ставил такие условия противодействующим сторонам, при которых они вынуждены были обговаривать свои позиции друг с другом.

В «Белой книге» провозглашался принцип согласованности действий [4]. В ведении местных властей оставались такие важные сферы жизни как образование, развитие региональной инфраструктуры, вопросы занятости, жилищная политика. Безусловно, нельзя не согласиться с Н. П. Грибиным, что эти вопросы не были столь остры в североирландском обществе, как, например, вопросы безопасности. В ходе парламентских дебатов в Вестминстере У. Уайтлоу назвал этот пункт «Белой книги» уникальным случаем, когда «провинция в составе Великобритании имеет очень обширные децентрализованные законодательные и административные полномочия в важных сферах регионального занятия, образования, здравоохранения и сельского хозяйства» [5]. Подобная оценка представляется не вполне объективной, так как гораздо более обширные и важные функции в управленческой системе Северной Ирландии были отведены консервативной администрации.

Провинция в «Конституционных предложениях относительно Северной Ирландии» или «Белой книге» признавалась неотъемлемой частью Великобритании, пока население региона не захочет обратного. Этот принцип, закрепленный еще в «Зеленой книге», был в значительной мере формальным. Консерваторы понимали, что референдум уже прошел, конституционное состояние провинции на ближайшие годы было

определено. Правительство Соединенного Королевства, согласно документу, имело эффективный и определяющий голос в отношении любых обстоятельств, которые могли быть связаны с использованием вооруженных сил, чрезвычайных полномочий [4]. В документе признавалось, что кризисная ситуация в провинции усугублялась не только за счет национальных и конфессиональных противоречий, но и за счет неустойчивого экономического положения. Таким образом, партия подчеркивала, что ее политика, проводимая до начала кризиса в сфере экономики, была эффективна. Любое разделение полномочий и ответственности между национальными и региональными властями должно было быть открытым, чтобы исключить недопонимания.

В целом, так же, как и «Зеленую книгу», документ можно охарактеризовать как декларативный. Например, в нем говорилось о том, что региональные органы власти должны управлять эффективно, считаясь с меньшинством, живущим в провинции, и давая ему право участвовать в политической жизни. Обеспечение равенства – еще один принцип, признававшийся в документе. Однако конкретные механизмы подобного повышения эффективности управления здесь не предлагались.

Документ потенциально не мог разрешить кризис, что порождало опасения тех политиков, которые имели непосредственно отношение к его созданию. Подобную точку зрения подтверждало и общественное мнение, вот что пишет об этом «Таймс»: «Различные политики, которые имеют отношение к этой идее, опасаются, что общество будет воспринимать их как «благодетелей человечества». Данный тезис основывается на убеждении, что издание документа может привести к катастрофическим результатам для Ольстера, если «Белая книга» будет искусственно создана [9]. Это означало, что документ не будет принят ирландским и североирландским обществом, если его не поддержат партии Ольстера.

«Белая книга» являлась попыткой консервативного правительства обозначить свои условия разрешения кризиса, практически не поступаясь своими интересами, решаясь на минимальные уступки своим оппонентам. Сомнительными являлись функции Ассамблеи, это также отмечает Н. П. Грибин. Любой указ Ассамблеи имел статус закона только после утверждения королевой. Очевидно, что нежелательные проекты законов североирландской Ассамблеи для Великобритании так и оставались проектами. Во многом самостоятельность североирландских властей ограничивалась положением «Белой книги», по которому парламент Великобритании имел право издавать нормативные акты в отношении любого вопроса в Северной Ирландии [4]. Власть Лондона в провинции таким образом оставалась неограниченной. Хит оставил в ведении британцев такие важнейшие вопросы как назначение судей, городских магистратов, выбор франшиз, меры в области закона и правопорядка [4]. Это еще раз

доказывает, что консервативное правительство Хита не учитывало в своей региональной политике голос меньшинства населения, хотя в «Белой книге» декларировалось обратное. Документ – это решительная попытка Лондона закрепить новые политические черты, появившиеся в Северной Ирландии после введения прямого правления.

Многие положения «Белой книги» носили в каком-то роде пропагандистский характер. Например, в заключении к документу говорится, что Северная Ирландия получила большую степень самоуправления, чем другие части Соединенного Королевства, а также что правительство Северной Ирландии имеет высокую степень политической самостоятельности. Такие декларативные заявления были рассчитаны на публику с низкой политической грамотностью.

И. Д. Бирюков в монографии «Ольстер: кризис британской империалистической политики (1968–1984)» оценивал «Белую книгу» как «предложения английского правительства по конституционному устройству Северной Ирландии, обобщавшие попытки консерваторов найти путь к урегулированию положения в провинции на основе прежнего полукOLONИАЛЬНОГО статуса, которые преподносились как новое слово в решении ирландской проблемы» [1, с. 98]. С этим утверждением трудно не согласиться. Консерваторы не предложили кардинально новых мер по урегулированию кризиса, но позиционировали при этом «Белую книгу» как огромный рывок в решении ситуации в провинции. Несмотря на это, англичане продолжали занимать значимое положение в управлении регионом.

Реакция общества на «Белую книгу» была неоднозначной. После оглашения документа, который очень быстро был распространен по регионам страны, секретарь по делам Северной Ирландии вел широкое обсуждение положений «Белой книги» с представителями политических партий, лидерами церквей, и другими заинтересованными лицами. Был высказан очень широкий спектр мнений, достигнута значительная мера согласия, не только в Северной Ирландии, но в остальной части Соединенного Королевства, а также в Ирландской Республике. 29 марта в английском парламенте прошли дебаты, где представители различных сторон выразили свою точку зрения. Уильям Уайтлоу – секретарь по делам Северной Ирландии, с чьим именем ассоциировался обсуждаемый документ, – начал дебаты с выражения надежды на то, что противники «Белой книги» не будут мешать претворять в жизнь пункты документа, которые, по его мнению, должны изменить ситуацию в Северной Ирландии [5]. В интервью газете «Таймс» 21 марта Уайтлоу выразил подобные мысли, назвав издание документа «разумным планом». Им были высказаны опасения относительно возможности зарождения негативных общественных оценок документа, суть которых будет сводиться к констатации бездействия системы разделения властей. По его мнению, данная система может

работать эффективно, если Северная Ирландия собирается существовать как объединенное сообщество в будущем, а также если у людей есть желание осуществить это. Никакая конституция в мире, заверил он, не будет успешна, если люди не были бы полны решимости [9]. Таким образом, из высказывания Уайтлоу следует, что правительство дало шанс Северной Ирландии жить в мире и сделало для этого все возможное, и теперь вопрос мира в регионе зависел от его жителей. Представляется, что Уайтлоу частично в глазах общественности пытался снять ответственность с правительства за потенциальную неудачу в реализации документа, а также за возможное усугубление кризиса.

Безусловно, оценка Уайтлоу «Белой книги» могла быть только положительной, так как именно он 20 марта 1973 года представил ее парламенту. Например, разъясняя содержание некоторых статей «Белой книги», он очерчивал функции государственного секретаря, согласно документу. Уайтлоу отмечал, что целью составителей документа было четкое разделение функций секретаря и исполнительной власти Северной Ирландии. Из его речи следовало, что самые проблемные и сложные вопросы, начиная от безопасности в провинции и заканчивая соблюдением правопорядка, остались в ведении секретаря [5]. Целью речи Уайтлоу в парламенте было убедить оппонентов в продуманности и эффективности документа в деле наведения порядка в провинции. Важно было показать, что у местных органов власти по-прежнему остались широкие функции в деле управления провинцией.

При обсуждении документа возникли некоторые дискуссионные вопросы, например, о сроках проведения выборов в Ассамблею. Мерлин Риз – представительница Лейбористской партии, которая стала секретарем по делам Северной Ирландии в 1974 году и занимала этот пост до 1976 года – в парламентских дебатах акцентировала внимание участников на том, что в «Белой книге» отсутствовали конкретные сроки выборов в

Ассамблею. Дискуссионным вопросом стали и требования североирландских депутатов, касающиеся увеличения количества мест для представителей провинции в Вестминстере [5].

Так как издание «Белой книги» было некоей политической сенсацией для Северной Ирландии, многие политики давали ей свои оценки. Браян Фолкнер, лидер юнионистской партии, оценил документ как «конструктивный». А Вильям Крейг – лидер ольстерского «Авангарда», наоборот, высказался негативно, подчеркнув, что он будет мешать реализации предложений, высказанных в «Белой книге» [9]. Это демонстрирует, что документ вызывал противоречивые оценки в обществе и политических кругах еще до того, как его положения стали осуществляться. С помощью документа британскому правительству не удалось разрешить основные противоречия в провинции.

Подводя итог, необходимо отметить, что «Зеленая книга» и «Белая книга» были опубликованы с целью разъяснения обществу шагов, принятых в результате прямого правления. С помощью них консерваторы предполагали убедить жителей ирландского острова в обоснованности введения нового политико-силового режима. Однако анализируемые документы не принесли ожидаемых результатов, были противоречиво встречены обществом. Это можно объяснить тем, что на данном этапе ирландская сторона не была готова к реализации высказанных британцами предложений, так как они носили однобокий характер. Именно благодаря этому Саннигдейлское соглашение, которое включило в себя идеи обоих документов, было реализовано не в полной степени. О низкой политической эффективности вышеуказанных документов говорит и то, что все проблемы североирландского общества (дискриминация ирландцев в различных сферах жизни общества, террористическая деятельность ИРА и оранжистов) на протяжении 1970-х годов не только сохранились, но и усугубились.

Источники и литература / References

1. Бирюков И. Д. Ольстер: кризис британской империалистической политики (1968–1984). М.: Мысль, 1985. 260 с. Birjukov I. D. Ulster: krizis britanskoj imperialisticheskoj politiki (*Ulster. The Crisis of British imperialist policy*). (1968–1984). Moscow: Mysl' publ., 1985. 260 p.
2. Грибин Н. П. Трагедия Ольстера. М.: Международные отношения, 1980. 221 с. Gribin N. P. Tragedija Ol'stera (*The tragedy of Ulster*). Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija publ., 1980. 221 p.
3. Dáil Éireann Debate Vol. 263 No. 3. Green Paper on Northern Ireland URL: <http://oireachtasdebates.oireachtas.ie/debates%20authoring/debateswebpack.nsf/takes/dail1972110200008?opendocument>. (Accessed: 14.04.2014).
4. Northern Ireland Constitutional Proposals (1973) URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmso/cmd5259.htm>. (Accessed: 9.09.2014).
5. Parliament Debates URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1973/mar/29/northern-ireland-white-paper-1>. (Accessed: 16.06.2014).
6. The Future of Northern Ireland: A Paper for Discussion (Green Paper; 1972) URL: <http://cain.ulst.ac.uk/hmso/nio1972.htm>. (Accessed: 7.11.2014).
7. The Irish Times. 1972. October 31.
8. The Times. 1972. July 11.
9. The Times. 1973. March 20.

Сведение об авторе

Надолинская Анастасия Игоревна – кандидат исторических наук, преподаватель Ростовского колледжа искусств (Ростов-на-Дону) / anastasianadolinskaya@yandex.ru

Information about the author

Nadolinskaya Anastasia – PhD in History, Teacher, Rostov College of Art (Rostov-on-Don) / anastasianadolinskaya@yandex.ru

УДК 94.339.5(55)

Н. А. Наумова

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ХОРАСАНА И ЮЖНОЙ ПЕРСИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛЬСТВА В МЕШХЕДЕ И ВИЦЕ-КОНСУЛЬСТВА В БЕНДЕР-БУШИРЕ)

В представленном материале рассматривается восприятие российскими дипломатами, работавшими в генеральном консульстве в Мешхеде и вице-консульстве в Бендер-Бушире состояния экономики Хорасана и Южной Персии накануне Первой мировой войны. Они собственные отчеты сопровождали дополнительной информацией, включающей географические сведения, различную информацию полезную путешественникам и предпринимателям из России, оказавшимся на территории Персии. В целом дипломаты, отмечали кризисное состояние народного хозяйства Восточной и Южной Персии накануне Первой мировой войны, связанные с доминированием архаичных форм организации производства и медленными темпами модернизационных процессов. Ситуацию усугубляла политическая нестабильность в стране и юридическое бесправие большей части населения. В статье показано, что первостепенное внимание дипломаты уделяли оценке внешнеэкономического потенциала Персии и прежде всего

Хорасана и Южной Персии, входивших в зону ответственности их дипломатических миссий. Дипломаты признавали существенные достижения России в развитии экономических связей с Хорасаном, входившим в ее сферу влияния и даже в Южной Персии. В тоже время они отмечали факторы, мешавшие дальнейшим успехам российского экспорта в Восточную и Южную Персию. Во-первых, отсутствие хорошей транспортной инфраструктуры, соединяющей России с данными регионами Персии. Во-вторых, недостаточная поддержка экспортеров со стороны Санкт-Петербурга. В-третьих, непродуманная политика потенциальных экспортеров из России, не в полной мере учитывающих специфику персидского рынка. При устранении данных проблем Россия могла значительно увеличить свой экспорт.

Ключевые слова: Персия, дипломаты, Хорасан, Персидский залив, внешняя торговля, экспорт, таможенные тарифы.

Natalia Naumova

THE STATE OF THE ECONOMY AND FOREIGN TRADE OF KHURASAN AND SOUTH PERSIA ON THE EVE OF WORLD WAR I IN THE REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS (THE CASE OF CONSULATE GENERAL IN MESHED AND VICE-CONSULATE IN BANDAR BUSHEHR)

The paper features the state of Khurasan and South Persia economy on the eve of World War I as seen by Russian diplomats who served in Consulate General in Meshed and Vice-Consulate in Bandar Bushehr. The diplomats supplemented their reports with additional information about geographic features and other subjects, which could be useful for travelers and businessmen from Russia during their stays in Persia. On the whole, the diplomats pointed out that the economy of East and South Persia was in the state of crisis on the eve of World War I, which was caused by the prepotency of archaic forms of organization of production and sluggish pace of modernization. Other factors that aggravated the situation were political instability in the country and the lack of legal rights among the majority of the population. The author found out that the diplomats focused their attention on the assessment of the potential of Persia, particularly Khurasan and South Persia, which were located within the zone of their diplomatic missions,

in terms of foreign trade. The diplomats admitted Russia's considerable achievements in the development of economic relations with not only Khurasan, which was located in the Russia's zone of influence, but also South Persia. At the same time the diplomats pointed out some factors which hampered further advance of Russian export to East and South Persia. The first obstacle was the lack of developed transportation infrastructure between Russia and the above-mentioned regions of Persia. Another inhibitory factor was inadequate support for exporters on the part of Russian government. One more factor was ill-conceived policies of Russian exporters-to-be, who did not take into account the specific features of Persian market. Provided those obstacles were removed Russia could increase considerably its export.

Key words: Persia, diplomats, Khurasan, the Gulf, foreign trade, export, custom duties.

В начале XX в. Россия стремилась укрепить геополитические позиции на Ближнем Востоке после поражения в русско-японской войне, негативных последствий первой русской революции и других неудач. Особый интерес Санкт-Петербург проявлял к сохранению своего доминирования в Персии, где он вступал в острый конфликт с Великобританией. Британо-российское соглашение 1907 г. разделило Персию на сферы влияния [5, с. 586–593]. В то же время в России понимали необходимость расширения экономического присутствия в Персии, без чего невозможно было говорить о сохранении политического лидерства в стране. В данном отношении значительный интерес представляют донесения российских дипломатов, работавших в Восточной и Южной Персии. Регион оказался в уникальном положении. Хорасан попал в сферу влияния России, большая часть Систана и Белуджистана в сферу влияния Великобритании, а между ними находилась значительная нейтральная зона. Поэтому на примере региона можно проследить отчеты российских дипломатов, работавших в разнообразном социально-экономическом и политическом контексте.

Крупнейшим российским дипломатическим представительством России в Восточной Персии являлось генеральное консульство в Мешхеде. Оно выполняло разнообразные функции, включая защиту интересов поданных Российской империи в Хорасане, сбор информации о специфике развития региона и содействие развитию его связей с Россией. Кроме этого консульство представляло интересы Франции, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Сербии. В городе также действовало генеральное консульство Великобритании, представлявшее интересы Османской империи, Афганистана и ряда других государств [3, с. 38]. С 1913 по 1914 гг. его возглавлял действительный статский советник, выпускник Института восточных языков князь А. И. Добижа. Он являлся опытным дипломатом, хорошо знавшим Персию, работая с 1898 г. в Исфахане. В 1915 г. его сменил Н. П. Никольский, секретарь и драгоман консульства в Реште с 1897 г., в Астрабаде в 1897 г., с 1898 г. драгоман в Тегеране, с 1903 г. консул в Керманшахе.

Российские дипломаты уделяли значительное внимание развитию Хорасан и Мешхеда, который принадлежал к числу крупнейших городов Персии (около 100 тыс. чел.). Они не могли обойти стороной тот факт, что город считался одним и религиозных центров страны, где находилась могила (мавзолей) Имама-Ризы, восьмого шиитского имама, потомка пророка Мухаммеда в седьмом поколении [12, р. 14]. Он пользуется большой популярностью среди шиитов. Ежегодно гробницу в начале XX в. посещало до 50 тыс. чел.

Н. П. Никольский в своем отчете дает анализ топографии, климата, состояния дел в экономике и демографии Хорасана. Кстати, наблюдая доминирование в регионе континентального сухого климата, генеральный консул указывает на первые признаки влияния хозяйственной деятель-

ности человека на экосистему провинции. Так, в Себзеваре и в окружающий город области из-за активного применения орошения при выращивании хлопка появились первые признаки заболачивания территории и появление лихорадки, чего раньше не было [3, с. 41]. Генеральный консул указывает объекты, которые могут быть полезны российским предпринимателям и другим поданным России. В частности, описывая Мешхед, он выделяет места, где можно поменять валюту и совершить другие финансовые сделки. Кроме Учетно-ссудного банка, о котором речь пойдет чуть позже, в городе действовал персидский Шахиншахский банк. Помимо этого, на местном базаре имелось много пунктов обмена валюты в лице банкиров-саррафов. В Себзеваре и Кучане действовали агентства Учетно-ссудного банка, в Мамед-Абаде, Нишапуре его корреспондентства. В регионе присутствовали и британские банки, в Кучане находился комиссионер Английского банка. Кстати, деятельность Шахиншахского банков, проникновение в страну российских и английских банков вело к разорению многих саррафов. [1, с. 43].

С размещением путешественников возникли в Мешхеде большие проблемы. В городе отсутствовали современные гостиницы, и путешественникам приходилось останавливаться в караван-сараях или в генеральном консульстве. Еще хуже обстояло дело в провинциальных городах. Генеральный консул скрупулезно дает информацию о расстоянии между населенными пунктами, на чем лучше туда добираться, на каком виде транспорта, и в какое время года, с указанием существующих тарифов. Последнее обстоятельство имело большую практическую значимость, поскольку, так как не осведомленный путешественник мог значительно переплатить за переезд в Хорасане. Важное место в донесении Н. П. Никольского занимает информация о ценах на местных рынках, мерах весов и обменном курсе валют. В то же время, дипломат отмечал некоторые проблемы с изучением отдельных регионов Восточной Персии. К таким по праву относилось Келатское ханство, которое европейцы почти не посещали в виду его труднодоступности и непримиримой политики местных ханов к иностранцам [3, с. 46].

Для россиян, оказавшихся в Хорасане, особую роль играла информация о размещении агентов генерального консульства в других городах, где они могли в случае необходимости получить помощь и убежище. Согласно отчету Н. П. Никольского агенты консульства находились в Себзеваре, довольно крупном городе провинции, имевшем почти 40 тыс. жителей, Кучане, Мамед-Абаде.

Выделяя основы местной экономики, Н. П. Никольский констатировал, наличие традиционно набора секторов, присущих Персии в целом, в том числе для ее городов (ремесло, торговля, земледелие) [3, с. 38]. Мешхед становится одним из центров производства знаменитых персидских

ковров, в нем располагалось около 150 ковровых фабрик и мастерских. Среди достижений научно-го прогресса следовало отметить наличие электростанции и телефона, свидетельствующих о медленном проникновении научно-технического прогресса на восток Персии.

Описывая местную экономику, Н. П. Никольский избегает оценочных суждений, останавливаясь на статистических сведениях и общей информации. Основу сельского хозяйства Хорасана составляло производств хлопка и риса. Правда, не очень понятно, почему дипломат, упускает из виду выращивание зерновых культур и животноводство? Как российского дипломата его, прежде всего, интересовало состояние дел в торговле России с Хорасаном и соседними провинциями. Он выделял ключевые товары, составлявшие основу российского экспорта (керосин, чай, посуда, сахар, текстиль, спички, папиросы, металл и др.). Иногда на рынках Хорасан встречались экзотические для этих мест российские товары, включая швейные машинки, граммофоны и т.д. Одной из проблем российского экспорта являлся ввоз товаров сначала в Мешхед, а затем из столицы Хорасана они поступали в другие города провинции и в соседние регионы, что значительно повышало на них цену [3, с. 45]. Непосредственная доставка товаров потребителям удешевила бы их стоимость. Специфика торговли в Восточной Персии, как и в целом в стране, заключалась в отсутствии специализированных лавок. Каждая лавка имела пестрый набор товаров, что следовало учитывать при организации торговли с Ближним Востоком.

Хорасан мог предложить России и другим государствам шерсть, хлопок, шкуры, меха, ковры, сушеные фрукты, опиум. Главной статьей экспорта Хорасана являлся вывоз шкур и мехов (1,5 млн руб. в год). Вторым по значению считался вывоз ковров (1 млн руб.). Основными потребителями знаменитых хорасанских ковров являлись Стамбул и Вена. Примерно на 1 млн. руб. в год Хорасан экспортировал опиум. В последние годы наблюдалась положительная динамика экспорта из провинции шерсти. Ее качество Н. П. Никольский оценивал не очень высоко, замечая, что экспорт шерсти контролировали российские и германские фирмы [3, с. 40]. В России шерсть в основном поставляли в Лодзь, стоимостью в 70–100 тыс. руб. в год. Хлопок, несмотря на потенциальные возможности провинции, не составлял основу ее экспорта. В год из Хорасана вывозилось продукции примерно на 28 тыс. руб., его качество значительно уступало бухарскому хлопку, что не могло не сказаться на его сбыте.

Накануне Первой мировой войны внимание генерального консульства в лице его руководителя А. М. Добижа привлекла торговля текстилем в Хорасане, составлявшей значительную часть импорта Восточной Персии. Ежегодно общий объем продажи тканей в начале XX в. в Мешхеде составлял около 3–3,5 млн руб. в год [4, с. 69]. Но в последние предвоенные годы он начал стремительно увеличиваться. Дипломаты отмечали до-

минирование России на рынке текстиля Хорасана на протяжении многих лет. Близость к границам империи, проведение Закаспийской железной дороги обеспечивали данное господство российских текстильщиков. Перевозка европейских тканей через Трабзон, Табриз и Тегеран занимала от 3 до 10 месяцев и вела к большим транспортным издержкам в виду отсутствия хороших путей сообщения в стране.

Однако ситуация начинает меняться после разрешения пересылки через территорию России почтовых посылок объемом до 12 фунтов по льготному тарифу. В результате с помощью данной коммуникации в Хорасан начинают поступать европейские товары, в том числе текстиль. Дипломаты обратили внимание на тот факт, что льготный почтовый тариф, используемый европейцами, ставил в невыгодное положение российских производителей, тративших на доставку товара из Москвы в Мешхед более значительные суммы [4, с. 69].

Главным препятствием для развития экспорта текстиля из России в Хорасан являлась отсутствие хорошей дороги между Асхабадом (Ашхабадом) и Мешхедом. Имевшаяся грунтовая дорога не выдерживала критики, ее состояние не позволяло осуществлять бесперебойную перевозку грузов и пассажиров. Ухабы и ямы приводили к гибели лошадей, поломке транспортных средств, порче товара. Во время перевозки грузов из Асхабада в Мешхед российские и персидские предприниматели несли колоссальные убытки, в конечном итоге сказывавшиеся на качестве продукции и ее стоимости. Товары европейских производителей поставлялась в хорошо упакованных почтовых посылках, что оказалось более рентабельно при льготном почтовом тарифе.

В 1913 г. Россия ввезла в Мешхед текстиля на 3,5 млн руб. Среди российских текстильщиков лидировали производители ситца из Москвы и Иваново-Вознесенска, экспортировавших продукции на 1,75 млн руб. (50%). Европейские конкуренты России ввезли тканей на 4 млн руб., существенно потеснив позиции российских экспортеров [4, с. 70]. Они смогли потеснить Россию в поставках таких ценных видов тканей как сукно, бархат, трико, шелк. Данное обстоятельство настораживало российское генеральное консульство. Современного шоссе между Асхабадом и Мешхедом могло улучшить ситуацию. Однако экономические и политические факторы не позволили осуществить данный проект вплоть до начала Первой мировой войны.

Большую часть российского текстиля персидские купцы приобретали на Нижегородской ярмарке в необходимом им объеме с распределение поставок в течении года. Они не пользовались услугами комиссионеров и посредников, предпочитая самостоятельно приезжать на Нижегородскую ярмарку. Продукцию персидские купцы приобретали, рассчитываясь наличными средствами или в кредит. В случае получения товара в кредит все равно вносился определенный

задаток. Кредиты выдавал Учетно-ссудный банк Персии.

Следует отметить, что российские предприниматели долгое время игнорировали важную специфическую черту ведения торговых операций в странах Ближнего Востока. Большая ее часть осуществлялась в кредит. В начале данное обстоятельство осознали европейские государства, предоставляя свою продукцию персидским купцам в кредит. После чего этот опыт перенимает Россия. Министр финансов России С. Ю. Витте, понимая необходимость активного экономического проникновения России в Персию, создает в 1894 г. банк для осуществления финансовых операций в Персии [10]. В 1902 г. он реорганизуется в «Учетно-ссудный банк Персии». Как уже отмечалось, в Мешхеде открывается одно из его представительств [8, с. 49]. Важное значение имело открытие отделений банка в Закаспийской области непосредственно у границ с Персией в Асхабаде и Мерве.

Из Нижнего Новгорода продукция по Волге во время навигации поставлялась в Астрахань, далее в Красноводск, Асхабад и Мерв а оттуда через границу в Мешхед. В Асхабаде и Мерве имелись склады, куда перевозились товары Пароходным обществом «Кавказ и Меркурий» [9]. Когда Волга замерзала, по железной дороге продукция поступала в Порт-Петровск и далее уже по отмеченному маршруту. Очень часто персидские купцы, чтобы сократить издержки во время поездки в Нижний Новгород или Москву, товаров приобретали для продажи в России экспортную продукцию (шкуры, шерсть, сухофрукты, хлопок и др.).

В Мешхеде персидские купцы продавали российский текстиль по цене значительно выше нижегородских цен, чтобы покрыть транспортные расходы и таможенные издержки. По уже сложившейся практике, значительная часть продукции продавалась в розницу в кредит. Местные купцы перекупали товар, развозя его по удаленным районам Хорасана и за его пределы.

Генеральное консульство в Мешхеде предложило несколько способов увеличения экспорта российского текстиля в Хорасан. Первый – запрет пересылки иностранных товаров с помощью почтового сообщения. Второй – постройка шоссе между Асхабадом и Мешхедом. Третий – строительство между этими городами железной дороги, в крайнем случае, соединение России с Персией железнодорожной линией в любом другом месте. Четвертый – надежная упаковка грузов, поступающих из России в Персию [4, с. 69].

Морской порт Бендер-Бушир (Бушир) являлся морскими воротами на юге Персии. Порт имел большое стратегическое и экономическое значение в зоне Персидского залива. Часть товаров, поступавших в порт, оставалась в городе и округе, но большая их часть шла транзитом в Восточную и Центральную Персию. В городе располагалось российское вице-консульство, отслеживавшее развитие ситуации в бассейне Персидского залива, включая международную торговлю. Поли-

тическое и экономическое присутствие России в данном регионе было крайне незначительным, здесь полностью доминировала Великобритания. Еще в 1763 г. Британская Ост-Индская компания основала в порту собственный «Перевалочный пункт». В ходе англо-персидской войны в 1856 г. порт был временно оккупирован британскими войсками. В 1913 г. вице-консульство возглавил Д. Д. Беляев, опытный дипломат, хорошо знавший Персию. С 1906 г. он возглавлял консульство в Кермане, в 1908–1909 г. консульство в Джедде (Аравия), с 1910 г. секретарь генерального консульства в Тегеране, с 1912 г. он работал в консульстве в Эрзеруме.

Через Бендер-Бушир Россия поставляла керосин, самовары, чай, чайную посуду, сахар и древесину. Вице-консул сетовал, что в регионе существовал большой спрос на текстильную продукцию, но Россия не могла добиться продвижения своей продукции в данном регионе. По мнению дипломата, первые успехи в этом направлении России достигает в 1904–1905 гг., когда первые крупные партии российского текстиля поступают в Бендер-Бушир. Однако последовавшая первая русская революция самым негативным образом сказалась на экспорте продукции из России на юг Персии. Забастовки и дезорганизация экономики страны привели к росту цен на российский текстиль и снижению его конкурентоспособности [2, с. 79].

Д. Д. Беляев среди причин неблагоприятного положения дел с реализацией российского текстиля выделял факт недобросовестной конкуренции со стороны британских предпринимателей. Когда они заметили рост спроса на ситец из Москвы и Лодзи, они сразу стали выпускать ситец такой же расцветки, как у россиян. Но их продукция оказалась значительно хуже по качеству, не выдерживая, никакой критики в сравнении с текстилем из России. Однако она имела одно важное преимущество, с чем постоянно сталкивались российские производители – низкая стоимость товара. Жители Персии в основном ориентировались не на качество, а на стоимость товара, поскольку они имели низкий уровень доходов [2, с. 79]. В результате спрос на продукцию из России практически полностью исчезает, поездки коммивояжеров, представлявших ее местным купцам, прекратились. Представительства московских и лодзинских фирм в Ширазе – экономическом центре юга Персии закрылись. Вице-консул видел дальнейшие перспективы для появления российского текстиля в регионе в его удешевлении, в том числе за счет снижения качества. В целом это была объективная оценка состояния дел на персидском рынке текстиля.

Россия традиционно доминировала в поставках керосина в Персию, значительно опережая своих конкурентов. В Бендер-Бушире ситуация развивалась несколько иначе. Российским производителям было сложно конкурировать с США и Великобританией в поставках керосина в зоне Персидского залива. Правда, у российской про-

дукции при более высокой цене имелось большое преимущество в виде качества продукции, что вызвало значительный потребительский спрос на него на юге Персии.

В начале XX в., по мнению Д. Д. Беляева, российские поставщики керосина столкнулись с большими проблемами. Первая русская революция нанесла колоссальный удар по нефтяной промышленности Баку. Многие промыслы оказались разрушены, значительный ущерб наносится нефтеперерабатывающим заводом и другой инфраструктуре, когда Баку стал объектом международных столкновений [6]. До начала Первой мировой войны Бакинский нефтедобывающий район не восстановил свое былое значение, так как его постоянно сотрясали забастовки и другие неурядицы. Другим отрицательным фактором, на взгляд вице-консула, явились монопольные соглашения между российскими нефтепромышленниками, приведшие к росту цен на керосин [2, с. 80]. Это позволяло им получать огромные прибыли без изменений в технологической базе [11, с. 17]. Провалами в нефтяной промышленности России быстро воспользовались ее конкуренты. Поставки керосина в зоне Персидского залива резко увеличивает «Стандарт Ойл», и недавно созданная «Англо-Персидская нефтяная компания», построившая собственный нефтеперерабатывающий завод в Абадане [7, с. 111]. Нефть на завод по нефтепроводу поступала из Ирака. Правда, себестоимость производства керосина в Абадане оставалась высокой, а его качество уступало не только российской, но и американской продукции.

Внимание вице-консула, привлекла деятельность «Стандарт Ойл», которая поставила перед собой задачу не только вытеснения российский производителей из портов Персидского залива, но и новой англо-персидской компании. «Стандарт Ойл» увеличил поток своего керосина, заполнив им регион, предоставив местным продавцам возможность для проведения демпинговой политики, даже в ущерб компании с целью разорения конкурентов, торгующим российским и англо-персидским керосином [2, с. 81]. Однако, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, производители из России сохранили под своим контролем довольно значительную часть рынка керосина в Бендер-Бушире.

Д. Д. Беляев стремился выделить факторы, способные увеличить поток российского керосина на рынок Южной Персии. Для этого следовало сосредоточить всю перевозку керосина в руках одной судоходной компании. Она должна была предоставить низкие тарифы на перевозку продукции, чтобы снизить цену на керосин в портах Персидского залива, а это можно было сделать только при оказании помощи компании со стороны государства. В качестве такой компании, по мнению дипломата, могло выступить «Российское общество пароходства и торговли» [2, с. 81]. В таких условиях Россия сможет конкурировать с США и «Англо-Персидской нефтяной компании»,

перспективы, деятельности которой вице-консул оценивал довольно пессимистично.

Большим спросом накануне Первой мировой войны в Южной Персии пользовалась посуда в основном чайная из стекла, фаянса и фарфора, произведенная в России. Через Бендер-Бушир часть продукции поступала даже в Ирак. Главным преимуществом российской посуды являлась ее огнеупорность, в чем поставщики из Западной Европы не преуспели. К тому же Россия оказала большое влияние на становление в Персии культуры чаепития, что отразилось не только в поставках посуды для осуществления данной процедуры. В Персии большим спросом начинают пользоваться самовары. С каждым годом поставки самоваров из России в Южную Персию увеличивались. Вице-консул уделял данному аспекту большое внимание. После прекращения в Персии анархии, вызванной революцией, страна постепенно возвращалась к нормальной жизни. Если пока самовары приобретали в основном состоятельные жители Персии, то по мере роста уровня жизни, продукция из России могла расширить число потребителей [2, с. 82].

В поставках других товаров в порт Россия имела неоднозначные результаты. Одной из крупнейших статей персидского импорта являлись поставки в страну сахара. Россия в отличие от успеха в Северной Персии имела здесь скромные результаты. Причин данного явления, по мнению вице-консула, было несколько. Во-первых, в Южной Персии и Месопотамии не пользовался спросом сахар-рафинад. В регионе, главным образом, потребители проявляли интерес к сахару-песку, имевшему крупные кристаллы, а в России сахарный песок имел небольшие кристаллы. Поэтому для расширения экспорта требовалось учесть данные вкусовые запросы местного населения. Во-вторых, Россия находилась на большом удалении от Южной Персии, в то время как французские и индийские производители разместили оптовые склады в Бомбее, где действовала крупнейшая в Азии сахарная биржа. В-третьих, местные купцы сталкивались с большими проблемами в проведении расчетов с производителями из России, поскольку с Бендер-Бушире отсутствовали представительства российских банков [2, с. 83].

Кроме отмеченных традиционных статей экспорта из России в порты Персидского залива, дипломат выделял положительную динамику в ввозе новых товаров, наблюдавшемся в последние годы. Россия начала поставлять доски и бруссы, часть их них шла в Басру для производства ящиков для упаковки фиников. Некоторые успехи отмечаются в поставках муки, вермишели и макарон.

В завозе муки в Южную Персию доминировала Индия. Российская мука поставлялась в регион, но от сырого климата она быстро портилась и теряла свои вкусовые качества, хотя изначально она была более качественной в сравнении с индийской продукцией. Консул обращал внимание на исследования, проведенные в Одессе, в ре-

зультате чего выяснилось, что в индийскую муку добавлялись некоторые другие зерновые культуры, что делала ее более стойкой к капризам природы [2, с. 83]. Если в России освоили такой метод изготовления муки, то она, непременно, по мнению вице-консула, имела бы большой спрос в регионе. Первые партии вермишели и макарон, привезенные в Бендер-Бушир, быстро нашли покупателей, в том числе в Бахрейне, Кувейте и Дубае. Для расширения успеха данного вида российского экспорта, на взгляд дипломата, следовало организовать прямые поставки продукции в другие порты Персидского залива, минуя промежуточную перегрузку в Бендер-Бушире.

Южная Персия и другие регионы Персидского залива имели огромные запасы продовольствия и сырья, востребованные в России, хотя их экспорт оставался на минимальном уровне. Небольшая часть хлопка и шкур поставлялась в Россию сухопутным путем или с перезаручкой в Бендер-Бушире на германские суда. Существовавшая таможенная система в России стала, по мнению вице-консула, большим тормозом на пути перевозки товаров морским путем, так как пошлина на сухопутных границах страны с Персией была ниже, чем пошлина, уплачиваемая в порту Одессы. В результате Россия получала финики из Центральной Персии, вместо того, чтобы потреблять высококачественные финики, произведенные на юге Персии и Ирака и поставляемые почти во все ведущие государства мира.

Поэтому Д. Д. Беляев призывал правившую элиту страны и деловые круги более тщательно изучать рынок стран бассейна Персидского залива, проявлять больше гибкости и предприимчивости. Со всей очевидностью вице-консул констатировал грубые просчеты в организации внешнеэкономической деятельности со стороны государства [2, с. 83]. Бюрократический аппарат не поспевал за быстрыми изменениями конъюнктуры на внешних рынках, он не понимал специфику развития того или иного региона мира.

Таким образом, российские дипломаты, работавшие в Мешхеде и Бендер-Бушире, проявляли большой интерес к специфике развития Хорасана и Южной Персии. Особенно данная тенденция проявляется в донесениях генерального консульства в Мешхеде, в которых отмечались географические, историко-культурные, этнографические особенности развития провинции. Однако во всех без исключения донесениях доминировала экономическая тематика. Политические новости в Санкт-Петербург в основном доносило посольство в Тегеране. К тому же после подавления революции 1905–1911 гг. ситуация в стране несколько стабилизировалась. Российские дипломаты рассматривали экономику страны, как и другие сферы ее жизни в колониальном дискурсе. Они отмечали культурную отсталость населения, патриархальность методов ведения хозяйства, что помноженное на полное политическое бесправие населения привело к жесткому системному кризису Персии, в том числе в ее экономике. Восточная и Южная Персия интересовали дипломатов с двух точек зрения. Во-первых, как рынок сбыта промышленных товаров, продовольствия из России и источник поставок в империю сырья. Во-вторых, представители российского дипломатического корпуса прекрасно понимали, что укрепление политических позиций в Персии, которая относилась к зоне особых геополитических интересов России, невозможно без расширения ее экономического присутствия в стране. Однако для реализации данной задачи следовало улучшить транспортное сообщение со страной и предпринять решительные меры по поддержке государством российских экспортеров. Дипломаты осознавали, что кризисные явления в самой экономике России не могли не сказываться на ее экспортном потенциале. Поэтому без серьезного качественного рывка народного хозяйства России трудно было говорить о нарастании экономической экспансии империи на Ближнем Востоке, в том числе в Персии.

Источники и литература

1. Алиев С. М. История Ирана. XX век. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт +, 2004. 648 с.
2. Донесение Императорского Российского вице-консула в Бендер-Бушире Д. Д. Беляева. Положение Российской торговли в Персидском заливе // Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 38. Пг.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1914. С. 79–87.
3. Донесение Императорского Российского консула в Мешхеде Н. П. Никольского. Административные, торгово-промышленные и экономические сведения по округу // Донесение российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 54. Пг.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1915. С. 38–48.
4. Донесение Императорского Российского консула в Хоросане князя А. М. Дабижа. Торговля в Мешхеде мануфактурными товарами // Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 38. Пг.: Тип-я В. Ф. Киршбаума, 1914. С. 69–75.
5. Конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета от 31 августа 1907 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1857–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 386–393.
6. «В самом Отечестве нашем поднялася смута». Документы о Бакинской резне 1905 г. // Источник. 1995. №5. С. 48–65.
7. Международные экономические отношения. Коллективная монография / под ред. Н. Н. Любимова. М.: Книга по требованию, 1969. 435 с.
8. Павлова И. К. Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. №2. С. 47–60.

УДК 94 (470.6)

А. А. Панарин

РОЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СНАБЖЕНИИ СРЕДСТВАМИ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1925–1927 гг.

В статье рассматривается снабженческая деятельность сельскохозяйственной кооперации на Северном Кавказе в условиях кульминации новой экономической политики. Основное внимание уделяется обеспечению сельского населения средствами производства, начиная от простого инвентаря и заканчивая сложными машинами. Доказывается важность реализации этой задачи с точки зрения наращивания объемов сельхозпроизводства и увеличения товарной части зерновой продукции, необходимой для продовольственного обеспечения городского населения и ее экспорта как одного из главных источников поступления средств для индустриализации. Анализируются принимаемые советским государством меры по развитию снабженческой деятельности сельскохозяйственной кооперации, увеличению в ее объеме товаров производственного назначения. Приводятся сведения о достигнутых кооперацией результатах снабжения средствами производства сельского населения Северного Кавказа. Освещается роль сельскохозяйственной кооперации в

машинизации сельского хозяйства региона, создании и деятельности различных видов производственных объединений крестьянства и казачества. Раскрываются основные проблемы и трудности в вопросах снабжения сельского населения средствами производства. Обращается внимание на усиление классово направленной проводимой политики большевистской партии в области снабжения деревни товарами производственного назначения и отрицательное ее влияние на деятельность сельскохозяйственной кооперации. Подчеркивается противоречивость результатов снабженческой работы сельскохозяйственной кооперации на Северном Кавказе в 1925–1927 гг., что объясняется влиянием как объективных трудностей восстановительного периода, так и проводимой руководством большевистской партии политики.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, снабжение, средства производства, товарообмен, крестьянство, большевистская партия, Северный Кавказ.

Andrey Panarin

ROLE OF AGRICULTURAL COOPERATION IN SUPPLYING AGRICULTURAL POPULATION WITH THE MEANS OF PRODUCTION IN THE NORTH CAUCASUS IN 1925–1927

The article deals with the supply activities of agricultural cooperation in the North Caucasus in the context of the culmination of a new economic policy. The main focus is on providing the rural population with means of production, ranging from simple equipment to sophisticated machines. The importance of realizing this task is proved from the point of view of increasing agricultural production and increasing the commodity part of grain products necessary for food supply of the urban population and its export as one of the main sources of income for industrialization. It analyzes the measures taken by the Soviet state to develop the supply activities of agricultural cooperation, to increase the volume of industrial goods in its volume. Information is provided on the results achieved by the cooperation in supplying the means of production to the rural population of the North Caucasus. The role of agricultural cooperation in mechanization of agriculture in the region, the creation

and activities of various types of production associations of the peasantry and the Cossacks is highlighted. The main problems and difficulties in supplying the rural population with means of production are revealed. Attention is drawn to the strengthening of the class orientation of the policy pursued by the Bolshevik Party in the field of supplying the village with industrial goods and its negative impact on the activities of agricultural cooperation. The inconsistency of the results of the supply work of agricultural cooperation in the North Caucasus in 1925–1927 is emphasized, which is explained by the influence of both the objective difficulties of the recovery period and the policies pursued by the leadership of the Bolshevik party.

Key words: agricultural cooperation, supply, means of production, commodity exchange, peasantry, Bolshevik party, North Caucasus.

Середина 1920-х гг. в развитии страны характеризуется переходом от восстановления экономики к дальнейшему повышению уровня произ-

водительных сил. Для сельского хозяйства это означало более активное насыщение средствами производства, что должно было способство-

вать увеличению объемов сельскохозяйственной продукции, необходимой как для обеспечения потребностей населения и возрождающейся промышленности, так и выполнения планов экспорта зерна, прибыль от продажи которого являлась главным источником для осуществления индустриализации.

В связи с этим, советское государство придавало большое значение обеспечению сельского населения товарами производственного назначения. В русле проводимой политики происходило усиление роли кооперации, с помощью которой в условиях НЭПа осуществлялась экономическая смычка между городом и деревней. Так, состоявшийся в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) поставил перед кооперацией задачу обеспечения прочной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью [10, с. 233].

В обстановке наступившей кульминации НЭПа происходило оживление хозяйственной жизни, увеличивались объемы производимой промышленной и сельскохозяйственной продукции, следствием чего явилось повышение роли торговли в экономике страны. С учетом активизации частнопредпринимательской деятельности, партийно-государственные органы большое значение придавали регулированию рыночных отношений, важным элементом которого являлась кооперация. В целях усиления ее позиций в 1924 г. были приняты меры, способствующие укреплению ее материального положения и развитию самостоятельности членов кооперации. К ним относились ослабление административного контроля вышестоящих органов, расширение возможностей для самостоятельной работы первичных кооперативов, материальное стимулирование торговой деятельности, в том числе в отношении снабжения сельского населения средствами производства.

Среди видов кооперации наибольшее значение в этой сфере приобрела сельскохозяйственная кооперация, основное предназначение которой заключалось в обеспечении крестьянства средствами производства. Между тем, до середины 1920-х гг. эта задача решалась явно недостаточно, что объяснялось отсутствием у сельхозкооперации достаточного количества товаров производственного назначения.

Данная ситуация была в полной мере свойственна деятельности сельскохозяйственных товариществ на территории Северного Кавказа. Существование проблемы удовлетворения потребностей сельского населения средствами производства особенно проявилось летом 1925 г., когда был получен высокий урожай зерновых. Крестьянство и казачество было готово через кооперацию осуществить обмен излишков зерновой продукции на необходимые для их производственной деятельности товары, однако последняя не могла обеспечить эти потребности, предлагая в основном товары широкого потребления.

Например, крестьяне хутора Водопадского, Горячеводского района, Ставропольского округа, вынуждены были прекратить сдавать продукцию

сельхозтовариществу, ввиду того, что последнее предлагало в качестве обмена лишь товары бытового назначения – вилки, ножи, тарелки и другие [5, л. 154]. На Дону, по свидетельству местной газеты, сельскохозяйственная кооперация занималась «чем угодно, только не прямой своей задачей» [13].

В такой ситуации со стороны центральных и местных органов власти осуществлялись меры по усилению снабжения сельского населения средствами производства. Так, в соответствии с принятым в апреле 1925 г. решением комиссии по работе в деревне при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) была поставлена задача расширения производства на территории Северного Кавказа товаров сельскохозяйственного назначения [17, л. 229].

В системе сельхозкооперации также проявлялось стремление к решению данного вопроса. Так, в июне 1925 г. на Чрезвычайном собрании уполномоченных Сельскосоюза перед руководством Кубанского окружного сельскохозяйственного союза была поставлена задача снабдить местные товарищества товарами производственного назначения [19, л. 16].

Для обеспечения большей доступности для населения реализуемых средств производства принимались меры по снижению розничных цен, в частности за счет уменьшения наценок на стоимость товара. Например, сельхозкооперация Армавирского округа в 1925 г. установила данные наценки в размере 12% от первоначальной стоимости товаров, Майкопского округа в размере 15%, Приазовско-Донского – 19,3%, Кубанского – 20,2% [21, с. 23].

Преодоление этой ситуации происходило в рамках кампании по снижению розничных цен, начатой в апреле 1924 г. по решению пленума ЦК РКП(б). В соответствии с ним органы кооперации должны были установить цены на товары ниже среднерыночных. В свою очередь пленум Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в январе 1925 г. принял меры по оптимизации работы кооперации, чтобы за счет этого снизить наценки на товары [29, л. 3].

В сельских районах региона местные партийные органы конкретизировали эти решения. Например, Зимовниковский райком ВКП(б), Сальского округа поставил перед кооперацией задачу рационализации работы аппарата управления с целью удешевления расходов, что должно было отразиться на снижении стоимости товаров [32, л. 17].

В целом со стороны кооперации розничные цены были снижены по 62 наименованиям товаров первой необходимости. В среднем в результате снижения цен первоначальная стоимость товаров уменьшилась на 10,6%. Однако в этом перечне отсутствовали товары производственного назначения, цены на которые практически остались неизменными. Немаловажным являлось и то обстоятельство, что кооперативы снижали стоимость товаров не за счет применения

более рациональных способов деятельности и мер по сокращению расходов на содержание административного аппарата, а за счет сокращения доли прибыли, получаемой в результате продажи товаров. В свою очередь это влекло за собой нарастание финансовых трудностей, снижение возможностей товариществ в накоплении собственных средств, убыточности кооперативной торговли, увеличении задолженностей товариществ и отсутствии рентабельности в их работе.

Кроме того, осуществляемая правительством кампания по снижению розничных цен приняла достаточно импульсивный характер и отличалось непродуманностью действий органов власти. В результате достичь поставленных целей, связанных с установлением эффективного механизма регулирования товарообмена, усилением материальной заинтересованности крестьянства в увеличении производства и реализации своей продукции, а также насыщении деревни промышленными товарами не удалось, что вызвало дальнейшее усиление недовольства со стороны сельских тружеников.

В такой ситуации сельхозкооперация не могла в полной мере выполнить возложенные на нее обязанности по снижению розничных цен. Сложность решения этого вопроса заключалась в том, что сельскохозяйственные товарищества не могли сократить расходы на свои текущие нужды и в отношении операций, связанных с доставкой товаров, их упаковкой и продажей. Серьезные препятствия в вопросах обеспечения торговой деятельности сельхозкооперации создавало и отсутствие необходимого объема и ассортимента выделяемых государственной промышленностью товаров, что вело к перебоям в снабжении сельского потребителя. В отношении поставщиков это, прежде всего относилось к государственным органам, которые предоставляли товариществам большую часть товаров.

Например, в Кубанском округе их доля в общем объеме поступающим товариществам товаров составляла 63,5%, тогда как от кооперативных организаций поступало 12%, от частных фирм - 9,2%, а от Кубселькредсоюза - 8,8%. Примерно такая же обстановка была в других областях Северного Кавказа. Так, в торговой работе сельхозкооперации Терского округа нередкими были случаи срыва условий договоров на поставку промышленных товаров, вопреки указаниям возросли накладные расходы на командировки, при закупке товаров слабо учитывались потребности крестьянства и казачества [18, л. 22]. В результате сельхозкооперация оказалась в числе отстающих по показателям снижения розничных цен. В отдельных товариществах были даже выявлены факты завышения установленных цен на промышленные товары.

Еще одной задачей, направленной на усиление работы сельхозкооперации по снабжению сельского населения средствами производства стало устранение параллелизма в ее деятельности с потребительской кооперацией. Одним из

проявлений данной ситуации стало повышенное внимание многих сельхозтовариществ к торговле товарами потребительского, а не производственного назначения.

Так, в селе Ново-Батайском Донского округа в марте 1926 г. местное сельхозтоварищество, невзирая на протесты потребительской кооперации, осуществляло торговлю галантерейными товарами [31, л. 10]. Сельхозтоварищество станицы Хадзыженской Майкопского округа активно торговало спиртными напитками [15, л. 51–52]. В целом по Кубанскому округу в системе сельхозкооперации торговля товарами широкого потребления составляла 70–75% [25, л. 39].

Главной причиной такой ситуации являлось стремление сельхозтовариществ улучшить свое финансовое положение за счет высокой оборачиваемости потребительских товаров и наличия большого спроса населения. Статистические данные показывают, что на территории Северного Кавказа общая степень реализуемости данных видов товаров в 1925 г. составила 84,48%, тогда как сельскохозяйственных товаров лишь 77,40% [6, с. 155].

В своем стремлении к получению большей прибыли некоторые сельхозтоварищества даже принимали решение перейти на устав потребительских обществ, что позволяло им преодолеть действующий запрет к торговле товарами потребительского назначения. В качестве такого примера можно привести Краснокубовское сельхозтоварищество Новочеркасского района, руководство которого пыталось перейти на устав потребительского общества [22, с. 418]. Таким же образом первичные кооперативы стремились решать вопросы, связанные с ликвидацией своей задолженности банкам по используемым кредитам.

С целью устранения параллелизма партийно-государственные органы предписывали сельхозкооперации сосредоточиться на снабжении деревни товарами производственного назначения. Координирующую роль в этом вопросе играли кооперативные комиссии при окружкомах РКП(б). Так, в мае 1925 г. данная комиссия, действующая при Черноморском окружкоме РКП(б) потребовала от окружного сельскохозяйственного союза полностью прекратить закупки товаров широкого потребления, а те, что оставались в его распоряжении передать потребительской кооперации [27, л. 25]. В Ставропольском округе подобному разграничению функций между сельскохозяйственной и потребительской кооперации способствовала ликвидация интегральных объединений в конце 1924 г., до этого объединявшая эти виды кооперации.

Вследствие указанных действий сельхозкооперация Северного Кавказа стала уделять повышенное внимание снабжению сельского населения средствами производства. Уже в конце 1925 г. ее доля в розничном товарообороте составила 62%. Доли частной торговли и односельчан уменьшились и составили соответственно 24% и 13%. Государственная торговля в товарообо-

роте занимала лишь 1% [12, с. 40]. Что касается продажи сельскому населению региона металла, леса, цемента и угля, то к началу 1927 г. в этих вопросах у сельскохозяйственной кооперации конкурентов практически не было, и она являлась единственным поставщиком этих важных видов товаров производственного назначения.

Большое значение придавалось сельхозкооперации в вопросах механизации сельского хозяйства. Важность этой задачи объяснялась отставанием наличной тягловой силы от постоянно растущих посевных площадей. Так, на Дону к 1925 г. посевные площади выросли на 17% относительно показателей 1917 года. Но оставались трудности в восстановлении поголовья тягловой живой силы: так, на одну лошадиную силу в 1917 г. приходилось 3,39 десятин земли, а в 1925 г., соответственно, – 5,98 десятин [33, с. 129].

В середине 1920-х гг. партийное руководство рассматривало вопросы механизации не только в русле подъема сельскохозяйственного производства, но и в связи с процессом коллективизации сельского хозяйства. Предполагалось, что сложные машины, в первую очередь трактора, привлекут внимание крестьян с точки зрения возможности существенного повышения производительности труда. Так как приобретение тракторов будет не под силу большинству индивидуальных хозяйств они будут вынуждены объединять свои средства и далее совместно использовать сложные машины в рамках машинных товариществ.

Постепенно у членов этих товариществ, как считали партийные идеологи, возникнет потребность в дальнейшем обобществлении средств производства, следствием чего станет повсеместное создание колхозов. Такие подходы к механизации сельского хозяйства были свойственны как высшим, так и региональным руководителям. Так, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. И. Микоян считал, что технический фактор являлся определяющим в осуществлении широкой кооперации крестьянских хозяйств [28, л. 5].

В связи с этим, в условиях кульминации НЭПа единоличные хозяйства имели возможность приобретения тракторов без всяких ограничений. Более того, они могли использовать в этих целях предоставляемые государством долговременные кредиты. Такая ситуация объяснялась стремлением партийного руководства к развитию собственного НЭПу многоукладного хозяйства.

В 1924 г. на Северном Кавказе единоличники осуществили покупку 53,5% всех поступивших в продажу тракторов. Кооперация же смогла приобрести 24,4%, а госорганы 23,1% тракторов. В дальнейшем эта тенденция сохранялась. Так, к весне 1926 г. единоличники составляли в Кубанском округе 80% из записавшихся на тракторный заем [16, л. 67]. В июле 1926 г. из имеющихся в округе 702 тракторов 169 находились в индивидуальных хозяйствах [11].

Такая ситуация во многом объяснялась стремлением государственных торгующих организаций к получению прибыли за счет продажи тракторов. В этом отношении сельхозкооперация оказалась

ненадежным партнером, задерживающим выплаты и нарушающим сроки возврата предоставляемых кредитов. Единоличники, напротив, чаще всего выполняли принятые на себя обязательства. В связи с этим, в 1925 г. торговые организации стали продавать трактора индивидуальным хозяйствам, минуя кооперацию [23]. Еще одним каналом поступления тракторов единоличнику были слабые колхозы, которые в случае ликвидации продавали их индивидуальным хозяйствам. Например, в Терском округе в 1926 г. распавшиеся колхозы продали единоличникам 96 тракторов [4, л. 5].

Отвечом партийно-государственных органов на усиление позиций зажиточного крестьянства стали административные меры по ограничению его возможностей. Одной из таких мер стал запрет продажи тракторов индивидуальным хозяйствам в соответствии с постановлением Совета Труда и Обороне от 3 декабря 1926 г. Теперь такая продажа могла осуществляться только предприятиям, учреждениям и организациям, принадлежащих государству или кооперации [2, с. 72].

Местные органы брали под контроль выполнение данного постановления, препятствуя дальнейшей продаже тракторов зажиточным крестьянам. С другой стороны, создавались благоприятные условия для приобретения тракторов деревенской бедноте, при условии вступления последней в сельхозкооперацию. В том числе бедноте предоставлялся кредит сроком до четырех лет при условии внесения первоначального взноса от 10% до 50% существующей цены трактора [24, с. 13].

Такая политика не находила согласия у части коммунистов, а также хозяйственных руководителей кооперативных организаций. Так, заведующий сырьевым отделом Центросоюза А. Г. Губанов в своем письме, направленном в адрес членам политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1927 г., высказал несогласие с политикой ущемления хозяйственных интересов большей части крестьянства, принадлежащей к средним и крепким хозяйствам, отметив, что тем самым возможности для их дальнейшего развития серьезно ограничены [1, с. 201]. Однако, намечившийся поворот в политике руководства большевистской партии к использованию административных методов строительства социализма в деревне уже не соответствовал проявлению подобных позиций.

С 1927 г. машиноснабжение деревни стало рассматриваться преимущественно с точки зрения коллективизации сельского хозяйства. На сельскохозяйственную кооперацию были возложены функции основного поставщика средств производства в деревню. Так, в Кубанском округе доля сельхозкооперации в продаже машин и инвентаря составляла 80%, а в отношении тракторов она стала единственным их поставщиком [26, л. 74].

В это же время все в большей степени стал использоваться плановый подход в распределении тракторов по районам, при котором прежде всего учитывались потребности коллективизации. Так,

в Кубанском округе, в соответствии с политикой уплотненной тракторизации районов, большая часть тракторов получила распределение в Тихорецкий и Кореновский районы [7, с. 160].

Трактора предоставлялись для продажи различным производственным объединениям крестьянства, в том числе таким простейшим их видам как машинные товарищества. В конце 1927 г. на Северном Кавказе действовало 1035 таких объединений, большинство из которых находилось в зерновых районах. Рост машинных товариществ был как раз и обусловлен большими масштабами приобретения сложной техники, вокруг которой происходило объединение индивидуальных хозяйств. Вместе с тем, последние в основном сохраняли свою самостоятельность и не стремились к устойчивым формам кооперирования. Проведенный анализ показал, что в это время все проводимые работы были обобществлены лишь в 4% машинных товариществ, а общественная запашка производилась в 28% из них. В большинстве же товариществ сложилась практика, когда их члены использовали трактора по очереди [3, л. 139].

Ввиду такой ситуации преимущественным правом приобретения тракторов в 1927 г. стали пользоваться колхозы, как наиболее приемлемая форма производственного кооперирования с точки зрения принятого руководством ВКП(б) курса на форсирование коллективизации сельского хозяйства. Так, октябре 1927 г. в Кубанском округе доля сельхозкооперации в снабжении колхозов составляла 29,2% от общей суммы приобретенных промышленных товаров. В отношении товаров производственного назначения этот показатель был еще выше и составлял 34%. Следовательно, одна треть приобретенных колхозами Кубанской области тракторов и других средств производства приходилась на систему сельхозкооперации [9, с. 96].

Несмотря на предпринимаемые усилия материально-техническая база большинства колхозов оставалась слабой. Отсутствие достаточного количества техники приводило к тому, что колхозы не могли в должной степени освоить землю, которая находилась в их пользовании. По Северному Кавказу в конце 1927 г. было освоено в общей сложности 36% обобществленной пашни, что являлось одним из самых низких показателей в стране [20, л. 87]. В тех же колхозах, куда поступало приемлемое количество тракторов, их применение часто являлось нерентабельным. Такая ситуация складывалась из-за наличия большого числа мелких колхозов, в состав которых входило не более 50 членов. Затраты на содержание тракторов здесь превышали получаемый от хозяйственной деятельности доход.

По указанным выше причинам сельхозкооперация не сумела добиться высокого уровня снабженческой работы и обеспечить деревню необходимыми средствами производства. О наличии данной ситуации, в частности, свидетельствует сохраняющийся дисбаланс между показателями ее сбытовой и снабженческой деятельности. Так,

в 1925/26 хозяйственном году продажа товаров в низовой сети сельхозкооперации Северного Кавказа была осуществлена на сумму 45951 тыс. руб., а сбыт сельскохозяйственной продукции или другими словами ее приобретение у крестьян 51522 тыс. руб. Следовательно, разница показателей между затратами на покупку сельхозпродукции и продажей промтоваров составила 5571 тыс. руб. В 1926/27 хозяйственном году эти показатели соответственно составили 50126 тыс. руб. и 58277 тыс. руб. Разница между указанными показателями возросла и составила 8151 тыс. руб. По союзной сети сельхозкооперации Северного Кавказа эти данные были еще более впечатляющими. В 1925/26 хозяйственном году продажа товаров была произведена здесь на сумму 20344 тыс. руб., а сбыт сельхозпродукции на сумму 57514 тыс. руб. (разница в 37170 тыс. руб.). В 1926/27 хозяйственном году эти показатели соответственно составили 29161 тыс. руб. и 107496 тыс. руб. (разница существенно возросла и составила 78335 тыс. руб.) [8, с. 248].

Приведенные данные показывают, что сельхозкооперация, как и раньше, в больших объемах приобретала сельхозпродукцию, не предлагая крестьянству равноценного эквивалента промышленной продукции и, прежде всего, различных видов товаров производственного назначения.

Достигнутые в 1927 г. результаты механизации деревни явно не соответствовали планам дальнейшего наращивания объемов сельхозпроизводства. Так, количество поступающих в деревню тракторов значительно уступало темпам прироста посевной площади [14]. Такое же отставание наблюдалось в отношении общего прироста тягловой силы, что было связано с восстановлением животноводства и увеличением количества животных, используемых в качестве тягла. Сравнительный анализ показал, что в 1926 г. доля совокупной мощности вновь поступивших в сельское хозяйство региона тракторов была 16% в общем объеме прироста тягловой силы, где преобладали домашние животные. В следующем 1927 г. этот показатель составил лишь 4% [30, л. 10].

В связи с этим, дальнейшие перспективы машиноснабжения деревни напрямую зависели от развития отечественного машиностроения и, в частности, тракторостроения. Обеспечить создание таких условий могла лишь масштабная индустриализация экономики страны, результатами проведения которой в 1930-е гг. стала техническая реконструкция сельского хозяйства.

Таким образом, в 1925–1927 г. сельхозхозяйственная кооперация, являясь основным поставщиком средств производства в сельские районы Северного Кавказа, сумела добиться заметных результатов в снабжении индивидуальных хозяйств и колхозов региона сложными машинами и инвентарем. В то же время, расширению масштабов этой работы препятствовали ограниченность имеющихся у сельхозкооперации финансовых средств и несоответствующее потребностям сельского хозяйства предложение реализуемых средств производства.

Источники и литература

1. А. Г. Губанов – членам политбюро ЦК ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 200–202.
2. Булатов И. Г. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М.: Соцэкгиз, 1960. 200 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22.
6. Горностаев Н. Н. Опыт исследования универсальных сельскохозяйственных товариществ // Северо-Кавказский край. 1925. №2. С. 153–157.
7. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. 1918–1927 гг. Сборник документов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1959. 203 с.
8. Контрольные цифры народного хозяйства и культуры на 1928/29 г. // Северо-Кавказский край. 1929. №3. С. 245–257.
9. Кочкарова З. Р. Советская партийно-государственная политика в отношении сельскохозяйственной кооперации. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2002. 196 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1998-1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. в 16 т. Т.3. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1984. 494 с.
11. Красное знамя. 1926. 11 июля.
12. Кувшинов И. С. Рыночный оборот крестьянского хозяйства подсолнечно-зернового района // Пути сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1929. С. 37–45.
13. Молот. 1925. 9 мая.
14. Молот. 1928. 21 июля.
15. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-74. Оп. 1. Д. 3.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 69. Д. 9.
17. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 37.
18. РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 4.
19. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4106. Оп. 3. Д. 800.
20. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 40.
21. Сельскохозяйственная кооперация Северо-Кавказского края в 1924–1925 гг. Ростов н/Д: Крайсельсоюз, 1926. 105 с.
22. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / под ред. А. Берлова, В. Данилова. Т.2. М.: РОССПЭН, 1998. 1168 с.
23. Советский Юг. 1925. 18 февраля.
24. Тютников И. И. Что получило крестьянство Северного Кавказа от Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1927. №11. С. 10–17.
25. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее –ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 213.
26. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 436.
27. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 634.
28. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 207.
29. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 226.
30. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 431.
31. ЦДНИРО. Ф. 11. Оп. 1а. Д. 7а.
32. ЦДНИРО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3.
33. Яхутль Ю. А. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг. // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С.124–134.

References

1. A. G. Gubanov – chlenam politbyuro TSK VKP(b) (A.G. Gubanov to the members of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b)) // Izvestiya TSK KPSS. 1989. No. 8. P.200–202.
2. Bulatov I. G. Kooperatsiya i ee rol' v podgotovke sploshnoj kollektivizatsii (Cooperation and its role in the preparation of continuous collectivization). Moscow: Sotsekgiz publ., 1960. 200 p.
3. State archive of recent history of Stavropol territory (GANISK). F. 5938. Inv. 1. D. 12.
4. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 17.
5. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 22.
6. Gornostaev N. N. Opyt issledovaniya universal'nykh sel'skokhozyajstvennykh tovarishhestv (Experience in the study of universal agricultural partnerships) // Severo-Kavkazskij kraj. 1925. No.2. P. 153–157.
7. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyajstva na Kubani. 1918–1927 gg. Sbornik dokumentov (Collectivization of agriculture in the Kuban. 1918–1927 Collection of documents). Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1959. 203 p.
8. Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyajstva i kul'tury na 1928/29 g. (The control figures of the national economy and culture for 1928/29) // Severo-Kavkazskij kraj. 1929. No.3. P. 245–257.
9. Kochkarova Z. R. Sovetskaya partijno-gosudarstvennaya politika v otnoshenii sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii (Soviet party-state policy regarding agricultural cooperation). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 2002. 196 p.
10. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsij i Plenumov TSK (1998–1988) (The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1998–1988)) / ed by A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. Vol.3 Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU publ., 1984. 494 p.
11. Krasnoe znamya. 1926. July 11.

12. Kuvshinov I. S. Rynochnyj oborot krest'yanskogo khozyajstva podsolnechno-zernovogo rajona (*Market turnover of the peasant economy of the sunflower-grain district*) // Puti sel'skogo khozyajstva. Moscow: Novaya derevnya publ., 1929. P. 37–45.
13. Molot. 1925. May 9.
14. Molot. 1928. July 21.
15. National Archive of Republic of Adygea. F. R-74. Inv. 1. D. 3.
16. Russian State archive of social and political history (RGASPI). F. 17. Inv. 69. D. 9.
17. RGASPI. F. 65. Inv. 1. D.37.
18. RGASPI. F. 631. Inv. 5. D. 4.
19. Russian state archive of economic history (RGAEH). F. 4106. Inv. 3. D. 800.
20. RGAEH. F. 7446. Inv. 1. D. 40.
21. Sel'skokhozyajstvennaya kooperatsiya Severo-Kavkazskogo kraja v 1924–1925 gg. (*Agricultural cooperation of the North Caucasus region in 1924–1925*). Rostov-on-Don: Krajsel'soyuz publ., 1926. 105 p.
22. Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Doku-menty i materialy: V 4 t. (*The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials: 4 Vol.*) / ed by. A. Berlovich, V. Danilov. Vol.2. Moscow: ROSSPEHN publ., 1998. 1168 p.
23. Sovetskij Yug. 1925. February 18.
24. Tyutnikov I. I. Chto poluchilo krest'yanstvo Severnogo Kavkaza ot Oktyabr'skoj revolyutsii (*What did the peasantry of the North Caucasus receive from the October Revolution*) // Izvestiya Severo-Kavkazskogo krajispolkoma. 1927. No.11. P. 10–17. (in Russian).
25. Documentation Center of the Recent History of the Krasnodar Territory (CDNIKK). F. 8. Inv. 1. D. 213.
26. CDNIKK. F. 8. Inv. 1. D. 436.
27. CSDNIKK. F. 9. Inv. 1. D. 634.
28. Center for Documentation of Recent History of the Rostov Region (CDNIRO). F. 7. Inv. 1. D. 207.
29. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 226.
30. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 431.
31. CDNIRO. F. 11. Inv. 1a. D. 7a.
32. CDNIRO. F. 44. inv. 1. D. 3.
33. YAkhtil' Yu. A. Kazach'i khozyajstva v usloviyakh novoj ehkonomicheskoy politiki 1920-kh gg. (*Cossack farms in the new economic policy of the 1920s.*) // Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. Vol. 24. No. 4. P. 124–134.

Сведения об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Information about the author

Panarin Andrey – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

УДК 947.084.5

И. Д. Петришина

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1920-е ГОДЫ

Статья посвящена одной из важнейших социально-экономических проблем российской истории – переселенческому движению, которое не потеряло своей значимости и в настоящее время, поскольку освоение различных регионов нашей страны зависит от переселенческой политики и практики. Ретроспективный взгляд на переселения крестьян Земледельческого Центра 1920-х гг., прежде всего в Азиатскую Россию, особенно актуально в настоящее время, поскольку сегодня преобладают обратные процессы оттока населения из Азиатской России. А задача увеличения трудовых ресурсов восточных регионов России является трудно решаемой проблемой и по сей день. Различные аспекты переселения крестьян Земледельческого Центра 1920-х гг. остаются мало исследованными. В данной статье на конкретно-историческом материале с использованием архивных документов показаны проблемы переселения крестьян крупнейшего аграрного региона России. Традиционная аграрная перенаселенность и повторяющиеся голодные 1921 и 1924 гг. способствовали восстановлению переселенческого движения после Первой мировой войны, революций 1917 г. и Граждан-

ской войны. Государственная политика, материальные и организационные возможности переселенческого дела, причины и масштабы переселения, трудности и проблемы крестьян, решивших улучшить материальное положение своего хозяйства, показаны на примере Воронежской, Тамбовской, Курской и Орловской губерний 1920-х гг. Переселенческое движение 1920-х гг. из области, где крестьяне традиционно страдали от малоземелья, имело, как общие с дореволюционным временем черты, так и специфические, характерные для политики советского руководства периода новой экономической политики. По сути, государственная помощь переселенцам охватывала незначительный период с 1925 по 1928 гг. и не могла кардинально изменить положение в переселенческом деле. В статье также показана деятельность местных областных органов власти, которые считали переселение важнейшим средством решения проблемы отсталости Центрального Черноземья.

Ключевые слова: крестьяне, переселение, ходяки, старожильцы, новоселы, избыточное сельскохозяйственное население.

Irina Petrishina

MIGRATION MOVEMENT OF THE PEASANTS IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN 1920s

The article is devoted to one of the most important social and economic problems of Russian history – the resettlement movement, which has not lost its significance these days, since the development of various regions of our country depends on the resettlement policy and practice. A look back analysis of the resettlement of the peasants of the Agricultural Center of the 1920s, primarily to Asian Russia, is especially relevant at the present time because today the reverse processes of population outflow from Asian Russia prevail. And the task of increasing the labor resources of the eastern regions of Russia remains a difficult task. Various aspects of the resettlement of peasants from the Agricultural Center of the 1920s remain little studied. Problems of the resettlement of peasants in the largest agricultural region of Russia are shown in this article based on specific historical material using archival documents. The traditional agrarian overpopulation and the repeated famines of 1921 and 1924 contributed to restore the resettlement movement after World War I, the 1917 revolutions, and the Civil war.

State policy, the material and organizational possibilities of resettlement, the causes and extent of resettlement, difficulties and problems of peasants who decided to improve the financial situation of their economy are shown by the example of the Voronezh, Tambov, Kursk and Oryol provinces of the 1920s. The Migration Movement of the 1920s from an area where peasants traditionally suffered from low land, it had both features common with pre-revolutionary time and specific features characteristic of the policy of the Soviet leadership during the period of the new economic policy. In fact, state aid to immigrants covered a small period from 1925 to 1928 and could not radically change the situation in the resettlement issue. Also, the article shows the activities of local regional authorities, who considered resettlement to be the most important means of solving the problem of the backwardness of the Central Black Earth Region.

Key words: peasants, resettlement, walkers, old-timers, new settlers, excess agricultural population.

Движение населения стало занимать важное место в социальной истории с начала XIX в. В российской истории переселение играло исклю-

чительную роль. Ретроспективный взгляд на перемещения крестьян Земледельческого Центра 1920-х гг., прежде всего в Азиатскую Россию, не

потеряло своей актуальности и в настоящее время, поскольку сегодня преобладают обратные процессы оттока населения. А задача увеличения трудовых ресурсов восточных регионов России является трудно решаемой проблемой и по сей день.

Цель настоящего исследования заключается в определении особенностей переселенческого движения крестьян Центрального Черноземья в годы новой экономической политики. Задачи работы состоят в том, чтобы установить причины переселений крестьян, масштабы переселений, состояние и организацию переселенческого дела в регионе.

Проблема переселенческого движения крестьян тесно связана с изучением аграрной истории России, а в начале XX – с важнейшим событием – столыпинской аграрной реформой. Данная тема стала центральной проблемой в дореволюционной, советской и постсоветской историографии. В связи с этим интерес историков был направлен на изучение переселения крестьян как в конце XIX – начале XX, так и в годы реформы 1906–1917 гг. Таким образом, земледельческие миграции крестьян до 1917 г. – наиболее разработанная тема в исторических исследованиях. Она представлена целым рядом фундаментальных работ и большим количеством научных статей, охватывающих ее различные стороны. Общая закономерность проходит главным выводом практически во всех работах: миграция крестьян в многоземельные регионы была реакцией на падение уровня благосостояния.

Крестьянским переселениям 1920-х гг. посвящена статья В. М. Моисеенко «Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России)», в которой автор рассматривает теоретические подходы большевистского правительства к проблеме переселения, научно-организационные и законодательные основы переселенческой политики советской власти [16, с. 98–141]. В работах, посвященных отходу крестьян на заработки и миграции из сельской местности в городские поселения, В. М. Моисеенко показывает преемственность миграционных процессов и приходит к выводу, что приметой 1920-х гг. стал рост притока сельского населения в города, а не на заработки или переезд в многоземельные регионы, как это было до революции [18, с. 136; 17, с. 53].

В региональной истории переселенческого движения до 1917 г. представлены работы современных авторов, которые показывают социально-экономические и демографические причины переселений земледельцев, а также характерные черты сельского миграционного процесса до революции 1917 г.: его массовость, бедняцкий состав участников, недостаточную помощь государства, самовольную колонизацию, ограниченность земельных ресурсов [7, с. 142–149; 10, с. 22; 13, с. 303–309; 14, с. 44–52]. В работах М. К. Чуркина проведен анализ адаптивных возможностей переселенцев из земледельческого центра в местах водворения [27, с. 175–183; 28, с. 63–64]. Автор

справедливо считает, что интенсивная распашка земли в Центральном Черноземье к началу XX в. имела гораздо более существенные отрицательные последствия для крестьянского производства, чем аграрно-экологический фактор. [28, с. 61–62]. Интересное описание поездки уполномоченного Орловского губернского земства Н. Н. Позднякова в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда представил Н. А. Жиров, дополнив описание авторскими комментариями [8, с. 139–144].

Рассматривая проблему жесткого вмешательства государства 1920-х гг. в миграционные процессы, В. Л. Дьячков и В. В. Канищев считают, что советские органы всех уровней в большей мере занимались не принудительным переселением крестьянства, а препятствованием их самовольному выезду из центральных аграрных регионов на малоосвоенные территории, главным образом в Сибирь [6, с. 340]. По мнению В. В. Канищева и Д. П. Иванова, особенностью переселенческого движения населения Тамбовского уезда в 1925–1926 гг. стало значительное число перемещений внутри Тамбовской губернии, связанные с расселением жителей крупных поселков в новые мелкие поселения [11, с. 313].

Архивные документы центральных органов власти ЦК ВКП(б), Народного комиссариата земледелия (НКЗ РСФСР) (обзоры, доклады) позволяют увидеть особенности положения Центрально-Черноземной области (ЦЧО) в системе сельскохозяйственного производства и тем самым установить причины переселения крестьян из региона. Ценные материалы местных архивов, представленные областным комитетом ВКП(б) ЦЧО и Тамбовским губернским земельным управлением (отчеты, справки), отражают реальную картину переселений, организацию переселенческого дела на местах и показывают изменения в государственной переселенческой политике 1920-х гг., которые наиболее ярко проявились на региональном уровне. Большинство документов содержат важные статистические данные, которые позволяют оценить масштаб переселения, его финансирование и результаты. В целом архивные источники позволяют конкретизировать земельную тесноту крестьян изучаемого региона в 1920-е гг., условия рациональной организации переселения, причины его задерживающие, районы переселения. Описание тяжелейшего положения населения в 1924/25 г. и, как следствие, усиление бегства крестьян из голодающих губерний Центрального Черноземья, содержит опубликованный сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939», изданный в 2000 г. [25, с. 293–295, 323–324, 328–329].

Для России, как для аграрной страны, прирост населения был достаточно высок, что подтверждают рекордные показатели рождаемости. За 1900–1915 гг. прирост населения в России составил 46 млн человек. Чтобы иметь представление о таком количестве прироста, можно сопоставить его с населением западноевропейских стран: в

1921 г. все население Великобритании составляло 47387392 человека, Франции – 39595612 человека, а Италии – 37276738. Такой прирост населения был связан с быстрым развитием промышленности, которая поглощала избыточное сельское население, и интенсивным переселением в юго-восточные районы и в Сибирь [15, с. 7, 9, 18]. Накануне Первой мировой войны, за 1911–1915 гг. наибольшее число переселенцев вышло из Украины, Центрально-Черноземной области, особенно пострадавшей от аграрного перенаселения, и Средне-Волжского района с его менее благоприятным засушливым климатом.

Таким образом, в дореволюционное время переселение из Центрально-Черноземного региона России имело большое значение. Так сельское население Сибири с 1897 по 1914 г. выросло с 5,3 до 9,2 млн человек. Около 2/3 прироста обеспечили крестьяне-переселенцы [9, с. 3–4]. За 25 лет с 1896 по 1921 г. из Воронежской губернии переселилось 194100 человек, что составляло 40,6% прироста сельского населения, из Тамбовской – 147400, соответственно – 21,5% прироста населения. В 1917–1921 гг. во время революционных потрясений и Гражданской войны переселение крестьян почти прекратилось. Несмотря на разрушительное влияние Первой мировой войны и революций 1917 г., общая численность сельского населения России не только не сократилась, но и возросла за счет притока городского населения, которое, спасаясь от голода, бежало в наиболее обеспеченные продовольствием губернии. Так, в 1920 г. сельское население Тамбовской губернии превысило тот же показатель за 1916 г. на 7,5%, а в 1923 г. оно превысило тот же показатель 1920 г. на 0,5% [24, с. 46–52].

В годы Первой мировой войны переселение крестьянства сократилось до минимума, а в 1917 г. движение обратных переселенцев из Азиатской России в Европейскую даже стало преобладающей тенденцией. Гражданская война препятствовала движению «преградив линией фронта пути следования переселенцев» [15, с. 117–118]. Раздел помещичьих земель, вызванный аграрной революцией большевиков, также приостановил поток населения, поскольку у крестьян появилась надежда увеличить свое землепользование. С окончанием Гражданской войны переселение снова усилилось. В 1921 г. спасаясь от голода бегством, около 1 млн крестьян покинуло родину. Не поддается подсчету, какое их количество устремилось за Урал. В 1921 г. постановлением президиума ВЦИК массовое переселение в Азиатскую Россию было временно приостановлено до выяснения свободного земельного фонда и завершения подготовительных работ для организации переселенческого дела. Однако эта «приостановка» продолжалась до 1925 г. С 1921 по 1924 г. оно было запрещено правительством из-за разрухи и запустения хозяйства в центральных губерниях России. Наркоматом земледелия было широко распространено заявление о закрытии переселения и о безрезультатности ходатайств.

Кредитов на переселенческое дело не отпускалось [21, л. 126; 15, с. 118–120].

Большинство крестьян «голодного переселения» 1920–1921 гг. из Центрального Черноземья отправлялись просто на юг или юго-запад Европейской России и там временно оседали до урожая. Например, многие крестьяне из Воронежской губернии возвратились обратно. В 1925 г. НКЗ требовал от губернских земельных управлений сведений о крестьянах, выбывших из-за голода и оставивших свое имущество «на произвол судьбы». В ноябре 1925 г. в Воронежской губернии таких дворов оказалось 1092. Во время отсутствия хозяев такие избы с надворными постройками были переданы в распоряжение комитетов взаимопомощи или сельских советов, которые сдавали их беднейшим крестьянам на условиях сохранения от разрушения [19, с. 30].

Число желающих переселиться стало возрастать с 1923 г., поскольку передел земли после октября 1917 г. не решил проблему крестьянского малоземелья. Во многих случаях крестьяне, не дожидаясь открытия переселения, уезжали самовольно. Желающие переселиться выбирали преимущественно Поволжье, рассчитывая заместить там умершее за время голода население, воспользовавшись оставшейся обработанной землей и выморочными усадьбами. Стремление к переселению в Сибирь в 1923 г. было невелико. Как и в дореволюционное время, в 1920-х гг. наблюдалось и обратное движение из Сибири в Европейскую Россию. Одной из главных причин переселения была невозможность приспособиться к условиям существования в Сибири и устроиться на новом месте. Причин обратного движения крестьян было много – это и политика новых автономных республик, которая приводила к ликвидации русских поселков; это и значительное внутреннее переселение в Сибири из северных таежных уездов в более плодородные минусинские и алтайские степи (таежные волости Мариинского уезда Томской губернии таким образом потеряли до 40% своего населения, а некоторые села выселились целиком); это и стремление крестьян вернуться на родину после голода 1921 г. [16, с. 97].

К этим причинам прибавлялась и борьба за землю между старожильцами и вновь прибывшими крестьянами. В информационном сводке ОГПУ по землеустройству за июнь – август 1926 г. сообщалось о борьбе различных социальных групп деревни вокруг землеустройства, которая осложнялась наличием розни между казачеством и иногородними в казачьих районах Северного Кавказа, Поволжья и Урала. Обостренный характер имели взаимоотношения на почве землепользования между новоселами и старожильцами в Сибири и на Дальнем Востоке [25, с. 443–444].

Невозможность для значительной части крестьян, пришедших из деревни в город на заработки, найти работу усиливало безработицу в городе. В 1924 г. Совет труда и обороны поручил Народному комиссариату рабоче-крестьянской

инспекции (НК РКК СССР) и НКЗ РСФСР «в срочном порядке» разработать систему мер по удержанию хотя бы в некоторой степени притока рабочей силы из деревни в город. XIV конференция РКП(б) в 1925 г. выдвинула в число важнейших задач постепенное изживание избыточного населения деревни. Применение значительных рабочих рук могло быть достигнуто за счет интенсификации сельского хозяйства, роста промышленности, развития кустарных и отхожих промыслов, облегчения условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной аренды земли, а также организацией переселения и широкой помощи маломощным крестьянским хозяйствам [5, с. 612]. Однако, большинство этих мер носило долгосрочный характер. Поэтому большевистское правительство рассматривало переселение крестьян как необходимую меру для преодоления отсталости сельского хозяйства. В 1927 г. Госплан намечал «путь максимальной интенсификации всех подходящих районов и широкой переселенческой политики в отношении ряда областей», а широкое применение машин было возможно лишь по мере «поглощения накопившегося за много лет избыточного населения деревни [21, л. 45–46]. Известный экономист, статистик и автор работ по переселенческому движению А. А. Кауфман не считал переселение в условиях малоземелья положительной мерой. По его мнению, переселение являлось симптомом кризиса экстенсивного земледелия, оно только затягивало кризис в сельском хозяйстве [12, с. 165].

Основной причиной переселения крестьян 1920-х гг. из Центрально-Черноземного региона так же, как и до революции, являлась земельная теснота, которая характеризовалась двумя основными признаками – избыточностью сельскохозяйственного труда, используемого в сельском хозяйстве, и крайне низкой доходностью сельского хозяйства. Октябрьский переворот 1917 г. внес огромные изменения в земельные отношения в ЦЧО. В связи с остротой земельного вопроса в перенаселенном регионе распределение земель в 1918 г. приняло характер «черного передела».

Однако, передел земли лишь в очень незначительной степени увеличил земельную обеспеченность крестьян. Аграрная революция дала дополнительно всего 0,38 дес. на одну душу крестьянского населения в Тамбовской губернии и 0,2 дес. – в Воронежской губернии. Возросшее дробление хозяйств и прирост крестьянского населения свели полученную прирезку земли почти на нет. Согласно налоговым сводкам по единому сельскохозяйственному налогу НКФ СССР за 1924/25 – 1927/28 гг., в Центрально-Земледельческом районе в среднем на одно хозяйство приходилось в 1924/25 г. 6,49 дес., в 1925/26 г. – 6,37 дес., в 1926/27 – 4,75 дес. и в 1927/28 – 6,41 дес. Такое количество земли могло обеспечить средней крестьянской семье полугодное существование. К тому же, колебания норм земельной обеспеченности крестьянских дворов были значительны не только в масштабе губер-

нии, но и по уездам. Например, в 1926 г. в Козловском уезде Тамбовской губернии крестьяне Богоявленской волости имели 0,9 дес. на едока, а в Волчковской – 1,55 дес., в Тамбовском уезде крестьяне Сысогорской волости имели 0,8 дес. на едока, а Каменской – 1,9 дес. [20, с. 137–138].

Уравнительный передел земли привел к хаосу в земельных отношениях, значительно увеличил недостатки, присущие деревне ЦЧО: чрезвычайную чересполосицу и многополосицу, огромное дальноземелье. Переделы земель в общинах происходили ежегодно, и на крестьянское хозяйство пагубно влияло временное землепользование, неопределенность и запутанность земельных отношений [20, с. 139].

По данным губернских земельных управлений, избыточный труд в сельском хозяйстве в середине 1920-х гг. имел впечатляющие размеры: Воронежская губерния – 400 000 человек, Курская – 230 019, Орловская – 137 979, Тамбовская – 469 650, всего – 2 362 219 человек [21, л. 129]. Комиссия, организованная Государственным колонизационным институтом и работавшая под руководством экономиста, профессора Л. И. Лубны-Герцык, при исчислении избыточного труда в сельском хозяйстве исходила из нормы в 4–5 дес. используемой сельскохозяйственной площади на одного полного работника. При норме в 4 дес. Комиссия определила степень использования труда по Центрально-Земледельческому району в 66,2%, а при норме в 5 дес. – 52,9%. При переводе в абсолютные количества не использованный в сельском хозяйстве труд для 1923 г. выражался величинами: 1864250 полных работников при норме в 4 дес. сельскохозяйственной площади на одного работника в переводе на взрослого мужчину и 2595018 полных работников при норме в 5 дес. Та же Комиссия приводила в своих трудах количество избыточного сельского населения и нуждавшихся в выходе в Центральном Черноземье, что показано в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в 1923 г. вероятное избыточное население Центрально-Черноземных губерниях превышало 2 809 527 человек, 1 699 185 человек должны были находить себе заработок вне земледелия, вероятно, стремились к выходу ежегодно 127 000 человек, а на перспективу десяти лет оно составило бы 1 270 000 человек.

Вторым признаком состояния аграрной перенаселенности являлся крайне низкий валовой доход от сельского хозяйства на душу населения. По бюджетным данным за 1923/24 г. валовой доход на душу сельскохозяйственного населения составлял 61,4 руб. в Воронежской губернии и 61,2 руб. – в Курской за 1925/26 г. Насколько ничтожен этот доход можно судить по следующим цифрам: в 1924/25 г. в Германии он составлял 142,7 руб., в Англии – 167,4 руб., в США – 213,4 руб. [1, л. 20 об.]. Косвенным показателем аграрного перенаселения области служат данные таблицы 2, показывающие, что Центрально-Черноземные губернии достигли такого уровня плот-

ности населения, который был сравним с соседними густонаселенными районами – Пензенской, Рязанской, Тульской, Калужской, Харьковской губерниями и УССР. Однако в отличие от этих районов, в Центральном Черноземье не было тех каналов оттока для избыточного сельского населения, которые имели Центрально-Промыш-

ленный район и Украина – развитую промышленность и интенсивные формы хозяйства.

О том же говорит и рост отхода на заработки сельского населения. В таблице 3 показано, сколько человек ушло на заработки с 1923 по 1926 гг.

Таблица 1
Избыточное население в Центрально-Черноземных губерниях в 1923 г. [1, л. 20]

Название губерний	Вероятное избыточное сельское население (душ обоего пола)	Из них душ обоего пола			
		Нуждаются в выходе на сторонние заработки ежегодно в среднем	Должны находить себе вне земледелия заработок в настоящее время	Вероятно, будут стремиться к выходу на переселение	
				В среднем ежегодно	В течение ближайшего десятилетия. Всего
Орловская	418474	260000	247000	25000	250000
Тамбовская	724295	300000	440792	30000	300000
Курская	982252	350000	598464	40000	400000
Воронежская	684506	300000	412929	32000	320000
Итого по ЦЧО	2809527	1200000	1699185	127000	1270000

Таблица 2
Плотность сельскохозяйственного населения на 1 кв. км [1, л. 21]

Губернии	Плотность сельскохозяйственного населения на 1 кв. км земли без лесов	Губернии	Плотность сельскохозяйственного населения на 1 кв. км земли без лесов
Воронежская	55,6	Калужская	69,0
Курская	69,8	Черниговская	59,1
Орловская	63,0	Харьковская	72,1
Тамбовская	62,0	Сталинградская	13,9
Пензенская	63,1	Саратовская	32,2
Рязанская	72,2	УССР	57,5
Тульская	64,9	Европейская часть РСФСР (без Северного Кавказа и Урала)	46,2

Таблица 3
Отход на заработки сельского населения в 1923–1926 гг. в сравнении с дореволюционным временем (душ обоего пола) [1, л. 21]

Губернии	До революции (в среднем в год)	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Курская	252503	38700	102600	115400
Тамбовская	263073	24200	82100	84900
Орловская	280410	8800	75600	119400
Воронежская	265770	22800	54400	57900

Как видно из данных таблицы 3, с 1923 по 1926 гг. количество отходников неуклонно росло, однако, их количество значительно отставало от довоенного уровня.

Голод 1924/25 г. в Центральном Черноземье, который можно сравнить по масштабу с голодом 1921 г., способствовал не только возрастанию волны переселений, но и бегству крестьян

в другие, более обеспеченные продовольствием губернии. В сводках информационного отдела ОГПУ от 20 марта 1925 г. о состоянии районов, охваченных недородом, сообщалось, что в виду голода и сильного обнищания дворов в Центральном Черноземье в массовом неорганизованном, стихийном порядке бедняки уходят на заработки, середняки же посылают ходоков найти землю для переселения на Дон, Кубань, Кавказ, в Поволжье и Сибирь [25, с. 293–295]. Уже в декабре 1924 г. Воронежское губернское земельное управление было вынуждено обратиться в НКЗ за разъяснением о том, продолжает ли действовать запрет на переселение из губернии или можно вновь его открыть. НКЗ разрешил начать частичное переселение по специальным ходатайствам [19, с. 30].

В тех же сводках ОГПУ от 25 мая 1925 г. сообщалось о том, что из Воронежской и Тамбовской губерний крестьяне выселялись в огромном количестве, до 500 дворов из волости, ликвиди-

руя свои хозяйства. Бедняки продавали последние пожитки. Однако, среди переселенцев было много зажиточных хозяйств. Крестьяне собирали деньги для отправки ходоков, искали покупателей на свое хозяйство. На железной дороге наблюдалось ежедневное скопление крестьянства [25, с. 323–324; 328–329].

При всей условности и приблизительности подсчетов избыточного сельскохозяйственного населения факт аграрного перенаселения области являлся бесспорным. Насколько важным был вопрос переселения из Центрального Черноземья до революции по сравнению с другими регионами Российской империи, показано в таблице 4.

Начиная с 1860 г. по 1914 г., Центрально-Земледельческий район давал самое большое количество переселенцев по сравнению с другими районами. Максимальное число переселенцев было в годы активного проведения столыпинской аграрной реформы, что показано в таблице 5.

Таблица 4
Количество переселенцев из различных районов Российской империи с 1860 по 1914 гг. [1, л. 21 об.]

Районы	Всего переселилось семейных переселенцев		
	с 1860 по 1897 г.	с 1860 по 1910 г.	с 1860 по 1914 г.
Из Центрально-Земледельческого	324072	854078	1046397
Западного	38750	437569	538324
Центрально-Промышленного	140470	235092	272770
Северо-Западного	20806	44366	52001
Итого	524098	1571105	1909492

Таблица 5
Максимальное количество переселенцев [1, л. 21 об.]

Губернии	Год	Число душ	За время с 1895 по 1914 в среднем уходило переселенцев (человек)
Орловская	1909	32047	9960
Тамбовская	1907	28045	11627
Курская	1909	72315	14721
Воронежская	1909	45499	13943

Таким образом, максимальное количество переселенцев из губерний Центрального Черноземья отмечено на пике столыпинских переселений: из Орловской, Курской и Воронежской – в 1909 г., из Тамбовской – в 1907 г. Если говорить о среднегодовом выходе крестьян за 20 лет до Первой мировой войны, то в среднем от 9 960 до 14 721 человек выезжало из Центрально-Черноземной области. В 1905–1914 гг. наибольшее количество переселенцев дали Орловская (104 тыс. крестьян), Воронежская (168 тыс.), Курская (165 тыс.), Тамбовская (106 тыс.) губернии [26, с. 39]. Даже в 1914 г. из Воронежской губернии переселилось 5300 человек, а из Тамбовской – 4300 [23, л. 19]. Трагические события революции 1917 г. и Гражданской войны фактически свели на нет этот переселенческий поток. С 1920 г. от-

мечено следующее количество переселенцев по Воронежской губернии, показывающее размер переселения по годам: в 1920 г. из Воронежской губернии переселилось 7 288 человек, в 1921 г. – 7 100, 1922 г. – 3519. За три года с 1925 по 1927 гг. в земельные органы поступило 75 625 заявок на переселение за пределы губернии, а разрешений было выдано в соответствии с представленным губернии за эти же годы переселенческим фондом на 24 740 душ, т.е. заявки были удовлетворены менее, чем на 30%. А в 1927/28 г. количество душ по заявкам на переселение только по двум уездам – Усманскому и Нижнедевицкому – превзошло количество предоставленных губернии разрешений – 9 400 [1, л. 21об.]. Аналогичная картина наблюдалась и в других губерниях Центрального Черноземья.

Возможности для крестьянского землепользования в изучаемом регионе были уже давно исчерпаны, а естественный прирост сельского населения составлял 240–250 000 в год. Промышленное развитие страны, интенсификация и индустриализация сельского хозяйства, производственное кооперирование и, в понимании большевистской власти, его коллективизация, являлись эффективными средствами ликвидации аграрной тесноты. По мере восстановления экономики в число неотложных мер входили вопросы, связанные с реконструкцией промышленности, а потом и с масштабной индустриализацией. В то время, если к 1925 г. промышленность показывала неплохие темпы восстановления, то сельскохозяйственное производство еще не достигло дореволюционного уровня. Черты отсталости крестьянского хозяйства особенно проявлялись в

Центральном Черноземье. Однако, большевистское правительство понимало, что проблемы в аграрном производстве представляют собой процессы длительного характера. Таким образом, по крайней мере, на ближайшие годы, оно не ожидало заметного снижения переселенческого движения. Наоборот, правительство предполагало, что в перспективе из Центрально-Черноземной области переселенческое движение будет увеличиваться. В связи с этим местные власти считали переселение главным фактором всей экономической политики и ставили ее на важнейшее место в практических мероприятиях. Однако, в реальной жизни оно не получило должного развития, что подтверждают отчеты о состоянии переселенческого дела за 1925–1928 гг., представленные в таблице 6.

Таблица 6

Итоги переселения 1925–1928 гг. [1, л. 22]

Годы	Предоставленный губерниям наряд в душ. долях	Зачислено участков на количество душ	Фактически переселилось человек
1925/26	35300	30607	11546
1926/27	49340	35597	9209
1927/28	34700	Результаты по зачислению участков и фактическому переселению за 1927/28 г. могли быть выявлены только к концу ходяческой и переселенческой кампании	

Вышеприведенные цифры показывают, что государственная помощь переселенческому движению возобновилась только с 1925 г., но в очень слабой степени, и имела тенденцию к сокращению, что подтверждается значительным расхождением между количеством зачисленных участков и количеством фактически переселяющихся. Главной причиной являлась крайне слабая работа по организации выхода переселенцев, прежде всего из-за недостатка обслуживающего персонала и его низкой профессиональной подготовки. Так, в ЦЧО при губернских земельных управлениях обслуживающий переселение персонал в 1925–1927 гг. состоял всего из 1–2 инструкторов. С 1928 г. им на помощь были приглашены для работы в уездах агенты по переселению: в Тамбовской – 5 человек, и в Курской – 3 человека. В условиях перенаселенности Центрально-Черноземной области, когда колонизационные мероприятия имели важное государственное значение, в Тамбовской губернии не было необходимо переселенческого аппарата [3, л. 8; 2, л. 14]. Так, например, если в 1924/25 г. из Тамбовской губернии выехало 586 хозяйств, то в 1925/26 г. – 443, а в 1926/27 г. – 245 [2, л. 190б.]. К 1928 г. из Тамбовской губернии было переселено в другие губернии всего 1 324 крестьянских хозяйства с 7656 едоками, когда только в 1926 г. избыточное население в губернии составляло 20 000 хозяйств с 120 000 едоками [2, л. 40б.; 4, л. 78]. Недоверчивое отношение тамбовских крестьян к переселенческой политике, проводимой местной властью, явствует из доклада старшего инспекто-

ра губернской Рабоче-Крестьянской инспекции от 28 апреля 1928 г.: «Заявок от населения по переселению за последние 3 года было либо недостаточно, либо совсем их не было» [2, л. 14; 1, л. 220б.].

Что касается финансирования, то в 1927/28 г. переселенческий фонд в ассигнованиях госбюджета РСФСР составлял 27 млн. руб. Для ЦЧО в 1927/28 г. на содержание оперативного персонала и другие расходы, связанные с переселением по госбюджету, были отпущены незначительные суммы: в Воронежской губернии – 5 000 руб., в Тамбовской – 5 500 руб., в Орловской – 3 750 руб. и в Курской – 5 500 руб., всего – 19 750 руб. С 1925 по 1927 гг. на кредитование переселенческих мероприятий также выделялись некоторые суммы, но из-за неудовлетворительной организации выхода переселенцев, они либо не были использованы, либо использовались только частично. В 1928 г. правительство не оказывало никакой кредитной помощи переселенцам в районах выхода [22, л. 40; 1, л. 220б.].

Таким образом, переселенческая политика за пределы Центрально-Черноземной области не получила должного развития и не соответствовало возрастающему спросу крестьянства на переселение, а также потребности в нем многих районов области. Такая ситуация не соответствовала постановлению ЦИК и СНК СССР от 9 февраля 1928 г., в котором задача в районах выхода переселенцев была сформулирована следующим образом: «Переселение является следствием разгрузки перенаселенных районов в целях улуч-

шения хозяйств оставшегося в них населения» [1, л. 22об.].

Далеко не каждая семья могла переехать на новое место. Была необходима хорошая обеспеченность не только рабочей силой, но и материальными средствами. 1 400 руб. для переселяющихся хозяйств в Поволжье и 900 руб. – для переселяющихся в другие районы СССР. Народный комиссариат Земледелия снизил эти суммы до 900 руб. для переселенцев в Поволжье и до 700 руб. для переселения в другие районы [24, с. 145]. Середняцкое хозяйство в порядке ликвидации своего имущества даже по высоким ценам не могло получить таких средств.

По мнению местных властей, для устройства хозяйства в Сибири и на Урале требовалось не менее 700–800 руб., а на Дальнем Востоке, где все было дороже, особенно рабочий скот, не меньше 1 000–1 200 руб. К переселению стремились главным образом, середнячки и беднячки хозяйства, зажиточные же, экономически крепкие, – в виде исключения. Поэтому основной причиной, задерживающей переселение, являлась недостаточная материальная обеспеченность. Очень часто запланировавшим переезд крестьянам не удавалось ликвидировать на месте свое хозяйство на приемлемых условиях. Это, с одной стороны. А с другой стороны, предоставленное ЦИК и СНК СССР от 9 февраля 1928 г. переселенцам право сдавать оставляемую на родине землю в аренду на 6 лет в действительности не применялось. Крестьяне-соседи в местах выхода переселенцев брали землю в аренду не более, чем на 2 года, в большинстве же случаев – на год. При таких условиях выгода выселенцев от сданной в аренду земли была невелика. Арендатор в любом случае, с кем бы аренда земли не заключалась, попадал в высшую группу при обложении налогом. Еще одной причиной, задерживающей переселение, являлась отрицательная характеристика ходаками, посылаемыми предварительно для осмотра участков в районы водворения, которые говорили о трудности освоения нового места поселения. И, наконец, у переселенцев были большие сложности с ликвидацией имущества и сдачей земли в аренду, еще и потому, что нередко зажиточные крестьяне в деревне, пользуясь затруднительным положением отбывающего, предлагали низкую цену за имущество [1, л. 23–23об.].

Руководители ЦЧО понимали, что государственная переселенческая политика в определенной степени поможет преодолеть отсталость региона. Они предлагали рассматривать переселение крестьян из области не только как самоцель, но и в комплексе задач по преодолению хозяйственной и культурной отсталости региона. В октябре 1928 г. первый секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкис определил принципы такой работы: 1) строгое соблюдение гнездовой системы переселения и полная увязка переселенческой работы с системой других мероприятий по оздоровлению сельского хозяйства, 2) не случайный, а тщательный подбор переселенцев,

который обеспечивал бы максимум выполнения плана по переселению, 3) организация переселенцев в здоровые переселенческие кооперативные объединения, 4) хорошая постановка информационной работы по вопросам переселения среди интересующихся крестьян, 5) оказание помощи переселяющимся при ликвидации имущества и сдаче земли в аренду путем создания специального фонда по кредитованию этих операций, 6) надлежащий учет переселенческого движения и 7) увязка работы с районами водворения переселенцев.

Такая работа предполагала не только количественные, но и качественные изменения в постановке переселенческого дела. Прежде всего, был необходим соответствующий рабочий аппарат, укомплектованный постоянными кадрами необходимой квалификации, а не временными и случайными людьми, каковыми являлись агенты по переселению. Для эффективной помощи переселенцам были необходимы изменения соответствующих законодательных норм по урегулированию вопроса со сдачей земли в аренду, привлечение к работе сельскохозяйственной кооперации по объединению переселенцев в специальные переселенческие товарищества, создание специального фонда по кредитованию переселенческих мероприятий [1, л. 23об.].

По мнению областных руководителей, самой важной причиной, задерживающей переселение, было отсутствие кредитования таких хозяйств в местах выхода. Они предлагали выдавать банковские ссуды земельным обществам на выплату арендных сумм переселенцам за оставляемую ими землю. Земельному обществу, в распоряжение которого поступала бы земля переселенцев, не трудно было бы рассчитаться с государством за предоставленный кредит, так как необходимую сумму в порядке сдачи земли в аренду земельное общество легко могло бы выручить. В таких условиях переселенческая семья смогла бы полностью и сразу при выезде получить арендную сумму денег при сроке аренды до 6 лет, и эта сумма составила бы заметную величину. При таких условиях земля переселенцев с большей вероятностью попадала бы не к «кулацким элементам деревни», как это обычно бывало, а к крестьянам, которые в ней действительно нуждались. Государство могло бы регулировать арендные отношения в земельном обществе, руководствуясь определенными, установленными законами. Таким образом, земельные общества, которые смогли бы тоже получить выгоду от переселения, фактически были бы привлечены к делу оказания помощи переселяющимся, чего до сих пор достичь советской власти не удавалось. По мнению И. М. Варейкиса, выдача банковских ссуд бедняцкому и середняцкому населению на приобретение у переселенцев имущества, могла оказать значительную материальную помощь непосредственно переселенцам, поскольку именно с ликвидацией своего имущества на старом месте крестьяне больше всего встречали трудностей. Ведь именно неприемлемые условия продажи имуще-

ства нередко являлись причиной отказа крестьян от переселения на новые участки [1, л. 24].

Однако, во второй половине 1920-х гг., с переходом к индустриализации, средств для государственной помощи сельскому хозяйству становилось все меньше. Переселенческие фонды сокращались. Центральные власти, а за ними и областные, все чаще ставили вопрос о кооперировании крестьянских хозяйств. В условиях сокращения материальной помощи переселенцам власти рассматривали кооперирование переселенцев и переселение крупными объединениями как необходимое условие для лучшей «приживаемости» в новых местах водворения. Однако, по официальным данным, количество переселенцев из ЦЧО, объединенных в товарищества, сокращалось: в 1925/26 г. их было 3 478 человек, а в 1926/27 – 2932 человека, так же, как и сокращалось количество переселенцев, не объединенных в товарищества: в 1926/26 г. – 8 068 человек, а в 1926/27 – 6 277 человек. Власти были заинтересованы в большей степени кооперировать маломощные переселенческие хозяйства на новых местах. Таким переселенцам власти давали целый ряд льгот и преимуществ. С 1929 г. работе по организации переселенческих коллективов уделялось больше внимания. Согласно распоряжению Наркомата земледелия, в 1929 г. планировалось подготовить специально для переселенческих коллективных объединений не менее 10% от всей площади, намеченной к отводу в колонизационный фонд. Таким образом, на первый план выходила координированная работа по организации бедняцких хозяйств в районах выхода [1, л. 24об.].

Сложность работы по организации выхода целых коллективов среди крестьянского населения требовала от власти усиления переселенческого аппарата хорошими, квалифицированными, опытными организаторами переселенческого дела непосредственно в округах. Со второй половины 1929 г. льготное переселение крестьян-единоличников было отменено. Государство финансировало только колхозное переселение. В 1930 г. в Сибирь прибыл 14 421 колхозник-переселенец [16, с. 126]. В конце 1929 г. в связи с разорительными налогами в ряде районов Сибири среди кулаков усиливались настроения за свертывание хозяйства и стремление к переселению в необжитые места, где они могли выйти из поля зрения финансовых органов. В Барнаульском округе крестьяне заявляли: «Нужно отсюда убраться, здесь нам житья не будет, все будут давить индивидуальным налогом, в новом же месте нас знать никто не будет» [25, с. 988]. С переходом к насильственной коллективизации проблема аграрного перенаселения снималась с повестки дня.

Несмотря на то, что нэповский период переселения был недолгим, государство предоставляло крестьянам определенные льготы. За проезд по железной дороге с ходоков и переселенцев взималась только четверть стоимости билета, переселенческую кладь или имущество можно было перевозить по льготному переселенческому тари-

фу. Переселенцы в районах водворения освобождались от сельскохозяйственного налога от 1 до 5 лет в зависимости от трудности освоения участков, членам семей переселенцев предоставляли отсрочки по отбыванию воинской повинности сроком от 1 до 3 лет. Кроме того, переселенцам выдавались ссуды: в районах Поволжья, Урала, Сибири средний размер ссуды был установлен в 300 руб., а на Дальнем Востоке – 400 руб. на семью. Ссуды выдавались на сроки от 10 до 15 лет. Кооперированным переселенцам государство дополнительно предоставляло целый ряд льгот. Они получали ссуды, снабжались сельскохозяйственными машинами за счет ссудного кредита, улучшенными сортовыми семенами. Кроме обычных льгот, кооперативные объединения могли получать дополнительные ссуды на так называемые общепользные надобности – исправление дорог, устройство мостов, постройку заводов, мельниц и т.д. [1, л. 25].

В Центрально-Черноземной области разрешалось и внутригубернское переселение. Допускалось переселение из северных уездов Воронежской губернии в южные, где для этой цели из государственного земельного запаса были выделены незначительные площади – до 10 тыс. десятин. Переселенцы из северных уездов смогли занять около половины этой площади, а другая половина была «забронирована государством» в связи с вопросом организации первых советских хозяйств. Таким образом, внутригубернское переселение было приостановлено [1, л. 25–25об.].

Областное земельное управление располагало скудными сведениями о том, в какие районы переселялись крестьяне Центрального Черноземья. Данными о переселении из Воронежской губернии за период 1906–1914 гг. располагали бывшие губернии и области, куда шли переселенцы Воронежской губернии. Перечислим этот ряд в нисходящей последовательности: Томская (ее часть – бывший Алтайский округ), Акмолинская, Семиреченская, Тургайская, Сыр-Дарьинская, Семипалатинская, Тобольская, Амурская, Енисейская, Приморская, Оренбургская.

Как распределялся по районам водворения за три года нэпа переселенческий поток, приходящий на ЦЧО, показывают данные таблицы 7.

Из таблицы видно, что наибольший поток переселенцев приходился на 1926/27 г. Также как и до революции, переселенцы из Центрального Черноземья ехали в Сибирь, на Дальний Восток, Урал, прекратилось переселение в Среднюю Азию, прибавилось Поволжье. Среди переселенцев 1925–1927 гг. возвратившихся на родину было исключительно мало, что свидетельствовало об удовлетворительных условиях оседания на новом месте. Например, обеспеченность землей переселенцев Воронежской губернии на новом месте значительно превышала такую на родине: средний размер душевых долей в Сибири – 4–7,5 дес., на Дальнем Востоке – 5–8 дес., на Урале – 7–9 дес., а в Поволжье – 40–100 дес. на двор [19, с. 38].

Таблица 7

Районы переселения крестьян Центрального Черноземья в 1925–1928 гг. [1, л. 25 об.]

Районы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Всего за 3 года
Сибирь	12800	20340	17300	50440
Дальний Восток	7000	12000	11000	30000
Уральская Область	9500	11000	3500	24000
Поволжье	6000	6000	2000	14000
Всего	35300	49340	33800	118440

До революции переселение имело важное значение в росте производительных сил заселяемых территорий. Так, экономика Сибири за 30 лет перед Первой мировой войной изменилась до неузнаваемости. В частности, вывоз масла за эти годы увеличился с 400 000 пудов в 1890 г. до 5 млн пудов, Сибирская железная дорога из убыточной вначале превратилась в доходную, давшую в 1912 г. 13,4 млн руб. чистого дохода, превысив на 1,5 млн руб. доходность бывшей Николаевской железной дороги. За одно пятилетие с 1906 по 1910 гг. 30 млн десятин почти пустынной земли было вовлечено в хозяйственный оборот, в результате чего возрастание численности скота и площади посевов за Уралом за предвоенное пятилетие более, чем вдвое превысило рост населения. Вывоз сырья из одной только Западной Сибири достиг перед войной суммы 100 млн пудов. Таким образом, роль переселенцев заключалась не только в том, что они были призваны смягчить аграрную перенаселенность некоторых районов Европейской части СССР, но и в том, чтобы «вызвать из экономического небытия» богатейшие природными ресурсами окраины СССР. Трудно было определить, каким регионам России переселение больше принесло пользы: расселяемому ли Центру или заселяемым окраинам, но одно несомненно, что его общероссийская значимость измерялась суммой этих величин [1, л. 25–26 об.].

Таким образом, после гигантских переселенческих потоков из Центрального Черноземья в годы столыпинской аграрной реформы, движение крестьян с 1914–1921 гг., в годы Первой мировой войны, революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны практически прекратилось. С 1921 по 1924 г. переселение крестьян было самовольным, поскольку оно было запрещено пра-

вительством из-за разрухи и запустения хозяйства в центральных губерниях России. Главной причиной переселения крестьян 1920-х гг., как и до 1917 г., было малоземелье, однако в 1920-е гг. к ней добавились такие, как: не оправдавшая надежды прибавка земли после 1917 г., усилившиеся недостатки землепользования и запутанность земельных отношений, присущие деревне ЦЧО. В 1924 г. крестьяне уезжали из Центрального Черноземья из-за крайне бедственного положения вследствие голода, полного неурожая хлебов и окончательного разрушения хозяйства.

Начало государственного финансирования переселенческого движения индивидуальных крестьянских хозяйств совпадает с относительным восстановлением сельского хозяйства в 1925 г. и заканчивается в 1929 г. в связи с переходом к насильственной коллективизации. Количество переселенцев 1920-х гг. значительно отставало от дореволюционного времени. Из-за слабого государственного финансирования, местные органы власти не могли удовлетворить даже минимальный спрос крестьян на переселение. Руководители ЦЧО рассматривали переселенческую политику как основное средство преодоления хозяйственной отсталости и бедности региона. Они понимали всю сложность переселенческой работы, определяли пути совершенствования переселенческого дела, однако располагали ограниченными ресурсами. В конце 1920-х гг. сталинское руководство все больше поддерживало коллективные хозяйства, делая на них ставку в аграрном производстве. Со второй половины 1929 г. льготное переселение крестьян-единоличников было отменено, государство финансировало только колхозное переселение, выгодное государству, а добровольное переселение индивидуальных крестьянских хозяйств прекратилось.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110.
2. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 5680.
3. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 4002.
4. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 4020.
5. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 863 с.
6. Дьячков В. Л., Канищев В. В. Соотношение принудительной и добровольной миграции сельского населения Тамбовской области в 1920–1990-е гг. // Вестник Тамбовского государственного университета, выпуск 8 (100), 2011. С. 340–345.

7. Есиков С. А. Переселения тамбовского крестьянства как средство преодоления аграрного переселения (1860–1820-е гг.) // Проблемы исторической демографии и исторической демографии Центрального Черноземья. Москва; Курск: [б.и.], 1994. С. 142–149.
8. Жиров Н. А. Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда как источник по изучению стольпинской переселенческой политики в начале XX в. // История: факты и символы. 2016. № 4 (9). С. 139–144.
9. Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: [б.и.], 2007. 170 с.
10. Иноземцев И. В. Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861–1914 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж: [б.и.] 2005. 24 с.
11. Канищев В. В., Иванов Д. П. Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011, выпуск 1 (93). С. 309–319.
12. Кауфман А. А. Автобиография / А. А. Кауфман; публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 1. С. 151–180.
13. Курцев А. Н. Особенности переселений российского крестьянства за 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. 10 (66). С. 303–309.
14. Курцев А. Н. Переселенчество и отходничество крестьян Центрально-Черноземных губерний в 1861–1917 гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. №4 (84). С. 44–52.
15. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М.: Плановое хозяйство, 1926. 124 с.
16. Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 87–141.
17. Моисеенко В. М. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 2. С. 122–146.
18. Моисеенко В. М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3. С. 51–62.
19. Небольсин А. Н. Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии / под ред. и с предисл. А. Н. Татарчукова. Воронеж: Воронежская Коммуна, 1928. 46 с.
20. Петришина И. Д. Индивидуальное крестьянское хозяйство Центрального Черноземья в годы нэпа (1921–1929 гг.) (По материалам Воронежской и Тамбовской губерний. Дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 242 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 278.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 336.
23. Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3719.
24. Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции // Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области / под ред. А. Н. Татарчукова. Воронеж: 5-я Государственная типо-литография «Донполиграфбума», 1926. С. 107–158.
25. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 1168 с.
26. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и стольпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
27. Чуркин М. К. Переселенческие крестьянские хозяйства черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX века – начало XX века): экономическое состояние и адаптивные возможности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 175–183.
28. Чуркин М. К. Регион-«донор» – регион-«реципиент»: природно-географический фактор и его влияние на крестьянское хозяйство в местах выхода и водворения переселенцев черноземного центра России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 56–65.

References

1. The State Archive of the Social and Political History of the Voronezh Region. F. 2. Inv. 1. D. 110.
2. The State Archive of the Tambov Region (GATO). F. R-946. Inv. 1. D. 5680.
3. GATO. F. R-946. Inv. 1. D. 4002.
4. GATO. F. R-946. Inv. 1. D. 4020.
5. Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke (*The history of the peasantry of Russia in the XX century*). Part 1. Moscow: ROSSPEN publ., 2011. 863 p.
6. D'yachkov V. L., Kanishchev V. V. Sootnoshenie prinuditel'noi i dobrovol'noi migratsii sel'skogo naseleniya Tambovskoi oblasti v 1920–1990-e gg. (*The ratio of forced and voluntary migration of the rural population of the Tambov region in the 1920–1990*) // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 8 (100), 2011. P. 340–345.
7. Esikov S. A. Pereseleniya tambovskogo krest'yanstva kak sredstvo preodoleniya agrarnogo pereseleniya (1860–1820-e gg.) (*Resettlement of the Tambov peasantry as a means of overcoming agrarian resettlement (1860–1820s)*) // Problemy istoricheskoi demografii i istoricheskoi demografii Tsentral'nogo Chernozem'ya. Moscow; Kursk, 1994. P. 142–149.
8. Zhirov N. A. Otchet upolnomochennogo gubernskogo zemstva Pozdnyakova N. N. o poezdke v Zapadnyu Sibir' dlya oznakomleniya s zemlyami kolonizatsionnogo fonda kak istochnik po izucheniyu stolypinskoj pereselencheskoj politiki v nachale XX v. (*Report of the authorized provincial zemstvo Pozdnyakova N.N. about a trip to Western Siberia to get acquainted with the lands of the colonization fund as a source for studying the Stolypin resettlement policy in the early twentieth century*) // Istoriya: fakty i simvol'y. 2016. No. 4 (9). P. 139–144.

9. Il'nykh V. A., Nozdryn G. A. Sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1890–1920-e gg. (*Agriculture of Siberia in the 1890s – 1920s*). Novosibirsk, 2007. 170 p.
10. Inozemtsev I. V. Migratsii krest'yan Voronezhskoi gubernii v 1861–1914 gg. (*Migrations of peasants of the Voronezh province in 1861–1914*): abstract of thesis. Voronezh, 2005. 24 p.
11. Kanishchev V. V., Ivanov D. P. Izmeneniya paradigmy migratsionnogo povedeniya tambovskogo krest'yanstva v XX v. (*Changes in the paradigm of migration behavior of the Tambov peasantry in the XX century*) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Series: gumanitarnye nauki. 2011. Issue 1 (93). P. 309–319.
12. Kaufman A. A. Avtobiografiya (*Autobiography*) // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2015. Vol. 16. No.1. P. 151–180.
13. Kurtsev A. N. Osobennosti pereselenii rossiiskogo krest'yanstva za 1861–1917 gg. na primere Tsentral'no-Chernozemnogo regiona (*Features of the resettlement of the Russian peasantry for 1861 – 1917 by the example of the Central Black Earth region*) // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. No. 10 (66). P. 303–309.
14. Kurtsev A. N. Pereselenchestvo i otkhodnichestvo krest'yan Tsentral'no-Chernozemnykh gubernii v 1861–1917 gg. (*Migration and otkhodnichestvo of peasants of the Central Black Earth provinces in 1861–1917*) // Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2012. No. 4 (84). P. 44–52.
15. Lubny-Gertsyk L. I. Dvizhenie naseleniya na territorii SSSR za vremya mirovoi voyny i revolyutsii. (*The movement of the population in the USSR during World War II and the revolution*). Moscow: Planovoe khozyaistvo publ., 1926. 124 p.
16. Moiseenko V. M. Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (Iz istorii migratsii v Rossii) (*Peasant resettlement in the 1920s (From the history of migration in Russia)*) // Demograficheskoe obozrenie. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 87–141.
17. Moiseenko V. M. Migratsiya iz sel'skoi mestnosti v gorodskie poseleniya v SSSR v 1920-e gody (*Migration from rural areas to urban settlements in the USSR in the 1920s*) // Demograficheskoe obozrenie. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 122–146.
18. Moiseenko V. M. Otkhod sel'skogo naseleniya na zarabotki v SSSR v 1920-e gody (*The departure of the rural population to earn money in the USSR in the 1920s*) // Narodonaselenie. 2017. No. 3. P. 51–62.
19. Nebol'sin A. N. Pereselencheskoe dvizhenie krest'yan iz Voronezhskoi gubernii (*Migration movement of peasants from the Voronezh province*) / ed by A. N. Tatarchukova. Voronezh: Voronezhskaya Kommuna publ., 1928. 46 p.
20. Petrishina I. D. Individual'noe krest'yanskoe khozyaistvo Tsentral'nogo Chernozem'ya v gody nepa (1921–1929 gg.) (*Po materialam Voronezhskoi i Tambovskoi gubernii (Individual peasant farming of the Central Black Earth Region during the years of NEP (1921–1929)*) (Based on materials from the Voronezh and Tambov provinces): thesis. Voronezh, 2005. 242 p.
21. The Russian State Archive of Social and Political History. (RGASPI). F. 17. Inv. 85. D. 278.
22. RGASPI. F. 17. Inv. 85. D. 336.
23. Russian State Archive of Economics. F. 478. Inv. 5. D. 3719.
24. Sazonov K. N. Zemlepol'zovanie i zemleustroistvo v Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti posle revolyutsii (*Land use and land management in the Central Black Earth region after the revolution*) // Materialy po izucheniyu voprosa o vosstanovlenii khozyaistva Tsentral'no-Chernozemnoi oblasti / ed by A. N. Tatarchukov. Voronezh: Donpoligrafbuma publ., 1926. P. 107–158.
25. Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD. (*The Soviet village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD*) 1918–1939. Vol. 2. 1923–1929 / ed by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN publ., 2000. 1168 p.
26. Tyukavkin V. G. Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma. (*The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform*). Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli publ., 2001. 304 p.
27. Churkin M. K. Pereselencheskie krest'yanskie khozyaistva chernozemnogo tsentra v Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – nachalo XX veka): ekonomicheskoe sostoyanie i adaptivnye vozmozhnosti (*Migrant peasant farms of the chernozem center in Western Siberia (second half of the 19th century – the beginning of the 20th century): economic status and adaptive opportunities*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 429. P. 175–183.
28. Churkin M. K. Region-«donor» – region-«retsipient»: prirodno-geograficheskii faktor i ego vliyanie na krest'yanskoe khozyaistvo v mestakh vykhoda i vodvorenii pereselentsev chernozemnogo tsentra Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (*Region-“donor” – region-“recipient”: natural-geographical factor and its influence on the peasant economy at the places of exit and placement of immigrants of the chernozem center of Russia (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)*) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. No. 2 (10). P. 56–65.

Сведения об авторе

Петришина Ирина Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) / petrishina62@mail.ru

Information about the author

Petrishina Irina – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk) / petrishina62@mail.ru

УДК 930.2

И. С. Тахушева

РОССИЙСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XIX в. В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК»)

В статье рассмотрена проблема репрезентации истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической прессе России XIX в. Руководители и сотрудники центрального дореволюционного периодического издания «Современника» – В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский стремились формировать демократическое сознание у широких слоев российской общественности. По мнению автора, сила и историческая ценность демократических органов печати определяется их постоянным вниманием к истории горских народов Кавказа, поддержкой национально-освободительной борьбы горского социума. В демократической прессе история народов Северного Кавказа освещалась не однолинейно, а многопланово. Усилия по сбору и публикации злободневной для столичного и провинциального читателя информации о военном, экономическом, политическом, научном, литературном освоении Кавказа позволили журналу занять ведущее место в общероссийском масштабе.

Публицистическая деятельность редакционной коллегии «Современника» способствовала не только сбору, анализу и трансляции актуальной информации о повседневной жизни горцев Кавказа, их традициях и

обычаях, ментальных особенностях, политике правительства в регионе, формах и методах интеграции Кавказа в состав России, но и содействовала сохранению исторических источников.

Автором ставится концептуальный вопрос о видовой принадлежности материалов периодической печати. На основе публикаций о Кавказе в «Современнике» автор обосновывается теория изучения периодической печати как историографического источника.

Во-первых, материалы периодической печати по истории народов Северного Кавказа позволяют увидеть историографический процесс в полном объеме.

Во-вторых, периодическая печать доводит до сведения исследователя ранее других источников существующие концепции, взгляды, мнения, достижения исторической науки и указывает на пробелы в её развитии. Она является для историографа показателем состояния исторического знания.

Автором особо подчеркивается, что журнальные статьи должны интенсивнее включаться в исследовательские практики историографов Северного Кавказа.

Ключевые слова: «Современник», журнал, периодическая печать, исторический источник, историографический источник, Кавказ.

Inna Takhusheva

RUSSIAN PERIODIC EDITIONS OF THE 19TH CENTURY IN THE HISTORIOGRAPHIC SPACE OF THE NORTH CAUCASUS (ACCORDING TO THE MATERIALS OF “SOVREMENNİK”)

The article considers the problem of representing the history of the peoples of the North Caucasus in the democratic press of Russia in the 19th century. Managers and employees of the central pre-revolutionary periodical “Sovremennik” – V. G. Belinsky, N. A. Nekrasov, M. E. Saltykov-Shchedrin, N. A. Dobrolyubov, N. G. Chernyshevsky sought to form a democratic consciousness among wide sections of the Russian public. According to the author, the strength and historical value of the democratic press is determined by their constant attention to the history of the mountain peoples of the Caucasus, support for the national liberation struggle of the mountain society. In the democratic press, the history of the peoples of the North Caucasus was covered not multilinearly, but multifacetedly. The efforts to collect and publish topical information for the capital and provincial readers on the military, economic, political, scientific, literary development of the Caucasus allowed the journal to take a leading place on a national scale.

The journalistic activities of the «Sovremennik» editorial board contributed not only to the collection, analysis and

broadcast of relevant information about the daily life of the highlanders of the Caucasus, their traditions and customs, mental characteristics, government policies in the region, the forms and methods of integrating the Caucasus into Russia, but also helped preserve historical sources.

The author poses a conceptual question about the species affiliation of periodicals. On the basis of publications about the Caucasus in “Sovremennik”, the author substantiates the theory of the study of periodicals as a historiographic source.

Firstly, the materials of the periodical press on the history of the peoples of the North Caucasus make it possible to see the historiographic process in full.

Secondly, the periodical press brings to the attention of the researcher earlier than other sources the existing concepts, views, opinions, achievements of historical science and indicates gaps in its development. It is for the historiographer an indicator of the state of historical knowledge.

The author emphasizes that journal articles should be more actively included in the research practices of historiographers of the North Caucasus.

В современном кавказоведении, на наш взгляд, недостаточно полно используются материалы периодической печати. Между тем, публикации в периодических изданиях являются надежным репрезентативным историческим и историографическим источником.

Установление объекта исследования заставляет обратиться к теоретической составляющей стержневого понятия «историографический источник». Учитывая разнообразие понятийно-категориального инструментария исследований у методологов науки, попытаемся сформулировать обозначенную дефиницию. По нашему мнению, историографическим источником можно считать исторический источник, который детерминируется предметом историографии и содержит информацию, которая значима и существенна для понимания процесса развития исторической науки. То есть, мы отстаиваем расширительный аспект толкования понятия и солидаризируемся с Е. Н. Городецким, утверждавшим, что к историографическим источникам можно отнести и те, которые непосредственно не содержат в себе адресной информации по истории науки, но отражают «макроклимат», общественную атмосферу изучаемой эпохи [8, с. 118–121].

Вполне справедливо, с нашей точки зрения, в градацию историографических источников можно включить периодическую печать: журналы, газеты, реферативные и информационные обзоры, научные бюллетени и др. Так как эти материалы раньше других источников сообщают исследователям существующие концепции, взгляды, мнения, достижения исторической науки и обозначают лакуны в её развитии. Они являются для историографов показателем состояния исторического знания [13, с. 131]. По мнению историографа М. П. Мохначевой, публикация исторической информации в периодической печати уже в достаточной степени объективно характеризует историческое сознание на персональном и групповом уровнях, рефлектирует состояние исторической науки и исторического знания [27, с. 9].

Особую ценность приобретают публикуемые в периодике библиографические обзоры, перечни литературных новинок, рецензионные статьи и отклики на них авторов и редколлегии. Во-первых, библиография – это, – как выразился историограф А. И. Зевелев, своеобразный проводник в стартовом пути историографа [13, с. 131]. Во-вторых, рецензии и отзывы способствуют установлению отношения научной общественности к публикуемому труду и противостоянию суждений вокруг последнего. В-третьих, грамотная и компетентная рецензия не только пересказывает основное содержание опубликованного труда, но может включать способ решения выдвинутой в нем проблемы.

Key words: «Sovremennik», journal, periodicals, historical source, historiographic source, Caucasus.

Логика рассуждений, таким образом, приводит к мысли, что периодическая печать – неисчерпаемый источник, транслирующий разнообразную по жанру и тематике информацию. При этом все статьи целенаправленно подобраны и поданы, полифоничны, хорошо сохранились, систематичны. Хотелось бы указать научной общественности на важность и значимость интерпретации этого элемента отечественной историографии. Представляется, что поиск и введение в научное обращение принципиально новых видов источников, а также теоретико-методологическое исследование их эвристических потенций, всегда будут актуальны.

Анализ публицистической деятельности столичного, передового журнала «Современник» (1836–1866) дает возможность увидеть насущные проблемы прошлого народов Северного Кавказа и выявить до сих пор неразработанный комплекс источников. Кроме того, нельзя упускать из внимания, что, исходя из политической конъюнктуры Российской империи XIX в., редакции журналов имплицитно выражали свое отношение к узловым проблемам страны, в том числе к центральному событию северокавказской истории – Кавказской войне, что требует серьезного анализа [23, с. 65].

Журнальные страницы сохранили ценные сведения по истории, этнографии, археологии, религиозным верованиям народов Кавказа. Масштабную работу по ознакомлению российской читающей публики с далеким Кавказом проделал некрасовский «Современник». В научной аналитике отмечалось, что редколлегии при отборе материала руководствуются определенными идеями и целями. Из чего же исходила редакция «Современника», публикуя кавказоведческие материалы?

Во-первых, в журнале в 1840–1850-е гг. нашли практическое воплощение демократические взгляды В.Г. Белинского, ведущего сотрудника «Современника», выступавшего за развитие дружеских взаимоотношений народов России, за изучение и освоение созданных им культурных ценностей, за то, чтобы русские писатели создавали произведения, «которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России» [2, с. 377].

В соответствии с этим вектором работы редакции, в фокус внимания «Современника» попали труды о путешествии выдающегося хирурга Н. И. Пирогова на Кавказ [30, с. 168–170], путешественника С.А. Токарева на снеговой хребет Северо-Западной цепи Кавказа [34, с. 1–24], медицинской деятельности И. Е. Дроздова на Кавказских Минеральных Водах [11, с. 1–60]. Помимо зарисовок медицинских, И. Е. Дроздов подробно осветил систему управления на КМВ, расписав в

двадцати пунктах меры, предпринятые в 1846 г. по улучшению инфраструктуры и организации управления, что повлияло, по нашему мнению, на публикацию его рукописей.

В. Г. Белинский, обозначивший в своих публикациях широкий круг интересов периодики, несомненно, стал зачинателем кавказской тематики в некрасовском «Современнике». Взгляды критика на проблемы русско-кавказских взаимоотношений стали основополагающими при отборе художественных произведений о регионе и откликов на события культурной жизни Кавказа.

В журнале были напечатаны этнографические очерки русского писателя и этнографа В. И. Даля «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих» [9, с. 5–48], дававшие читающей аудитории представление о сложных межэтнических взаимоотношениях северокавказских народов. В свою очередь, рассказы старшего брата Л. Н. Толстого Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе» [35, с. 169–232] отражали характерные этноспецифические особенности образа жизни горцев Кавказа (национальная одежда, жилище, пища, домашняя утварь и др.). На основе таких произведений русских офицеров, проходивших службу на Кавказе, удовлетворялась потребность российской аудитории в осмыслении кавказских реалий.

Большая роль в развитии русско-кавказских культурных связей принадлежала критическому отделу, который боролся с поверхностным описанием кавказской действительности, стремился к пропаганде достижений отечественного и зарубежного востоковедения, этнографических исследований о Кавказе [1, с. 104]. В. Г. Белинский, а в последующем Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, в совершенстве исполняли возложенные на них функции и давали в печать объемные библиографические обзоры и серьезные рецензии. В процессе поиска кавказоведческих материалов, нами выявлено более 20 заметок и рецензий о Кавказском регионе, что позволяет утверждать о существенном вкладе редакции «Современника» в становление отечественного кавказоведения.

Критические статьи отдела мы рассматриваем в нескольких тематических группах: а) рецензии на периодические издания, в частности газеты «Кавказ» [3], ежегодника «Кавказский календарь» за 1851 [16], 1852 [17], 1853 [18], 1854 [19], 1855 [20] гг.; б) анализ путевых очерков (труды ориенталиста И.Н. Березина [4], барона А. Гакстаузена [12]); в) рецензии на труды о быте и жизнедеятельности горского социума (работы М. Селезнева [33], П. Л. Пикулина [31], О. И. Константинова [37], Е. А. Вердеревского [38], Н. Ф. Торнау [36]).

Появление в Тифлисе в 1846 г. по инициативе наместника М. С. Воронцова газеты «Кавказ» встретило понимание и одобрение со стороны прогрессивного компонента российского общества. В. Г. Белинский первым в «Современнике» восхищенно откликнулся на новое провинциаль-

ное издание [3]. По-видимому, доброжелательный подход редактора газеты и знатока региона О. И. Константинова к судьбе горцев Кавказа был близок идейным позициям великого критика. Кроме этого, газета содержала много ценной информации по истории региона, что особенно важно было для В. Белинского, разработавшего концепцию познания малоизученных уголков Отечества.

Несомненно, каждая отдельная публикация о Кавказе в критико-библиографическом отделе «Современника» выступает самостоятельным емким историографическим источником, на что, по нашему мнению, стоит обратить особое внимание историографам Северного Кавказа.

Вторая причина обращения «Современника» к теме «Кавказ» вполне логична. Активные военные действия на Северо-Восточном Кавказе в годы Кавказской войны и методы усмирения горцев требовали правдивой оценки и вдумчивого обоснования. Но все ли редакции столичных российских журналов и газет объективно подходили к объяснению причин, хода и итогов этого противостояния?

Как и все остальные российские и зарубежные издания, некрасовский «Современник» внимательно следил за перипетиями военных столкновений в регионе. Напомним, что идейные позиции редакции периодической печати определяют идеологическую направленность их печатного продукта. Лицо «Современника» в 1840–1850-е гг. – это В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский – хранители демократических идеалов. Небольшая по численности, но влиятельная по общественному значению группа демократической интеллигенции вполне осознавала свою роль [24, с. 170]. Основательная реформа «снизу», трансформация существующей общественно-политической системы, всеобщее равенство – вот та негасимая звезда идеала, горевшая в сердцах демократов.

«Современник» стал прекрасной трибуной для формирования демократического сознания широких слоев населения. Но сколько цензурных препонов необходимо было обходить редакции журнала. В Цензурный комитет то и дело поступали докладные записки о содержании статей, характеризующих направление периодических изданий. И везде мелькал «Современник» Н. А. Некрасова. «Чем больше будет доставляться дурной пищи для ума, тем более опасаться должно последствий» [32, л. 131], – предупреждал граф А. Ф. Орлов. Хотя, по признанию самих цензоров, «Современник» и «Отечественные записки» «изображали природу и людей, как они есть, без всяких прикрас и преувеличений» [32, л. 12], но в этом, по их мнению, и заключалась опасность, и вредное направление.

К освещению Кавказской войны, будоражившей умы всего российского населения, журнал подходил объективно, в отличие, например, от официозных газет и журналов, публиковавших лишь победные религии, не отражавшие истинного положения дел. «Современник» выступал

с лозунгом историко-реалистического описания Кавказского региона. Демократы рассматривали кавказскую тематику как политическую, и стремились даже в критических рецензиях на те или иные публикации выразить свое отношение к событиям на Кавказе, и тем самым пропагандировать борьбу с самодержавием. Подлинные представители русского общества боролись за социальное и политическое освобождение, как своего народа, так и других народов, населявших Российскую империю.

С переходом издания журнала к Н. А. Некрасову в 1847 г. он сразу же обратился к теме Кавказа. В первых рецензиях [28] на книги подполковника Генерального штаба А. А. Неверовского «Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье» и «Истребление Аварских ханов в 1834 году» редакция не допускала острых цитат. Учитывая, что колонизируемый регион был слабо изучен и тем более освоен, редакция признавала, что Кавказ не мог быть описан подробно и точно. В силу этого, сведения о нравах и общественно-политических учреждениях дагестанцев, сообщаемых подполковником Генерального Штаба Неверовским, лишь частично удовлетворяли любопытство читателя в объективной информации. Опираясь на эти сведения, журнал предложил читателям небольшой, но достаточно содержательный очерк о Кавказе. Некрасов понимал, что в годы «мрачного семилетия», находясь на особом контроле у правительства [32, л. 233], он не мог заострять внимание на методах ведения российской администрацией войны с горцами Кавказа. Отсюда определенная сдержанность в знакомстве читателей с населением таинственного края.

В 1856 г. в Петербурге была издана повесть русского писателя и журналиста Е. А. Вердеревского «Плен у Шамиля» [5], основу которой составили реальные события, связанные с восьмимесячным пребыванием в плену у горцев грузинских княгинь А. И. Чавчавадзе и В. И. Орбелиани. Публицисты Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский обратили пристальное внимание на этот труд. В «Заметке о журналах за март 1856 г.» Некрасов отмечал, что повесть любопытна, прежде всего, тем, что содержит информацию о нравах и менталитете кавказцев, и поэтому она «сверх литературного интереса имеет еще политический и исторический и впоследствии может служить весьма важным мемуаром по истории края» [29, с. 247]. Вдохновителя и идейного руководителя горцев имама Шамиля Некрасов характеризовал как «человека, бесспорно замечательного» [29, с. 247]. Тем не менее, Н. А. Некрасов раскрывал и недостатки повести, указывая на надменность и вычурность слога. Особенно раздражала критика угодливая интонация автора перед высокопоставленными лицами. Как видно, с изменением политической конъюнктуры редакция меняла тональность публикаций, и постепенно обозначала свою позицию.

Высокую оценку этой работе дал и Н. Г. Чернышевский: «Рассказ г. Вердеревского, печатав-

шийся первоначально в одном из петербургских журналов, заключает в себе много интересных сведений и написан гораздо лучшим языком, нежели иной читатель может предположить, взглянув на длинное заглавие книги» [39, с. 38–39]. Критик писал об «Отечественных записках», на страницах которых впервые появилась повесть [6, с. 233–286]. Положительные отзывы должны были натолкнуть читателей на мысль о сострадания к горцам Кавказа.

Книга русского писателя Я. И. Костенецкого «Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г.» [21, с. 68–71] получила хвалебные отзывы от редакторов «Современника». Читая «Записки», умный читатель мог догадаться, что малороссийский дворянин Костенецкий, сосланный на Кавказ, выступал с осуждением произвола царских генералов и писал, что, как бы странно это не звучало, но «в горах, между неизвестным нам народом, мы были совершенно как дома» [22, с. 38].

Очерк военного историка и теоретика Д. А. Милютина «Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане» [25, с. 19–24] был основательно изучен сотрудниками «Современника». В рецензии также угадывалась симпатия к горцам. Сражавшиеся долгое время с лучшей армией мира кавказцы поражали силой духа и вызывали чувство уважения. Тем более, кто знаком был с этим трудом Милютина, знали, что он осознавал всю сложность военно-политической ситуации на Кавказе и предлагал альтернативные методы укрепления там российской власти. Но царизм отвергал все трезвые, реалистические предложения и упорно продолжал гнать на Кавказ на смерть все новые и новые силы [7, с. 64]. Интересно, что в качестве привлечения внимания читающей публики к этому очерку и необходимости гуманных методов покорения Кавказа, редакция дала анонс этого труда. Своеобразный рекламный ход!

О проблемных сторонах российско-кавказских взаимоотношений дискутировали не только правительственные лица. Вскоре после пленения имама Шамиля осенью 1859 г. ведущий критик «Современника» Н. А. Добролюбов, защитник гражданских прав и свобод, большое внимание уделявший кавказским делам [14, с. 95], опубликовал статью «О значении наших последних подвигов на Кавказе» [10, с. 19–42]. Н. А. Добролюбов, выражавший позиции демократической части русского общества, открыто высказывался, что колонизаторские методы русского правительства, само стремление империи к владычеству над другими народами заключали в себе возможность длительных волнений подчиняемых народов, что эти прямые действия поднимали широкие народные массы на борьбу против захватчиков. Критик подчеркивал, что борьба велась со стороны горцев Кавказа лишь за неприкосновенность их быта и за независимость региона. Добролюбов не был приверженцем дикой жизни кавказцев, он указывал на необходимость приобщения отсталых наций к цивилизации, к образованности,

но методами демократическими, соответствующими их национальным особенностям.

Итак, несомненно, что реалистическое освещение «Современником» событий, происходивших на Северо-Восточном Кавказе в середине XIX в., способствовало распространению правды о горских народах, об их героической, самоотверженной борьбе с самодержавием. Эти статьи не оставляют сомнения в том, что прогрессивный журнал и его руководство участливо, тепло, с уважением относились к горцам Кавказа и по существу защищали их права [15, с. 177–178].

Таким образом, попытка целостного взгляда на публицистическую деятельность ведущего столичного периодического издания XIX в. привела к выявлению обширного комплекса источников по истории народов Северного Кавказа. Выявленные материалы периодической печати включаются нами в категорию как исторических, так и историографических источников. Если с рецензионными и библиографическими статьями не возникает вопросов, и они могут быть прямо отнесены к группе историографических источников, так как позволяют установить круг книжных новинок и отношение научной общественности к вышедшим трудам о Кавказе, то, может показаться сложнее то же самое сделать с содержательными публикациями по истории и этнографии горцев. Но в начале статьи в рефлексии над понятием «историографический источник» мы обозначили, что для историографа журнальные публикации

являются показателем состояния исторического знания. Кроме того, мы указывали, что сама периодическая печать, как и «любой текстовый (в том числе и историографический) источник – это результат деятельности человека по отбору, осмыслению, накоплению и кодированию информации» [26]. В этом отношении, вслед за М. П. Мохначевой, журнальные статьи рассматриваются нами как результат коллективного сотворчества автора, редакции периодики, института цензуры страны и читателей, которым адресовалась и по запросам которых публиковалась историческая информация [27, с. 10]. В этом ракурсе показательны отмеченные нами идейные позиции лидеров «Современника» В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова, определившие принципы отбора и публикации материалов о Кавказе, а также жесткие цензурные требования, которые необходимо было учитывать редакционной коллегией.

Но к огромному сожалению, на современном этапе развития историографии, периодическая печать все еще остаётся малоисследованной частью исторической науки, хотя она, как мы убедились, содержит значительный комплекс репрезентативной информации. Изучение материалов периодики, по нашему мнению, может внести неограниченный вклад в исследование, как истории и историографии народов Северного Кавказа, так и в развитие общественно-политической мысли региона.

Источники и литература

1. Баширова С. К. Кавказ на страницах журнала «Современник» (1840–1850 гг.) // Ученые записки АПИРЯИ им. Ахундова. Серия XII. 1978. №3. С. 103–108.
2. Белинский В. Г. Вступление к «Физиологии Петербурга», составленной из трудов русских литераторов, под редакцией Н. Некрасова. СПб., 1845 // Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: АН СССР, 1955. Т. 8. С. 23–69.
3. Белинский В. Г. Сборник газеты «Кавказ», издаваемый О.И. Константиновым. Первое полугодие 1846 года. Тифлис, 1846 // Современник. 1847. Т.1. С. 85.
4. Березин И. Н. Путешествие по Востоку. Путешествие по Дагестану и Закавказью // Современник. 1850. Т. 20. С. 79–86.
5. Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и восьмидневном (в 1854–1856 г.) пребывании в плену у Шамиля семейств: покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. В 3-х частях. СПб.: Тип. Королева и К0, 1856. 254 с.
6. Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854–1855 г.) пребывании в плену у Шамиля семейств: покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии // Отечественные записки. 1856. Т. 104, 105. № 1, 2, 4, 5. С. 233–286.
7. Гаджиев В. Г. Приют русского свободомыслия // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4. С.60–65.
8. Городецкий Е. Н. О многозначности понятий «историографический факт» и «историографический источник» // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвуз. тематич. сб. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. С. 118–121.
9. Даль В. И. Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих // Современник. 1848. Т. 7. С. 5–48.
10. Добролюбов Н. А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Современник. 1859. Т. 78. С. 19–42.
11. Дроздов И. Е. Кавказские минеральные воды // Современник. 1853. Т. 39. С. 1–60.
12. Закавказский край. Путевые впечатления и воспоминания барона Августа фон Гакстаузена. СПб., 1857 // Современник. 1857. Т. 65. С. 64–69.
13. Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М.: Высш. шк., 1987. 160 с.
14. Иванов С. В. Государственная национальная политика на Кавказе, в Закавказье и Средней Азии в XIX в.: дореволюционный подход к историографии // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 4 (24). С. 93–96.
15. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А. Л. Нарочницкого. М.: Наука, 1988. 659 с.
16. Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850 // Современник. 1851. Т. 25. С. 91–92.

17. Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1852 // Современник. 1852. Т. 31. С. 39–49.
18. Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852 // Современник. 1853. Т. 38. С. 3–11.
19. Кавказский календарь на 1854 г. Тифлис, 1853 // Современник. 1854. Т. 45. С. 28–36.
20. Кавказский календарь на 1855 г. Тифлис, 1854 // Современник. 1855. Т. 50. С. 14–15.
21. Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. В 3-х частях. СПб., 1851 // Современник. 1851. Т. 26. С. 68–71.
22. Костенецкий Я. И. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. В 3-х частях. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. 122 с.
23. Кузьминов П. А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Кавказология. 2017. № 4. С. 64–83.
24. Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX в. у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик: Каб.- Балк. ун-т, 2009. 236 с.
25. Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб., 1850 // Современник. 1850. Т. 22. С. 19–24.
26. Можаяева Г. В., Мишанкина Н. А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник ТГУ. Сер. «Литературоведение и языкознание». № 294. 2007. С. 52–61. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/294/image/294_52-60.pdf (дата обращения: 02.01.2020).
27. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука: В 2 кн. М.: РГУ, 1999. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. 511 с.
28. Неверовский А. А. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847 // Современник. 1848. Т. 7. С. 85–100.
29. Некрасов Н. А. Заметки о журналах за март 1856 г. // Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1990. Т. 11. Кн. 2. Критика. Публицистика (1847–1869). С. 239–253.
30. Несколько слов о медицинском путешествии г. доктора Пирогова на Кавказ // Современник. 1850. Т. 20. С. 168–170.
31. Пикулин П. Л. Кавказские минеральные воды, описанные доктором Норманом. СПб., 1848 // Современник. 1848. Т. 11. С. 162.
32. Российский государственный исторический архив – РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 2086.
33. Селезнев М. С. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847 // Современник. 1847. Т. 3. С. 103–104.
34. Токарев С. А. Поездка на снеговой хребет Северо-Западной цепи Кавказа // Современник. 1851. Т. 28. С. 1–24.
35. Толстой Н. Н. Охота на Кавказе // Современник. 1857. Т. 61. С. 169–232.
36. Торнау Н. Ф. Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850 // Современник. 1851. Т. 27. С. 77–79.
37. Чернышевский Н. Г. Дорожник Закавказского края О. И. Константинова // Современник. 1851. Т. 25. С. 45.
38. Чернышевский Н. Г. Журна, закавказский альманах. Изд. Е. А. Вердеревского. Тифлис, 1855 // Современник. 1855. Т. 52. С. 1–7.
39. Чернышевский Н. Г. Плен у Шамиля. Правдивая повесть Е. Вердеревского // Современник. 1856. № 9. С. 38–39.

References

1. Bashirova S. K. Kavkaz na stranitsakh zhurnala «Sovremennik» (1840–1850 gg.) (*The Caucasus on the pages of the journal «Sovremennik» (1840–1850) // Uchenyye zapiski APIRYail im. Akhundova. Series. XII. No. 3. 1978. P. 103–108.*
2. Belinskiy V. G. Vstupleniye k «Fiziologii Peterburga», sostavlennoy iz trudov russkikh literatorov, pod redaktsiyey N. Nekrasova (*Introduction to the Physiology of St. Petersburg, composed of the works of Russian writers, edited by N. Nekrasov*). SPb., 1845 // Belinskiy V.G. Polnoye sobraniye sochineniy: In 13 Vols. Moscow: SA USSR publ., 1955. Vol. 8. P. 375–384.
3. Belinskiy V. G. Sbornik gazety «Kavkaz», izdavayemyy O. I. Konstantinovym. Pervoye polugodiye 1846 goda (*Collection of the Kavkaz newspaper published by O. I. Konstantinov. The first half of 1846*). Tiflis, 1846 // Sovremennik. 1847. Vol. 1. P. 85.
4. Berezin I. N. Puteshestviye po Vostoku. Puteshestviye po Dagestanu i Zakavkaz'yu (*Traveling in the East. Traveling in Dagestan and Transcaucasia*) // Sovremennik. 1850. Vol. 20. P. 79–86.
5. Verderevskiy E. A. Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' o vos'mimesyachnom i vos'midnevnom (v 1854–1856 g.) prebyvanii v plenu u Shamilya semeystv: pokoynogo general-mayora knyazya Orbeliani i podpolkovnika knyazya Chavchavadze, osnovannaya na pokazaniyakh lits, uchastvovavshikh v sobytii (*Captivity at Shamil. The true story of an eight-month and eight-day (in 1854–1856) stay of the families of Shamil: the late Major General Prince Orbeliani and Lieutenant Colonel Prince Chavchavadze, based on the testimonies of the persons who participated in the event*). In 3 Parts. Saint-Petersburg.: Koroleva and Co publ., 1856. 254 p.
6. Verderevskiy E. A. Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' o vos'mimesyachnom i vos'midnevnom (v 1854–1856 g.) prebyvanii v plenu u Shamilya semeystv: pokoynogo general-mayora knyazya Orbeliani i podpolkovnika knyazya Chavchavadze, osnovannaya na pokazaniyakh lits, uchastvovavshikh v sobytii (*Captivity at Shamil. The true story of an eight-month and eight-day (in 1854–1856) stay of the families of Shamil: the late Major General Prince Orbeliani and Lieutenant Colonel Prince Chavchavadze, based on the testimonies of the persons who participated in the event*) // Otechestvennyye zapiski. 1856. Vol. 104, 105. No. 1, 2, 4, 5. P. 233–286.
7. Gadzhiyev V. G. Priyut russkogo svobodomyслиya (*Shelter of Russian freedom of thought*) // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 1995. No. 4. P. 60–65.
8. Gorodetskiy E. N. O mnogoznachnosti ponyatiy «istoriograficheskiy fakt» i «istoriograficheskiy istochnik» (*On the ambiguity of the concepts «historiographic fact» and «historiographic source»*) // Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy istorii istoricheskoy nauki: Mezhevuz. tematich. sb. Kalinin: Kalinin University, 1980. P. 118–121.
9. Dal' V. I. Rasskaz lezgintsy Asana o pokhozhdeniyakh svoikh (*The story of Lezhgin Asan about his adventures*) // Sovremennik. 1848. Vol. 7. Vol. 5–48.

10. Dobrolyubov N. A. O znachenii nashikh poslednikh podvigoz na Kavkaze (*On the significance of our last exploits in the Caucasus*) // *Sovremennik*. 1859. Vol. 78. P. 19–42.
11. Drozdov I. E. Kavkazskiy mineral'nyye vody (*Caucasian Mineral Waters*) // *Sovremennik*. 1853. Vol. 39. P. 1–60.
12. Zakavkazskiy kray. Putevyeye vpechatleniya i vospominaniya barona Avgusta fon Gakstgauzena (*Transcaucasian region. Travel impressions and memories of Baron August von Hacksthausen*). SPb., 1857 // *Sovremennik*. 1857. Vol. 65. P. 64–69.
13. Zevelev A. I. Istoriograficheskoye issledovaniye: metodologicheskiye aspekty: Ucheb. posobiye dlya stud. vuzov, obuchayushchikhsya po spets. «Istoriya» (*Historiographic research: methodological aspects: Textbook allowance for students universities enrolled in «History» course*). Moscow: Vyssh. shk. publ., 1987. 160 p.
14. Ivanov S. V. Gosudarstvennaya natsional'naya politika na Kavkaze, v Zakavkaz'ye i Sredney Azii v XIX v.: dorevolutsionnyy podkhod k istoriografii (*State national policy in the Caucasus, Transcaucasia and Central Asia in the 19th century: pre-revolutionary approach to historiography*) // *Vestnik Yekaterininskogo instituta*. 2013. No. 4 (24). P. 93–96.
15. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) (*The history of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1917)*) / ed by A.L. Narochitskogo. Moscow: Nauka publ., 1988. 659 p.
16. Kavkazskiy kalendar' na 1851 g. Tiflis, 1850 (*Caucasian calendar for 1851. Tiflis, 1850*) // *Sovremennik*. 1851. Vol. 25. P. 91–92.
17. Kavkazskiy kalendar' na 1852 g. Tiflis, 1852 (*Caucasian calendar for 1852 Tiflis, 1852*) // *Sovremennik*. 1852. T. 31. P. 39–49.
18. Kavkazskiy kalendar' na 1853 g. Tiflis, 1852 (*Caucasian calendar for 1853. Tiflis, 1852*) // *Sovremennik*. 1853. T. 38. P. 3–11.
19. Kavkazskiy kalendar' na 1854 g. Tiflis, 1853 (*Caucasian calendar for 1854. Tiflis, 1853*) // *Sovremennik*. 1854. T. 45. P. 28–36.
20. Kavkazskiy kalendar' na 1855 g. Tiflis, 1854 (*Caucasian calendar for 1855. Tiflis, 1854*) // *Sovremennik*. 1855. T. 50. P. 14–15.
21. Kostenetskiy Ya. I. Zapiski ob Avarskoy ekspeditsii na Kavkaze 1837 g. (*Notes on the Avar expedition in the Caucasus in 1837*). In 3 Parts. St.Petersburg, 1851 // *Sovremennik*. 1851. Vol. 26. P. 68–71.
22. Kostenetskiy Ya. I. Zapiski ob Avarskoy ekspeditsii na Kavkaze 1837 g. (*Notes on the Avar expedition in the Caucasus in 1837*). V 3-kh chastyakh. Saint-Petersburg: Tip. E. Pratsa, 1851. 122 p.
23. Kuz'minov P. A. Rossiya i gorskiye narody Severnogo Kavkaza v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.: al'ternativnyye formy vzaimodeystviya (*Russia and the mountain peoples of the North Caucasus at the end of the XVIII - the first half of the XIX century: alternative forms of interaction*) // *Kavkazologiya*. 2017. № 4. P. 64–83.
24. Kuz'minov P. A. Epokha reform 50–70-kh godov XIX v. u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolutsionnom kavkazovedenii (*The era of reforms of the 50–70s of the XIX century among the peoples of the North Caucasus in pre-revolutionary Caucasian studies*). Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2009. 236 p.
25. Milyutin D. A. Opisaniye voyennykh deystviy 1839 g. v Severnom Dagestane (*Description of the military operations of 1839 in Northern Dagestan*). SPb., 1850 // *Sovremennik*. 1850. Vol. 22. P. 19–24.
26. Mozhayeva G. V., Mishankina N. A. Kontent-analiz istoriograficheskogo istochnika (k voprosu o mezhdistsiplinarnosti lingvisticheskikh metodov) (*Content analysis of a historiographic source (on the issue of interdisciplinarity of linguistic methods)*) // *Vestnik TGU. Series «Literaturovedeniye i yazykoznanie»*. No. 294. 2007. P. 52–61. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/294/image/294_52-60.pdf (Accessed: 02.01.2020).
27. Mokhnacheva M. P. Zhurnalistika i istoricheskaya nauka: In 2 Books. (*Journalism and historical science: In 2 book*). Book 2. Moscow: RSHU publ., 1999. 511 p.
28. Neverovskiy A. A. O nachale bespokoystv v Severnom i Srednem Dagestane (*About the beginning of worries in Northern and Middle Dagestan*). Kratkiy vzglyad na Severnyy i Sredniy Dagestan v topograficheskom i statisticheskom otnosheniyakh (*A brief look at North and Middle Dagestan in topographic and statistical relations*). St.Petersburg, 1847 // *Sovremennik*. 1848. Vol. 7. P. 85–100.
29. Nekrasov N. A. Zametki o zhurnalakh za mart 1856 g. (*Notes on journals for March 1856*) // N. A. Nekrasov. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 15 t. Leningrad: Nauka, 1990. Vol. 11. Book. 2. Kritika. Publitsistika (1847–1869). P. 239–253.
30. Neskol'ko slov o meditsinskom puteshestvii g. doktora Pirogova na Kavkaz (*A few words about the medical trip of Mr. Pirogov to the Caucasus*) // *Sovremennik*. 1850. Vol. 20. P. 168–170.
31. Pikulin P. L. Kavkazskiy mineral'nyye vody, opisannyye doktorom Normanom (*Caucasian mineral waters described by Dr. Norman*). SPb., 1848 // *Sovremennik*. 1848. Vol. 11. P. 162.
32. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1611. Inv. 1. D. 208b.
33. Seleznev M. S. Rukovodstvo k poznaniyu Kavkaza (*Guide to the knowledge of the Caucasus*). SPb., 1847 // *Sovremennik*. 1847. Vol. 3. P. 103–104.
34. Tokarev S. A. Poyezdka na snegovoy khrebet Severo-Zapadnoy tsepi Kavkaza (*A trip to the snow ridge of the North-Western chain of the Caucasus*) // *Sovremennik*. 1851. Vol. 28. P. 1–24.
35. Tolstoy N. N. Okhota na Kavkaze (Hunting in the Caucasus) // *Sovremennik*. 1857. Vol. 61. P. 169–232.
36. Tornau N. F. Izlozheniye nachal musul'manskogo zakonovedeniya (*An account of the beginnings of Muslim jurisprudence*). SPb., 1850 // *Sovremennik*. 1851. T. 27. P. 77–79.
37. Chernyshevskiy N. G. Dorozhnik Zakavkazskogo kraja O. I. Konstantinova (*Road builder of the Transcaucasian region O. I. Konstantinova*) // *Sovremennik*. 1851. Vol. 25. P. 45.
38. Chernyshevskiy N. G. Zurna, zakavkazskiy al'manakh. Izd. E. A. Verderevskogo (*Zurna, the Transcaucasian Almanac. Ed. E. A. Verderevsky*). Tiflis, 1855 // *Sovremennik*. 1855. Vol. 52. P. 1–7.
39. Chernyshevskiy N. G. Plen u Shamilya. Pravdivaya povest' E. Verderevskogo (*Captivity at Shamil. The true story of E. Verderevsky*) // *Sovremennik*. 1856. No. 9. P. 38–39.

Сведения об авторе

Тахушева Инна Сарабиевна – аспирант Северо-Кавказского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Пятигорск) / tahusheva94@mail.ru

Information about the author

Tahusheva Inna – Postgraduate student of the North Caucasus institute-branch of the Russian academy of national economy and public administration at the President of the Russian Federation (Pyatigorsk) / tahusheva94@mail.ru

УДК 930

Р. В. Тихонов

АЛЕКСАНДРИЯ ОКСИАНСКАЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В процессе завоевания различных регионов Востока Александр Македонский основывал многие города, некоторые из которых были названы в его честь. Они выполняли различные функции, в том числе являлись оплотом власти греко-македонян. Исключением не стала и Центральная Азия. Античный географ Клавдий Птолемей в своем труде упомянул город Александрию Оксианскую. В историографии вопроса о ее локализации четко выделяется два этапа. На первом из них, который можно отнести к первой половине XX в., внимание исследователей было сконцентрировано на анализе данных античных и средневековых письменных, географических источников. Для решения данного вопроса первостепенное значение имеют материалы археологических исследований, полученные во второй половине XX в. Существует несколько теорий по вопросу о местонахождении Александрии, которые опираются на анализ археологических данных. П. Бернар полагал, что данный город находился на месте Ай-Ханум. В 1965 г. был открыт греческий город с великолепными образцами эллинистической культуры и искусства. Несколько позднее французский исследователь отказался от своей теории. Анализ материалов из Ай-Ханум показывает, что он был возведен в эпоху правления династии Се-

левкидов. Ш. Р. Пидаев отождествляет Александрию с поселением Старый Термез. Однако анализ полученных археологических материалов не позволяет согласиться с данным мнением. Некоторые таджикские ученые видят Александрию на месте современного Куляба и в качестве доказательства приводят главным образом небольшую коллекцию керамики, собранную в стратиграфических шурфах. По мнению автора данной статьи, наиболее убедительной следует признать гипотезу Э. В. Ртвеладзе о том, что Кампыртепа – это и есть город, основанный Александром Македонским. Проведенные здесь исследования выявили культурный слой IV в. до н.э. и дали общее представление об эллинистическом поселении эпохи походов Александра в Центральную Азию. В то же время следует признать, что вопрос о локализации Александрии на данное время не может быть решен окончательно. Нельзя исключать того факта, что город мог быть расположен в соседней с Бактрии Согдиане и был воздвигнут с целью возможного подавления восстаний в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Александрия Оксианская, историография, Старый Термез, Ай-Ханум, Куляб, Кампыртепа.

Roman Tikhonov

ALEXANDRIA OXIANA: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

In the process of conquering various regions of the East, Alexander of Macedon founded many cities, some of which were named in his honor. They performed various functions, including being the mainstay of the power of the Greco-Macedonians. Central Asia was no exception. The ancient geographer Claudius Ptolemy in his work mentioned the city of Alexandria Oxiana. In the historiography of the issue, two stages are clearly distinguished. In the first of them, which can be attributed to the first half of the 20th century, the attention of researchers was concentrated on the analysis of data from ancient and medieval written, geographical sources. To solve this issue, the materials of archaeological research obtained in the second half of the 20th century are of paramount importance. There are several theories on the whereabouts of Alexandria, which are based on the analysis of archaeological data. P. Bernard believed that this city was on the site of Ai-Khanoum. In 1965, a Greek city was opened with magnificent examples of Hellenistic culture and art. Somewhat later, the French researcher abandoned his theory. The analysis of materials

from Ai-Khanoum shows that it was erected during the reign of the Seleucid dynasty. Sh. R. Pidaev identifies Alexandria with the settlement of Old Termez. However, the analysis of the obtained archaeological materials does not allow agreeing with this opinion. Some Tajik scholars see Alexandria on the site of Kulyab, and as evidence they mainly cite a small collection of ceramics collected in stratigraphic pits. According to the author of this article, E. V. Rtveldze hypothesis should be recognized as the most convincing that Kampyrtepa is the city founded by Alexander the Great. Studies carried out here revealed the cultural layer of the 4th century BC and gave a general idea of the Hellenistic settlement of the era of Alexander's campaigns in Central Asia. At the same time, it should be recognized that the issue of the localization of Alexandria at this time cannot be finally resolved. It cannot be ruled out that the city could be located in Sogdian, neighboring Bactria, and was erected with the aim of possibly suppressing uprisings in the region.

Key words: Central Asia, Alexandria Oxiana, historiography, Old Termez, Ai Khanoum, Kulyab, Kampyrtepa.

Восточный поход Александра Македонского знаменует новую эпоху в истории и культуре

многих регионов Востока. Исключение не стала и Средняя Азия, которая получает новый импульс в

своем развитии. В эллинистическую эпоху здесь появляются новые социально-экономические и политические структуры организации общества (полис), местное искусство подвергается определенному воздействию со стороны эллинской традиции. Где-то это воздействие было достаточно ощутимым, в других же районах – совсем незначительным. При анализе данного процесса также следует учитывать тот факт, что знакомство местных жителей с греческой культурой произошло отнюдь не впервые [6].

В 329–327 гг. до н. э. македонскому царю удалось завоевать ряд историко-культурных областей Средней Азии. Здесь он встретил достаточно ожесточенное сопротивление населения сначала в главе с Бессом, а затем Спитаменом [10].

В завоеванных странах Александр основывал новые города, которые нередко именовались в его честь Александриями. Это были главным образом военно-административные центры с греко-македонским населением. Их главная цель заключалась в обеспечении покорности местного населения. Уже впоследствии они могли выполнять такие функции, как защита от возможных нападений соседей, укрепление важнейших стратегических путей, надзор за завоеванной страной [14, с. 206–208].

В Средней Азии была основана так называемая Александрия Оксианская, которую упомянул в своем труде античный географ II в. н. э. Клавдий Птолемей: «На Яксарте горный город согдианов Кирэсхате, а на Оксе – Марука, Холбисина; между реками и далеко за ними – Трибактра, Александрия Оксианская, Индикомордана, Дрепса – столица, Александрия Крайняя» [12, с. 74].

Ученые первой половины XX в. в вопросе локализации Александрии-на-Оксе основывались исключительно на данных письменных источников. Так, например, В. В. Тарн соотнес Александрию с городищем Старый Термез, где начинались планомерные археологические исследования под руководством М. Е. Массона. Он полагал, что город был разрушен саками в 293 г. до н. э., затем восстановлен селевкидским царем Антиохом I и был переименован в Антиохию Тармиту. Этот факт, по мнению В. В. Тарна, нашел отражение в Певтингеровой таблице анонимного географа из Равенны [23, р. 89].

Важное значение при локализации Александрии-на-Оксе имеют материалы археологических исследований, полученные в процессе раскопок на среднеазиатских античных памятниках во второй половине XX – первых десятилетий XXI в.

С 1965 г. Французская археологическая миссия в Афганистане под руководством П. Бернара приступает к археологическим раскопкам городища Ай-Ханум. Первый сезон полевых работ показал перспективность изучения памятника [16; 22]. По ряду причин раскопки были завершены в 1978 г. За эти годы был получен огромный материал, который по своей сути открыл центральноазиатский эллинизм.

На административный характер города указывает ведущее положение в нем дворца прави-

теля. Неподалеку от него располагаются жилые и служебные здания, представленные сокровищницей, кладовыми и другими помещениями. В непосредственной близости от дворца находится один из жилых кварталов, насчитывающий около 50 больших домов. В городе также находился героон его основателя и храм с уступчатыми нишами, в котором размещалась колоссальная статуя Зевса. О греческом характере поселения свидетельствуют и такие сооружения, как гимнасий, фонтан, театр. Найденные предметы искусства и эпиграфические документы позволили исследователям сделать ряд наблюдений относительно развития эпохи эллинизма в Центральной Азии [1].

Кроме того, П. Бернар пришел к выводу о том, что «наличие в этом месте ирригационных систем и обрабатываемых земель, так же, как и необходимость установки контроля над сельским населением, которое их обрабатывало, делает очень вероятным то, что Александр оккупировал равнину Ай-Ханум одним из отрядов четырнадцатитысячного войска, которое он оставил в Бактрии. Если принять эту гипотезу, то будет вполне возможным, что Ай-Ханум окажется Александрией-на-Оксе, упоминаемой Птолемеем» [1, с. 250].

Г. А. Кошеленко в определенной степени согласился с локализацией Александрии Оксианской в Ай-Ханум, предложенной П. Бернаром. Он также указал на то, что в процессе раскопок был впервые выявлен греческий город в Центральной Азии, имевший статус полиса [5, с. 153–156].

С течением времени французские исследователи постепенно начали отказываться от этой гипотезы. Сам П. Бернар уже отождествляет Ай-Ханум с Евкратидеей. По его мнению, город был переименован в Евкратидею, когда греко-бактрийский царь Евкратид начал совершать свои успешные походы в Индию [7, с. 37].

Б. Лионне в свою очередь провела сравнительный анализ керамических комплексов из ряда населенных пунктов Центральной Азии. В основу были положены соответствующие материалы из Ай-Ханум, Афрасиаба и Коктепа. Его результаты показали, что город Ай-Ханум возник не ранее начала селевкидского господства в Центральной Азии [20, р. 149].

Одним из крупнейших центров Древней Бактрии являлся Старый Термез. Он был основан в стратегически важном месте, а именно на переправе через Окс, и находился на трассе Великого шелкового пути. В эллинистический период город окружала мощная фортификационная система, площадь достигает около 10 га, и жизнедеятельность населения концентрируется главным образом на месте его цитадели.

С целью широкомасштабного изучения города в 1980 г. при Институте археологии АН УзССР был создан специальный Термезский археологический отряд во главе с Ш. Р. Пидавым. На протяжении более 10 лет проводилось изучение цитадели, при этом удалось выявить не менее 15 культурных слоев, относящихся к разным периодам в истории города. К эллинистической эпохе

были отнесены находки монет греко-бактрийских правителей, зернотерок, пряслиц, остатки стен из сырцовых кирпичей квадратной формы и ряд других предметов, характеризующих материальную культуру населения [8, с. 47–53].

Анализируя материалы археологических исследований и данные античной письменной традиции, Ш. Р. Пидаев заключил, что Старый Термез был основан Александром Македонским в качестве Александрии Оксианской. В пользу своего предположения были приведены следующие аргументы: отсутствие каких-либо поселений конца IV в. до н.э. в среднем течении Амударьи на ее правом берегу и характер керамического комплекса, который, как полагает автор, может быть отнесен к эпохе походов Александра в Среднюю Азию [8, с. 53–57].

Перечисленные выше аргументы нельзя назвать убедительными по ряду причин. Во-первых, за последнее время открыты и другие населенные пункты недалеко от Старого Термеза, также относящиеся к эллинистическому времени, а во-вторых, керамический комплекс не может быть датирован ранее начала селевкидского владычества в Бактрии [13, с. 86–102].

Теорию Ш. Р. Пидаева продолжили и развили некоторые французские исследователи. Опираясь в основном на данные античной письменной традиции в лице Арриана и Курция Руфа, Ф. Грене и К. Рапен пришли к следующим умозаключениям. В ходе весенней кампании 328 г. до н.э. Александр со своим войском двинулся из Бактр к Оксу, прибыл в Марганию где основал город. Прибытие в Марганию означает прибытие в Термез [17].

Указанные выше умозаключения подверглись критике со стороны специалистов по античному источниковедению. И. В. Пьянков отметил, что не следует воспринимать тексты Арриана и Курция Руфа в качестве первоисточника, поскольку они представляют собой сложные компиляции. Проведя достаточно тщательный анализ письменных источников, повествующих о походе Александра в 328 г. до н.э., исследователь вполне убедительно доказал тезис о том, что Маргания соответствует Маракандам в Согде, а не является своего рода названием «равнины» Термеза [9, с. 97–99].

Подводя итог, следует заметить, что результаты новейших археологических исследований Старого Термеза, проведенные сотрудниками Французско-Узбекской экспедиции, не дают оснований отождествлять город с Александрией Оксианской [18; 19; 21].

Весьма маловероятной следует признать концепцию таджикских археологов. В начале – середине 2000-х гг. в черте современного города Куляба проводились разведочные археологические работы. Было заложено более двух десятков шурфов, некоторые из которых дали греко-бактрийский материал. Культурный слой данного времени имеет мощность до 2 м и включает в себя жилища полуземляночного типа с камышовыми или деревянными перекрытиями, фрагменты обожженных кирпичей, хозяйственные ямы,

керамику. Данный слой был датирован греко-бактрийским временем (III–II вв. до н.э.).

Несмотря на это, было высказано предположение о том, что «в результате археологических раскопок 2001–2005 гг. на территории г. Куляба в нижних слоях крепости Чармгарони Поен и Купчинор, а также в разрезе берега Тебалай обнаружены материальные остатки, относящиеся к греко-бактрийскому времени. Поэтому возможность нахождения одного из двух упомянутых греческими авторами городов Александрии-на-Оксе на территории г. Куляба нельзя полностью исключить из повестки дня. Правда, г. Куляб находится далеко от берегов Окса, но выражение «на Оксе» могло означать не только прибрежные, но и более отдаленные от берега районы» [15, с. 166].

Наиболее убедительной теорией по вопросу о местонахождении Александрии-на-Оксе, возможно, следует признать ту, которую выдвинул Э. В. Ртвеладзе. По его мнению, город, упомянутый Клавдием Птолемеем, мог находиться на месте городища Кампыртепа, расположенного в Сурхандарьинской области Узбекистана недалеко от Старого Термеза [12, с. 78–81].

Кампыртепа было открыто Э. В. Ртвеладзе в 1972 г. в процессе маршрутных обследований археологических памятников долины Амударьи от Термеза до Келифа. В археологии Центральной Азии данное поселение является, пожалуй, наиболее изученным в отношении вскрытой площади. Оно продолжало функционировать и в постэллинистический период, а в эпоху Кушан переживает свой расцвет.

Городище, как полагает Э. В. Ртвеладзе, было основано в конце IV в. до н.э. неподалеку от крепости ахеменидского времени Шортепа и контролировало важнейшую переправу через Окс. Греко-македонская крепость возводится в два этапа. На первом из них она состояла из двух частей, представляющие собой лессовые холмы и общей площадью немногим больше 1,5 га. На втором этапе происходит обустройство искусственных террас и возведение различных сооружений по своему функциональному назначению. В ходе археологических исследований здесь были выявлены крепостные стены с бастионом и башнями, караульные помещения, воротный комплекс, храм и теменос [12, с. 21–45].

В первоначальный период Кампыртепа окружала мощная фортификационная система. Она состояла главным образом из стен шириной 1 м, возведенных из прямоугольного сырцового кирпича. Обороноспособность усиливали бастион, расположенный в юго-восточном углу и находящиеся вблизи башни.

С северо-восточной стороны от ворот находится храмовый комплекс. Его открывает священный участок, имеющий форму неправильного треугольника. На его территории располагались, видимо, двухчастные алтари. Одна их часть предназначалась для жаровен, где возжигались различные культовые растения, другая же – для предшествующих данному ритуалу действиям.

О конструктивных особенностях храма говорить пока рано. Он состоял из центральной части, включающей несколько помещений, а также коридорообразного и еще нескольких помещений, предназначение которых еще не совсем ясно.

Юго-восточная часть крепости не была укреплена. На данном участке открыто сооружение 36, условно названное блиндажом, и террасный дом. Блиндаж был вырублен в материке и использовался в качестве жилища на протяжении всего эллинистического периода. Видимо, изначально здесь был расквартирован небольшой гарнизон воинов. В пользу этого свидетельствует временный характер планировки и наличие в культурном слое многочисленных находок ядер для пращи с других метательных орудий [2].

Одна из особенностей террасного дома заключается в том, что его часть была вырублена в материке, представляла, по своей сути, пещеру и использовалась в хозяйственных и производственных целях [3, с. 54].

В процессе археологических исследований на Кампыртепа получен богатый комплекс артефактов, характеризующий различные стороны жизнедеятельности его населения. О присутствии здесь эллинов наиболее наглядно говорят граффити, нанесенные на фрагменты керамических сосудов. На некоторых из них мы видим названия греческих денежных единиц и мер жидкостей. Нумизматический материал представлен большой коллекцией монет чекана селевкидских и греко-бактрийских царей, причем самая ранняя относится к эпохе правления Антиоха I (281–261 гг. до н.э.). В храмовом комплексе были найдены разнообразные предметы культового характера. Среди них выделяются бронзовая чаша с изображением головы мужского персонажа, поддон деревянной курительницы, обложенный листовой бронзой, амфоровидный черноглиняный сосуд, украшенный от поддона до горла резным орнаментом, бронзовая фигурка орла [12, с. 45–68].

О значимости Кампыртепа в структуре эллинистических поселений Бактрии свидетельствует

тот факт, что крепость с течением времени развивается, увеличивается ее площадь, поддерживаются в надлежащем виде укрепления, меняется и внутренняя структура поселения. Неизменным остается главная задача – контроль над важнейшей переправой через Окс и обслуживание проходящих караванов. Так, например, в слоях эпохи кушанского господства найдены предметы индийского, римского и египетского происхождения [11, с. 157–255].

Несмотря на то что Александрия Оксианская была только лишь упомянута вскользь в античной письменной традиции, ее существование в Центральной Азии, вероятно, следует признать реальным. Так, например, вполне доказано, что в эллинистической Мидии, Гиркании, Парфии располагались города, основанные при Александре Македонском и династии Селевкидов, которые в той или иной степени охарактеризованы греко-римскими авторами [4].

В то же время нельзя полностью исключать и того факта, что Александрия Оксианская была основана вовсе не в Бактрии, а в соседней Согдиане с целью предотвращения народных восстаний, подобных тем, которое поднял Спитамен [24, р. 105–106]. Это вполне согласовывается с градостроительной деятельностью Александра Македонского в завоеванных им регионах Востока. Однако на данный момент археологических подтверждений этому тезису нет.

Следует также акцентировать внимание на том, что характер письменных источников с одной стороны и имеющиеся материалы археологических исследований с другой не дают окончательного ответа на вопрос о местонахождении Александрии Оксианской. Сложность в определении поселений эпохи завоевательных походов Александра Македонского в Среднюю Азию заключается еще и в том, что культурные слои конца IV в. до н.э. скрываются за многометровыми напластованиями более ранних эпох.

Источники и литература

1. Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 249–258.
2. Двуреченская Н. Д. Масштабное сооружение раннеэллинистического периода на Кампыртепа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 4. С. 69–80.
3. Двуреченская Н. Д. Юго-восточный входной комплекс и пристань крепости Кампыртепа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 39–74.
4. Кошеленко Г. А. К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке (на примере Мидии, Гиркании, Парфии) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 136. М.: Наука, 1973. С. 23–29.
5. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 295 с.
6. Кузьмина Е. Е. Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М.: Наука, 1978. С. 191–202.
7. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.: Восточная литература РАН, 2000. 503 с.
8. Пидаев Ш. Р. К вопросу о локализации Александрии на Оксе // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26. Ташкент: Фан, 1992. С. 46–59.
9. Пьянков И. В. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация // Вестник древней истории. 2004. № 1. С. 96–110.
10. Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент: MEDIA LAND, 2002. 180 с.

11. Ртвеладзе Э. В. Великий индийский путь: из истории важнейших дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.
12. Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н. э. – I в. до н. э.). Ташкент: SAN'AT, 2017. 144 с.
13. Тихонов Р. В. Эллинистическая керамика Бактрии. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2019. 211 с.
14. Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Издательство Казанского университета, 1976. 521 с.
15. Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времён до наших дней. Душанбе: Дониш, 2006. 262 с.
16. Bernard P. Première campagne de fouilles d'Ai Khanoum // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1969. №1. P. 127–133.
17. Grenet F., Rapin C. Alexander, Ai Khanoum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // Bulletin of the Asia Institute. 2001. №12. P. 79–89.
18. Leriche P. Termez antique et médiévale // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Paris: Maisonneuve&Larose, 2001. P. 75–99.
19. Leriche P. L'apport de la Mission archéologique franco-ouzbègue (MAFOuz) de Bactriane du Nord à l'histoire de l'Asie Centrale // Cahiers d'Asie centrale. 2013. № 1. P. 135–164.
20. Lyonnet B. D'Ai Khanoum à Koktepe. Questions sur la datation absolue la céramique hellénistique d'Asie Centrale // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент: Noshirlik yog'dusi, 2010. P. 141–153.
21. Pidaev Ch. Contribution à l'histoire ancienne de Termez // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Paris: Maisonneuve&Larose, 2001. P. 47–57.
22. Schlumberger D., Bernard P. Ai Khanoum // Bulletin de correspondance hellénique. 1965. № 2. P. 590–657.
23. Tarn W. W. Two Notes on Seleucid History: 1. Seleucus' 500 Elephants, 2. Tarnita // Journal of Hellenistic Studies. 1941. Vol. LX. P. 84–94.
24. Tschirikover V. Die hellenistischen Stadtgründungen von Alexander dem Grossen auf die Römerzeit. Leipzig: Dieterich, 1927. 216 p.

References

1. Bernar P. Problemy grecheskoi kolonial'noi istorii i urbanizm ellinisticheskogo goroda Tsentral'noi Azii (*Problems of Greek Colonial History and Urbanism of the Hellenistic city of Central Asia*) // Problemy antichnoi kul'tury. Moscow: Nauka publ., 1986. P. 249–258.
2. Dvurechenskaya N. D. Masshtabnoe sooruzhenie ranneellinisticheskogo perioda na Kampyrtepa (*Early Hellenistic Large-Scale Construction in Kampyrtepa*) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2012. No. 4. P. 69–80.
3. Dvurechenskaya N. D. Yugo-vostochnyi vkhodnoi kompleks i pristan' kreposti Kampyrtepa (*A Study of Animal Bone Remains from Excavations at Kampyrtepa Fortress: Preliminary Results*) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. No. 2. P. 39–74.
4. Koshelenko G. A. K otsenke dostovernosti antichnoi traditsii ob ellinisticheskom gradostroitel'stve na Vostoke (na primere Midii, Girkanii, Parfii) (*On the assessment of the authenticity of the ancient tradition of Hellenistic urban planning in the East (by the example of Midia, Hyrcania, Parthia)*) // Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii. Issue. 136. Moscow: Nauka publ., 1973. P. 23–29.
5. Koshelenko G. A. Grecheskii polis na ellinisticheskom Vostoke (*Greek city in the Hellenistic East*). Moscow: Nauka publ., 1979. 295 p.
6. Kuz'mina E. E. Baktriya i ellinskii mir v epokhu do Aleksandra (*Bactria and the Hellenic world in the era before Alexander*) // Antichnost' i antichnye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov sovetskogo Vostoka. Moscow: Nauka publ., 1978. P. 191–202.
7. Litvinskii B. A., Pichikyan I. R. Ellinisticheskii kham Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). Vol. I. Raskopki. Arkhitektura. Religioznaya zhizn' (*The Hellenistic temple of the Oxus in Bactria (South Tajikistan)*). Vol. I. Excavations. Architecture. Religious life). Moscow: Vostochnaya literatura RAS publ., 2000. 503 p.
8. Pidaev Sh. R. K voprosu o lokalizatsii Aleksandrii na Okse (*On the localization of Alexandria on the Oxus*) // Istoriya material'noi kul'tury Uzbekistana. Vyp. 26. Tashkent: Fan publ., 1992. P. 46–59.
9. P'yankov I. V. Antichnye istochniki o Srednei Azii i ikh interpretatsiya (*Ancient sources on Central Asia and their interpretation*) // Vestnik drevnei istorii. 2004. No. 1. P. 96–110.
10. Rtveldze E. V. Aleksandr Makedonskii v Baktrii i Sogdiane (*Alexander the Great in Bactria and Soghd*). Tashkent: MEDIA LAND publ., 2002. 180 p.
11. Rtveldze E. V. Velikii indiiskii put': iz istorii vazhneishikh dorog Evrazii (*The Great Indian Road: From the History of the Most Important Trade Routes of Eurasia*). St. Petersburg: Nestor-Istoriya publ., 2012. 296 p.
12. Rtveldze E. V. Kampyrtepa – Aleksandriya Oksianskaya: gorod-krepost' na beregu Oksa v ellinisticheskoe i postellinisticheskoe vremya (konets IV v. do n.e. – I v. do n.e.). (*Kampyrtepa – Alexandria Oxiana: the city and Fortress on the Oxus in the Hellenistic and Post-Hellenistic Epochs (from late 4th till 1st Century BC)*). Tashkent: SAN'AT, 2017. 144 p.
13. Tikhonov R. V. Ellinisticheskaya keramika Baktrii (*Hellenistic pottery of the Bactria*). Elets: ESU named after I. A. Bunin, 2019. 211 p.
14. Shofman A. S. Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo (*Eastern politics of Alexander the Great*). Kazan': Kazan university publ., 1976. 521 p.
15. Yakubov Yu., Dovudi D., Filimonova T. Istoriya Kulyaba s drevneishikh vremen do nashikh dnei (*The history of Kulyab from ancient times to the present day*). Dushanbe: Donish publ., 2006. 262 p.
16. Bernard P. Première campagne de fouilles d'Ai Khanoum // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1969. №1. P. 127–133.

17. Grenet F., Rapin C. Alexander, Ai Khanoum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // *Bulletin of the Asia Institute*. 2001. № 12. P. 79–89.
18. Leriche P. Termez antique et médiévale // *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale*. Paris: Maisonneuve&Larose, 2001. P. 75–99.
19. Leriche P. L'apport de la Mission archéologique franco-ouzbègue (MAFOuz) de Bactriane du Nord à l'histoire de l'Asie Centrale // *Cahiers d'Asie centrale*. 2013. № 1. P. 135–164.
20. Lyonnet B. D'Ai Khanoum à Koktepe. Questions sur la datation absolue la céramique hellénistique d'Asie Centrale // *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии*. Ташкент: Noshirlik yog'dusi, 2010. P. 141–153.
21. Pidaev Ch. Contribution à l'histoire ancienne de Termez // *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale*. Paris: Maisonneuve&Larose, 2001. P. 47–57.
22. Schlumberger D., Bernard P. Ai Khanoum // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1965. № 2. P. 590–657.
23. Tscherikover V. Die hellenistischen Stadtgrundungen von Alexander dem Grossen auf die Romerzeit. Leipzig: Dieterich, 1927. 216 p.
24. Tarn W. W. Two Notes on Seleucid Hisroty: 1. Seleucus' 500 Elephants, 2. Tarmita // *Journal of Hellenistic Studies*. 1941. Vol. LX. P. 84–94.

Сведения об авторе

Тихонов Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец) / 478042316789@mail.ru

Information about the author

Tikhonov Roman – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian and World History, Chair of History and Historical and cultural heritage, Institute of History and Culture, Yelets State University named after I. A. Bunin (Yelets) / 478042316789@mail.ru

УДК 942.084.0

Ц. М. Чикаидзе, У. Ш. Тедеева

БЛИЖНИЙ ВОСТОК (1945–1950-е гг.): УСТРЕМЛЕНИЯ СТОРОН

Авторы ставят своей целью рассмотрение факторов, обусловивших геополитическую трансформацию региона Ближнего Востока в переломное послевоенное десятилетие, ознаменовавшееся смещением «центров силы» и становлением новых акторов мировой политики.

Ратую за становление новых параметров взаимоотношений, правящие круги Великобритании с упрочением позиций на Ближнем Востоке, намеревались компенсировать утрату Индии, однако подобные устремления торпедировались подъемом антибританского национализма, антиимпериалистическим курсом СССР, и антиколониальной доктриной США. Помимо идеологического противостояния сверхдержав в условиях послевоенного периода, подспудно шла борьба за получение геостратегического превосходства и установление доступа к нефтяным ресурсам региона.

Наряду с растущим влиянием в финансовой и экономической сфере ближневосточного региона, в политике США прослеживались гегемонистические устремления. Принимая во внимание характер американских интересов на Ближнем Востоке и специфику внутривосточной составляющей США, оказывающей принципиальную роль в формировании внешнеполитического курса, политика Соединенных Штатов не отличалась ни последовательностью, ни корректностью. Масштабный подход при решении политических задач, порой приво-

дивший к кризисам, ставил правящие круги США перед необходимостью переоценки и модификации внешней политики. Так усилия США в послевоенное десятилетие были направлены на нейтрализацию и дальнейшее ограничение советского влияния в регионе Ближнего Востока, придерживались в Вашингтоне и тактики сдерживания конфликтов и конфронтации на региональном уровне.

Для советской стороны принципиальным аспектом, претворяющим активизацию на ближневосточном направлении, стало стремление добиться гарантий безопасности своих южных рубежей. Кроме того, позиция, направленная на диверсификацию связей благоприятствовала продвижению внешнеполитических интересов СССР в статусе сверхдержавы.

Анализ архивных материалов и исследовательской литературы позволяет резюмировать, что внешнеполитические приоритеты и принципы ведущих мировых держав имели широкий резонанс в регионе. Поэтому формирование политических коалиций и соперничество государств Ближнего Востока, отчасти поддерживалось извне.

Ключевые слова: арабские страны, Египет, Саудовская Аравия, Израиль, ближневосточная политика СССР, внешнеполитическая стратегия США.

Tsisnami Chikaidze, Ul'yana Tedeeva

MIDDLE EAST VECTOR IN THE POLICY OF THE LEADING WORLD POWERS

The authors aim to consider the factors that led to the geopolitical transformation of the Middle East region into a turning-point post-war decade marked by the shift of «centers of power» and the emergence of new actors of world politics.

Advocating for the formation of new parameters of relations, the ruling circles of Great Britain with the strengthening of positions in the Middle East, intended to compensate for the loss of India, but such aspirations were torpedoed by the rise of anti-British nationalism, the anti-imperialist course of the USSR, and the anti-colonial doctrine of the United States.

In addition to the ideological confrontation of the superpowers in the post-war period, the struggle for geostrategic superiority and access to the region's oil resources was wondrous. Along with the growing influence in the financial and economic sphere of the Middle East region, hegemonic aspirations were traced in US policy.

Given the nature of American interests in the Middle East and the specificity of the domestic political component of the United States, which plays a fundamental role in shaping foreign policy, United States policy was neither consist-

ent nor correct. A large-scale approach to solving political problems, sometimes leading to crises, put the ruling circles of the United States in front of the need to re-evaluate and modify foreign policy. So the US efforts in the post-war decades were aimed at neutralizing and further limiting Soviet influence in the Middle East region, and Washington also adhered to tactics of containing conflicts and confrontation at the regional level.

The fundamental aspect for the Soviet side, of the activation in the Middle East direction has been the desire to achieve security guarantees for its southern borders. In addition, the position aimed at diversifying ties favored the advancement of the foreign policy interests of the USSR in the status of a superpower.

An analysis of archival materials and research literature allows us to conclude that the foreign policy priorities and principles of the leading world powers had a wide resonance in the region. Therefore, the formation of political coalitions and the rivalry of the States of the Middle East was partly supported from outside.

Key words: Arab countries, Egypt, Saudi Arabia, Israel, the Middle East policy of the USSR, US military strategy.

Идеологические доктрины наряду с политическими идеями претворяли новые векторы в истории. И в этом отношении принципы и идеология панарабизма обладали особой притягательностью, что обеспечивало Египту объективную возможность использовать свой статус в качестве связующего элемента между подсистемой арабских государств и устоявшейся мировой политической системой. Несмотря на определенные периоды истории Египта, сопряженные с утратой суверенитета, «Страна пирамид» и в статусе имперской провинции сохраняла институциональную стабильность, что служило основанием для формирования миропонимания, устоев, и приоритетов египетского общества, выходящих за рамки внутривнутриполитической борьбы и идеологии. Ввиду специфики геополитического расположения, правящие круги Египта, акцентируя внимание на авторитете своей страны в арабском мире, вместе с тем пытались решить стоящие на повестке актуальные для страны задачи.

Стремление добиваться полного суверенитета фигурировало в качестве ключевого элемента внешней политики Египта в межвоенный период, однако политическое размежевание мешало продемонстрировать твердую решимость покончить с британским диктатом. Более того, Великобритании удавалось удерживать баланс, лавируя между либерально-националистической направленностью партии «Вафд» и сторонниками египетской монархии. Тем не менее, устоявшаяся модель взаимоотношений утрачивала стабильность, поскольку консервативная элита более не могла оставаться бездейственной в отношении британского присутствия на территории страны.

С завершением Второй мировой войны правящим кругам Египта предстояло столкнуться с перешедшим на более высокий уровень подъемом национального самосознания – и, определенно, внутренняя политика оказывала детерминирующее воздействие на внешнеполитическую сферу. Вследствие чего идея о необходимости безоговорочной эвакуации британских войск, которая служила бы гарантом обретения независимости, находила все больше сторонников. И если внутривнутриполитическая разобщенность расшатывала положение консервативных кругов, то ряды приверженцев националистической идеологии только ширились. Так концепция национального возрождения находила отклики в политических программах ведущих партий Египта, которых объединяла антибританская направленность. И правящие круги Египта на протяжении 1945–1950 гг. не обладали иной альтернативой, кроме как проявление приверженности национальной идее [8, р. 98 – 99]. Поэтому попытка трансформировать систему господства, осуществляемую в форме прямого правления под эгидой альянсов в «отношения равных партнеров» была нацелена на сохранение за Британской империей статуса державы с превалирующими позициями в регионе Ближнего Востока.

Будучи более столетия краеугольным камнем американской дипломатии в Западном полуша-

рии, доктрина Монро представляла собой интеллектуальную задачу для правящих кругов США, скрупулезно оценивающих ближневосточный регион. Возобладовавшая в 1920-е гг. изоляционистская позиция и дистанцирование США от участия в решении европейских проблем, и вопросов, связанных с переформатированием Ближнего Востока, контрастировала с наметившимся с 1942 г. ростом американского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, демонстрируя планы Вашингтона в долгосрочной перспективе.

Наряду с духом сотрудничества порожденным войной, Великобритания и США оставались суверенными государствами, которым был присущ исторический антагонизм и разноплановость внешнеполитических устремлений, что явственно прослеживалось в отношении Ближнего Востока. Разногласия в вопросах дальнейшего присутствия и регламентации взаимоотношений с региональными государствами сохраняли актуальность. При этом сублимация одной державы по отношению к другой непосредственно оказывала воздействие на их «косые отношения». Не случайно британские правящие круги были обеспокоены заметным американским присутствием и грозящей опасностью постепенного вытеснения из нефтяной сферы региона [20, р. 114].

С завершением Ялтинской конференции в феврале 1945 г., Ф. Рузвельт направился в Египет, где ему предстояла встреча с саудовским монархом, ввиду ключевой значимости, придаваемой его государству в Госдепартаменте, в военных кругах, и сформированном генералом У. Donovanом Управлении Стратегических Служб (OSS) – предшественнике ЦРУ в годы Второй мировой войны [9, р. 34–35]. Саудовская Аравия была лишь одним звеном в глобальной цепи военного времени, но королевству был присущ один решающий аспект. Помимо наличия в недрах обширных запасов нефти и газа, геостратегического положения, Саудовская Аравия представляла собой суверенное государство в этом принципиально значимом ближневосточном регионе.

Пытаясь охарактеризовать сложный и, порой, противоречивый курс и приоритеты, которые определяли политику США в регионе Ближнего Востока. Д. Литл исходит из оценки уровня компетентности американской стороны [8, р. 4]. Так, в связи с предстоящими выборами в Конгресс в ноябре 1946 г. Г. Трумэн, не придерживаясь обязательств своего предшественника относительно Палестины, все больше склонялся на сторону «сотни тысяч, стремящихся к успеху сионизма», поскольку среди его потенциальных избирателей не было «сотен тысяч арабов» [9, р. 34–35].

Опасаясь возникновения политического вакуума в регионе, стратегическое значение, которого становилось беспрецедентным, официальный Вашингтон с марта 1947 г. демонстрировал готовность потеснить Великобританию в Греции и Турции под эгидой «Доктрины Трумэна», предвосхищая отстаивание британской стороной статус-кво на Ближнем Востоке. Так с упрочением

позиций США в военно-стратегической и финансово-экономической сфере в регионе Ближнего Востока для Великобритании все обременительней становилось активное содействие лояльным региональным режимам, наряду с содержанием фактически 100-тысячного контингента военнослужащих и поддержание военно-технического потенциала военных баз, находящихся в регионе.

Столкнувшись с антиколониальной борьбой в Палестине, политика британских мандатных властей была направлена не только на устранение очагов освободительного движения, но и на ее раздробление [4, р. 96]. Ослабленный войной бюджет Великобритании, утрата действенных рычагов воздействия на сионистские круги подталкивали лейбористское правительство, пришедшее на смену «консерваторам» к компромиссу. В Лондоне находили приемлемым федеративное устройство будущей Палестины, при сохранении британского контроля над Иерусалимом,

Заинтересованность же со стороны влиятельных сионистских кругов США, в целом, обусловила поддержку администрацией Белого дома установки на раздел Палестины.

В отчетах советского посла в США – Н. В. Новикова, констатировалось присутствие американского военно-морского флота в портах Восточного Средиземноморья и меры направленные на получение права постоянной дислокации, гарантированные межгосударственными соглашениями [17, р. 66].

Хотя Ближний Восток не представлял приоритетного направления внешней политики СССР в конце Второй мировой войны, тем не менее, контуры «холодной войны» стали приобретать реальные очертания в регионе. С отказом Турции к лету 1946 г. от пересмотра территориальных вопросов и предоставления военных баз в районе черноморских проливов, стратегические инициативы И. В. Сталина, интерпретировались У. Черчиллем как продолжение старого англо-российского соперничества за регион Ближнего и Среднего Востока [17, р. 55]. Глава Форин Оффис Э. Бевин на протяжении советско-британских переговоров стремился не допустить изменений политического ландшафта в акватории Средиземного моря, мотивируя это опасностью, грозящей Британской империи распадом на составные части, тем самым, выступая против перспективы советского присутствия в подмандатной Триполитании. [5, с. 85–86].

Создание в дальнейшем условий для базирования американского флота в акватории Средиземного моря (Триест, Палестина, Греция, Турция), расценивалось советской стороной как «новая угроза безопасности южных рубежей СССР. Для советского руководства были очевидны геостратегические последствия альянса США и Великобритании. Сочетание американского экономического потенциала с ядерной мощью вкупе с военными базами Британской империи были чреваты отнюдь не дружественным «опоясыванием» Советского Союза [4, р. 76].

Первый тревожный сигнал прозвучал в конце апреля 1945 г., когда американская сторона без предварительного уведомления прекратила поставки по ленд-лизу в размере 381 млн долл., что стало очередной проверкой на прочность советской экономики. Выделенные Государственным комитетом обороны (ГКО) 113 млн из золотовалютных резервов компенсировали недостающие части и материалы. Ссылаясь на бюрократическую оплошность, Соединенные Штаты возобновили поставки по ленд-лизу. Однако, в Москве инцидент расценили как попытку оказания политического давления, что усиливало приверженность принципу – «полагаться только на собственные силы» [13, р. 15].

В регионе Среднего Востока Советский Союз не мог придерживаться пассивной позиции. В связи с планируемым созданием авиабазы Дахран в Саудовской Аравии и других баз западного блока на Ближнем Востоке, которые впоследствии могли быть использованы командованием США для бомбардировки жизненно важных и уязвимых объектов нефтяной и тяжелой промышленности, перебазируемых с западных районов СССР еще в первые месяцы войны. Так в Иране, в частности, СССР выступил сторонником азербайджанской и курдской автономии, и неспешность в вопросе вывода советских войск исходила из планов по мере возможности максимально сдвинуть оборонительные рубежи на южном направлении.

22 февраля 1946 г., в «Длинной телеграмме» сотрудник посольства США в Москве Дж. Ф. Кеннан предостерегал американское руководство, указывая, что в случае расширения сферы влияния и упрочнения военно-стратегического потенциала Советского Союза, правительство Ирана в перспективе сочтет приемлемым предоставление СССР зоны дислокации в акватории Персидского залива. Дж. Кеннан считал необходимым сдерживание СССР, признавая враждебной позицию, занятую Советским Союзом, что в определенной мере предопределило оценку динамики советской внешней политики американским истеблишментом [12, р. 65].

В свою очередь, помимо общих положений об экспансивном характере американской политики, посол Советского Союза в США Н. В. Новиков в отчете «Внешняя политика США в послевоенный период», датированном 27 сентября 1946 г. акцентировал внимание на ключевой значимости ближневосточного региона в военно-стратегических планах Вашингтона [6].

В аналитическом обзоре, представленном Н. В. Новиковым, отмечалась потенциальная угроза размещения «американских стратегических баз» в регионе Ближнего Востока и за его пределами, которые могли представлять плацдарм для нанесения тактических ударов по советской территории. Невозможно с полной определенностью утверждать, действительно ли этот канал имел резонанс в Москве схожий с реакцией Вашингтона на «Длинную телеграмму» Кеннана, или это было лишь отражением взглядов Н. В. Но-

викова разделявшим со своим руководством беспокойство ввиду специфичности ближневосточного региона. [16, р. 67–68]. Констатировалось им и более чем двенадцатикратное увеличение военного бюджета на 1947–1948 финансовый год, при сопоставлении с показателями десятилетней давности.

Факторами, активизировавшими «масштабное продвижение» Соединенных Штатов, в регион Средиземноморского бассейна и Ближнего Востока, по мнению советского посла, были связаны с природными ресурсами, и в первую очередь – с нефтью. Критерием для подобной оценки служило то, что стремление «приоткрыть дверь» на Ближний Восток в 1928 г. с получением первых концессий на разработку нефтяных месторождений, к 1944 г. исчислялось установлением контроля над 42% разведанными в регионе месторождениями. В 1947 г. план «американских нефтяных компаний протянуть трансаравийский трубопровод для транспортировки нефти, выкачиваемой в Саудовской Аравии к Средиземному морю» частично был реализован компанией «Агатсо» с началом функционирования терминалов в Захрани, и вблизи ливанского Сидона [16, р. 66–67]. Военные базы и аэродромы, и отдельные объекты Персидского залива были важны как для поддержания военно-стратегического потенциала США, а также служили гарантом укрепления экономических позиций в мирный период. Так с конца 1940-х гг. правящие круги США отводили нефтеносным районам Ближнего Востока роль «энергетика» подпитывающего промышленность и военный потенциал союзников, в то время как Соединенным Штатам была уготована миссия сохранения нефтяных ресурсов Западного полушария как стратегического резерва на время глобальной чрезвычайной ситуации [11, р. 4].

Иницированное США новаторство в отношении предоставления половины прибыли от нефтяных месторождений всколыхнуло не только Ближний и Средний Восток, но и Великобританию.

Подчеркивая решимость Великобритании защитить свои нефтяные интересы в регионе, лорд Бивербрук (курирующий в годы войны Министерство запасов и снабжения) заявлял, что «Нефть является единственным остающимся для нас, самым существенным послевоенным активом. Мы должны отказаться от деления нашего последнего актива с США» [23, р. 401]. Более того, стремление защитить платежный баланс Великобритании и избежать метаморфоз, сопряженных с переходом на «второстепенные роли» в мировой политике, – не исключала попыток дестабилизировать «доллар».

При этом, по мнению Р. Макнамара, британские правящие круги, объективно оценивая геополитические изменения и собственный потенциал, стремились отсрочить процесс грядущей радикальной трансформации, позволив США занять лидирующие позиции в регионе Ближнего Востока [18, р. 92].

В то время как советская дипломатия стойко и последовательно стремилась к получению стра-

тегических зон дислокации в ближневосточном регионе и возможности доступа к иранской нефти, США к тому времени уже сумели осуществить обе цели. Нарастающая мощь на Ближнем Востоке и исходящие от американской стороны инициативы в Москве расценивали как прямую угрозу безопасности СССР, а также как часть масштабного плана на пути США к мировой гегемонии.

Активизация обеих сверхдержав в отношении сырьевых баз углеводородного сырья, сосредоточенность Советского Союза в отношении обеспечения обороноспособности находящихся близ границ собственных внутренних нефтяных ресурсов и прогнозируемое военными аналитиками усиление позиций США, являлось показателем наступления новой эры соперничества и борьбы за глобальное доминирование.

И, если И. В. Сталин и советское руководство в целом, основные векторы внешнеполитической стратегии видели в укреплении национальной безопасности и упрочнения позиций СССР на международной арене, то после 1953 г. трансформация внешнеполитического курса будет обусловлена ротацией геополитических и идеологических парадигм, а также внутрипартийной борьбой, разгоревшейся в Кремле в этот период. Так период с конца 1954 г. По начало 1955 г. по мнению Э. Рубинштейна имел огромное значение для советской внешней политики в отношении «третьего мира» в целом, и в отношении всего Ближнего Востока, в частности [19, р. 81].

На саммите в Женеве, прошедшем в июле 1955 г., главы правительств СССР, США, Великобритании и Франции наряду с проблемами послевоенного мироустройства, вынесли на рассмотрение вопрос сохранения территориальной целостности государств, придерживающихся политики нейтралитета и не участвующих в военных блоках.

Как представлялось Н. С. Хрущеву, советской дипломатии удалось лишить США комфортного положения превосходства, поставив американскую сторону перед необходимостью поиска компромиссов. Подобная интерпретация, по мнению В. Зубока, побудила сменить выверенный и рациональный курс на наступательный за пределами основных театров холодной войны [24]. К осени 1955 г. это приведет к активизации СССР на Арабском Востоке. Глобальные масштабы противоборства и линия противостояния в холодной войне порой носили незримый характер, затрагивая различные сферы и направления. И ведущие мировые державы были полны решимости отстаивать собственные ценности, принципы, идеологические доктрины, поступаясь колоссальными материальными ресурсами и интеллектуальным потенциалом дипломатов, военных, политиков.

В Вашингтоне находили советскую стратегию на Ближнем Востоке угрожающей не их национальной безопасности непосредственно, скорее их диспозициям в регионе, которые были так принципиально важны для Соединенных Штатов, претендующих доминирующие позиции в мире.

Советская военная угроза служила предлогом для создания военных баз США в геополитически важных регионах, и наращивания американского «фактора» при сопоставлении с ограниченным военно-стратегическим потенциалом и относительно скромной миссией Соединенных Штатов до 7 декабря 1941 г. И решающая роль в реализации гегемонистических устремлений, американскими правящими кругами отводилась вооруженным силам.

Сложившаяся в послевоенное десятилетие политическая конфигурация в определенной мере отражала геополитические предпочтения сверхдержав. И сложная динамика ближневосточного конфликта, в котором СССР поддерживал сотрудничество арабскими странами, проецировалась на отношения Москвы и Тель-Авива [3, с. 264].

Официальный Вашингтон, придерживающийся произраильского курса, решал задачу и нейтрализации арабских режимов, отстаивающих свой суверенитет и дистанцировавшихся от американского влияния. Заняв нейтральную позицию в вопросе вывода британских войск с территории Египта, Соединенные Штаты, стремились избежать обвинений в лояльности по отношению к той или иной стороне. Хотя, подобная позиция, по мнению британского кабинета, была чревата перспективой остаться без союзников [13].

Джордж Кеннан уже в качестве посла США в Советском Союзе и будучи кадровым сотрудником Госдепартамента, ставил под сомнение рациональную составляющую поддержки Израиля Соединенными Штатами [14 р. 184]. Специалист же отдела по Палестине – Роберт МакКлинток предостерегал о потенциальной угрозе «радикальных действий, способных нанести ущерб стратегическим интересам США» со стороны «фанатичных, изнуренных масс против наших нефтяных инвестиций», [18, р. 25].

Несмотря на то, что ближневосточная политика СССР и США определялась идеологическими императивами и разноплановостью приоритетов – обе сверхдержавы придерживались схожего подхода в стремлении предотвратить перерастания ближневосточного конфликта до уровня глобального.

Со становлением СССР в статусе сверхдержавы, Соединенные Штаты были озабочены крепнущими позициями международного коммунизма, что периодически ставило под угрозу западное влияние в арабском мире. При этом американское руководство фактически не акцентировало внимание на продвижении демократических свобод или конституционализма на Ближнем Востоке. Как бы парадоксально это не звучало, учитывая демонизацию радикальных религиозно-политических течений ислама в американском публичном дискурсе на протяжении десятилетий, Соединенные Штаты на самом деле проявляли лояльность по отношению к подобным тенденциям, ввиду необходимости наличия в арсенале любых средства для ведения холодной войны.

Более того, американское влияние прослеживалось в поддержке переворота в 1949 г. Хусни

Заима против конституционно избранного президента Шукри аль-Куватли в Сирии; в предоставлении финансовой поддержки президенту Ливана Камилю Шамуну при формировании парламентского большинства в выборах 1957 г. [22]. Сменившая проамериканскую военную диктатуру Адиба Шишенкли, Национальная партия Сирии вызвала крайнюю настороженность со стороны США, опасавшихся создания сирийско-египетского оборонительного союза. Абстрагированность от навязываемых Вашингтоном «внешнеполитических перспектив» обернулось жестким резонансом для сирийского руководства, которое проявилось в эскалации напряженности во взаимоотношениях с Турцией и Ираком, конфронтации с Израилем [7, с. 43].

США поощряли формирование региональных союзов и региональных систем, которые свели бы вместе антикоммунистические и прозападные правительства, как часть программы по сдерживанию Советского Союза. Поэтому Соединенные Штаты придавали большую значимость альянсу расположенных вблизи советских границ – Турции и Ирана с любым ближневосточным региональным союзом. В Вашингтоне пытались включить и Израиль в эти союзы, полагаясь на установление мирного процесса между арабскими государствами и Израилем, тем самым обеспечив безопасность последнего.

И, хотя на протяжении 1950–1960-х гг. подъем антизападного национализма, сменялся спадом, за которым регион погружался в череду локальных конфликтов. Поддержка арабского мира со стороны СССР против Запада и Израиля, расцениваемого в качестве «прозападного форпоста в регионе» благоприятствовал росту советского влияния и престижа [2, с. 58].

Прием сирийского посланника Фариды Хани главой МИД СССР В. М. Молотовым 27 марта 1955 г. свидетельствовал, что «СССР ценит крепнущие позиции Сирии» и приветствует отказ сирийского руководства, от участия в агрессивных военных альянсах» [1, л. 2].

В ходе встречи, прошедшей, тремя месяцами позднее (22 июня 1955 г.), в Сан-Франциско, министр иностранных дел Сирии Халед эль-Азем уведомил В. М. Молотова о ходе переговоров Сирии, Египта и Саудовской Аравии, нацеленных на заключение действенного союза арабских государств. И далее: «В связи с этим на арабские страны оказывается давление, со стороны Турции, заинтересованной в разобщенности арабского мира, Англией с целью сохранения стабильности прочных позиций в Ираке, Соединенными Штатами – для осуществления дальнейшего контроля в Ливане» [1, л. 2–4].

Приемлемыми проявлениями помощи в Дамаске считали – «моральную поддержку, с целью нейтрализации давления со стороны Турции», а также «упрощение процесса закупки оружия Сирией, в котором отказывают США, ибо они обуславливают свои поставки вооружений тем, что бы получающие его страны, следовали политике,

проводимой США» [1, л. 6]. При этом В. М. Молотов, выражавший советскую позицию, отмечал, что «СССР будет продолжать оказывать содействие в приобретении оружия для Сирии, которое в пределах возможного должно приобретаться через Чехию и Польшу» [1, л. 7].

В конечном итоге, в октябре 1955 г. Египет и Сирия сумели заключить военный союз, к которому примкнула и Саудовская Аравия. Антиимпериалистическая направленность республиканских Каира и Дамаска были очевидны. Саудиты же отстранились от Багдадского Пакта, ввиду давней конкуренции с монархическим Ираком, а также в связи с возникшей разобщенностью с Великобританией, поддержавшей султанат Маската в территориальном споре за нефтеносный оазис Бурайми.

Интересы Соединенных Штатов на протяжении многих лет неоднократно сталкивались с британскими. Максимальная разобщенность стран нашла выражение в период Суэцкого кризиса, когда Вашингтон выступил против военной кампании развязанной Великобританией, Францией и Израилем против Египта. Конфронтационный характер взаимоотношений Великобритании с арабскими государствами Ближнего Востока в послевоенное десятилетие, позволил Вашингтону в 1957 г. с обнародованием «Доктрины Эйзенхауэра», занять место старшего партнера в англо-американском альянсе на Ближнем Востоке. Кроме того, с провозглашением Доктрины, США признавали готовность оградить ближневосточный регион от коммунизма и его сторонников, используя весь имеющийся потенциал, вплоть до вмешательства во внутривосточную сферу стран Ближнего Востока. И как отмечал ученый-востоковед и государственный деятель Е. М. Примаков «Имея достаточно надежные источники информации, Вашингтон не должен был исходить из того, что СССР намерен устанавливать коммунистический режимы». Антикоммунистическая направленность Доктрины, очевидно, была рассчитана на позитивный резонанс со стороны ближневосточных монархий. В случае, если бы определенно указывалась ее нацеленность против какой-либо арабской страны (в том числе и Египта), это отнюдь не было бы воспринято благосклонно. Таким образом, реализация Доктрины была направлена на становление США в статусе доминирующей внерегиональной державы, наряду с нейтрализацией насеровского Египта – «союзника СССР на Ближнем Востоке» [7, с. 100].

Американская администрация придерживалась курса на поддержание контактов с арабскими странами для соблюдения баланса в регионе, ввиду опасения, что произраильский курс Вашингтона приведет арабский мир к просоветской ориентации. А затяжной конфликт, в свою очередь, мог обеспечить благоприятные возможности для Советского Союза, стремившегося, по мнению аналитиков Госдепартамента, к упроч-

ению своего влияния за счет реализации оружия и оказания дипломатической поддержки арабским странам.

Присоединение саудовского монарха Сауда в 1957 г. к «Доктрине Эйзенхауэра», декларирующей поддержку любому ближневосточному государству, на которое нацелена «вооруженная агрессия любой страны, контролируемого международным коммунизмом», обеспечило Вашингтону возможность отдалить Саудовскую Аравию от Египта (в недалекого прошлого союзника в межарабской политике и активного сторонника Движения неприсоединения). В результате в течение следующего десятилетия Саудовская Аравия и Египет стали представлять полюса двух противоположных лагерей в арабском мире, характеризующихся М. Керром как «арабская холодная война» [12].

Не случайно, подписанием в Каире 27 декабря 1958 г. советско-египетскому договору об оказании экономической и технической помощи Объединенной Арабской Республике в строительстве первой очереди высотной Асуанской плотины, придавалось кардинальное значение, что подтверждается его ратификацией 19 февраля 1959 г. в Москве [3, с. 23].

Таким образом, приоритеты СССР на Ближнем Востоке претерпевали определенную трансформацию в рассматриваемый период. Тем не менее, в Москве пытались определить верного ближневосточного союзника. С середины 1950-х гг. советское правительство выражало готовность к сотрудничеству с консервативным и буржуазно-националистическим руководством в областях, представляющих взаимный интерес, несмотря на поддержание ими тесных взаимоотношений с Соединенными Штатами в военной сфере.

Соединенные Штаты, в свою очередь, в последующий за 1945 г. период, пытались влиять на любую значительную проблему региона: от права на существование Израиля и целостности его границ, к негативной оценке британско-французско-израильского вторжения в Египет, и десяткам других проблем. Американские правящие круги опасались проявлений пассивности, поскольку было очевидно, что Советский Союз представляет собой мощную альтернативу, оказывая реальное содействие странам региона в политической, экономической, технической сферах. В то же время, оказываемое со стороны и Советского Союза и Соединенных Штатов, военно-тактическое и техническое содействие лояльным режимам было сопряжено с милитаризацией политики, превращая использование военного потенциала в способ разрешения конфликта. Можно признать, что события на ближневосточной арене, порой предопределяли влияние СССР или США в регионе, позволяя тому или иному ближневосточному государству рассчитывать на поддержку со стороны одной из сверхдержав.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 14 а. П. 49. Д. 270.
2. Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке М.: Центрполиграф, 2018. 670 с.
3. Внешняя политика СССР. Документы и материалы. Выпуск 1 (январь-март 1959 г.) Часть. II // Министерство иностранных дел СССР. Историко-дипломатическое управление. [Для служебного пользования]
4. Медведко Л. И., Медведко С.И. Восток – дело близкое, Иерусалим – святое. М.: Грифон, 2009. 542 с.
5. Нарочницкая Н. Старый «Восточный вопрос» в новой англосаксонской политике // Международная жизнь. 2001. № 8. С. 75–89.
6. Первые письма с «холодной войны» // Международная жизнь. 1990. № 11, С. 138–154.
7. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центрполиграф, 2016. 415 с.
8. Doran Michael. Egypt: Pan-Arabism in Historical Context. L. Carl Brown (ed.), Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers. N.Y., 2004. P. 97–120.
9. Douglas Little. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2008. 464p.
10. Eddy A. William, F. D. R. (Franklin D. Roosevelt) Meets Ibn Saud, American Friends Of The Middle East, Inc. New York, 1954. 46 p.
11. Fain W. Taylor American Ascendance and British Retreat in the Persian Gulf Region. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 291 p.
12. Galpern Steven G. Money, Oil, and Empire in the Middle East: Sterling and Postwar Imperialism, 1944–1971. New York: Cambridge University Press, 2009. xiv + 331 p.
13. John Darwin. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830-1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 596 p.
14. Kennan G. Memoirs 1925-1950. Boston: Little, Brown and Co., 1967. 583 p.
15. Kerr Malcolm H. The Arab Cold War: Gamal Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970, 3rd ed. London/Oxford/New York: Oxford University Press, 1971. 166 p.
16. Khalidi Rashid. Sowing crisis: the Cold War and American Dominance in the Middle East. Boston: Beacon Press, 2009. 308p.
17. Little Douglas. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945, 3rd edition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 441 p.
18. McNamara, R. Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East, 1952-1967: from the Egyptian revolution to the Six-day war. London; Portland (Or.): Cass, cop. 2003. XVII, 308 p.
19. Rubinstein Alvin Z. The Middle East in Russia's Strategic Prism. L. Carl Brown (ed.). Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers. N.Y., 2004. P.75-94.
20. Simon Davis. Contested Space: Anglo-American Relations in the Persian Gulf 1939–1947. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 352 p.
21. Smith Simon C. Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization. London: Routledge, 2012. 264 p.
22. Wilbur Crane Eveland. Ropes of sand: America's failure in the Middle East. L.; N.Y.: Norton, Cop. 1980. 382 p.
23. Yergin Daniel. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power. New York: Simon & Schuster, 1991. 909 p.
24. Zubok V. M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007, 467 p.

References

1. Foreign Policy Archive of the Russian Federation. F. 06. Inv. 14 a. D. 270.
2. Vasil'ev A. M. Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke (*From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East*). Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2018. 670 p.
3. Vneshnyaya politika SSSR. Dokumenty i materialy. Vypusk 1 (yanvar'-mart 1959 g.) Chast'. II // Ministerstvo inostrannykh del SSSR. Istoriko-diplomaticheskoe upravlenie. [Dlya sluzhebnogo pol'zovaniya] (*Foreign policy of the USSR. Documents and materials. Issue 1 (January-March 1959) Part. II // Ministry of Foreign Affairs of the USSR. Historical and Diplomatic Administration. [For official use]*) p. 23.
4. Medvedko L. I., Medvedko S. I. Vostok – delo blizkoe, Ierusalim – svyatoe (*The East is near, Jerusalem is Holy*). Moscow: Grifon publ., 2009. 542 p.
5. Narochnitskaya N. Staryi «Vostochnyi vopros» v novoi anglosaksonskoi politike // Mezhdunarodnaya zhizn'. («*The Eastern question*» in new Anglo-Saxon politics) // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2001. No. 8. P. 75–89.
6. Pervye pis'ma s «kholodnoi voiny» // (*First letters from the cold war*) // Mezhdunarodnaya zhizn', 1990. No. 11. P. 138–154. (In Russian).
7. Primakov E. M. Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (*Confidential: the Middle East on stage and behind the scenes*). Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2016. 415 p.
8. Douglas Little. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2008. 464 p.
9. Eddy A. William, F. D. R. (Franklin D. Roosevelt) Meets Ibn Saud, American Friends Of The Middle East, Inc. New York, 1954. 46 p.
10. Galpern Steven G. Money, Oil, and Empire in the Middle East: Sterling and Postwar Imperialism, 1944–1971. New York: Cambridge University Press, 2009. xiv + 331 p.
11. Fain W. Taylor American Ascendance and British Retreat in the Persian Gulf Region. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 291 p.

12. Kerr Malcolm H. The Arab Cold War: Gamal Abd al-Nasir and His Rivals, 1958–1970, 3rd ed. London/Oxford/New York: Oxford University Press, 1971. 166 p.
13. Zubok V. M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill: the University of North Carolina Press, 2007, 467 p.
14. Doran Michael. Egypt: Pan-Arabism in Historical Context. L. Carl Brown (ed.), Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers. N.Y., 2004. P. 97–120.
15. John Darwin. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System, 1830–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 596 p.
16. Kennan G. Memoirs 1925–1950. Boston: Little, Brown and Co., 1967. 583 p.
17. Khalidi Rashid. Sowing crisis: the Cold War and American Dominance in the Middle East. Boston: Beacon Press, 2009. 308 p.
18. Little Douglas. American Orientalism: The United States and the Middle East since 1945, 3rd edition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2008. 441 p.
19. McNamara, R. Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East, 1952–1967: from the Egyptian revolution to the Six day war. London ; Portland (Or.) : Cass, cop. 2003. XVII, 308 p.
20. Rubinstein Alvin Z. The Middle East in Russia's Strategic Prism. L. Carl Brown (ed.). Diplomacy in the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers. N.Y., 2004. P.75-94.
21. Simon Davis. Contested Space: Anglo-American Relations in the Persian Gulf 1939-1947. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 352 p.
22. Smith Simon C. Ending Empire in the Middle East: Britain, the United States and Post-War Decolonization. London: Routledge, 2012. 264 p.
23. Wilbur Crane Eveland. Ropes of sand: America's failure in the Middle East. L.; N.Y: Norton, Cop. 1980. 382 p.
24. Yergin Daniel. The Prize: the Epic Quest for Oil, Money and Power. New York: Simon & Schuster, 1991. 909 p.

Сведения об авторах

Чикаидзе Циснами Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава РФ (Владикавказ) / tsisnamy@mail.ru

Тедеева Ульяна Шотаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава РФ (Владикавказ) / tedeeva76@mail.ru

Information about the authors

Chikaidze Tsisnamy Mikhailovna – PhD in History, Associate Professor, Chair of Public Health, Healthcare and Socio-Economic Sciences, North Ossetian State Medical Academy (Vladikavkaz) / tsisnamy@mail.ru

Tedeeva Ul'yana – PhD in History, Associate Professor, Chair of Public Health, Healthcare and Socio-Economic Sciences, North Ossetian State Medical Academy (Vladikavkaz) / tedeeva76@mail.ru

УДК 94(437)

А. Шимон

ОТ НЕПРИЯТИЯ К ПРИМИРЕНИЮ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕНГЕРСКОГО МЕНЬШИНСТВА В СОСТАВЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1919–1925 гг.)¹

Согласно решениям Трианонского мирного договора 4 июня 1920 года, заключенного между представителями Венгерского королевства и держав-победителей весь бывший исторический регион т. н. «Верхней Венгрии» (венг. «Фельвидек») перешел в состав Чехословакии. На этой территории проживало около 900 тысяч лиц венгерской национальности (в том числе 800 тысяч лиц в Словакии, 100 тыс. лиц в Закарпатье). Подавляющее большинство этой массы проживало компактно, в пограничных районах Чехословакии с Венгрией. Большая часть сформировавшегося таким образом венгерского национального меньшинства в Чехословакии в первые годы отказалась от признания новообразованного молодого государства. Причины этого непризнания заключались в традиционной исторической социализации этой массы в рамках тысячелетней венгерской государственности, и в характерном для ней сильного венгерского национального сознания, а также в отдельных насиль-

ственных мерах чехословацких властей, принятых в целях интегрирования пограничной полосы южной Словакии в рамках чехословацкого государства. Автор данной статьи показывает постепенный процесс интеграции венгерского населения Словакии в рамках чужом для него во всех отношениях государственном образовании, а также свойственности политической самоорганизации венгерского нацменьшинства в первые годы существования Чехословацкой Республики.

Ключевые слова: вопрос федерализации исторического региона Верхней Венгрии (венг. «Фельвидек») в 1918–1919 гг., Трианонский мирный договор 4 июня 1920 г., венгерское национальное меньшинство в Чехословакии, национальная политика чехословацких правительств в период между 1920 г. и 1925 г., политические и культурные отношения между венграми и словаками в 1910-х и 1920-х гг.

Attila Simon

FROM REFUSAL TO ACCEPTANCE: THE FIRST YEARS OF HUNGARIAN MINORITY IN CZECHOSLOVAKIA (1919–1925)

On the day of June 4th 1920, the Treaty of Trianon was signed by the representatives of the Hungarian Kingdom and the Allied Powers. According to this treaty approximately 900 000 Hungarians (800 000 from the area of today's Slovakia and about 100 000 from Transcarpathia) were allocated to Czechoslovakia. Mainly of these people lived near the border of Hungary-Czechoslovakia. Majority of these Hungarians rejected this new state, because of their socialization, strong national identity, and because of the dictatorial provisions of the Czechoslovak state; they only accepted this new situation gradually. This current study pri-

marily discusses how these Hungarians fit into this – by any means – unfamiliar state, and what political attitudes were characteristic in the life of Hungarians as minority in the first years of the Czechoslovakia.

Key words: Question of federalization of Northern Hungary in 1918–1919, The Treaty of Trianon on 4th June 1920, Hungarian national minority in Czechoslovakia, National policy of the Czechoslovakian governments between 1920 and 1925, Political and cultural relations between Hungarians and Slovaks in the late 1910s and 1920s.

Введение

Согласно подписанному 4 июня 1920 г. Трианонскому мирному договору, к Чехословацкой Республике были присоединены северные комитаты Венгрии в ее исторических границах. Часть данных территорий была практически полностью заселена венграми, которых от проживавших

севернее словаков отделяла четкая языковая граница (О подписании Трианонского мирного договора, его содержании и последствиях см. 1. – А. Ш.). Определенные Парижем границы, которые – вопреки этическим принципам – включили в состав Чехословакии порядка 900 тысяч венгров (800 тысяч в Словакии и почти 100 тысяч в За-

¹ Перевод данной статьи с венгерского на русский язык был профинансирован Архивным институтом Венгрии в Москве в 2015 г. Аннотация, ключевые слова, сведения об авторе на русском языке, а также перечень географических наименований были составлены Атилой Шереш в 2020 г. Научная редакция русского перевода статьи: А. Шереш.

карпатье) стали серьезной победой чехословацкой дипломатии¹. Однако вскоре стало очевидно, что присутствие венгров на территории Чехословакии чрезвычайно обременительно, поскольку вызывает постоянную напряженность и является фактором внутривнутриполитической нестабильности, к тому же серьезно усложняет двусторонние отношения с требующей пересмотра мирного договора Венгрией. В настоящей статье мы рассмотрим способы, с помощью которых венгерское меньшинство адаптировалось к совершенно чужой среде в первые годы существования Чехословацкой республики, а также модели избранного им политического поведения.

Трудная адаптация

Провозглашение 28 октября 1918 г. первым декретом пражского Чехословацкого Национального Совета (ЧНС) независимого чехословацкого государства, которое вскоре подтвердило свою жизнеспособность – одно из самых удачных начинаний первой половины двадцатого века. Особенно если учесть, что идее создания общего государства чехов и словаков на момент воплощения было всего 4 года. Впервые ее озвучил профессор философии пражского университета Томаш Гарриг Масарик, автор меморандума «Независимая Чехия» (Independent Bohemia) (английский текст проекта, адресованный властным кругам Великобритании, см. 40 – А. Ш.) 1914 г., опубликованного год спустя.

Создатели плана будущей Чехословакии, в том числе Масарик, с самого начала осознавали, что государственные и этнические границы воображаемой страны не будут совпадать даже приблизительно, поэтому отводили вопросам национальной политики важную роль уже на данном, раннем этапе. Еще до возникновения государства подход чехословацких² политиков к

вопросу нацменьшинств можно было охарактеризовать двумя пунктами. Во-первых, позицией президента Масарика, которая для охваченной национализмом Европы была, безусловно, толерантной и либеральной, [29] во-вторых, требованиями стран Антанты. В свете вышесказанного Вашингтонская декларация, провозгласившая независимость Чехословакии 18 октября 1918 года – и в первую очередь ориентированная на американские принципы свободы и демократии – опиралась на идею равноправия наций и гласила: «национальные меньшинства будут пропорционально представлены в выборных органах и получат равные права» (с чешским текстом декларации можно ознакомиться здесь в 33 – А. Ш.). Кроме того, Масарик полагал, что немецкий вопрос удастся решить, гарантировав полноту прав личности и устроив государство по демократическим принципам [18, р. 22].

Меморандумы, представленные чехословацкой делегацией на парижской мирной конференции, на этом не останавливались и предлагали странам-победителям план создания «Восточной Швейцарии». Так, в меморандуме III содержались следующие обещания: «У чехословаков будет те же права, что у немцев. Немецкий будет вторым государственным языком, по отношению к немцам не будет применять никаких репрессий. Система будет напоминать швейцарскую» [6]. Однако это оказалось пустыми словами: внутреннее устройство Чехословацкой республики приняло совсем иной вектор, и образ «Восточной Швейцарии» быстро исчез под грузом реальных проблем [47, р. 336–338].

Все выше сказанное свидетельствует о том, что национальный вопрос был для чешской элиты, в первую очередь, немецким и оставался таковым после создания Чехословакии. В списке актуальных проблем национальной политики он опережал даже решение «внутренних» разногласий чехов и словаков (то есть словацкий вопрос), в то время как венграм, русинам и полякам уделялось гораздо меньше внимания.

28 октября 1918 г. было не завершением процесса, а скорее началом создания Чехословакии: в течение последующих недель и месяцев надлежало организовать систему государственных политических институтов и административного управления, заложить основы правовой системы и, не в последнюю очередь, определить территорию нового государства и приступить к ее использованию. Уже 13 ноября была принята переходная конституция Чехословакии, согласно которой законодательной властью наделялся однопалатное Национальное собрание. В задачи так называемого революционного Национального собрания входило формирование законодательной основы нового государства, в том числе, принятие окончательной конституции. Поскольку выборы не проводились, в парламент были приглашены чешские депутаты, получившие мандаты по

сти, состояло из двух самостоятельных народов: чехов и словаков.

¹ Численность оказавшихся в Чехословакии венгров остается предметом спора между историографами Венгрии и Словакии, поскольку последние данные переписи населения Австро-Венгрии за 1910-й год и первые, относящиеся к чехословацкому периоду (за 1921-й год) существенно различаются. Учитывая активизировавшиеся в связи с созданием Чехословакии миграционные процессы, двойственную самоидентификацию и многоязычие, а также различия методов переписи, мы склонны считать, что на момент занятия Чехословакией северной Венгрии на этих территориях проживало порядка 900 тысяч человек, считавших себя венграми.

² Несмотря на то, что в специальной литературе название «Чехословацкая республика» («чехословацкое государство») пишется через дефис, в данной статье используется вариант слитного написания: Чехословацкая республика (чехословацкое государство), так как, во-первых, так было официально принято в указанный исторический период, а во-вторых, отражает философию государственного устройства, согласно которой центр находился в Праге. В ряде случаев – когда речь идет не о государстве, а о населении и власти преобладающих политиках – мы используем дефисное написание, тем самым подчеркивая фиктивность титульной «чехословацкой нации», поскольку государство, в сущно-

итогах австрийских выборов 1911 г., и словаки, приглашенные по рекомендации Вавро Шробара, единственного, входившего в президиум ЧСНС словака. Ни немецкие, ни венгерские депутаты мест в парламенте не получили, ибо, как выразился Фред Хан: «к реализации идущей полным ходом революции, то есть формированию конституции, не могут и не должны привлекаться те, против кого она направлена» [11].

Путем компромисса между ЧСНС и представителями эмиграции временное Национальное собрание сформировало первое правительство, которое возглавил исповедовавший крайне-правые, националистические взгляды Карел Крамарж, в свою очередь, назначивший президентом Масарика, в то время все еще проживавшего за границей. Одновременно с этим произошло не менее значимое для Словакии событие: 11 декабря Национальное собрание утвердило полномочным министром по делам Словакии бывшего врача из города Рожахедь Вавро Шробара, неограниченные полномочия которого обеспечивали ему решающую роль в событиях грядущих месяцев.

Перед пражским правительством стояла «вдвойне революционная» задача: во-первых, заложить основы парламентской республики на руинах монархического государства, во-вторых – лишить былого влияния немцев и венгров, пользовавшихся привилегиями при Гасбургах, и передать бразды экономической и политической власти чехословацкому населению. При этом правительство не брезговало любыми методами, в том числе, прямым насилием, что дает нам право называть период до первых парламентских выборов 1920 г. эпохой революционной диктатуры чехословацкой нации. Политической целью диктатуры нации было достижение «точки невозврата», после которой власть «чехословацкого» элемента была бы стабильно гарантирована, а пути к отмене завоеваний «национальной революции» окончательно отрезаны даже в формате парламентской демократии. В этих целях были инициированы земельная реформа, национализация в сфере общественной жизни и образования, ограничение полномочий муниципалитетов и полная перестройка административно-территориальной системы.

Отношения венгерского меньшинства и чехословацких властей в период между 1-й и 2-й мировыми войнами по большей степени определили события шести месяцев после занятия населенной венграми южной Словакии, которые завершились осенью 1919 г. Этот период – за исключением попыток дать ему дипломатическую и военно-историческую оценку – по-прежнему остается белым пятном в истории, и о том, какой след оставила смена государственной принадлежности словацких земель на данной территории, известно довольно мало [24]. Одно можно утверждать с уверенностью: венгерское население, внезапно оказавшееся с января 1919 г. в меньшинстве, было совершенно не готово к такому повороту событий. До того момента оно не получало практически никаких известий о том, как и

для чего пражские власти организуют новое государство, и поначалу не связывало создание Чехословацкой Республики с собственной судьбой.

Осенью 1918 г. венгерское население этого региона было захвачено событиями будапештской революции астр и связывало будущее с устроенной по новым принципам демократической Венгрией. По этой причине в последние дни 1918 г. социал-демократические рабочие советы и местные национальные советы Кашши, Пожони и Комарома горячо протестовали против чехословацкого вторжения, окрестив наступающие чехословацкие войска империалистическими и оккупационными [14]. Народные дружины целого ряда населенных пунктов не исключали возможности вооруженного сопротивления, однако сама оккупация, завершившаяся за три недели нового года, не встретила серьезного вооруженного сопротивления ни со стороны венгерской армии, ни со стороны местного населения. В некоторых районах, например, в Матюшфёльде [5, р. 129–130], имели место небольшие военные инциденты, однако в общем и целом население венгерских деревень и городов так устало от затянувшейся войны, а также неопределенности и неразберихи после краха империи, что встретило чешских солдат «в причудливой форме» и их итальянских и французских командиров спокойно и без сопротивления. Сыграл свою роль и тот факт, что чехословацкие войска воспринимались населением как силы Антанты, которые вводятся на время мирных переговоров, никто и предвидеть не мог, что территории с чисто венгерским населением могут быть отделены от Венгрии.

Однако вскоре последовали военные конфискации имущества, роспуск народных дружин, закрытие демаркационной линии и строгое ограничение выезда в Венгрию, что послужило причиной постоянного напряжения в отношениях местного населения с новой властью. К открытому конфликту привело решение полномочного министерства Шробара перенести центр административного управления Словакии из Жолны в Пожонь с преимущественно немецко-венгерским населением. В ответ профсоюзы железнодорожников и почтовых служащих и их социал-демократическое руководство организовали всеобщую забастовку, к которой примкнули не только немецко- и венгриязычные рабочие, но и множество словаков и подавить которую новая власть смогла лишь с помощью штрейк-брехеров из Чехии. Своего апогея напряжение достигло в Пожони, где власти арестовали и интернировали не только местных социал-демократических лидеров, но и других выдающихся общественных деятелей. Несмотря на то, что после вмешательства коменданта города, итальянца Риккардо Баррека, интернированные были быстро отпущены, переговоры между советом рабочих и правительством, в конечном итоге, ни к чему не привели. Странно, что для провозгласившего себя демократическим чехословацкого правительства оказалось неприемлемо большинство требований совета

рабочих, которое носило социальный и экономический характер, ни словом ни упоминало о сохранении целостности Венгрии и лишь требовало признать право на самоуправление, которое правительство подчеркивало особо. Провал переговоров привел к тому, что 12 февраля совет рабочих Пожони организовал у центрального рынка демонстрацию, в столь напряженной обстановке завершившуюся трагически: покидавшие город военные открыли огонь по толпе, в результате чего погибло 7 и пострадало значительное число человек [9, р.74–94].

Толчком к новым событиям послужили торжества 15 марта, проводившиеся в память о венгерской революции и освободительной войне 1848–1849 гг., поскольку чехословацкие власти воспринимали любое проявление венгерского патриотизма как ирредентизм. Чрезвычайно напряженная обстановка сложилась в Пожони, а в Кашше события завершились настоящей трагедией. Сначала чехословацкие солдаты снесли памятник участникам освободительной войны, а на следующий день открыли огонь по толпе протестующих и смертельно ранили двоих человек. Еще несколько подобных инцидентов произошло в последующие недели.

Напряженность в отношениях между венгерским меньшинством и чехословацкими властями возросла после нападения Чехословакии на Венгерскую Советскую Республику, которая была провозглашена 21 марта 1919 г. в Будапеште, и последовавшей за этим войной [13]. После образования Венгерской Советской Республики Прага сначала ввела в Южной Словакии особое положение, а затем военную диктатуру. Временную чехословацко-венгерскую границу перекрыли почти полностью (пропускали только лиц, следовавших в соседнюю страну на постоянное жительство), была усилена цензура, а представители венгерской общественности интернированы в лагеря в Илаву (бывший комитат Тренчен), Терезин (Чехия) и другие. Весной 1919 г. венгерское население – в основном – встретило Красную Армию венгерского советского правительства как освободительную, и после ее отступления недоверие чехословацких властей к венграм возросло. Неслучайно Прага еще несколько месяцев сохраняла военное положение в южнословацких районах, где проживали венгры [31].

Против чехословацкого государства венгерское население настраивали и постановления о национализации образования и общественной жизни. Стремление новых властей национализировать административное устройство, языком которого до сих пор являлся венгерский, и сделать официальным чехословацкий, который существовал лишь на бумаге, но был провозглашен конституцией, вполне понятно и законно. Без чиновников, железнодорожных и прочих служащих из чешской половины страны это было просто невозможно, поскольку вследствие ограничительной национальной политики Венгрии до 1918 г. словацкий средний класс, который мог бы выпол-

нять соответствующие функции, отсутствовал как таковой. Нельзя не отметить, что «чехословакизация» административных процессов проводилась крайне жестко, нередко в оскорбительной для венгерского населения форме. В городах и деревнях с преимущественно венгерским населением в государственные учреждения назначали людей, не говоривших на языке местных жителей, в то время как многих венгров увольняли, лишая тысячи семей стабильного дохода.

То же самое происходило и в образовании, однако пострадавших оказалось гораздо больше, так как закрытие венгерских школ затронуло судьбы тысяч учащихся. Как свидетельствуют работы Дюлы Попея, тщательно задокументировавшего события тех дней, деятельность образовательного отдела при Полномочном министерстве по делам Словакии под управлением Антона Штефанека привела к отмене начального и среднего образования на венгерском языке даже там, где в этом была серьезная необходимость, не говоря о том, что высшее образование на венгерском языке было упразднено полностью [32].

Одновременно с этим началась национализация общественного пространства – венгерские названия населенных пунктов и улиц заменялись новыми, уничтожались вообще все, что как-то напоминало о венгерские прошлые края: мемориальные таблички, памятники и скульптурные композиции. В Центральной Европе, как справедливо утверждает известный словацкий историк Любомир Липтак [19], общественные памятники сносились и ранее, эта тенденция сохранилась и в последующие эпохи. Однако то, что происходило с 1919 по 1921 г. в Словакии, приобрело неслыханные масштабы, было допущено варварское уничтожение памятников в честь тысячелетия венгерского государства в Девенье и на горе Зобор, скульптуры Марии Терезии в Пожоне и монумента павшим воинам в Кашше (ущерб, нанесенный венгерскому населению после смены государственной принадлежности словацких земель, подробно описан Дюлой Попеем – *А. Ш.*).

В первые месяцы после смены государственной принадлежности в Словакии проходила интенсивная национальная перестройка, наиболее ярким примером которой стало резкое сокращение числа лиц, признававших себя венграми. Словакию, добровольно или принудительно, покинуло порядка 120 тысяч человек; это были либо те, кто не желал становиться гражданином Чехословакии, либо те, кого новая власть изгнала [44, р. 1–32.]. Большую часть составляли государственные чиновники, железнодорожные служащие и учителя, а также члены их семей – в их услугах чехословацкое государство более не нуждалось.

Имелись и другие причины того, что во время переписи населения 1921 г. в Чехословакии венграми себя признали лишь 744 тысячи человек. В том числе, метод, которым велась перепись, поскольку вместо принятой в Венгрии в ее исторических границах категории «родной язык» в Чехословакии было введено понятие «националь-

ность». Благодаря этому чехословацкую перепись населения, которой власть стремилась придать легитимизирующий статус, многие воспринимали как политический акт, способ выразить лояльность государству, и данные переписи не всегда отражали реальную этническую картину.

Введение национального принципа привело к тому, что иудеи, до сих пор называвшие родным языком венгерский и продолжавшие на нем говорить, в 1921 г. в графе «национальность» указали «еврей» или «чехословак».

Говоря об изменении национальной статистики, не следует забывать о том, что в крупных городах и близлежащих деревнях северных комитатов Венгрии в ее исторических границах (например: в Пожони, Нитре, Кашше и др.), а также отдельных районах Земплена проживало значительное число этносов, говоривших и по-словацки, и по-венгерски. До 1918 г. эти люди – отчасти под влиянием насаждавшей венгерский язык государственной пропаганды, отчасти по иным причинам – независимо от происхождения, как правило, признавали себя венграми и участвовали в жизни общества в таком качестве. Однако их самоопределение не было окончательным – в угоду минутной выгоде могла перевесить другая чаша весов. После смены государственной принадлежности словацких земель данная группа «статистических венгров» – речь шла о тысячах семей – сменила национальность и во время переписи 1921 г. назвалась чехословаками. Данный процесс привел к статистическому сокращению численности венгров еще на несколько десятков тысяч.

Политическая позиция венгров

Поскольку территории, попавшие под контроль Чехословакии в конце 1918 – начале 1919 гг., составляли неотъемлемую часть Венгерского королевства и были связаны с Будапештом тесными политическими узами, в 1919 г. местным политическим партиям пришлось начинать практически с нуля. Прежние политические структуры прекратили свое существование, новые же создавались с трудом и не сразу. Реформирование политической жизни венгров как меньшинства было затруднено не только отсутствием собственных традиций и неопределенностью положения региона с точки зрения государственного права, но и введенной весной 1919 г. военной диктатурой.

Сохранить себя как организованную политическую силу удалось лишь социал-демократам, которые умело сыграли на резко развороте влево общественных настроений. Социал-демократы обладали сильными позициями в городах, являвшихся промышленными центрами – в первую очередь, Пожони и Кашше, где в первые послевоенные недели составляли большинство в местных национальных комитетах, кроме того, правительство доверило социал-демократам управление Пожонью и Кашшей. В Пожони это был активно симпатизировавший Венгрии немец Пауль Виттих¹, а в Кашше – венгр Миклош

Мольнар². Их позиция, как в зеркале, отражала точку зрения всех венгерских социал-демократов: не оказывая сопротивления чехословацким войскам, они воспринимали оккупацию своих городов как временную и противозаконную. Важно, однако, отметить, что в целях защиты интересов местного населения они были готовы сотрудничать с новой властью.

С организационной точки зрения, социал-демократические круги Словакии были разобщены и находились в сфере влияния трех центров. Главными были немецко-венгерский социал-демократический центр в Пожони и основанная в 1905 г. Социал-демократическая партия Северной Венгрии в Кашше [36, р. 40], в то время как словацкие первичные ячейки Социал-демократической партии Венгрии подчинялись созданному ранее Словацкому Исполнительному Комитету. На конгрессе в Липтосентмиклоше 25 декабря 1918 г. комитет присягнул Чехословацкой республике и вошел в состав Социал-демократической Рабочей партии Чехословакии с центром в Праге [46, р. 113]. Социал-демократические организации Кашши и Пожони поддержали линию IV чрезвычайного конгресса партии, состоявшегося 13 октября 1918 г. (О политике Социал-демократической партии Венгрии во время войны и в период революций см. 48 – А. Ш.), одобрили демократические реформы Михая Карои и продолжили считать себя частью Венгрии и венгерской социал-демократии. Иными словами, в Чехословакии провозглашавшие интернационализм социал-демократы пошли по пути этнического обособления и разошлись во взглядах по поводу лояльности властям.

Позиция венгерско-немецких социал-демократов изменилась только после падения Венгерской советской республики и проведении окончательной демаркационной линии. К началу осени 1919 г. центры в Пожони и Кашше приняли новую государственно-правовую реальность и признали Чехословакию сферой своей политической активности. В знак этого в сентябре 1919 г. из названия партии в Кашше убрали упоминание о Северной Венгрии, а с титульной страницы газеты «Кашшаи

слесаря в Пожони. На момент смены государственной принадлежности являлся ведущим политиком Пожони, возглавляя местную социал-демократическую партию. В 1920 г. был избран депутатом государственного парламента в Праге от Венгерско-немецкой социал-демократической партии. После выборов 1925 г. ушел с политической сцены. До самой смерти проживал в Кешмарке.

² До смены государственной принадлежности словацких земель в 1918-1919 г. Миклош Мольнар был одним из лидеров Социал-демократической партии Северной Венгрии со штаб-квартирой в Кашше, стал последним уполномоченным венгерского правительства в Кашше. В 1922 г. активно участвовал в реорганизации венгерской социал-демократической партии в Кашше. После присоединения Кашши к Венгрии в 1938 г. подготовил многотомный документальный отчет о событиях в Кашше после смены государственной принадлежности. Точные даты рождения и смерти неизвестны.

¹ Пауль Виттих (22 ноября 1877 г. Диосег – 13 мая 1957 г. Кешмарк) – политик, уроженец Диосега, учился на

Мункаш» («Кашшский рабочий») удалили соответствующую эмблему [36, р. 76].

В новой реальности перед социал-демократами Пожони и Кашши вставал вопрос: интегрироваться в чехословацкую структуру или сохранить организационную обособленность. Интернациональные традиции социал-демократии подсаживали первый путь, однако события первых месяцев после смены государственной принадлежности словацких земель – расстрел толпы в Пожони и Кашше, введение в Словакии чрезвычайного положения, интернирование венгерских и немецких социал-демократических лидеров, а также национальная политика социал-демократической партии с центром в Праге – говорили против интерграции и в пользу обособления. Несмотря на это резолюции, принятые 7 декабря 1919 г. [34, р. 93] и 18 января 1920 г. на совещании представителей венгерских и немецких социал-демократических организаций Словакии [26], поддерживали интеграцию, но в качестве условия сотрудничества выдвигалось соблюдение принципа равноправия [50, р. 172]. Однако пражский центр социал-демократии, для которого чехословацкие национальные интересы были важнее классовых, не был заинтересован в создании многонациональной партии, что привело к обособлению по этническому принципу и перед первыми парламентскими выборами была создана Венгерско-немецкая Социал-демократическая партия Словакии.

В ноябре и декабре 1918 г. в Пожони, Кашше и ряде других мест о своем создании объявило несколько партий, которые продолжали считать себя частью венгерской политической системы, однако после оккупации региона Чехословакией прекратили свое существование. Оформление политических структур венгров Чехословакии правого толка началось позже, осенью 1919 г., через год после создания Чехословакии.

Организация постепенно приходивших в себя буржуазных партий с самого начала происходила с соблюдением принципов венгерской государственности и на фоне сильной антипатии к Чехословакии, она опиралась на созданные еще до 1918 г. городские партийные кружки. Наиболее активными были христианско-социальные структуры, сосредоточившиеся вокруг бывших лидеров основанной в 1907 г. Христианско-социальной партии – они начали свою деятельность, руководствуясь идеями Шандора Гисвайна, признавая первоочередную необходимость социальных реформ и опираясь на христианские рабочие организации и профсоюзы [2, р. 42–43]. По этой причине центрами организации христиан-социалистов стали города, где имелись занятые на производстве рабочие: Пожонь, Нитра и Кашша. С учетом многоязычия этих городов, а также политических традиций, христианско-социальные клубы, которые создавались во множестве, определяли себя не по этническому, а по оседлому принципу, призывая венгров, словаков и евреев сплотиться перед лицом «настырных чешских

атеистов». 23 марта 1920 г. состоялся первый конгресс Христианско-социальной партии Словакии (ХПС), которая, однако, выражала преимущественно венгерские интересы. На конгрессе был избран председатель, адвокат из Нитры Енэ Леллеи, а также принято решение об участии, несмотря на сложившуюся двойственную ситуацию – мирный договор еще не был подписан – в парламентских выборах¹. Иными словами, ХПС признала Чехословацкую республику как реальность и собиралась представлять интересы избирателей в ее рамках. Тем не менее, сложившуюся ситуацию партия считала временным, а ее концепция оседлости была, в конечном итоге, нацелена на раскол Чехословакии изнутри.

Непосредственно перед выборами в парламент в 1920 г. на основе Венгерской партии независимости и 48-го года, которая существовала до 1918 г., и действовавших в ряде районов крестьянских организаций была создана Венгерская провинциальная партия крестьян, сельскохозяйственных рабочих и мелких ремесленников. От ХПС ее отличала протестантская идеология и исключительно венгерский этнический состав, однако в полном отрицании предложенной Версалем системы две эти буржуазные партии были довольно близки. Провинциальная партия крестьян и сельскохозяйственных рабочих была широко представлена в комитатах Комаром и Гэмэр, а ее лидером был гэмэрский землевладелец Йозеф Сент-Ивани. Позиция двух этих партий была в корне оппозиционной, она выражалась как в противостоянии действующему правительству, так и неприятию чехословацкого государства в целом.

Весь венгерский политический спектр – от социал-демократов до буржуазных партий – демонстрировал единодушие в одном: ситуация, сложившаяся после Первой мировой войны, признавалась ими незаконной, а чехословацкая оккупация – ввиду отсутствия мирного договора – временной. В то же время, эти партии признавали, что в интересах населения, которое они представляли, необходимо участвовать в политической жизни чехословацкого государства. Впрочем, это требовалось и официальной Праге, которая не допускала венгров к управлению страной и законотворческой деятельности, однако не могла игнорировать их на местном и региональном уровне. Именно поэтому во главе комитатов Шробар поставил ишпанов-словаков², а в реанимированные административные комиссии пригласил этнических венгров [17, 115 р.]. Среди них были люди, игравшие важную роль в жизни комитатов до войны, а также те, кто занял

¹ Согласно имеющимся источникам, решение об участии в выборах было принято в ходе переговоров Енэ Леллеи с регентом и премьер-министром в феврале 1920 г. [20].

² Прежнюю систему комитатов правительство использовало как рычаг административного управления второго уровня до конца 1922 г. В январе 1923 г. было утверждено новое административное устройство, Словакия была разделена так называемые великие края, что стало отказом от привычного регионального принципа.

ключевые позиции уже в словацкой политике, в том числе, барон Лайош Кюрти, бывший главный ишпан Аурель Бартал, Геза Сьюллэ и Йожеф Сент-Ивани. Следует отметить, что на первом заседании административной комиссии Пожони за 12 мая ее венгерские члены выступили с заявлением, в котором объясняли участие в работе комиссии стремлением защитить интересы венгерского населения и просили не рассматривать это как признание сложившейся ситуации [15, 1, Документ №3, стр. 41]. Аналогичное заявление сделали венгры, приглашенные в комиссию комитата Комаром¹.

Возможность участвовать в политической жизни всей страны венгры в получили после первых выборов в Национальное собрание в апреле 1920 г. Процедура выборов в чехословацкий парламент была определена конституцией, а также законами о выборах № 123/1920 и 124/1920 за 29 февраля 1920 г. [10, р. 251]. В том числе, они устанавливали правила проведения выборов, количество избирательных округов и порядок распределения мандатов. Из 23 (позднее 22) избирательных округов 7 находилось в Словакии. Несмотря на то, что словацкие округа – по словам Дюлы Попея – были «географическими калеками» [31, 78 р.], для венгерского населения такое решение было даже удачным, так как избирательные округа Эршекуйвара и Кашши включали в себя населенные венграми южно-словацкие уезды, в них проживало 90% венгерских и половина немецких избирателей. В то же время, в «венгерских округах» для получения мандата требовалось гораздо больше голосов, чем в регионах с чехословацким населением, что было для венгров крайне невыгодно.

Всеобщий и тайный принцип избирательного права, а также обязательное участие в выборах² были несомненным шагом вперед по сравнению с избирательным правом эпохи дуализма и самой Венгрии после 1920 г., который привел в действие механизм демократизации венгерского общества Чехословакии. Он не в последнюю очередь дал старт политическим силам (в 1920 г. – социал-демократам, чуть позже – коммунистам), которые выступили с программой левого толка. Возросла роль земельного вопроса, так как 80% венгров жило в сельских поселениях, и большинство их – согласно переписи населения 1930 г., 65% – жило сельскохозяйственным трудом [39, р. 14].

Несмотря на то, что к выборам в Национальное собрание в 1920 г. партийная структура венгров еще не полностью сформировалась,

¹ На заседаниях комитатских комиссий венгерские члены слишком часто заводили речь о наносимом венграм ущербе, вследствие чего осенью 1919 г. полномочный министр постановил пересмотреть состав комиссий, рекомендовав заменить чересчур оппозиционно настроенных лиц на «демократически настроенных, умеренных и благонадежных» [45. Ср 2, 40].

² Несмотря на то, что законы о выборах предполагали за неучастие в парламентских выборах штрафные санкции, в Словакии не проголосовало 10% всего электората.

венграм был предоставлен выбор между двумя идеологическими направлениями – исповедовавшими левые ценности социал-демократами и буржуазным крылом, представленным христианами-социалистами и мелкими землевладельцами. Вопреки трудностям – организация венгерских партий находилась в зачаточном состоянии, и чехословацкие власти всеми средствами пытались помешать их деятельности – первые выборы в Национальное собрание были для венгров удачными. В общей сложности венгерские и немецкие партии³ направили в пражский парламент 12 депутатов, то есть получили в двух южно-словацких выборных округах две трети мандатов. 6 мандатов досталось буржуазным партиям и 6 – социал-демократам.

Результаты выборов продемонстрировали, что борьба левого и правого блока проходила на равных, а настроения в уездах с преимущественно венгерским (90%) населением были однозначно оппозиционными, и за чехословацкие партии голосовали редко. Все венгерские и венгерско-немецкие партии выдвинули оппозиционные программы, чем и завоевали доверие решающего большинства венгерских избирателей. Оппозиционность заключалась в неприятии не только политики актуального правительства, но и структуры национального чехословацкого государства, а также отстаивании права венгров на автономию. Расхождения заключались лишь в трактовке понятия автономии. Буржуазная оппозиция, образованная ХПС и Венгерской партией крестьян, сельскохозяйственных рабочих и мелких ремесленников Словакии, продолжала считать положение венгров временным и навязанным силой – этому было посвящено и выступление на прениях по поводу подписания Трианонского мирного договора Йожефа Сентивани, который, в частности, сказал: «Не будем забывать, что это государство породила алчность Запада, западные державы создали его именно здесь, чтобы оно сражалось и, если понадобится, проливало кровь во имя их интересов и империалистических устремлений (...) Мы никогда не признаем, что парламент карликовой Венгрии имел право единолично ратифицировать данный договор. Право решать свою судьбу имеет, в первую очередь, народ, проживающий на территориях, отделенных от Венгрии против воли, народ, ставший жертвой слепого решения власть предержащих. Мы не даем согласия на этот мир и не сделаем этого впредь. Мы лишились самых элементарных прав, но ни за что не откажемся от попыток самостоятельно решать свою судьбу» [8]. Иными словами, буржуазные партии рассматривали право на автономию как возможность переноса установленных Трианонским договором государственных границ.

В отличие от буржуазных партий, венгерско-немецкие социал-демократы – в рядах которых дав-

³ Несмотря на то, что законы о выборах предполагали за неучастие в парламентских выборах штрафные санкции, в Словакии не проголосовало 10% всего электората.

но наметилась тенденция на дифференциацию, в конечном итоге приведшая к левому расколу – трактовали право на автономию как решение вопроса в пределах нового государства, совпадая по данному вопросу с судетскими немцами [37, 22 р.]. В этой связи выступление Виттиха в Национальном собрании о том, что «немецко-венгерские социал-демократы упорно настаивают на предоставлении автономии, единственно возможного залога мира между народами в Чехословацкой республике» [7], стало косвенным признанием чехословацкого государства и выражением согласия венгерских и немецких социал-демократов вести политическую борьбу в пределах новых границ. Внутреннее устройство Чехословакии социал-демократы по-прежнему отрицали и вместо унитарного государства хотели видеть децентрализованную структуру с опорой на национальные автономии [25].

Годы поисков

Принятая 29 февраля 1920 г. либеральная конституция и первые парламентские выборы в апреле 1920 г. положили конец революционной национальной диктатуре и открыли новую страницу в истории Чехословакии. До 1938 г. Чехословакия была самым демократическим государством в регионе, которое обеспечивало гражданам не только основные свободы, но и достойный уровень жизни. Раньше у историков было принято идеализировать чехословацкую демократию, с чем вряд ли можно согласиться, ибо у чехословацкой политической элиты имелась цель – создать национальное государство, а интересы этнических меньшинств, в том числе, немцев и венгров, при этом серьезно ущемлялись. Это тормозило внутренние интеграционные процессы в Чехословакии и в конечном итоге стало одной из предпосылок развала страны в 1938/39 г.

Парламентский цикл 1920–1925 г. связан с наиболее активной дифференциацией политической жизни как в масштабах всей страны, так и в жизни словацких венгров. Дело в том, что к первым парламентским выборам 1920-го года – когда после принятия новой конституции прошло менее двух месяцев – партийная структура не успела окончательно сформироваться. Полутора лет, которые прошли с создания Чехословакии, хватило для основания партий, впоследствии ставших ключевыми в чехословацкой политике, но их окончательный имидж и четкое место в политическом спектре определились позже. Особенно это касалось венгерских партий, которые сформировались с отставанием от остальных. Им пришлось включаться в политическую жизнь непосредственно после первых парламентских выборов, в контексте внешней и внутренней политики, который существенно отличался от периода чехословацкой национальной диктатуры. Новый контекст был обусловлен следующими факторами:

1. Определился ранее неясный государственный-правовой статус страны, были признаны и окончательно проведены трианонские государственные границы.

2. Новый вектор получила политика будапештского правительства. Открытые реваншистские заявления и авантюристские планы ирреденты отошли на второй план, было объявлено о принятии версальской системы.

3. Стабилизация чехословацкой экономики гарантировала населению материальную и социальную защиту, правда, в Закарпатье данный процесс только начинался.

4. Благодаря принятию 29 февраля 1920 г. конституции на смену чехословацкой национальной диктатуре пришла парламентская демократия.

5. Изменилось отношение к Чехословакии в Европе. Государство, которое ранее многие называли «уродом», приобрело международное признание благодаря экономической и политической стабильности.

В связи с этим начал расширяться политический арсенал нацменьшинств, а у позиции жесткой оппозиционности появились действенные альтернативы. Основным стимулом дифференциации стала поступательная и очевидная утрата словацкими венграми своих позиций, что вынудило лидеров венгерского меньшинства изменить тактику. Данная утрата позиций была во многом вызвана протекционистской и националистической политикой чехословацкого правительства.

Заметнее всего маргинализация венгров была в сфере госуправления. В центральных органах госуправления, сформированных с учетом чешских интересов, скромно были представлены даже словаки, не говоря уже о венграх. Венгры были исключены не только из высших управленческих структур, но и из государственной сферы вообще, а также со всех уровней административного управления. Национализация, которая проводилась после смены государственной принадлежности словацких земель, и введенный с 1 января 1923 г. новый принцип административного деления страны изгнали венгров из комитатских и уездных административных структур, их стало гораздо меньше и среди служащих государственных предприятий – например, на почте и железной дороге. Согласно данным официальной статистики за 1938 г., представленность в органах государственного управления венгров, составивших 5% населения Словакии, составляла всего 0,8% [3], можно предположить, что в середине 1920-х ситуация была ненамного лучше.

Столь невыгодное положение венгров было, в первую очередь, вызвано недоверием чехословацких властей. Зная о яркой национальной идентичности венгров и опасаясь имевших место, но сильно переоцененных реваншистских настроений Будапешта, пражское правительство в каждом венгре видело опасного ирредента и непримиримого врага чехословацкого государства. Правительство полагало, что венгры заслужат равноправие, лишь доказав лояльность государству. Такая позиция шла вразрез с политикой оппозиционных венгерских партий, которые полагали, что основой венгерской лояльности является гарантия прав меньшинств и фактического равноправия.

Сильнее всего ослабление венгров действовало на средний класс. После смены государственной принадлежности средний класс частично покинул новую страну, а частично – для сохранения статуса – встал на путь ассимиляции. Венгры оказались полностью вытеснены из рядов вооруженных сил, а лучше всего им удалось сохранить свои позиции в сфере свободной интеллектуальной деятельности и в составе судебных коллегий.

Несмотря на то, что сельское население империи затронула в меньшей степени, чем городское, то, что решения теперь принимаются не в Будапеште, а в Праге, почувствовали даже там. В особенности это касалось земельной реформы, которая стала, возможно, самым важным инструментом строительства национального чехословацкого государства. Не случайно в монументальном труде о первых годах Чехословакии Фердинанд Перутка писал: «У чехословацкой революции есть три столпа: смена государственной принадлежности Словакии, земельная реформа и принятие конституции» [30, р. 551]. Значение земельной реформы не ограничивается экономической и социальной сферой – весь чехословацкий политический спектр воспринимал ее как неотъемлемый элемент строительства национального государства. Тот факт, что на момент создания Чехословакии крупные помещики были преимущественно немцами и венграми, а католическую церковь с ее обширными угодьями чешское общество, уже тогда довольно секуляризованное, считало инородным образованием на теле нации, был чрезвычайно выгоден властям. В ходе дебатов о земельной реформе был поднят этнический вопрос, после чего пресса и общественное мнение стали преподносить земельную реформу как расплату и компенсацию за издевательства над чешским и словацким населением. Среди чехов стала популярной идея мести за поражение в битве на Белой горе (в 1620 г.), которая прозвучала даже при парламентском обосновании закона об отчуждении и секвестре крупного землевладения, ставшим для земельной реформы основным. Еще в 1918 г., до смены государственной принадлежности Словакии, словацкий политик Милан Ходжа так сформулировал свою программу: «Более трети словацкой земли следует изъять у тех, кому она принадлежит не по праву, и передать в руки невероятно трудолюбивого словацкого крестьянства, специальным обучением которого надлежит заняться в ближайшее время» [12, р. 415].

Работа над земельной реформой началась через несколько дней после создания нового государства. Чехословацкий Национальный Совет, взявший на себя законодательную и исполнительную функцию, принял закон о наложении ареста на крупные имения уже 9 ноября 1918 г. Закон об отчуждении и секвестре крупного землевладения, считающийся для земельной реформы основным, революционное Национальное собрание приняло 16 апреля 1919 г. практически

без прений, а в последующие месяцы в дополнение к нему были приняты Законы о распределении земель, получении займа и компенсации за изъятые земли [38]. Данные законы разрешали изымать сельскохозяйственные земли площадью более 150 га и земли смешанного назначения площадью более 250 га. Владельцы изъятых земель имели право автоматически вернуть 150 (250) га, в исключительных случаях – до 500 га, за остальную землю выплачивалась – очень незначительная – компенсация. Порядок изъятия и площадь изымаемого крупного землевладения определяло созданное в 1920 г. Государственное земельное ведомство (ŠPÚ), обладавшее, по сути, неограниченной властью и своей деятельностью существенно повлиявшее на исход земельной реформы. Изъятые земли ŠPÚ распределяло между нуждающимися. Распределение происходило тремя основными способами: присоединением дополнительной территории к существующему мелкому хозяйству, созданием нового крестьянского хозяйства и распределением остаточных землевладений¹.

Особенно земельная реформа затронула Южную Словакию с компактно проживающим венгерским населением и самыми плодородными в стране почвами – изначально здесь преобладали крупные землевладения, имелось множество работающей на господской земле челяди и малоимущих крестьян с небольшими наделами, которые не могли их прокормить. Венгры в Чехословакии также многого ожидали от земельной реформы, но вскоре глубоко в ней разочаровались. Причиной этому, в первую очередь, стала националистическая подоплека реализации реформы. Вопреки тому, что закон действовал для всех, без учета языка и национальности, Государственное земельное ведомство проводило реформу в ущерб интересам национальных меньшинств, в частности венгров. В результате этого в районах с чисто венгерским населением в перераспределении земель приняло участие минимальное число местных жителей, да и те получили земли в аренду, а не в собственность². Хуже всего пришлось наемным работникам упраздненных крупных поместий, которым потерянный доход пытались – безуспешно – компенсировать денежным вознаграждением или одним-двумя гектарами земли.

Лучшие земли упраздненных поместий получили оставшиеся землевладельцы, имевшие связи в правящих партиях, а также словацкие и

¹ Под остаточным землевладением подразумевалось имение площадью от 30 га (как правило, площадь составляла 100 га), которое формировалось из самых лучших земель арестованного крупного землевладения. Институт остаточных землевладений послужил основой для создания среднепоместной прослойки, тесно связанной с государством и проводившей реформу Аграрной партией.

² Согласно отчету Государственного Земельного ведомства за 1931 г., из 130 тыс га, перераспределенных в Южной Словакии с преимущественно венгерским населением, словацким венграм досталось всего 27 540 га.

моравские поселенцы. Наибольшее негодование венгерского населения вызвало именно появление колонистов, говоривших на чужом языке и живших по своим обычаям, ведь местные жители остались ни с чем, в то время как чужаки получили с помощью государственных займов по 10–12 гектаров прекрасной плодородной земли и могли в дальнейшем рассчитывать на эффективную финансовую господдержку¹. Это не было случайностью, поскольку колонизация была нацелена на славянизацию приграничной полосы Южной Словакии с преимущественно венгерским населением (о целях, проведении и результатах колонизации населенных венграми районов Южной Словакии см. 42. 43, р. 226–252. – А. Ш.).

Дискриминативная земельная реформа и утрата экономических позиций в связи с исключением из государственной сферы ослабили политический потенциал и культурное влияние венгерского меньшинства. Все это вызывало у венгров недовольство, отчасти в сложившейся ситуации винили чехословацких политиков, отчасти – венгерские партии, которые плохо защищали интересы электората. К тому моменту венгерские социал-демократы потеряли большинство избирателей, перешедших к Компартии Чехословакии. Интернациональная по составу и целям партия выступала с острой критикой правительства, не обходя вниманием и ущерб, нанесенный земельной реформой крестьянам. Были – правда, временно – ослаблены и буржуазные венгерские партии. Для них пришло время сменить бесплодную агрессивную политику² на более конструктивную, способную улучшить экономическое и социальное положение венгерского населения.

Об этом же писал в своем отчете в Берлин немецкий посланник в Пожони Отто Рейнебек [23, р. 77], упоминая, как тяжело венграм видеть постоянное ослабление позиций в общественной и экономической сфере. Немецкий дипломат полагал, что крестьяне, занятые обработкой земли, в этом смысле пострадали гораздо меньше, чем городское население, которое было вытеснено из государственных учреждений и проявляло все большее недовольство, поскольку оппозиционные венгерские партии ничего не могли ему предложить, и все больше городских жителей переходило на сторону (чехо)словацких партий.

Рейнебек прекрасно уловил суть сложившейся ситуации: к середине первого парламентского

цикла, начавшегося в 1920 г., не только сторонним наблюдателям, но и внутреполитическим игрокам стали очевидны ограниченные возможности декларативной, агрессивной политики венгерской оппозиции, которая оказалась неспособной воспрепятствовать утрате венграми позиций в экономике, культуре и политике. Тревожным сигналом стала изоляция в пражском Национальном собрании двух венгерских партий, где у них не было настоящих союзников, и не было возможности продуктивно сотрудничать не только с центристами³, но и со словацкими партиями. Периодически в качестве союзников выступали буржуазные партии судетских немцев [22], но ввиду отсутствия исторических традиций – это сотрудничество было малоэффективно. В то же время приходилось констатировать, что в рядах венгров растет популярность коммунистов, а у буржуазной оппозиции возникают новые альтернативы. Это было особенно опасно потому, что речь шла о силе, поддерживавшей политику правительства.

Из всех партий нацменьшинств готовность отказаться от крайней оппозиционности и пойти на сотрудничество с чехословацкими партиями – и даже с пражским правительством – впервые продемонстрировали судетские немцы. Отказавшись от стратегии негативизма Немецкого избирательного блока, возглавляемого Рудольфом Лодгманом фон Ауэном, лидеры Союза немецких фермеров (Bund der Landwirte – BdL), Немецкой Социал-демократической рабочей партии (Deutsche Sozialdemokratische Arbeiterpartei – DSAP) и Немецкой Христианско-социальной народной партии (Deutsche Christlichsoziale Volkspartei – DCV) постарались включиться в чехословацкую политическую жизнь и тем самым добиться выполнения своих требований [4, р. 215]. Направление, которое они избрали, стали называть активизмом [16], в 1926 г. в результате такой политики немецкие партии получили место в чехословацком правительстве. Ключевым в их политике было намерение, не отказываясь от права на самоопределение, изменить чехословацкую государственную систему изнутри и привести в соответствие с запросами судето-немецкого населения. Результат оказался противоречивым, поскольку – несмотря на то, что на парламентских выборах 1925 и 1929 г. активизм получил большинство голосов судетских немцев – представителям этого направления не удалось реализовать свои цели и изменить систему чехословацкого национального государства.

В середине начавшегося в 1920 г. парламентского цикла активизм распространился среди венгров, однако за этим стояли принципиально иные, чем у немцев, побуждения, и приняло все иную форму⁴. В появлении активизма сыграло

¹ В ходе колонизации на южнословацких территориях, где компактно проживали венгры, было создано 128 колоний, в которых поселилось около 3300 семей. Исходя из расчета среднего размера тогдашней семьи, состоявшей из 6 человек, это означало порядка 20 тысяч человек. Общая площадь колоний превышала 44 тыс. га (76 тыс. кадастровых хольдов), то есть на одного поселенца (включая общую собственность) приходилось чуть более 13 га (23 кадастровых хольда).

² По поводу агрессивной политики венгров немецкий сенатор из христианско-социальной партии Роберт Майер-Хартинг иронизировал: «Венгры «желают разбить республику молотом, не обладая для этого достаточной силой»

³ Партии, отрицавшие словацкую автономию и поддерживавшие существовавшее на тот момент централизованное государственное устройство со столицей в Праге.

⁴ О разнице между немецким и венгерским активизмом [41].

свою роль как внутреннее недовольство словацко-венгерского общества, требовавшего новой политической альтернативы, так и властные амбиции. В конце 1922 г. адвокат из Левы Аладар Чанки – назначенный Михаем Карои правительственным уполномоченным комитета Барш после революции астр – объявил о намерении создать новую венгерскую партию: Венгерскую Демократическую Буржуазную партию. Чанки заявил, что новая партия должна предложить буржуазии альтернативу, которая «при венгерской власти позиционировала бы себя в рядах партии Карои, партии независимости (Дюлы) Юста и радикальной партии (Оскара) Яси» [35]. Иными словами, политик из Левы представил проект либеральной партии, ориентированной на интересы городской буржуазии. Упомянув в заявлении о неспособности оппозиционных венгерских партий эффективно представлять население, Чанки подчеркнул, что защищать интересы венгров новой партии поможет демонстрация лояльности государству. Он, однако, пояснил, что не планирует создавать коллаборационистскую проправительственную партию, а будет сотрудничать с демократическими партиями Чехословакии.

Впрочем, через несколько недель, в начале 1923 г., Чанки объявил о создании аграрного движения: Республиканской венгерской партии крестьян и сельскохозяйственных рабочих – которая сплотила вокруг себя политические силы не упомянутых горожан и либералов, а сельского населения. За этим, скорее всего, стояли планы чехословацкого правительства и его главной силы, Республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского населения. Вероятно, создать венгерскую аграрную партию, которая стала бы естественным союзником Республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского населения, Чанки убедил Милан Ходжа, пообещав со своей стороны всестороннюю поддержку. Ходжой, в первую очередь, двигало стремление привлечь часть венгерского электората к идее чехословацкого государства за счет притягательности земельной реформы. (Лозунгом новой партии стали слова: «Организуйся, будь республиканцем, не упусти выгоду при раздаче земель!» [28]. Несмотря на то, что новая партия, основанная 30 июня 1923 г., заявила о независимости, она была, по сути, венгерским крылом чехословацкой Республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского населения – через несколько лет, отказавшись от формальной независимости она слилась с последней юридически – и своим истинным лидером всегда считала Ходжу. В словацко-венгерском политическом сегменте новая партия, однако, никогда не была серьезной силой, поскольку чересчур рьяно демонстрировала сервилитизм, в первую очередь, по отношению к Ходже, а также к пражскому правительству, а главное потому, что в ходе земельной реформы права венгров продолжали ущемляться.

С созданием Республиканской венгерской партии крестьян и сельскохозяйственных рабочих к концу первого парламентского цикла сфор-

мировалась та тройственная структура, которая повлияла на политику венгров в период между двумя мировыми войнами. Основное направление политики венгров определяли две агрессивно-оппозиционные партии поддерживавшие тесные связи с будапештским правительством: ХПС и Венгерская провинциальная партия крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Весной 1921 г. вместе с Немецкой партией Сепеша, Русино-венгерским партийным блоком и Венгерской партией права, которая объединяла либеральное городское население, они сформировали Объединенный комитет организации оппозиционных партий. Высшим управляющим органом этой организации была Генеральная комиссия, в состав которой входило восемь человек, под председательством Лайоша Кёрменди-Экеша.

Как уже говорилось, во время парламентских выборов 1920 г. левый блок, представленный социал-демократами, был не менее популярен у венгерского электората, чем выше упомянутые буржуазные партии. 1920 г. принес словацко-венгерским социал-демократам не только успех на выборах, но и усиление внутривнутрипартийного раскола и постепенное отделение левого большевистского крыла.

В этом процессе важную роль играли венгерские большевики-интеллектуалы, которых устоявший на родине контрреволюционный режим вынудил эмигрировать в Чехословакию – используя приобретенный на родине революционный опыт и знания, они быстро заняли серьезные позиции в социал-демократическом движении венгров в Чехословакии. В усилении большевистского вектора сыграл свою роль и национальный мотив, поскольку с лета 1919 г. правительство Чехословакии возглавлял социал-демократ, и антивенгерская политика красно-зеленой коалиции, которую в Словакии представлял реформист и националист Иван Дерер, волею-неволею подтолкнула венгерский рабочий класс к III Интернационалу. Близкая к Москве пожоньская газета «Нэпсава» («Народное слово»), которая называла венгерских социал-демократов Пожони социалистами, писала о чешских товарищах: «Они, без сомнения, представляют национальные, националистические и шовинистические позиции, их борьба ведется не с капитализмом, а с другими нациями. Они, без сомнения, стоят на службе у империализма» [27].

Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) была, в свою очередь, построена по истинно интернациональному принципу, и венгры в Чехословакии занимали в ней множество различных позиций. Тот факт, что в населенных венграми регионах Южной Словакии популярность КПЧ превышала средний показатель по стране в два раза, объясняется не только национально-политическими лозунгами коммунистов, поддерживавших право меньшинств на автономию и объявлявших версальский мир империалистическим, но и умная политика большевиков среди бедных слоев венгерского крестьянства и сельскохозяйственных рабочих, которых земельная

реформа лишила последнего. Одновременно с ростом популярности КПЧ утрачивала свои позиции Венгерская социал-демократическая рабочая партия Чехословацкой республики, которая потерпела серьезное поражение на выборах 1925 г. и не прошла в парламент. Единственным шансом выжить стало присоединение к чехословацким социал-демократам, что означало отказ от оппозиционной позиции и последовательной защиты венгерских интересов. Таким образом, венгерская социал-демократия вступила на путь активизма.

В первой половине 1920-х активизм был все еще редким явлением, и те, кто выбирал этот путь, как правило, рассчитывали на какие-то привелегии. Например, на получение выгоды от земельной реформы и разнообразных дотаций. Для чехословацкого правительства поддержка венгерского активизма была способом привлечь венгерский электорат. Однако, как говорилось выше, такая линия поведения была непродуктивной, и в словацко-венгерской политике проправительственные партии оставались явлением маргинальным. Кроме того, тех, кто шел на сотрудничество с Прагой, в Будапеште считали изменниками, что вряд ли способствовало популярности данного политического выбора.

Из трех направлений наиболее сильной была позиция буржуазных партий, которые не принимали политику Праги – за них отдавали голоса порядка 60% венгров – далее шла Коммунистическая партия Чехословакии с четвертью голосов венгерского электората, а самым слабым было проправительственное звено. Подобное распределение голосов венгерских избирателей объяснялось не только принятой социальной моделью, но и – в первую очередь – оскорбительной для венгров чехословацкой национальной политикой. Наряду с уже перечисленными фактами следует отметить несоблюдение закона о языке, который выглядел чрезвычайно благородно только на бумаге, полное упразднение высшего и частичное упразднение среднего образования на венгерском языке, а самое главное – то, что Чехословакия так и не смогла стать родиной для венгерского меньшинства. Чехословацкое государство не только отказалось от наследия Венгрии в исторических пределах до 1918 г. – самым зрелищным был, конечно, упомянутый снос общественных памятников – но и требовало того же от своих венгриязычных граждан, которым запрещалось использовать национальную символику (гимн, национальные цвета), отмечать национальные праздники (15 марта, 20 августа), а также преподавать и изучать собственную историю.

Самым важным уроком первой половины 1920-х для венгров в Чехословакии стало осознание того, что Чехословакия более жизнеспособна, чем казалось сначала, а жесткое неприятие нового государства ни к чему не ведет. Поэтому, продолжая считать оптимальным решением перемещение действующей границы, они признавали, что в перспективе это может произойти очень скоро. В политике и повседневности

место ревизионистских настроений заняла идея строительства национального сообщества. Для этого в либеральном правовом поле Чехословацкой республики имелись все условия, так как открыть общественное, культурное, религиозное, социальное или спортивное объединение было довольно просто. Правда, они находились под пристальным наблюдением властей, и малейший признак ирредентизма сурово карался.

Итак, Трианонский мир и новые государственные границы, которые противоречили не только этническим, но и рациональным принципам, глубоко потрясли внезапно оказавшихся в Чехословакии венгров, которые тяжело привыкали к новым обстоятельствам. Поэтому, когда в 1938 г. изменения в международной политике предоставили венгерскому меньшинству шанс вернуться на родину, они с радостью согласились. Разве мог тогда кто-нибудь предположить, что 1945 г. принесет перемены, с которыми не равнится даже Трианон, и венгры окажутся в Чехословакии, которая применит насильственные этнические чистки. Однако это уже другая история.

Перечень географических наименований

Города, деревни

Девень (венг. Dévény): ныне в Словакии (слов. Devín)

Диосег (венг. Diószeg): ныне в Словакии (слов. Sládkovičovo)

Жолна (венг. Zsolna): ныне в Словакии (слов. Žilina)

Илава (венг. Ilava): ныне в Словакии (слов. Ilava)

Кашша (венг. Kassa): ныне в Словакии (слов. Košice)

Кеשמарк (венг. Késmárk): ныне в Словакии (слов. Kešmarok)

Комаром (венг. Komárom): ныне в Словакии (слов. Komárno)

Лева (венг. Léva): ныне в Словакии (слов. Levice)

Липтосентмиклош (венг. Liptószentmiklós): ныне в Словакии (слов. Liptovský Mikuláš)

Нитра (венг. Nyitra): ныне в Словакии (слов. Nitra)

Пожонь (венг. Pozsony): ныне в Словакии (слов. Bratislava)

Рожахедь (венг. Rózsahegy): ныне в Словакии (слов. Ružomberok)

Шоморья (венг. Somorja): ныне в Словакии (слов. Šamorín)

Эршекуйвар (венг. Érsekújvár): ныне в Словакии (слов. Nové Zámky)

Комитаты (области), регионы

Барш (венг. Bars): ныне в Словакии (слов. Tekov)

Гэмэр (венг. Gömör): ныне в Словакии (слов. Gemer)

Зобор (венг. Zobor): ныне в Словакии (слов. Zobor)

Матюшфёльд (венг. Mátyusföld): ныне в Словакии (слов. Matúšova zem)

Сепеш (венг. Szepes): ныне в Словакии (слов. Spiš)

Источники и литература / References

1. Angyal Béla: Dokumentumok az Országos Keresztényszocialista Párt történetéhez 1919–1936. Somorja–Dunaszerdahely, Fórum Kisebbségkutató Intézet – Liliium Aurum, 2004. 535 p.
2. Angyal Béla: Érdekvédelem és önszerveződés. Galánta–Dunaszerdahely, Fórum Intézet–Liliium Aurum, 2002. 347 p.
3. Archiv Ústavu T. G. Masaryka), f. E. Beneš, k. 73, R133/4, Národnost' státních zamestnanců.
4. Beran Josef Ladislav: Odepřená integrace. Praha, Pulchra, 2009. 438 p.
5. Bukovszky László: Államhatalmi változások a Mátyusföldön 1918–1919-ben és 1938-ban. // Bukovszky László (szerk.): Mátyusföld II. Egy régió története a XI. századtól 1945-ig. Komárom–Dunaszerdahely, Fórum Kisebbségkutató Intézet – Liliium Aurum, 2005. P. 123–168.
6. Chocholatý-Gröger, Franz: Memoranda československé vlády na pařížské mírové konferenci 1919–1920 – mýty a fakta. CS-magazin, 2009 září, <http://www.cs-magazin.com/index.php?a=a2009091028>. Дата скачивания: 20 октября 2011 г.
7. Digitální knihovna NS RČS 1920–1925, Poslanecká sněmovna – stenoprotokoly, 4. schůze Úterý 8. června 1920. <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/004schuz/s004008.htm> Дата скачивания: 21 октября 2011 г.
8. Digitální knihovna NS RČS 1920–1925, Poslanecká sněmovna – stenoprotokoly, 25. schůze, Středa 24. listopadu 1920. <http://www.psp.cz/eknih/1920ns/ps/stenprot/025schuz/prilohy/priloh02.htm> (Accessed: 21 октября 2011 г.)
9. Filep Tamás Gusztáv: Főhatalomváltás Pozsonyban 1918–1920. Események, történések egy hírlap közleményeinek tükrében. Pozsony, Kalligram, 2010. 188 p.
10. Ferencúchova, Bohumila – Zemko, Milan (eds.): Slovensko v dvadsiatom storočí. 3. Zv. V medzivojnovom Československu 1918–1938. Bratislava, Veda, 2013. 543 p.
11. Hahn, Fred: Bylo Československo 1918–1938 národní nebo národnostní stát? // Střední Evropa. 1994. (10.) No.42, P. 25–35.
12. Hodža, Milan: Články, Reči, Štúdie, III. Praha, 1931. P. 626.
13. Hronský, Marián: The Struggle for Slovakia and the Treaty of Trianon 1918–1920. Bratislava, Veda, 2001. P. 407.
14. Komáromi Lapok. 4.01.1919 g. P. 1.
15. Komáromi Lapok. 17.05.1919 g. P. 1.
16. Kracik, Jörg: Die Politik des deutschen Aktivismus in der Tschechoslowakei 1920–1938. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 1999. P. 462.
17. Krajčovičová, Natália: K otázke personálneho obsadzovania orgánovštátnej a verejnej správy na Slovensku v prvých rokoch po vzniku ČSR. // Krajčovičová, Natália (red.): Slovensko na ceste k demokracii. Bratislava, HŮ SAV, 2009. P. 131–146.
18. Kural, Václav: Konflikt místo spoločenství. Češi a Němci v československém státě (1918–1938). Praha, Ústav mezinárodních vztahů, 1993. 272 p.
19. Lipták, Lubomír: Monuments of Political Changes and Political Changes of Monuments // Scepticism and Hope. Sixteen Contemporary Slovak Essays. Bratislava, Kalligram 1999. P. 111–153.
20. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 64. 1. cs. 1920–7–168. sz.
21. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 64. 10. cs., 1924–7–227. sz.
22. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 64. 21. cs., 1927–7–51. sz.
23. Manfred, Alexander (Hg.): Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. 3. Von der Regierung unter Švehla bis zum Vorabend der nationalsozialistischen Machtergreifung in Deutschland 1926–1932. München, R. Oldenbourg Verlag, 2009. P. 448.
24. Michela, Miroslav: Pod heslom integrity. Slovenská otázka v politike Maďarska 1918–1921. Bratislava, Kalligram, 2009. P. 272.
25. Munkásújság, 12 декабря 1920 г. P. 3–4.
26. Népszava, 24 января 1920 г. P. 1–2.
27. Népszava, 31 августа 1919 г. P. 1.
28. Népújság, 27 апреля 1923 г. P. 6.
29. Opat, Jaroslav: Filozof a politik T. G. Masaryk 1882–1893. (Příspěvek k životopisu). Praha, Melantrich, 1990. P. 460.
30. Peroutka, Ferdinand: Budování státu. I-II., III-IV. Praha, 2003. том I, P. 867.
31. Popély Gyula: Ellenzélben. A felvidéki magyar kisebbség első évei a Csehszlovák Köztársaságban (1918–1925). Pozsony, Kalligram, 1995. P. 220.
32. Popély Gyula: Erős várunk az iskola. Tanulmányok a szlovákiai magyar oktatásügy problémaköréből (1918–1938). Pozsony, Madách–Pozonium, 2005. P. 372.
33. Prohlášení nezávislosti československého národa jeho prozatímní vládou československou. <http://www.msu.cas.cz/fulltext/vyhlaseni.htm>. Дата скачивания: 20 октября 2011 г.
34. Provazník Dušan: Robotnícke hnutie v Bratislave 1918–1929. Bratislava, Slavín, 1969. P. 241.
35. A Reggel, 24 декабря 1922 г. P. 1–3.
36. Roják, Dezider – Toman, Štefan: Odkaz minulosti. 100 rokov revolučného robotníckeho hnutia a KSČ v Košiciach 1870–1970. Košice, Mestský výbor KSS, 1971. P. 292.
37. Sator, Klaus: Německá sociálně demokratická strana dělnická v Československé republice. // Klokoška, Stanislav – Oellerman Thomas (eds): Sudetští Němci proti Hitlerovi. Sborník německých odborných studií. Praha, Ústav pro soudobé dějiny, 2008. P. 18–29.
38. Sbíрка zákonů a nařízení států Československého. Ročník 1919. P. 1089.
39. Sčítání lidu v republice Československé ze dne 1. prosince 1930. Díl II. Povolání obyvatelstva. Část 3. Praha, Státní úřad statistický, 1935.
40. Seton-Watson R. W.: Masaryk in England. Cambridge – New York, Cambridge University Press-Macmillan Company, 1943. 206 p.

41. Simon Attila: Parallelen und Differenzen. Der Aktivismus der Ungarn in der Slowakei und der Sudetendeutschen zwischen den beiden Weltkriegen. *Bohemia. Zeitschrift für Geschichte und Kultur der böhmischen Länder* (54), 2014, Heft 2, 368–391. p.
42. Simon Attila: Telepesek és telepesefalvak Dél-Szlovákiában a két világháború között. Fórum Kisebbségkutató Intézet, Somorja, 2008.
43. Simon Attila: The Colonization of Southern Slovakia as a Means of Constructing a Czechoslovak Nation-State. // Szarka, László (ed.): *A multiethnic Region and Nation-State in East-Central Europe*. New York, Columbia University Press, 2011. P. 226–252.
44. Simon Attila: *The Hungarians of Slovakia in 1938*. New York, Boulder, CO, 2012. 353 p.
45. Štátny archív Bratislava (Государственный архив Словакии, Братислава), f. Župa Bratislavská I. (ŽB I.), k. 7, 7095/adm.
46. Šuchová Xenia: Sociálna demokracia na Slovensku a prvých rokoch Československa (1918–1920). // Sikora, Stanislav (red.): *Kapitoly z dejín sociálnej demokracie na Slovensku*. Bratislava, T. R. I. Médium, 1996. P. 109–145.
47. Szarka László: Többségi befogadás – kisebbségi lojalitás. Az együttélés 20. századi mintázatai Csehszlovákiában és Magyarországon. // *Asszimiláció, integráció, szegregáció. Párhuzamos értelmezések és modellek a kisebbségkutatásban*. Szerk.: Bárdi Nándor – Tóth Ágnes. Budapest, Argumentum, 2011. P. 327–346.
48. Varga Lajos: Háború, forradalom, szociáldemokrácia Magyarországon. 1914. július–1919. március. Napvilág, Budapest, 2010. 560 p.
49. Zeidler Miklós: *Trianon*. Budapest, Osiris, 2003. 954 p.
50. Zelenák, Peter: Maďarská sociálna demokracia na Slovensku. // Sikora, Stanislav (red.): *Kapitoly z dejín sociálnej demokracie na Slovensku*. Bratislava, T. R. I. Médium, 1996. P. 146–191.

Сведения об авторе

Атила Шимон – внешний член Венгерской Академии Наук, доцент, заведующий кафедрой в Университете им. Яноша Шее (Комарно – Комаром, Словакия), директор Института исследований национальных меньшинств «Форум» (Шаморин – Шоморья, Словакия) / simona@selyeuni.sk

Information about the author

Attila Simon – external member of the Hungarian Academy of Sciences, head of department and associate professor of the Selye János University in Komárno – Komárom (Slovakia), director of the Forum Minority Research Institute in Šamorin – Somorja (Slovakia) / simona@selyeuni.sk

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336

А. О. Бишель

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВ С БАЗОВОЙ ЛИЦЕНЗИЕЙ

Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время на территории Российской Федерации происходят экономические преобразования, которые в свою очередь сопровождаются глубокой трансформацией всей финансово-кредитной системы. При продолжающемся внедрении международных стандартов управления банковскими рисками, установленных Базельским комитетом по банковскому надзору (БКБС), основными тенденциями в банковском надзоре в 2019 г. являются стимулирование и пропорциональный надзор. Изменения и меры, принятые за прошедший год, были в целом одобрены банковским сообществом. Банк России стремится обеспечить прозрачность своей регуляторной деятельности путем организации заседаний рабочих групп и тематических дискуссий с банками.

При продолжающемся внедрении международных стандартов управления банковскими рисками, установленных Базельским комитетом по банковскому надзору (БКБС), основными тенденциями в банковском надзоре в 2019 г. являются стимулирование и пропорциональный надзор.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые изучены масштабные изменения, затрагивающие практически все нормативные требования: от процедуры оценки кредитных и рыночных рисков до раскрытия информации и страхования вкладов.

Банковская система в целом является элементом всей финансовой системы, к тому же оказывает значительное влияние на развитие других финансово-правовых институтов. В настоящее время колоссальное значение приобретает финансово-правовая политика в отношении российских банков в целом, и совершенствование финансово-правового регулирования деятельности банков с базовой лицензией, в частности. Автором исследованы теоретические и практические аспекты особенностей банков, а результаты применения полученных знаний будут способствовать совершенствованию организационного процесса.

Ключевые слова: финансовый рынок, банки с базовой лицензией, медиация, правовое регулирование, придунциальный надзор, мероприятия.

Alexey Bishel'

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF BANKS WITH A BASIC LICENSE

The relevance of the topic lies in the fact that economic transformations are currently taking place on the territory of the Russian Federation, which in turn are accompanied by a deep transformation of the entire financial and credit system. With the continued implementation of international standards for banking risk management established by the Basel Committee on banking supervision (BCBS), the main trends in banking supervision in 2019 are incentives and proportional supervision. The changes and measures taken over the past year were generally approved by the banking community. The Bank of Russia seeks to ensure transparency in its regulatory activities by organizing working group meetings and thematic discussions with banks.

With the continued implementation of international standards for banking risk management established by the Basel Committee on banking supervision (BCBS), the main trends in banking supervision in 2019 are incentives and proportional supervision.

The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time we have studied large-scale changes affecting almost all regulatory requirements: from the procedure for assessing credit and market risks to disclosure of information and deposit insurance.

The banking system as a whole is an element of the entire financial system, and it also has a significant impact on the development of other financial and legal institutions. Currently, the financial and legal policy in relation to Russian banks in general, and the improvement of financial and legal regulation of banks with a basic license, in particular, is of great importance. The author has studied the theoretical and practical aspects of banking features, and the results of applying the knowledge obtained will contribute to improving the organizational process.

Key words: financial market, banks with a basic license, mediation, legal regulation, pre-provincial supervision, events.

Для того, чтобы реализовать задачи, которые направлены на модернизацию управления финансовых рынков необходимо, в первую очередь приложить усилия к повышению с помощью создания системы придунциального надзора, который в свою очередь, будет осуществляться за непосредственными участниками финансового рынка, при этом необходимо согласовывать стандарты взаимодействия, а также их принципы с саморегулируемыми организациями.

Также необходимо упростить саму процедуру государственной регистрации ценных бумаг, тем самым снизить административные барьеры, которые возникают на финансовых рынках.

Обеспечив эффективную систему информационного обмена, также можно повысить уровень регулирования финансового сектора, при этом необходимо постоянно развивать корпоративное управление в данном секторе, путем принятия эффективных мер по устранению и пресечению неправильных действий участников финансового рынка.

Для того чтобы увеличить эффективность контрольно-надзорной деятельности, которая осуществляется непосредственно Федеральной службой, помимо решения вышеназванных задач, также необходимо постоянно анализировать как происходит реализация законодательства Российской Федерации в сфере совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере [3].

В настоящее время на финансовом рынке происходит увеличение роста определенных трудностей, в связи с чем возникает конкретная задача, заключающаяся в развитии саморегулирующих функций, которая, в свою очередь, требует наиболее эффективных взаимоотношений между саморегулируемыми организациями и органами государственной власти.

Национальные нормативные акты дополняются и совершенствуются наличием локальных актов, которые заключаются саморегулируемыми органами, тем самым происходит побуждение этих органов к ужесточению рекламации участников финансового рынка.

В настоящее время активно создаются и развиваются многоотраслевые финансовые participации, на основе этого появляется необходимость в их комплексном регулировании, в связи с чем, в координации фондового рынка необходимо разработать комплексные меры не только по усилению профессиональной роли, но и снижению инвестиционных рисков.

При таких условиях на первый план выходит не только потребность в стандартизации требований в деятельности финансового рынка, но и в углублении равных функций государства, что в настоящее время, является весьма актуальной проблемой.

Вышеназванные цели будут достигнуты путем консолидированного управления требованиями к обороту ценными бумагами, а также закрепления порядка их государственной регистрации. Также необходимо разработать метод к управлению

рисками финансового сектора, который будет основан на принципах, установленных Базельским комитетом, эффективного банковского надзора [1, с.122–134].

В достижении целей, направленных на решение проблемы, связанной с стандартизацией требований и усилением таких же функций государства поможет сочетание регулирования аналогичных финансовых институтов.

К тому же возникает необходимость в решении проблемы, связанной с отчуждением от функционального регулирования рисков финансового сектора к переходу принципов государственного контроля рисками, которые могут возникнуть, такие как, например, финансовая неустойчивость, убытки, нарушение прав не только инвесторов, но иных участников рынка.

Банки, которые имеют базовую лицензию, сталкиваются с различного рода проблемами, которые не так просто решить. У них зачастую возникает дилемма между снижением требований предосторожности и повышением своего рода «аппетита к рискам».

Чтобы упростить регулирование данного банковского сектора, необходимо внести некоторые изменения, которые могут быть выражены в первую очередь в том, чтобы в портфель однородных требований элементов расчетной базы от величины собственного капитала банка с базовой лицензией увеличить до 1,5% (отметим, что в настоящее время – 0,5%). Расчет полной стоимости кредита или вклада необходимо произвести по сегментам, в каждой группе банков с базовой лицензией, что будет способствовать упрощенному регулированию банков с базовой лицензией.

Упрощенное регулирование также возможно путем введения новых требований, но при этом, эти требования необходимо вводить в конкретном порядке: первоначально для банков, которые имеют системное значение, затем через один год ввести банкам с универсальной лицензией, в конце уже путем упрощенного формата банкам с базовой лицензией

В соответствии с МСФО 9, при подготовке отчета, необходимо разработать методические рекомендации, которые будут сочетать в себе два метода: первый метод заключается в моделировании кредитного риска, второй метод включает в себя разнообразные кредитные потери, которые могут возникнуть при отсутствии статистических данных. К тому же, разработка нормативных-правовых актов даст возможность банкам с базовой лицензией выдавать кредиты заемщикам не по профилю, то есть тем, которые уже достаточно много времени обслуживаются непосредственно в конкретном банке с базовой лицензией, и к которым не применяется повышенный коэффициент риска, поскольку их кредиты относятся по качеству к первой или второй категории.

В качестве профильных заемщиков банкам с базовой лицензией также необходимо привлечь не только компании, в которых 100% государственное участие, но и муниципальные и государ-

ственные унитарные предприятия, однако, при этом, необходимо учитывать, чтобы масштабы их деятельности были в соответствии с параметрами, относящимися к деятельности малого и среднего бизнеса.

Также, чтобы упростить регулирование банков с базовой лицензией необходимо через различные бюджеты компаний с государственным участием банкам с базовой лицензией расширить доступ к банковским средствам банков, дать возможность осуществлять кредитование физических лиц, которые относятся к непрофильным заемщикам; создать облачные сервисы для автоматизации процессов банков с базовой лицензией; данному сектору также необходимо обеспечить киберзащиту и внедрить биометрические данные, также необходимо данному сектору взаимодействовать с рейтинговыми агентствами и внедрить банковский надзор.

Пруденциальная система регулирования дает возможность достаточно быстро не только обнаруживать нарушения на фондовом рынке, но и предотвращать эти нарушения.

Надзор включает в себя несколько уровней: первый уровень заключается в контроле непосредственно со стороны участников финансового рынка, который осуществляется на основе требований, которые устанавливаются законодательством Российской Федерации; второй уровень осуществляется в непосредственном контроле над саморегулируемыми организациями, и третий уровень надзора выражается в осуществлении контроля со стороны государственных органов [4].

Достаточному снижению издержек и повышению эффективности рыночных институтов, а также обмену информационными операциями на финансовом рынке будут способствовать определенные цели надзора, для осуществления которых необходимо не только предусмотреть возможность интеримарного руководства в организациях, которые в свою очередь, оказываются непосредственными профессиональными участниками рынка ценных бумаг, но и реализовать программы в совершенствовании комплексов методик для профессиональных участников, при этом необходимо учитывать требования, предъявляемые к нормативам банковской системы.

Также в качестве целей надзора можно определить внедрение единых требований к расчету собственных средств, которые должны соответствовать моделям внешнего экономического роста, предъявляемых не только для абсолютно всех участников рынка ценных бумаг, но и к управляющим компаниям и инвестиционным фондам, а также необходимо модернизировать существующие правила бухгалтерского учета финансовых продуктов.

Разрабатывая требования строгого мониторинга, необходимо применять принцип пропорциональности, который включает в себя определенные требования к участникам надзора, при этом учитывается размер и масштаб их деятельности, а также характер работы и неотъемлемые риски.

Кроме того, необходимо применять особый подход, производя оценку рисков или активов участников финансового рынка, при производстве пруденциального регулирования, при этом в описании участников пруденциального регулирования финансового рынка, осуществляющегося с целью согласования методов, необходимо совершенствовать законодательство Российской Федерации в области банкротства финансовых организаций, которое необходимо осуществлять, учитывая нормы о банкротстве в отношении кредитных организаций.

За последнее время для улучшения качества управления бизнесом сделано достаточно много, в частности, процедуры и правила, которые разрабатываются непосредственно государством, органами власти, а также участниками финансового рынка и заинтересованными организациями на добровольной основе, включаются в систему раскрытия информации на рынке ценных бумаг.

Несмотря на улучшения качества, возникает ряд вопросов, связанных с корпоративным управлением, которые необходимо решить. В частности, чтобы развивать и совершенствовать корпоративное управление необходимо создать такой механизм, который будет эффективным в побуждении членов совета директоров нести ответственность за поведение, которое может являться необоснованным, а также за установление несправедливых стандартов. Необходимо предусмотреть ответственность государства в наблюдательном совете коммерческих компаний, а также обеспечить страхование данной ответственности членов совета директоров по корпоративному управлению.

Для реализации развития корпоративного управления важно разъяснять процессуальное положение каждого акционера, который в своей деятельности преследует интересы общества.

Совершенствование корпоративного управления также возможно путем разработки требований к самому корпоративному управлению, применяемых к самим участникам рынка ценных бумаг, к инвестиционным фондам управляющих компаний, к пенсионным фондам негосударственных организаций, а также путем разработки определенных рекомендаций по реформированию их в нормативных правовых актах.

В развитии корпоративного управления также поможет улучшение способов приобретения обществом пакета акций при помощи установки предварительного государственного контроля над ценными бумагами общества, в случае их публичного размещения, при помощи устранения недостатков между акциями, антимонопольным законодательством Российской Федерации и банковским законодательством, путем выяснения обстоятельств возникновения у общества обязательств.

Для того, чтобы исключить нарушения прав акционеров, находящихся в уставном капитале, непропорционально большим количеством голосов, необходимо установить одинаковую номи-

нальную стоимость акций всех типов. К тому же обновление проекта Кодекса поведения фондов также будет способствовать совершенствованию корпоративного управления.

Еще одной целью является повышение роли независимых директоров в публичных компаниях, выражающееся в независимом участии в реализации возможности принятия независимого и объективного решения по корпоративным вопросам. Данный принцип корпоративного управления является одним из важнейших принципов, который был разработан Организацией экономического сотрудничества. Названные решения в основном касаются участия независимых директоров в совете директоров, которые как раз и обеспечивают видение и цели бизнеса, и непосредственное управление компании.

Помимо этого, в случаях разногласий между интересами компании и непосредственным ее руководством акционеров, которые могут выражаться в вознаграждении руководителя, при смене контроля над компанией, в случае проведения аудита – здесь неocenимую роль играют как раз независимые директора.

Необходимо усилить роль независимых директоров не только в компаниях, но и между ведущими экспертами фондового рынка, особенно между фондовыми биржами и зарегистрированными агентами, при этом, усиливая роль независимых директоров, будет не лишним изучить возможность объединить их непосредственно в самой организации, в которой основной задачей является разработка Кодекса поведения и правил работы тех самых независимых директоров.

Поскольку долговременные судебные тяжбы не только приводят к росту стоимости российских компаний, причиняют различный ущерб инвесторам, а также приводят к минимизации инвестиционного вклада в российскую экономику, просто необходимым является усиление модели внесудебного урегулирования и разрешения этих споров – медиации, путем создания саморегулируемых организаций и принятии новых методов, способствующих разрешению таких вопросов, или же стимулированию разрешения споров в Арбитражном суде.

Данный метод хорош тем, что в нем заключена конфиденциальность информации, короткое время трансформации конфликта, а также полностью отсутствует необходимость принудительного исполнения решения, поскольку в процессе информационного согласия участники сами выбирают решение, которое будет их полностью удовлетворять, именно поэтому сами участники заинтересованы в его реализации.

Для реализации самого метода медиации в корпоративных спорах, необходимо подготовить комплекс мероприятий, которые бы способствовали его применению, а также наделяли бы соответствующими полномочиями орган, который имеет непосредственное отношение к организации данного процесса. А также самих посредников, участвующих в данной деятельности – медиаторов.

Процесс медиации, в качестве обязательно-го метода, необходимо применять в наиболее жестких случаях корпоративных споров, когда, например, споры затрагивают вопросы ценных бумаг, вопросы распределения активов, слияний или поглощений, а также иных вопросов, которые непосредственно затрагивают самих акционеров.

В настоящее время подготовлен проект федерального закона о противодействии с неправомерным использованием инсайдерской информации и манипулированием рынка, поскольку основной задачей, при создании эффективной нормативно-правовой базы для предотвращения ценовых манипуляций и инсайдерской торговли, как раз и является разработка общепринятых стандартов поведения участников финансового рынка и контролирующих их органов.

Данный проект предусматривает различные пункты, которые регламентируют и определяют введение понятие внутренней информации; в сфере финансового рынка предусматривает доступ к информации о банковских счетах непосредственных участников данного сегмента, а также уполномоченных лиц органа исполнительной власти; устанавливает внутренний контроль, устанавливает требования не только ко всем участникам, но и к должностным лицам контролирующих органов, что, в свою очередь, снижает вероятность допуска нарушений; в сфере рынка капитала данный проект закрепляет полномочия органов исполнительной власти совместно с правоохранительными органами в деятельности по выявлению и расследованию случаев незаконной деятельности на финансовом рынке.

Полагаем необходимым усилить как административную ответственность, так и уголовную ответственность за незаконные операции на рынке ценных бумаг, а также за манипуляции с ценовым сегментом [6].

Также предлагаем, с целью поощрения участников финансового рынка, внести изменения в кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в части снижения штрафных санкций при обнаружении нарушений, уведомить органы исполнительной власти в сфере финансов и добровольно предоставить сведения о мерах по устранению выявленных нарушений, что будет лишь способствовать выявлению и устранению рисков нарушений законодательства Российской Федерации в деятельности непосредственно участников финансового рынка.

Необходимо разработать кодекс поведения участников финансового рынка, который будет способствовать предотвращению манипуляциям с ценами и инсайдерской торговли, при этом закрепленные в нем требования будут носить только лишь рекомендательный характер.

Контроль за исполнением кодекса распределить между органами исполнительной власти в области финансового рынка, саморегулируемыми организациями и биржевыми брокерами.

Банк России планирует и дальше развивать пропорциональное регулирование деятельности

кредитных организаций. В частности, планируется сократить объем информации, раскрываемой небанковскими кредитными организациями, отменить отчетность в соответствии с МСФО и предоставить им возможность выполнять функции руководителя Службы внутреннего контроля руководителем службы управления рисками, как это предусмотрено для банков с базовой лицензией.

Для банков, имеющих базовую лицензию, также планируется предусмотреть право осуществления операций и сделок, направленных на отчуждение или распоряжение ценными бумагами, не отвечающими требованиям статьи 24 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Банки, имеющие базовую лицензию, будут иметь право осуществлять эти операции и операции с приобретенными ценными бумагами до получения статуса банка, имеющего базовую лицензию [7].

Также планируется запретить банкам, имеющим базовую лицензию, заниматься профессиональной деятельностью на рынке ценных бумаг и осуществлять операции с производными финансовыми инструментами. Это связано с тем, что такая деятельность не соответствует бизнес-модели банка с базовой лицензией, которая базируется на предоставлении финансовых услуг гражданам и субъектам малого и среднего предпринимательства [6].

В 2020 г. Банк России планирует установить требования к кредитным организациям по раскрытию информации о кредитном риске при применении стандартизированного подхода в соответствии с положениями компонента 3 «рыночная дисциплина» Базеля II (Фаза III).

В этом году планируется ввести ограничения по кредитам для слияний (поглощений) путем установления минимального размера резерва, равного 5% по кредитам, используемым для осуществления инвестиций в уставный капитал других юридических лиц, когда уполномоченный орган управления кредитной организацией принимает решение об увеличении (не более чем на один) категории качества такого кредита, если показатели операционной деятельности заемщика свидетельствуют о том, что выплаты по основному долгу и процентам будут производиться своевременно и в полном объеме, с возможностью его постепенного формирования.

Планируется ввести ограничения по кредитам на слияния и поглощения путем установления минимального резерва в размере 5% по кредитам, используемым для осуществления инвестиций в уставный капитал других юридических лиц, с возможностью его постепенного формирования.

Кроме того, с 1 января 2020 г. для кредитов, выданных (реструктурированных) после этой даты и направленных заемщиками на инвестирование в уставный капитал других юридических лиц, коэффициент риска для расчета нормативов достаточности капитала банка был увеличен со 150% до 200% [5].

В соответствии с рекомендациями Совета по финансовой стабильности и лучшими между-

народными практиками выплаты работникам, принимающим на себя риски при расторжении трудового договора, считаются переменной составляющей вознаграждения и учитывают финансовый результат организации, а также реализованные риски.

Банк России рассматривает возможность установления требования об отсрочке, а затем корректировке порядка выплаты компенсаций членам исполнительных органов кредитных организаций, связанных с расторжением трудового договора, с учетом результатов их деятельности. Согласно предлагаемому подходу, любая компенсация, причитающаяся работнику при прекращении трудовой деятельности, будет выплачена не ранее чем через два года со дня расторжения трудового договора.

В этом году ожидается, что несколько крупных банков направят в Банк России заявки на валидацию внутренних методов и моделей с целью получения разрешения Банка России на их использование для расчета коэффициента достаточности капитала для новых долговых сегментов (ранее не охваченных РРР).

В целях осуществления надзора за банками, получившими разрешение Банка России на применение РРР, Банк России планирует издать нормативный акт, включающий определение основных инструментов контроля за соответствием внутренних методов и моделей нормативным требованиям.

Кроме того, считается возможным сделать применение ИЦП обязательным для всех системно значимых кредитных организаций (далее-ССК) с целью расчета коэффициентов достаточности капитала. В то же время планируется обеспечить НКО достаточный переходный период для приведения внутренних методов и моделей в соответствие с требованиями нормативных актов Банка России. Одновременно будет рассмотрен вопрос о снижении минимального порогового значения размера активов банков, необходимого для рассмотрения заявки на добровольное применение ИЦП.

В предстоящем 2020 г. работа по совершенствованию и дальнейшему развитию банковского регулирования будет продолжена по нескольким ключевым направлениям [8]. Таким образом, уже есть вполне обоснованные запросы банковского сообщества и планы Банка России по внедрению на практике большего количества элементов стимулирования и пропорционального регулирования. В этом процессе будут задействованы все сегменты рынка: от системно значимых банков до банков с базовой лицензией и небанковских кредитных организаций. Продолжат обсуждаться варианты расширения сферы страхования вкладов и искать оптимальные пути достижения этой цели. В то же время планируется продолжить внедрение стандартов Базельского комитета по банковскому надзору, что, в частности, позволит повысить чувствительность минимальных стандартов достаточности капитала к рискам, принимаемым банками при сохранении стабильности

банковского сектора. Новый этап этой работы будет включать внедрение Базельских подходов к оценке кредитного, рыночного и операционного рисков, а также подготовку к введению нового стандарта по максимальному размеру общего ри-

ска на одного заемщика или группу связанных заемщиков для банковских групп, сформированных системно значимыми кредитными организациями [2, с. 155–161].

Литература

1. Борисов О. С. Практика внедрения Базельского комитета по банковскому надзору (Базель III) в Российской Федерации // Правовое поле современной экономики. 2016. №3. С. 122–134.
2. Гончарова М. В. Международное соглашение Базель II: четыре принципа надзорного процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. Т.15. №4 (33). С. 155–161.
3. Инструкция Банка России от 06.12.2017 № 183-И (ред. от 18.07.2019) «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией» (вместе с «Методикой расчета кредитного риска по ПФИ») (Зарегистрировано в Минюсте России 02.03.2018 № 50206) // Официальный сайт Банка России URL: <http://www.cbr.ru/> (Дата обращения 13.04.2020).
4. Информационное сообщение Минфина России от 15.01.2019 // СПС «Консультант-плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315790/ (Дата обращения 13.04.2020).
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов (утв. Банком России) // Вестник Банка России. № 89 – 90. URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (Дата обращения 14.04.2020).
6. Указание Банка России от 27.11.2018 № 4979-У «О требованиях к ценным бумагам, с которыми банки с базовой лицензией вправе совершать операции и сделки при осуществлении деятельности на рынке ценных бумаг» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.12.2018 № 53056) // Официальный сайт Банка России URL: <http://www.cbr.ru/> (Дата обращения 26.04.2020).
7. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2019) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 28.04.2020).
8. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.01.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 26.04.2020).

References

1. Borisov O. S. Praktika vnedreniya Bazel'skogo komiteta po bankovskomu nadzoru (Bazel' III) v Rossijskoj Federacii (*Practice of implementing the Basel Committee on banking supervision (Basel III) in the Russian Federation*) // Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki. 2016. No. 3. P. 122–134.
2. Goncharova M. V. Mezhdunarodnoe soglasenie Bazel' II: chetyre principa nadzornogo processa (*Goncharova M. V. International agreement Basel II: four principles of the Supervisory process*) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 5. Yurisprudenciya. 2016. Vol. 15. No. 4 (33). P. 155–161.
3. Instrukciya Banka Rossii ot 06.12.2017 № 183-I (red. ot 18.07.2019) «Ob obyazatel'nyh normativah bankov s bazovoj licenziej» (vmeste s «Metodikoj rascheta kreditnogo riska po PFI») (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 02.03.2018 № 50206) (*Instruction of the Bank of Russia dated 06.12.2017 No. 183-I (ed. from 18.07.2019) "On mandatory standards of banks with a basic license" (together with the «methodology for calculating credit risk for PFI») (Registered with the Ministry of justice of Russia 02.03.2018 No. 50206)* URL: <http://www.cbr.ru/> (Accessed: 13.04.2020).
4. Informacionnoe soobshchenie Minfina Rossii ot 15.01.2019 № IS-uchet 14 «Novoe v buhgalterskom zakonodatel'stve: fakty i kommentarii» (*Information message of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 15.01.2019 no. IS-uchet 14 «New in accounting legislation: facts and comments»*) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315790/ (Accessed: 13.04.2020).
5. Osnovnye napravleniya edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2019 god i period 2020 i 2021 godov (utv. Bankom Rossii) (*Main directions of the unified state monetary policy for 2019 and the period 2020 and 2021 (approved by the Bank of Russia)*) URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (Accessed: 14.04.2020).
6. Ukazanie Banka Rossii ot 27.11.2018 № 4979-U «O trebovaniyah k cennym bumagam, s kotorymi banki s bazovoj licenziej vprave sovershat' operacii i sdelki pri osushchestvlenii deyatel'nosti na rynke cennyh bumag» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 19.12.2018 № 53056) (*Instruction of the Bank of Russia dated 27.11.2018 No. 4979-U «On requirements for securities with which banks with a basic license are entitled to perform operations and transactions in the securities market» (Registered in the Ministry of justice of the Russian Federation on 19.12.2018 No. 53056)* URL: <http://www.cbr.ru/> (Accessed: 26.04.2020).
7. Federal'nyj zakon ot 02.12.1990 № 395-1 (red. ot 27.12.2019) «O bankah i bankovskoj deyatel'nosti» (s izm. i dop., vstup. v silu s 08.01.2020) (*Federal law No. 395-1 of 02.12.1990 (ed. of 27.12.2019) «On banks and banking activities» (with ed. and add., effective from 08.01.2020)*) URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 28.04.2020).
8. Federal'nyj zakon ot 10.07.2002 № 86-FZ (red. ot 27.12.2019) «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» (s izm. i dop., vstup. v silu s 23.01.2020) (*Federal law No. 86-FZ of 10.07.2002 (ed. from 27.12.2019) «About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (with ed. and add., Intro. effective from 23.01.2020)*) URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 26.04.2020).

Сведения об авторе

Бишель Алексей Олегович – аспирант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Bishelwork@mail.ru

Information about the author

Bishel Alexey – post-graduate student, Chair of Administrative and Financial Law, Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Bishelwork@mail.ru

УДК 340.153

М. А. Бычко, И. А. Комаревцева

ИНСТИТУТ ОТКАЗА ОТ НАСЛЕДСТВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В последнее время в российской правовой доктрине стало активнее уделяться внимание изучению правовой природы отказа от наследства, но большинство исследований посвящены анализу современного состояния института, в том числе рассмотрению принципов, способов, порядка отказа от наследства. Авторы статьи полагают, что изучение исторического и зарубежного опыта формирования института отказа от наследства имеет огромную значимость в связи с тем, что современное российское законодательство и практика в этой сфере не лишены недостатков и пробелов, они еще требуют совершенствования. Ретроспективный анализ способствует более глубокому и всестороннему изучению, вооружает исследователя новыми идеями и аргументами.

В статье проанализированы особенности древнеримского отказа от наследства, изучена судьба отечественного института, начиная с периода Древней Руси. Авторы пришли к выводу, что в римском праве отношения отказа от наследства были детально регламентированы, уже в тот период начал формироваться прообраз института направленного отказа от наследства. Авторы

акцентировали внимание на правовом закреплении института отказа от наследства в проекте Гражданского уложения 1905 года, где институт именовался «отречение от наследства» по аналогии со Сводом законов Российской Империи, и уделили особое внимание его развитию в советский период. Все кодифицированные акты гражданского законодательства, начиная с ГК РСФСР 1922 года, регулировали отношения по отказу от наследства. В ГК РСФСР 1964 года впервые было закреплено право отказа от наследства как наследника по закону, так и наследника по завещанию, но это право было ограничено сроком шесть месяцев со дня открытия наследства.

В статье приведен альтернативный опыт Франции и Германии, и продемонстрирована приверженность современного российского законодательства основным подходам ГК РСФСР 1964 г. и «системы принятия» действующей во многих странах, в том числе и во Франции.

Ключевые слова: правовой институт, наследственное право, отказ от наследства, наследник, наследование по закону, наследование по завещанию.

Marina Bychko, Irina Komarevtseva

THE INSTITUTION OF RENUNCIATION OF INHERITANCE: HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Recently, the Russian legal doctrine has begun to pay more attention to the study of the legal nature of the refusal of inheritance, but most studies are devoted to the analysis of the current state of the institute, including the consideration of the principles, methods, and procedure for the refusal of inheritance. The authors of the article believe that the study of historical and foreign experience in the formation of the institution of inheritance rejection is of great importance due to the fact that modern Russian legislation and practice in this area are not without shortcomings and gaps, they still need to be improved. Retrospective analysis contributes to a deeper and more comprehensive study, equips the researcher with new ideas and arguments.

The article analyzes the features of the ancient Roman refusal of inheritance, and examines the fate of the national institute, starting from the period of Ancient Russia. The authors came to the conclusion that in Roman law, the relationship of refusal of inheritance was regulated in detail, and already at that time the prototype of the institution of directed refusal of inheritance began to form. The au-

thors focused on the legal consolidation of the Institute of renunciation of inheritance in the draft Civil code of 1905, where the institute was called "renunciation of inheritance" by analogy with the Code of laws of the Russian Empire, and paid special attention to its development in the Soviet period. All codified acts of civil legislation, starting with the civil code of the RSFSR in 1922, regulated relations on the rejection of inheritance. In the civil code of the RSFSR of 1964, for the first time, the right to refuse inheritance was established for both the heir by law and the heir by will, but this right was limited to a period of six months from the date of opening the inheritance.

The article presents the alternative experience of France and Germany, and demonstrates the commitment of modern Russian legislation to the main approaches of the civil code of the RSFSR of 1964, and the "adoption system" in many countries, including France.

Key words: legal institution, inheritance law, refusal of inheritance, heir, inheritance by law, inheritance by will.

Современное российское наследственное право, как самостоятельная подотрасль гражданского права представляет собой определенную систему, элементами которой выступают правовые институты. К числу таких институтов можно отнести отказ от наследства, под которым следует понимать совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с осуществлением принадлежащего наследнику субъективного права отказа от наследства. Безусловно, современный институт отказа от наследства выступает результатом поэтапного развития наследственного законодательства, сочетая в себе традиционные подходы законодателя и новые правила. Авторы настоящей работы ставят перед собой цель провести исторический анализ института отказа от наследства, что позволит выявить тенденции его развития, определить преемственность правового регулирования отношений в сфере наследования имущества, которые связаны с отказом от наследства. Сегодня на страницах юридической литературы особо подчеркивается потенциал исторического метода исследования явлений правовой действительности. В частности, Л. В. Щенникова пишет, что в ходе осуществления научных разработок следует учитывать традиции гражданско-правового регулирования общественных отношений, что является одним из базовых принципов научных исследований в области гражданского права [19, с. 308–309].

Рассматриваемый правовой институт, будучи традиционной составляющей наследственного права, начал формироваться уже в древний период. Среди правовых систем древности особое место занимает римское право, которое заслуженно относят к числу непреходящих ценностей правовой культуры, особо подчеркивая его огромное значение для правового развития как европейских, так и иных государств [8, с. 7].

Основные категории наследственного права получили свою детальную регламентацию в рамках римской правовой системы. Сказанное в полной мере относится и к институту отказа от наследства (отречения от наследства) – *repudiare*, *recusare* [2, с. 996].

Особенность древнеримского института отказа от наследства состояла в том, что право отказа от наследства являлась своего рода привилегией определенных наследников. Римское право знало две категории наследников: обязательные наследники (*heredes necessarii*) и добровольные наследники (*heredes voluntarii*) [7, с. 295–296]. К числу обязательных наследников относились: 1) подвластные дети наследодателя, которые находились непосредственно под властью умершего в момент его кончины; 2) рабы наследодателя, которые были назначены в завещании наследниками и отпускались на свободу посредством завещания. Указанные категории *heredes necessarii* наследовали в обязательном порядке, независимо от своей воли, иными словами, они не обладали возможностью не принять наследство или

отказаться от него. Что касается добровольных наследников, то они обладали правом отказаться от наследства.

В римском праве отказ от наследства не подчинялся особым формальным требованиям, то есть соответствующее волеизъявление наследник мог выразить как угодно. Обратимся к источникам римского права [3, с. 660]. Павел утверждал, что наследство можно «отвергнуть» вербально (на словах), путем совершения каких-либо действий или иным способом (D. 29.2.95). Ульпиан писал об отказе от наследства, совершаемом путем молчания (D. 29.2.17.1).

По общему правилу, если наследник совершил отказ от наследства, то его уже нельзя было взять обратно, то есть отказавшись от наследства, наследник не мог впоследствии его принять. Однако из этого правила были исключения: речь идет о ситуациях, когда наследник отказывался от наследства под влиянием обмана, злого умысла или под принуждением. Примером может служить «*restitutio in integrum*» – это особое правовое средство, льгота, которая давалась лицам, не достигшим возраста 25 лет. Сущность *restitutio in integrum* заключалась в том, что наследник возвращался в первоначальное положение, при этом магистрат исходил из фикции о том, что действие наследника по принятию наследства как бы вовсе не совершалось [12].

Как мы уже говорили выше, акт отказа от наследства относился к числу неформальных актов, и мог быть выражен даже в молчании. Вместе с тем в литературе отмечается, что следует различать такие правовые ситуации, как «отказ от наследства» и «молчание», которое свидетельствовало о непринятии наследства [14, с. 360]. По поводу правовой квалификации молчания наследника, считаем необходимым отметить, что оно расценивалось законодателем по-разному на разных исторических этапах. По нормам преторского права наследнику предоставлялся срок для размышления (обдумывания), в течение которого он должен был дать ответ относительно своего намерения принять наследство или отказаться от него. Молчание наследника расценивалось как отказ от наследства. В период правления императора Юстиниана отсутствие открытого отказа наследника от наследования в течение определенного срока расценивалось как его принятие. Подобное правило было введено в интересах кредиторов умершего [6, с. 647].

В литературе можно встретить упоминания особого вида отказа от наследства – судебная уступка наследства (*in iure cessio hereditatis*) [13, с. 463]. В данном случае отказ от наследства совершался в виде цессии, то есть наследник не просто отказывался от наследства, а переносил свои наследственные права на других лиц. На первый взгляд подобная конструкция напоминает так называемый направленный отказ от наследства. Однако если судебная уступка наследства происходила уже после акта принятия наследства, то она рассматривалась как перенос

на другое лицо права собственности, без долгов наследодателя, бремя которых продолжал нести наследник.

Итак, в римском праве отношения отказа от наследства получили детальную регламентацию, были установлены требования к отказу от наследства, его правовые последствия. Для некоторых категорий наследников право отказа от наследства являлось привилегией, что следует отнести к особенностям рассматриваемой правовой конструкции. С определенной долей условности можно говорить о формировании прообраза института направленного отказа от наследства.

Представляет интерес судьба отечественного института отказа от наследства. По сложившейся в научной среде традиции анализ развития отечественного наследственного права следует начинать с периода Древней Руси. В древнейших и более поздних источниках российского права институт отказа от наследства не был представлен четко и системно. Свое законодательное оформление рассматриваемый институт получил лишь в нормах Свода законов Российской Империи, где наследственному праву были посвящены нормы ч.1 т. X.

Применительно к ситуации отказа от наследства дореволюционный законодатель использовал термином – «отречение от наследства». В ст. 1255 Свода законов регламентировалось право наследника отречься от наследства: наследники властны принять наследство или отречься от него. В литературе подчеркивалось, что отречение от наследства основано на воле наследника [16, с. 584].

Также ученые обращали внимание на то положение, что отречение от наследства возможно только в период до осуществления права наследования. Иными словами, если наследник принял наследство, то он уже не мог от него отречься [9, с. 447].

При рассмотрении споров, возникающих по поводу отречения от наследства, судебные органы придерживались следующих правил [18, с. 366–367]:

- время отречения от наследства взаимосвязано с моментом открытия наследства, то есть отречение от наследства было возможно после смерти наследодателя;
- акт отречения от будущего наследства рассматривался судом как недействительный;
- недействительным признавалось отречение от наследства, совершенное во вред кредиторам отрекшегося наследника, но лишь в части долговых обязательств.

В законодательстве не получил однозначного решения вопрос о допустимости направленного или же адресного отречения от наследства, то есть в пользу какого-либо лица. Научное сообщество обосновывало тезис о невозможности такого отказа. Ученые подчеркивали, что законодатель, наделяя наследника властью отречься от наследства, не имел в виду ситуацию, при которой наследник, который не принимает наследства,

сможет им распорядиться в чью-либо пользу [5]. Судебные органы также стояли на позиции о недопустимости адресного отказа от наследства, признавая единственную возможность – безусловного отречения [18, с. 366].

Законодатель регламентировал процессуальную сторону отречения от наследства. В ст. 1265 отречением от наследства следовало считать бездействие наследников, то есть непринятие ими наследства. В ст. 1266 Свода законов говорилось о том, что наследник должен был объявить о своем намерении отречься от наследства. Такое объявление осуществлялось в «надлежащем присутственном месте», а именно в «судебном установлении», которому было подведомственно наследственное имущество.

Итак, институт отказа от наследства по нормам российского дореволюционного права XIX – начале XX вв. отличался следующими особенностями: отказ от наследства был добровольным актом наследника, носил бесповоротный и безусловный характер, последнее обстоятельство исключало возможность направленного (адресного) отказа от наследства. Отречение от наследства выступало волевым актом наследника, в связи с чем мы можем утверждать, что русское дореволюционное право не знало института необходимого (обязательного) наследника, как это было у римлян, когда наследник не имел права отказаться от наследства. Отказ от наследства был возможен как в виде непринятия наследства, так и в виде формального акта.

Особое внимание следует уделить нормам проекта Гражданского уложения 1905 г. (далее – проект) [4]. Данный нормативно-правовой акт демонстрировал качественно новый уровень регулирования общественных отношений, так как был основан на передовом законодательном опыте западноевропейских государств. Вместе с тем, разработчики проекта постарались учесть и сохранить отечественные традиции нормативно-правового регулирования.

Нормы наследственного права содержались в книге 4 проекта Гражданского уложения, 3 Отделение которой было посвящено регулированию отношений, возникающих на основании отказа от наследства. Проект остался верен используемой ранее терминологии: отказ от наследства по-прежнему именовался термином «отречение от наследства». Неизменной осталась процедура отказа от наследства, в соответствии со ст. 1518 проекта отречение от наследства происходило путем заявления об этом суду.

Во избежание проблем в правоприменительной практике, законодатель императивно установил недействительность отречения от наследства, которое было совершено наследником раньше открытия наследства (ст. 1519 проекта). Однако, если отречение от наследства имело место при выделе, режим недействительности на такое отречение не распространяется.

Правовой институт отречения от наследства предусматривал механизм защиты прав креди-

торов (верителей) наследника, отказавшегося от наследства (ст. 1520 проекта). Данное правило появилось в связи имевшими место быть на практике случаями отречения от наследства наследник, который был обременен долгами не желал их платить. При этом умысел наследника состоял в том, что его доля в наследстве все равно останется в семье, перейдя к его ближайшим родственникам. Если наследник отказывался от наследства во вред интересам кредиторов, то они имели право обратиться свои претензии на часть наследства, которое причиталась этому наследнику. Данное право они могли осуществить в пределах годичного срока и при условии, что их притязания не были удовлетворены за счет личного имущества наследника.

В нормах проекта, также, как и в Своде законов Российской империи не предусматривалось правил о направленном отказе от наследства. Разработчики Проекта полагали, что если призванный наследник предлагает вместо себя другое лицо, то речь идет об уступке права на открывшееся наследство. Такие сделки в дореволюционной России были распространены на территории Черниговской и Полтавской губерний. «Проект вводил универсальное регулирование уступки права на открывшееся наследство, используя опыт континентальных правовых систем. Условия уступки (цена права, гарантии состава наследства, распределение ответственности по долгам и др.) определялись соглашением между наследником и приобретателем наследства (наследственной доли). Поскольку уступка сама по себе означала извлечение выгоды из предоставленного права на принятие наследства, то с момента нотариального удостоверения соглашения наследник считался принявшим наследство. При этом весь объем возникших у него прав на наследство считался перешедшим к приобретателю» [10, с. 382].

Итак, проект Гражданского уложения, в целом, сохранил заложенную в Своде законов концепцию регулирования отношений по отречению от наследства.

Дальнейшее развитие институт отказа от наследства получил в советский период. В первом советском гражданском кодексе – ГК РСФСР 1922 г. основные положения об отказе от наследства содержались в ст. 429. Законодатель установил, что присутствующий в месте открытия наследник имел право в течение установленного трехмесячного срока отказаться от наследства путем соответствующего заявления в суд. В противном случае наследник считался принявшим наследство, то есть закон устанавливал презумпцию принятия наследства, которая могла быть опровергнута действиями наследника в виде отказа от наследства. Срок для осуществления права отказа от наследства зависел от категории наследников: для присутствующих наследников – это 3 месяца, а для отсутствующих – более длительный срок в 6 месяцев.

Также в п.2 ст. 429 ГК РСФСР 1922 г. содержалось императивное правило о том, что доля

в наследстве наследника, отказавшегося от наследства должна была перейти к государству. Как видим, в ст. 429 ГК РФ речь идет об отказе от наследства как об активном действии наследника. Примечательно, что в других нормах раздела «Наследственное право», в частности, в норме ст. 424 ГК РФ упоминается ситуация непринятия наследником наследства. Здесь речь идет о субституции, то есть подназначении запасного наследника на случай, если основным наследником не примет наследство. Итак, законодатель в нормах ГК РСФСР 1922 года различал такие правовые ситуации, как непринятие наследства и отказ от наследства.

С учетом вышесказанного справедливым выглядит вывод В. И. Серебровского о том, что непринятие наследником наследства можно рассматривать как родовое понятие, которое включает в себя: 1) фактическое непринятие наследником наследства, то есть его бездействие, безразличное отношение к наследству в течение установленного законом срока; 2) явное непринятие наследником наследства, в виде официального заявления, что по сути является отказом от наследства [15, с. 194].

Также по смыслу закона, отказ от наследства – это действие наследника, которое он мог совершить только после открытия наследства. Отказ от наследства мог носить только безусловный характер, направленный отказ от наследства не допускался. Данный вывод нашел свое отражение в актах высшей судебной инстанции: Верховный суд СССР в п.10 Постановления Пленума «О судебной практике по делам о наследовании» [11].

Дальнейшее развитие института отказа от наследства связано с очередной кодификацией советского гражданского права, а именно: с принятием ГК РСФСР 1964 г.

Основные положения об отказе от наследства содержались в ст. 550 ГК РСФСР 1964 г. Необходимо отметить, что законодатель наделил правом отказаться от наследства как наследника по закону, так и наследника по завещанию. Своим правом отказаться от наследства наследник могли воспользоваться лишь в пределах установленного в законе срока – в течение шести месяцев со дня открытия наследства.

Среди новелл института отказа от наследства особо следует отметить норму о допустимости не только безусловного отказа, но также и направленного отказа от наследства. При этом законодатель четко обозначил круг лиц, которые могли выступать в роли бенефициаров в отношении отказа от наследства, к ним относились: наследники по закону, указанные в завещании наследники, а также государство или юридическое лицо (государственная, кооперативная или другая общественная организация).

В силу п.2 ст. 550 ГК РСФСР 1964 г. безадресный отказ наследства по своим правовым последствиям приравнивался к непринятию наследства. В этом случае наступало так называемое приращение наследственных долей других наследников [17, с. 390].

Также в законе устанавливались ограничения по поводу возможности наследника отказаться от наследства: наследник не мог совершить отказ от наследства, если он уже подал в нотариальную контору заявление о принятии наследства или о выдаче ему свидетельства о праве на наследство. Примечательно, что отказ от наследства рассматривался законодателем как формальный акт, для его легитимности требовалось обращение наследника с заявлением в нотариальную контору по месту открытия наследства.

Положения ГК РСФСР 1964 г. об отказе от наследства действовали до момента принятия современного российского наследственного законодательства, ядром которого выступают нормы части 3 ГК РФ. Раздел V части 3 ГК РФ целиком посвящен регулированию наследственных отношений. Нормы об отказе от наследства содержатся в главе 64 «Приобретение наследства». Особо отметим, что нормы современного наследственного права основываются на положениях Конституции РФ, которые гарантируют гражданам РФ право наследования (п. 4 ст. 35). Большое значение в вопросе регулирования процедурной стороны отношений отказа от наследства на современ-

ном этапе имеют нормы Основ законодательства о нотариате.

В контексте анализа мировой правовой практики можно выделить два варианта решения вопросов принятия (отказа) от наследства: система принятия и система отречения [1, с. 3–6]. Система принятия нашла свое закрепление в наследственном праве Франции. Аналогичный подход мы видим в российском законодательстве: наследник считается принявшим наследство, если совершил определенные действия, направленные на принятие наследства (фактические или юридические). Альтернативой системы принятия выступает используемая в Германском гражданском уложении система отречения. В немецком наследственном праве ключевое значение имеет отказ от наследства, поскольку в соответствии с §1943 ГГУ с истечением срока на отказ от наследства наследство считается принятым.

Итак, современное российское наследственное законодательство, главным источником которого выступает часть 3 ГК РФ, демонстрирует приверженность основным подходам ГК РСФСР 1964 г., и воплотило в свои нормы основные принципы так называемой «системы принятия».

Литература

1. Абраменков М. С., Блинков О. Е. Модели приобретения наследства в наследственном праве зарубежных стран // *Наследственное право*. 2017. №1. С. 3–6.
2. Барон Ю. Система римского гражданского права: В 6 кн. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 1102 с.
3. Гарсиа Гарридо М. Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты / перевод с испанского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. 812 с.
4. Гражданское уложение. Книга 4. URL: https://zakon.ru/blog/2015/9/10/12tomnoe_izdanie_proekta_grazhdanskogo_ulozheniya_rossijskoj_imperii_s_motivami_razrabotchikov (Дата обращения: 03.04.2020).
5. Гуляев А. М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения (издание 4-ое, пересмотренное и дополненное) // СПС «Гарант» URL: <http://base.garant.ru/6186789/> (Дата обращения: 04.04.2020).
6. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник. М. Норма, 2008. 784 с.
7. Зайков А. В. Римское частное право в систематическом изложении: Учебник. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 480 с.
8. Косарев А. И. Римское частное право: учебник. М.: ИД «Юриспруденция», 2007. 192 с.
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2-х ч. Часть 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997. 455 с.
10. *Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации* / отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10.04.1957 №2 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПК «Консультант-плюс» URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 04.04.2020).
12. Пухан Иво, Поленак-Акимовская Мирьяна. Римское право (базовый учебник) / перевод с македонского В. А. Томсинова и Ю.В. Филиппова / под ред. проф. В. А. Томсинова. М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 1999. 448 с.
13. Римское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Рассолов, М. А. Горбунов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 495 с.
14. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / пер. с итал. И. И. Маханькова. М. Норма, 2007. 464 с.
15. Серебровский В. И. Избранные труды. М. Статут, 1997. 567 с.
16. Синайский В. И. Русское гражданское право. М. Статут, 2002. 638 с.
17. Советское гражданское право: Учебник / отв. ред. О. Н. Садилов. М. Юрид. лит., 1983. 464 с.
18. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга третья. М.: Статут, 2004. 571 с.
19. Щенникова Л. В. Цивилистика как предмет научного исследования // *Методологические проблемы цивилистических исследований: Сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2. 2017* / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 424 с.

References

1. Abramenkov M. S., Blinkov O. E. Modeli priobreteniya nasledstva v nasledstvennom prave zarubezhnyh stran (*Models of inheritance acquisition in inheritance law of foreign countries*) // *Nasledstvennoe pravo*. 2017. No. 1. P. 3–6.

2. Baron Ju. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava: In 6 Books. (*Roman civil law system: In 6 kN.*) / St. Petersburg: «Juridicheskij centr Press publ., 2005. 1102 p.
3. Garsia Garrido M. H. Rimskoe chastnoe pravo: Kazusy, iski, instituty (*Roman private law: Incidents, claims, and institutions*). Moscow: Statut publ., 2005. 812 p.
4. Grazhdanskoe ulozhenie. Kniga 4. (*Civil code. Book 4.*) URL: https://zakon.ru/blog/2015/9/10/12tomnoe_izdanie_proekta_grazhdanskogo_ulozheniya_rossijskoj_imperii_s_motivami_razrabotchikov (Accessed: 03.04.2020).
5. Guljaev A. M. Russkoe grazhdanskoe pravo. Obzor dejstvujushhego zakonodatel'stva, kassacionnoj praktiki Prav. Senata i proekta Grazhdanskogo ulozhenija (izdanie 4-oe, peresmotrennoe i dopolnennoe). (*Russian civil law. Review of current legislation and cassation practice of Rights. The Senate and the draft Civil code (4th edition, revised and supplemented)*) - S.-Peterburg, tipografija M. M. Stasjulevicha, 1913 g. // SPS «Garant». URL: <http://base.garant.ru/6186789/> (Accessed: 04.04.2020).
6. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik. (*Roman private law: textbook*). Moscow: Norma publ., 2008. 784 p.
7. Zajkov A. V. Rimskoe chastnoe pravo v sistematicheskom izlozhenii: Uchebnik. (*Roman private law in a systematic presentation: Textbook*). Moscow: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke publ., 2012. 480 p.
8. Kosarev A. I. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik. (*Roman private law: textbook*) Moscow: Jurisprudencija publ., 2007. 192 p.
9. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2-h ch. Chast' 2). (*Russian civil law (in 2 parts. Part 2)*). Moscow: Statut puvl., 1997. 455 p.
10. Nasledstvennoe pravo: postatejnyj kommentarij k stat'jam 1110–1185, 1224 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (*Inheritance law: article-by-article commentary on articles 1110–1185 and 1224 of the Civil code of the Russian Federation*) / ed by E. Ju. Petrov. Moscow: M-Logos publ., 2018. 656 p.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 10.04.1957 No. 2 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii» (*Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 10.04.1957 N 2 «On judicial practice in cases of inheritance»*) URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 04.04.2020).
12. Puhan Ivo, Polenak-Akimovskaja Mir'jana. Rimskoe pravo (bazovyj uchebnik). (*Roman law (basic textbook)*). Moscow: IKD «ZERCALO-M» publ., 2003. 448 p.
13. Rimskoe pravo: uchebnik dlja studentov vuzov, obuchajushhhsja po special'nosti «Jurisprudencija» (*Roman law: textbook for University students studying in the specialty «Jurisprudence»*). Moscow: JuNITI-DANA publ., 2009. 495 p.
14. Sanfilippo Ch. Kurs rimskogo chastnogo prava: uchebnik (*The course of Roman private law: textbook*). Moscow: Norma publ., 2007. 464 p.
15. Serebrovskij V. I. Izbrannye trudy. (*Selected works*). Moscow: Statut publ., 1997. 567 p.
16. Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. (*Russian civil law*). Moscow: Statut publ., 2002. 638 p.
17. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik (*Soviet civil law: Textbook*). Moscow: Yurid. lit. publ., 1983. 464 p.
18. Tjutrumov I. M. Zakony grazhdanskije s raz#jasnenijami Pravitel'stvujushhego Senata i kommentarijami russkij juristov. Kniga tret'ja. (*Civil laws with explanations of the government Senate and comments of Russian lawyers. Book three*). Moscow: Statut publ., 2004. 571p.
19. Shhennikova L. V. Civilistika kak predmet nauchnogo issledovanija // Metodologicheskie problemy civilisticheskij issledovanij: Sbornik nauchnyh statej. Ezhegodnik. Issue. 2. 2017 (*Civil studies as a subject of scientific research // Methodological problems of civil studies: Collection of scientific articles. Yearbook. Issue 2. 2017*) ed by A. V. Gabov, V. G. Golubcov, O. A. Kuznecova. Moscow: Statut publ., 2017. 424 p.

Сведения об авторе

Бычко Марина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / marina.bichko@yandex.ru

Комаревцева Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Irak77@yandex.ru

Information about the authors

Bychko Marina – PhD in law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Process of the Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / marina.bichko@yandex.ru

Komarevceva Irina – PhD in law, Associate Professor, Chair of Civil Law and Process of the Law Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Irak77@yandex.ru

УДК 347.73

Т. Ф. Гаджиев

ОСОБЕННОСТИ ВАЛЮТНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЙ В РФ

В статье рассматривается специфика правового положения международных компаний как участников валютно-правовых отношений. Актуальность данной проблемы обуславливается с одной стороны необходимостью устойчивого развития отечественной экономики, а с другой обеспечением ее безопасности в условиях нарастающего санкционного давления со стороны ряда западных стран.

В настоящее время приоритетным направлением экономической политики Российского государства является деофшоризация экономики. Одним из важных шагов в реализации данной политики стало создание специальных административных районов, призванных стать своеобразными «внутренними офшорами» с преференциальным режимом правового регулирования. Законодатель, в целях стимулирования возвращения отечественного капитала из офшорных юрисдикций, установил льготный режим валютного регулирования и контроля для международных компаний, создаваемых на территории специальных административных районов.

В статье рассматриваются теоретические основы определения понятия валютно-правовой статус, прово-

дится анализ изменений валютного законодательства, относящих международные компании к валютным нерезидентам, обосновывается идея о преференциальном характере валютного регулирования и контроля деятельности международных компаний, рассматриваются риски отнесения международных компаний к категории нерезидентов. Также обосновывается идея о том, что создание режима отсутствия валютных ограничений на территории специальных административных районов позволит повысить инвестиционную привлекательность данных территорий и будет соответствовать общемировой тенденции либерализации валютного регулирования. Автор обращает внимание на то, что рассмотренные изменения в валютном законодательстве призваны создать наиболее благоприятный режим валютного регулирования, стимулирующий перерегистрацию иностранных организаций в качестве международных компаний.

Ключевые слова: международные компании, специальные административные районы, валютно-правовой статус, валютное регулирование, валютный контроль, нерезиденты.

Timur Gadzhiev

PECULIARITIES OF CURRENCY AND LEGAL STATUS OF INTERNATIONAL COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article considers the specifics of the legal situation of international companies as participants in currency and legal relations. The urgency of this problem is due, on the one hand, to the need for sustainable development of the domestic economy, and, on the other hand, to ensure its security, in conditions of increasing sanctions pressure from a number of Western countries.

At present, the priority of the economic policy of Russia is the deoffshorization of the economy. One of the important steps in the implementation of this policy was the creation of special administrative districts which are intended to become a kind of domestic offshore with a preferential legal regime. The legislator, in order to stimulate the return of domestic capital from offshore jurisdictions, established a preferential regime of currency regulation and control for international companies, created on the territory of special administrative districts.

The article considers the theoretical basis for defining the concept of currency and legal status, analyses changes

in currency legislation that identify international companies as currency non-residents, justifies the idea of preferential nature of currency regulation and control of activities of international companies, considers risks of classification of international companies as non-residents. It is also justified that the establishment of a regime of no currency restrictions in the territories of special administrative regions will increase the investment attractiveness of these territories and will correspond to the global trend of liberalization of currency regulation. The author points to the fact that the changes considered in the currency legislation are intended to create the most favourable regime of currency regulation, which encourages the re-registration of foreign organizations as international companies.

Key words: international companies, special administrative districts, currency and legal status, currency regulation, currency control, non-residents.

Формирование благоприятной инвестиционной среды является одной из важнейших задач в рамках реализации экономической функции Российского государства. Согласно отчету Doing Business 2018, подготовленному Всемирным банком, в рейтинге легкости ведения бизнеса Россия поднялась на пять позиций, заняв 35-е место [9]. В то же время отток капитала из России в иностранные государства, предоставляющие льготный режим налогообложения, остается довольно высоким. Так, например, согласно данным статистики ЦБ РФ о прямых исходящих инвестициях из РФ за рубеж на начало 2018 г. общий объем прямых инвестиций на Кипр, являющийся низконалоговой юрисдикцией, составил около 175 млрд. долларов США [7].

В целях формирования инвестиционно-привлекательной среды для отечественных и иностранных инвесторов и стимулирования «возвращения» капитала в Россию, законодатель принял ряд федеральных законов, посвященных созданию и функционированию специальных административных районов на островах Октябрьский и Русский, находящихся на территории Калининградской области и Приморского края соответственно. Специальные административные районы должны стать своеобразными «внутренними офшорами» с особым режимом налогового и валютного регулирования. Необходимо отметить, что создание специальных административных районов также было обусловлено потребностями обеспечения экономической безопасности, а именно необходимостью защиты российских компаний как от уже введенных, так и от ожидаемых экономических санкций со стороны США и стран Евросоюза.

Участниками специальных административных районов признаются международные компании. Понятие международной компании ввел в российское право вступивший в силу 3 августа 2018 г. Федеральный закон №290-ФЗ «О международных компаниях». Так под международной компанией понимается хозяйственное общество, которое зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в связи с изменением коммерческой корпоративной организацией своего личного закона в порядке редомициляции. Международные компании являются резидентами специальных административных районов и призваны стать важнейшим фактором притока отечественных и иностранных инвестиций в специальные административные районы.

Развитие правового режима для международных компаний требовало создания конкурентоспособного и эффективного валютного регулирования, наличие которого в Российской Федерации не приводило бы к ущербу для национальной валютной системы. Отсюда следует, что при определении валютно-правового статуса международных компаний перед законодателем прежде всего стояла задача создания конкурентоспособного по сравнению с зарубежными юрисдикциями режима валютного регулирова-

ния, стимулирующего иностранные компании перерегистрироваться на территории специальных административных районов.

Законодатель, в целях установления особых условий, связанных с валютным регулированием и контролем в отношении участников специальных административных районов, отнес международные компании к нерезидентам для целей валютного регулирования и контроля.

Представляется необходимым, перед рассмотрением особенностей валютно-правового статуса международных компаний, проанализировать общую категорию «валютно-правовой статус». Каждый субъект валютно-правовых отношений обладает валютно-правовым статусом. Отметим, что данная категория, имеющая научную и практическую ценность, не получила достаточной разработки в теории валютного права. Думается, что для правильного понимания термина «валютно-правовой статус» необходимо обратиться к общей теории права и разработанной ей категории «правой статус».

В настоящее время в юридической науке отсутствует единое понимание категории «правой статус». Дискуссию, прежде всего, вызывает проблема, связанная с определением совокупности входящих в его структуру элементов. В общей теории права разработка проблемы определения структуры правового статуса ведется преимущественно по отношению к правовому статусу личности. По мнению Н. В. Витрука структура правового статуса личности образуют: юридические права и свободы, юридические обязанности, законные интересы личности в их системном единстве [1, с. 22]. А. И. Лепешкин выделял в качестве структурных элементов правового статуса: юридические права и обязанности и их гарантии [2, с. 4–10]. Н. И. Матузов рассматривал наиболее расширенную структуру правового статуса личности, он выделял восемь элементов: правовые нормы, которые устанавливают данный статус; правосубъектность; основные права и обязанности; законные интересы; гражданство; юридическую ответственность; правовые принципы; правоотношения общего (статусного) типа [3, с. 182–184]. Анализируя данные взгляды на структуру правового статуса, можно сделать вывод о том, что каждый из исследователей выделяет в качестве основного элемента правового статуса личности юридические права и корреспондирующие им юридические обязанности.

Необходимость адаптации общетеоретической конструкции правовой статус под нужды отраслевых юридических наук, в частности валютного права, не вызывает сомнений. Однако, полагаем, что применение расширенной, многоэлементной структуры правового статуса при рассмотрении понятия «валютно-правовой статус», с учетом специфики валютно-правового регулирования, чрезмерно усложнило бы характеристику данного понятия. Не вступая в дискуссии с теоретиками права, выделим, на наш взгляд, исходные элементы правового статуса как общей

абстрактной категории, подходящей для определения понятия «валютно-правовой статус». Так в качестве элементов, составляющих валютно-правовой статус, выделим: правосубъектность и юридические права и обязанности. Отсюда рассмотрение категории «валютно-правовой статус» будет происходить через призму составляющих его элементов.

Валютная правосубъектность является неотъемлемым элементом валютно-правового статуса. Отметим, что наибольшую разработку категория правосубъектности получила в цивилистике, хотя и используется во всех отраслях права. Именно валютная правосубъектность представляет возможность субъекту права стать субъектом валютно-правовых отношений. Валютная правосубъектность выступает в качестве необходимой предпосылки для возможности обладания субъективными правами и обязанностями в валютных правоотношениях.

Валютная правосубъектность складывается из валютной правоспособности и дееспособности. Валютная правоспособность представляет собой абстрактную возможность для субъектов валютного права иметь права и обязанности, предусмотренные валютным законодательством, то есть является необходимым условием для вступления в конкретное валютное правоотношение. Под валютной дееспособностью, в свою очередь, понимается предусмотренная нормами валютного права, возможность субъекта валютно-правовых отношений своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя и исполнять обязанности.

Заметим, что валютная правоспособность и дееспособность международной компании возникает одновременно с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о государственной регистрации международной компании. Из изложенного валютная правосубъектность является важнейшим элементом валютно-правового статуса и необходимой предпосылкой для его обретения.

Субъективные валютные права и юридические обязанности представляют собой основу валютно-правового статуса и характеризуют его. Справедливо отмечается, что права и обязанности являются продолжением валютной правосубъектности [6]. Субъекты валютного права реализуют субъективные права и обязанности, вступая в валютные правоотношения.

Ю. Л. Смирникова дифференцировала валютно-правовой статус на общий и особенный. Под общим статусом понимается правовое положение, определяющее место и значение определенной группы субъектов (например: резиденты, нерезиденты и др.) в системе валютных правоотношений. Особенным правовым статусом обладает конкретный субъект валютного права в рамках соответствующей группы субъектов валютного права [6]. Законодатель отнес международные компании к числу нерезидентов, следовательно, они реализуют соответствующий общий валютно-правовой статус.

Так в качестве нерезидентов международные компании между собой и иными нерезидентами на территории РФ вправе без ограничений и без открытия счетов в банках осуществлять и получать переводы иностранной валюты и валюты РФ, производить расчеты в наличной валюте с учетом ограничений на их предельный размер. Также на международные компании не распространяются требования о репатриации иностранной валюты и валюты РФ. Международные компании реализуют и иные права и несут обязанности, предусмотренные валютным законодательством для нерезидентов.

Необходимо заметить, что, исходя из анализа изменений, внесенных в п. 6 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее Закон о валютном регулировании), можно сделать вывод о том, что международные компании являются единственным видом юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством РФ, но не являющихся резидентами для целей валютного регулирования и контроля. Полагаем, что предоставление международным компаниям статуса валютных нерезидентов соответствует целям формирования инвестиционно-привлекательной среды.

Необходимо отметить, что в настоящий момент на территории России, наряду со специальными административными районами, функционируют и иные формы территориального развития экономики (особые экономические зоны, зоны территориального развития, территорий опережающего социально-экономического развития, свободная экономическая зона в Республике Крым и г. Севастополе, инновационный центр «Сколково», свободный порт Владивосток и др.). Однако законодатель установил преференциальный режим валютного регулирования только для участников специальных административных районов - международных компаний.

Отметим, что принятие изменений в валютное законодательство сопровождалось дискуссией, в рамках которой рассматривались риски отнесения международных компаний к нерезидентам. Так Центральный Банк РФ обратил внимание на то, что исключение международных компаний из числа резидентов входит в противоречие с принципом единства системы валютного регулирования и валютного контроля, закрепленными п. 4 ст. 3 Закона о валютном регулировании. Также регулятор выразил опасения, что исключение отдельных субъектов хозяйственной деятельности из общих требований к проведению валютных операций может привести к тому, что недобросовестные организации, зарегистрированные на территории Российской Федерации, в целях незаконного вывода денежных средств из Российской Федерации будут массово перерегистрироваться в специальных административных районах, используя их преимущества [8].

Рассмотрим вопрос о соответствии исключения международных компаний из числа резиден-

тов принципу единства системы валютного регулирования и контроля. Полагаем, что положения закона об отнесении международных компаний к нерезидентам носят характер правовой льготы, являющейся известным изъятием из общих принципов валютного регулирования и контроля. Институт правовых льгот широко используется в различных отраслях российского права, и валютное право здесь не исключение. И. С. Морозова указывает, что правовые льготы должны рассматриваться в качестве юридического средства, при помощи которого создается режим наибольшего благоприятствования для удовлетворения интересов и потребностей субъектов, которое имеет для последних компенсационное, стимулирующее либо гарантирующее значение [4, с. 8]. Представляется, что статус нерезидентов имеет для международных компаний прежде всего стимулирующее значение, поскольку он предоставляет международным компаниям наибольшую свободу в осуществлении валютных операций на территории РФ.

Рассматривая вопрос о возможных злоупотреблениях, связанных с перерегистрацией юридических лиц с целью незаконного вывода денежных средств, отметим, что Федеральный Закон «О международных компаниях» содержит в себе эффективный механизм для исключения данных злоупотреблений со стороны недобросовестных организаций. Так закон устанавливает ряд условий, которым должно соответствовать иностранное юридическое лицо для признания его в качестве международной компании. В качестве одного из таких условий выступает требование о том, что иностранная организация на момент принятия решения об изменении своего личного закона, но в любом случае не позднее 1 января 2018 г., самостоятельно, либо через свои прямо или косвенно подконтрольные лица, либо через иные лица, входящие в одну группу лиц с иностранной организацией, либо через филиалы или представительства должна осуществлять хозяйственную деятельность на территории нескольких государств, в том числе на территории РФ. Законодатель, закрепляя данное требование, исключает возможность регистрации в качестве международных компаний вновь созданных организаций, не осуществлявших хозяйственную деятельность на 1 января 2018 г. и ранее. Заметим, что в первоначальной редакции п. 1 ч. 3 ст. 2 ФЗ «О международных компаниях» указание на срок осуществления хозяйственной деятельности отсутствовало. Думается, что установление данного срока обуславливается целью стимулирования к перерегистрации уже существующих иностранных организаций. Также полагаем, что закрепление срока осуществления хозяйственной деятельности во взаимосвязи с требованием об осуществлении хозяйственной деятельности на территории нескольких государств исключает возможность злоупотреблений со стороны организаций, специально создающихся для последующей перерегистрации в качестве

международных компаний, с целью незаконного вывода денежных средств из РФ.

Безусловный интерес представляет статистика перерегистрации иностранных компаний на территории специальных административных районов. Так на 1 июня 2019 г., то есть за 9 месяцев действия ФЗ «О международных компаниях», в качестве таковых на территории двух специальных административных районов зарегистрировались десять иностранных хозяйственных обществ. Отмечается, что в качестве причины столь малой популярности специальных административных районов выступила проблема, связанная с ограничением списка государств, на территории которых должна быть создана иностранная компания, претендующая на получение статуса международной компании [5]. Полагаем, что причиной препятствующей более активной перерегистрации иностранных компаний выступает комплекс проблем, связанный с несовершенством правового регулирования создания и деятельности международных компаний. Также отметим, что решение проблемы повышения инвестиционной привлекательности специальных административных районов должно носить комплексный характер и учитывать необходимость совершенствования правового регулирования валютных отношений, налогообложения и инвестиционной деятельности международных компаний.

Полагаем, что в качестве одной из мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности специальных административных районов, могло бы выступить создание на их территории зоны свободы валютных операций (отсутствия валютных ограничений). Заметим, что существующая в настоящий момент на территории Российской Федерации система валютного регулирования и контроля действует в рамках режима валютных ограничений. Данный режим распространяет свое действие и на территорию специальных административных районов. Отнесение международных компаний к нерезидентам хотя и призвано облегчить валютное регулирование, но не исключает обязанности соблюдения требований валютного законодательства и ответственности за их нарушение. Так, например, на международные компании в полной мере распространяются обязанности по учету и составлению отчетности по проводимым ими валютным операциям, по представлению агентам и органам валютного контроля соответствующей информации. Также общая норма ст. 25 Закона о валютном регулировании возлагает на международные компании в качестве нерезидентов ответственность за нарушение предписаний валютного законодательства и подзаконных актов органов валютного регулирования. Создание на территории специальных административных районов режима отсутствия валютных ограничений, на наш взгляд, наиболее соответствовало бы задачам повышения инвестиционной привлекательности данных районов и позволило бы освободить международные компании от избыточного валютного регулирования и контроля.

Думается, что для создания конкурентоспособного валютного регулирования на территории специальных административных районов необходимо учитывать зарубежный опыт нормативно-правового регулирования в сфере валютных отношений. Заметим, что в настоящее время в законодательстве многих иностранных государств отсутствует понятие «валютного резидентства», не применяются меры валютного контроля. Так, например, в 36 странах участницах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) не применяются ограничения в отношении операций с иностранной валютой, включая требования о репатриации валюты. Ряд государств с развитой экономикой, например, США и Швейцария, никогда не устанавливали режим постоянных валютных ограничений и не использовали инструменты валютного контроля [10]. Либерализация валютного регулирования является одной из современных глобальных тенденций правового регулирования экономической деятельности государств. Отмена валютных ограничений в условиях развития процессов глобализации мировой экономики призвана снизить издержки для хозяйствующих субъектов при проведении внешнеэкономических сделок, повысить инвестиционную привлекательность национальной экономики, обеспечить её устойчивый рост.

Отметим, что процесс либерализации валютного регулирования затронул и отечественное валютное законодательство. Так в действующий Федеральный закон «О валютном регулировании и контроле» неоднократно вносились изменения, направленные на облегчение валютного регулирования. Так, например, в период с 2006 по 2007 г. утратили силу требования: о резервировании денежных средств перед выполнением валютной операции; об обязательной продаже определенной части валютной выручки на российском внутреннем валютном рынке; об использовании резидентами и нерезидентами специальных счетов для проведения валютных операций и др. В качестве последних изменений валютного законодательства, направленных на либерализацию валютного регулирования, приведем закрепление с 1 января 2020 г. права резидентов открывать валютные счета не только в зарубежных банках, но и в иных иностранных организациях финансового рынка. Однако, несмотря на определенное смягчение валютного регулирования, оно по-прежнему

носит запретительный характер, продолжают существовать законодательные ограничения, связанные с порядком осуществления валютных операций. Также отметим, что в настоящее время отсутствует единая концепция реформирования валютного законодательства, изменения, направленные на либерализацию валютного регулирования, носят ограниченный, эпизодический характер. Представляется, что успешное реформирование системы валютного регулирования и контроля невозможно без концептуального осмысления будущих преобразований.

Полагаем, что установление на территории специальных административных районов режима отсутствия валютных ограничений в полной мере будет соответствовать общемировой тенденции либерализации валютного законодательства. Однако отметим, что полного своего воплощения идея либерализации валютного регулирования достигнет лишь в случае установления режима отсутствия валютных ограничений на всей территории России.

Таким образом, не вызывает сомнений необходимость дальнейшего совершенствования валютно-правового регулирования деятельности международных компаний. Представляется, что именно режим отсутствия валютных ограничений в наибольшей степени соответствовал бы «офшорному» характеру специальных административных районов и способствовал бы притоку зарубежных инвестиций на их территорию. Полагаем, что первоначально создание данного режима возможно в качестве правового эксперимента на территории одного из специальных административных районов. В дальнейшем, в случае успеха правового эксперимента, представляется возможным распространение режима отсутствия валютных ограничений не только на территории специальных административных районов, но и на другие территориальные формы развития экономики, например, особые экономические зоны.

Представляется, что установление для международных компаний преференциального режима отсутствия валютных ограничений должно обеспечить создание режима наибольшего благоприятствования для международных компаний, стимулировать перерегистрацию иностранных компаний на территории специальных административных районов, содействовать улучшению инвестиционной среды.

Литература

1. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.
2. Лелешкин А. И. Правовое положение советских граждан. М.: Мысль, 1966. 56 с.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004. 512 с.
4. Морозова И. С. Льготы в российском праве (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 27 с.
5. МЭР предложило облегчить переход иностранных компаний в Россию. URL: <https://pravo.ru/news/213282/> (Дата обращения: 30.06.2019).
6. Смирникова Ю. Л. Валютно-правовой статус резидентов и нерезидентов // Внешнеторговое право. 2007. № 1. С. 7–10.
7. Статистические данные координированное обследование прямых инвестиций URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (Дата обращения: 04.05.2019).

8. ЦБ выступил против валютных поблажек для резидентов специальных административных районов URL: <https://www.interfax.ru/business/612238> (дата обращения: 03.05.2019).

9. Doing business Economy Rankings URL: <http://www.doingbusiness.org/en/rankings> (Дата обращения: 03.05.2019).

10. Forty Years' Experience with the OECD Code of Liberalisation of Capital Movements URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/44784048.pdf> (Дата обращения: 30.06.2019).

References

1. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti (*General theory of the legal position of the individual*). Moscow: Norma publ., 2008. 448 p.

2. Lepeshkin A. I. Pravovoe polozhenie sovetskikh grazhdan (*Legal status of Soviet citizens*). Moscow: Mysl' publ., 1966. 56 p.

3. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava (*Theory of State and Law*). Moscow: Yurist publ., 2004. 512 p.

4. Morozova I. S. L'goty v rossiiskom prave (voprosy teorii i praktiki): (*Benefits in Russian Law (Questions of Theory and Practice)*): abstract of thesis. Saratov, 1999. 27 p.

5. MER predlozhibo oblegchit' perekhod inostrannykh kompanii v Rossiyu. (*MED proposes to facilitate the transition of foreign companies to Russia*). URL: <https://pravo.ru/news/213282/> (Accessed: 30.06.2019).

6. Smirnikova Yu. L. Valyutno-pravovoi status rezidentov i nerezidentov (*Currency and legal status of residents and non-residents*) // Vneshnetorgovoe pravo. 2007. № 1. P. 7–10.

7. Statisticheskie dannye koordinirovannoe obsledovanie pryamykh investitsii (*Statistics coordinated survey of direct investment*). URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (Accessed: 04.05.2019).

8. TsB vystupil protiv valyutnykh poblazhek dlya rezidentov spetsial'nykh administrativnykh raionov (*Central Bank opposed currency favors for residents of special administrative districts*). URL: <https://www.interfax.ru/business/612238> (Accessed: 03.05.2019).

9. Doing business Economy Rankings URL: <http://www.doingbusiness.org/en/rankings> (Accessed: 03.05.2019). (In Russian).

10. Forty Years' Experience with the OECD Code of Liberalisation of Capital Movements URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/44784048.pdf> (Accessed: 30.06.2019).

Сведения об авторе

Гаджиев Тимур Фикретович – аспирант кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / timgadgmin@mail.ru

Information about the author

Gadzhiev Timur – postgraduate, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / timgadgmin@mail.ru

УДК 340

О. Л. Солдаткина

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА КАК ПРИОРИТЕТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена исследованию вопросов цифровой трансформации права с позиций расстановки приоритетов информационно-правовой политики. Необходимость такого подхода обусловлена тем фактом, что хаотичность и непрозрачность действий в выбранной сфере губительна и для федеральной программы Цифровая экономика Российской Федерации, и для процесса цифровых изменений в целом. Поэтому в статье делается вывод о том, что сейчас, как никогда, важна плановость и прозрачность принимаемых решений, то есть задействование инструментов правовой политики. Именно такой взгляд на цифровую трансформацию через призму информационно-правовой политики и обеспечивает научную новизну статьи. Так же в данном исследовании в качестве приоритетов информационно-правовой политики, концертирующих в себе основные стратегические направления сферы цифровизации права, предлагается рассматривать создание и законодательное закрепление терминологического аппарата процесса цифровизации, изменение статуса и расширения области применения электронных документов (включая возможное изменение официальной единицы информации с документа на данные), повышение про-

зрачности процессов цифровой модернизации как права, так и государственных органов. Практический аспект находит свое отражение в вариантах решения поставленных проблем и оценки перспективности каждого из предложенных решений: в первом направлении следует четко разграничить понятие цифровизации, компьютеризации и информатизации, цифрового и электронного, определить термин «цифровая среда»; во втором – выбрать один из трех предложенных вариантов (заложить в правовые нормы более широкое использование электронных документов, разделить понятия электронного и цифрового документа и задать правовой статус последнего, отказаться от документа как юридически значимой единицы хранения информации в пользу чисто цифровой единицы – данных); в третьем – обеспечить смысловую доступность стратегической информации и каналы ее широкого распространения, а также повышение информационной культуры населения и его способности воспринимать цифровую модернизацию).

Ключевые слова: цифровизация права, приоритеты правовой политики, цифровая среда, цифровая трансформация, информационно-правовая политика.

Oxana Soldatkina

STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT IN THE FIELD OF DIGITALIZATION OF LAW AS PRIORITIES OF INFORMATION LEGAL POLICY

The article is devoted to the study of digital transformation of law from the perspective of prioritizing information legal policy. The necessity of this approach is due to the fact that the randomness and opacity of actions in the chosen field is detrimental both for the Digital Economy federal program of the Russian Federation and for the process of digital changes in general. Therefore, this article concludes that now, more than ever, it is important to take planned and transparent decisions, that is, the involvement of legal policy instruments. It is this view of digital transformation through the prism of legal information policy that ensures the scientific novelty of the article. Also, in this study, it is proposed to consider the creation and legislative consolidation of the terminological apparatus of the digitalization process, changing the status and expanding the scope of electronic documents (including a possible change in the official unit of information from document on data), increasing the transparency of digital modernization processes of both law and state. The practical aspect is reflected in

the options for solving the problems posed and assessing the prospects of each of the proposed solutions: in the first direction, the concept of digitalization, computerization and informatization, digital and electronic should be clearly distinguished, the term “digital environment” should be defined; in the second, choose one of the three proposed options (lay down the wider use of electronic documents in legal norms, separate the concepts of electronic and digital documents and set the legal status of the latter, refuse the document as a legally significant unit of information storage in favor of a purely digital unit – data); in the third, to ensure the semantic accessibility of strategic information and the channels for its wide dissemination, as well as improving the information culture of the population and its ability to perceive digital modernization).

Key words: digitalization of law, priorities of legal policy, digital environment, digital transformation, information legal policy.

Процесс цифровизации различных сфер жизнедеятельности, в том числе, государственного управления, постепенно приходит на смену процессам информатизации и компьютеризации: программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [13] реализуется полным ходом; электронное правительство все отчетливее приобретает черты цифрового; разработаны модели цифровых суперсервисов, привязанных уже не к конкретной услуге конкретного ведомства, а к жизненной ситуации; развивается и идея цифрового правосудия.

Цифровизация различных сторон правовой действительности – тема крайне модная, актуальная, но вызывающая и множество фундаментальных вопросов. Развитие цифрового права находится сегодня как раз в такой стадии, когда еще не поздно заложить прочный теоретический фундамент, подготавливая тем самым почву для дальнейших исследований в данной сфере. Программа «Цифровая экономика» и так уже внесла определенный хаос в теоретические разработки, смешав понятия и термины, вызывая коллизии, ошибки и лишние действия. Именно поэтому сейчас, как никогда, важна плановость принимаемых решений, то есть задействование инструментов правовой политики. Последняя является уже достаточно сложившимся понятием, и представляет собой научно обоснованную, комплексную и последовательную деятельность государства, научно-правового сообщества, индивидов, их объединений, включая все общество, связанную с переработкой информационных потоков и приводящую к созданию стратегических правовых идей и их реализации органами власти в целях формирования правовой государственности.

Кроме того, при организации правового регулирования, тем более при установке стратегических ориентиров, крайне желательно учитывать необходимость прозрачности намерений сторон, которая обеспечивает достижение взаимного доверия, а также определения согласованных стратегических направлений развития правовой системы, как раз и определяющих правовую политику государства.

Основные стратегические ориентиры, наметаемые в рамках теории правовой политики (в нашем случае информационно-правовой политики), определяя собой и соответствующие задачи правовой политики, а наиболее важные, значимые и первоочередные из них традиционно называют приоритетами [4, с. 105]. Наличие в правовой политике приоритетов позволяет избрать правильные инструменты достижения поставленных целей, сконцентрироваться на главном, дает возможность интегрировать усилия всех субъектов в процессе выработки и реализации стратегических правовых идей [3]. Кроме того, задавая приоритеты, можно наметить и уровни, на которых решение проблем будет максимально эффективным.

Какими же должны быть приоритеты информационно-правовой политики, концертирующие в

себе основные стратегические направления рассматриваемой нами сфере цифровизации права?

1. Наведение порядка в терминологическом аппарате процесса цифровизации

Внимание на этой стороне процесса нами акцентируется не случайно, ведь именно качество юридической техники, в основе которой и лежит совокупность понятий, определяет эффективность соответствующего законодательного сегмента [12]. Ситуация осложняется тем, что к чисто своим терминологическим проблемам добавляются и унаследованные из информационного права, в ведении которого собственно и находятся вопросы цифровизации (например, наличие специальных технических терминов или терминов информатики, которые законодатель вынужден включать в правовую сферу). Причем, с точки зрения юриспруденции опасность представляет, как недостаточность понятийного аппарата (например, отсутствие определения криптовалюты в законодательстве ставит под удар в первую очередь добросовестных пользователей), так и его избыточность, выражающаяся в том числе и в виде дублирования нормативных дефиниций. Продемонстрируем на примере термина «цифровизация», почему данный вопрос рассматривается нами на уровне приоритетов.

Так, уже сегодня в российском законодательстве есть и минимум два определения цифровизация: как переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую [14] и как процесса организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов [9]. Данные определения привязаны к понятию цифровой среды, нормативная дефиниция которого в отечественном законодательстве отсутствует. Это приводит к вольному толкованию термина «цифровизация»: чаще всего прилагательное «цифровое» используется как синоним «электронное» [5, 16]; «цифровизация» – как синоним понятий «информатизация» [1] или «компьютеризация» [11, 17].

Такое отождествление указанных понятий не верно, так как цифровизация – самостоятельное явление, имеющее свои отличительные особенности, проистекающие из свойств цифровой среды. Здесь обращает на себя внимание удачная трактовка исследуемого понятия А. Н. Козыревым, который основной особенностью цифровой информации называет «представление информации в удобной для машинного чтения и запоминания двоичной системе исчисления», а в качестве определяющих свойств цифровой среды выделяет возможность копирования и распространения информации без потери точности и идемпотентность сложения [2].

Кроме того, представляется, что процесс цифровизации, в отличие от информатизации, представляющей собой использование информационных технологий для сопровождения существующих организационных процессов, связан, прежде всего, с процессом цифровой трансформации

ции, объединяющий в себе комплекс мер как организационного характера (оснащение взаимодействующих субъектов компьютерной техникой и соответствующим программным обеспечением), так и по разработке и принятию соответствующих нормативно-правовых актов, поддерживающих создание и функционирование единого цифрового пространства модернизируемого процесса, включающего в себя единый портал, данные для совместного использования, межведомственные сервисы и инфраструктуру для совместного использования, мощную систему аналитики – все естественно при условии обеспечения высокой степени информационной безопасности и конфиденциальности.

Что касается уровня, на котором должны проводиться решения проблем данного приоритетного направления, то безусловно это уровень федерального законодательства. Проводя исследование терминологического аппарата цифровизации права, мы наткнулись на следующую ситуацию с терминами: нормативных дефиниций, связанных с процессом цифровизации, практически нет, но даже здесь намечается тенденция по дублированию законодательных дефиниций, которая традиционно складывается в области информационного права. Так, мы уже упоминали, что сейчас в системе правовых норм можно найти два определения цифровизации. Если же говорить о базовых понятиях предшествующей формы развития государственной власти (имеем в виду электронное государство, включая электронное правительство, электронное правосудие и электронный парламент), то здесь картина еще «интереснее»: понятие «электронный документ» определяется не менее, чем в пяти нормативных актах, причем некоторые определения существенно отличаются от «базового», данного в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8]; аналогичная ситуация и с понятиями «электронная подпись» (3 существенно отличающихся дефиниции), «электронный документооборот» (2 дефиниции), «информационная система» (2 дефиниции) и прочие. Такое изобилие нормативных определений терминов приводит к сложностям с правоприменением, отсутствию унификации судебной практики и возможности решать споры по аналогии, что упростило бы работу судей, и т.д. Причем, представляется, что подобная ситуация возникла во многом благодаря тому, что необходимые нормативные определения в федеральном законодательстве либо отсутствовали, из-за чего ведомства и регионы вынуждены были самостоятельно закрывать этот правовой вакуум, либо были неудовлетворительными с точки зрения практического применения. Чтобы избежать подобной ситуации в сфере цифровизации, необходимо не только включить направление по совершенствованию терминологического аппарата в число приоритетов информационно-правовой политики, но и приступить к его реализации как можно скорее.

2. Отсутствие технических стандартов для электронных и цифровых документов

В практике оказания различных государственных услуг и осуществления правосудия сегодня наблюдается какой-то «половинчатый» переход на «цифру». Например, с 1 января 2017 г. гражданам Российской Федерации доступна подача исков в суды общей юрисдикции в электронном виде (во исполнение Федерального закона РФ от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [6]), основная форма существования документа в судебном документообороте по-прежнему остается традиционной, бумажной. Поясним свою позицию.

Согласно «основному» нормативному определению, под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Таким образом, с точки зрения федерального законодательства нет никакой разницы между документом, изначально созданным в электронном виде, и электронным образом бумажного документа, полученного путем сканирования. Однако с технологической точки зрения и с позиции дальнейшей машинной обработки эта разница существенная. Учитывая, что при подаче заявлений в электронном виде все документы прикрепляются в виде именно скан-копий, их дальнейшее использование и обработка практически ничем не отличаются от аналогичных действий с копиями бумажных документов: чаще всего их просто распечатывают и прикрепляют в традиционные дела. Кроме того, отсутствие правового статуса электронных копий документов, даже подписанных электронной подписью, вызывает необходимость отправлять оригиналы документов по почте.

Если же взглянуть на тот же процесс подачи заявлений в электронном виде изнутри судебной системы, то картина в целом аналогичная. Для реализации электронной подачи был создан модуль «Электронное правосудие» подсистемы «Интернет-портал» ГАС «Правосудие», но он не имеет возможности прямой передачи данных в систему внутреннего делопроизводства суда, значит, в какой-то момент данные существуют в нецифровом (бумажном) виде.

Последствия таких недоработок государственных информационных систем ощущают на себе как граждане, вынужденные отправлять бумажные документы и ожидать их прибытия (отсутствие установленного интерфейса взаимодействия государственных информационных систем приводит к невозможности контактировать между собой), так и судьи, выполняющие все больше дублирующих действий.

Это только один пример, иллюстрирующий необходимость пересмотра отношения к электронному документу, на самом же деле их достаточно много. Уже сегодня подобная ситуация становится критичной, вызывающей системные ошибки и тормозящей цифровое развитие и исполнение национальных федеральных программ, с ним связанных. Следовательно, информационно-правовая политика не может себе позволить обойти стороной данный аспект цифровизации, а масштабность возникающих на основе него проблем, в свою очередь, вызывает потребность акцентировать на нем внимание, включив в число приоритетов.

Вариантов решения данной задачи существует несколько.

1. «Закладывание» в правовые нормы более широкого использования электронных документов, чтобы органы государственной власти и суды могли вести работу в чисто цифровом формате. Для этого необходимо как минимум поменять ГОСТы оформления документов, ориентируя их на использование электронного документа как основного, а также расширить статус электронной подписи.

2. Разделить понятия электронного и цифрового документа, определив последний как документированную информацию, созданную без предварительного документирования на бумажном носителе и имеющую цифровую природу, то есть существующую в виде удобной для машинного чтения и запоминания двоичной системе исчисления, пригодной для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Кроме того, в этом случае необходимо задать и правовой статус цифрового документа.

3. Отказаться от документа как юридически значимой единицы хранения информации в пользу чисто цифровой единицы – данных. Этот путь представляется самым перспективным, так как данные изначально имеют цифровую природу, а значит, обладают рядом преимуществ: возможность копирования и распространения информации без потери точности и совместное ее использование, уменьшение затрат на поиск информации. Но с позиций отечественного законодательства здесь присутствует серьезное препятствие – все российское информационное законодательство построено на документе как единице существования информации: изменение базового понятия вызовет необходимость пересмотра всех связанных с ним понятий. Это гигантская комплексная работа, сложная уже сейчас – и чем дальше, тем сложнее будет сделать этот шаг. Тем не менее, в ближайшем будущем для законодательства это может стать критичным, поэтому такой упреждающий шаг представляется необходимым.

Однако каким бы не был избранный путь, изменения в подходах необходимы, причем данный вопрос должен решаться на федеральном уровне.

3. Обеспечение прозрачности

Пожалуй, одной из самых острых проблем современной государственной деятельности (будь то оказание государственных услуг, процессы правотворчества или правоприменения) является обеспечение прозрачности изменений. Для стратегических документов это тем более важно, так как именно они позволяют видеть цельную картину происходящих модернизаций, в том числе и в правовой сфере. При этом почему-то именно в данной сфере сложилась одна из самых низкоэффективных систем информирования населения. Поясним на примерах.

Согласно федеральному закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [7] основным информационным ресурсом, обеспечивающим и сопровождающим стратегическое планирование, является федеральная информационная система стратегического планирования, содержащая в том числе реестр документов. Однако опрос нескольких групп студентов 5 курса юридического вуза показывает, что даже эти уже практически готовые к работе специалисты ничего про данную систему не знают. Несомненно, среди специалистов процент тех, кто знает о наличии в Российской Федерации подобной системы, еще ниже. Между тем, подобная неосведомленность приводит к непониманию и необоснованной критике действий государственной власти. Примером является программа обеспечения автономности российского сегмента сети Интернет, вызвавшая подогреваемую прессой негативную реакцию незнакомого со стратегией информационной безопасности населения, увидевшего в этом попытку отсоединения от мировой сети. Преодолевать уже сложившееся на основе неверной информации общественное мнение гораздо тяжелее, чем заранее предоставить достоверную информацию о реальных целях производимых действий и изменений в законодательстве.

Таким образом, вопрос информированности граждан стоит в области стратегического планирования сейчас очень остро, страдает от недостаточного уровня информированности и процесс цифровизации. В частности, происходит дублирование развивающихся систем (например, в процессе отправления правосудия, где раньше была устаревшая система ГАС «Правосудие» и апробируемая ей на смену КИС СОЮ, сейчас развивается несколько дублирующих проектов, таких как ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» и КИС СОЮ); население оказывается не готовым воспринимать новые формы оказания услуг, а иногда и просто ничего о них не знает – даже при условии пользования сервисами портала государственных услуг.

При этом проблема информирования населения случайно или отдельными точечными мероприятиями не решается, здесь требуется комплексная и планомерная работа одновременно по многим направлениям, а значит озвученное направление должно занять свое место в числе приоритетов информационно-правовой политики.

Поднятый нами вопрос созвучен исследуемой нами проблеме правовой информированности населения, исследуемого нами ранее [15], но здесь имеются и определенные отличия. Так, исследователи включают в структуру правовой информированности правовые знания в качестве базиса или ядра; интерес личности к праву; понимание права, умение применить знания на практике [10]. Для области стратегического планирования никаких специальных знаний требоваться не должно, цели и ожидаемые результаты должны быть изложены простым и понятным каждому гражданину языком; кроме того, здесь не стоит и проблема мотивации к получению информации, поскольку граждане априори заинтересованы сами узнавать направления развития государства. Все, что нужно управленцам, – обеспечить подготовку информации в доступной форме и разнообразные каналы ее получения. Здесь, так же как и в случае правовой информированности, можно имплементировать опыт Германии, являющейся примером не только активной работы государства с гражданами, но и грамотной политики распространения информации о направлениях деятельности бундестага: информацию о стратегии развития государства можно получить на сайте бундестага, через трансляции, экскурсии (в том числе и виртуальные), возможности присутствия на заседаниях, и даже работы передвижным информационным «выставкам», работающим на ярмарках или выезжающих к гражданам. Конечно, напрямую использовать этот позитивный опыт нельзя, так как приходится считаться с особенностями российского государства (большая территория, неоднородность технического оснащения регионов), но способы организовать тесное взаимодействие законодателей с гражданами Российской Федерации все же имеются. Например, по средствам тех же виртуальных экскурсий, или работой по повышению информированности граждан о перспективах и целях развития государства на региональном уровне.

Что же касается процесса цифровизации и его стратегической составляющей, то здесь даже в выбранной области возникают проблемы с доступностью информации, т.е. возвращается когнитивный элемент информированности населения: для восприятия цифровых изменений общество должно быть готово, обладать определенным набором знаний, иначе та терминология, которой оперирует законодатель в ходе сопровождения цифровой трансформации (цифровизация, большие данные, блокчейн, распределенные информационные системы, облачные технологии, смарт-контракты), будет гражданину просто непонятной, как и сама суть и необходимость изменений. Подготовить население к восприятию информации возможно только одним способом – развивая информационную культуру и грамотность. Это в свою очередь, так же требует системной работы по изменению акцентов в образовании на всех уровнях; формированию должных поведенческих моделей будут способствовать и другие формы работы с гражданами (рекламные и просвещающие кампании в среде социальных сетей, теле- и радиовещания, проведение курсов информационной грамотности, ориентированных на старшее население).

Таким образом, процесс цифровизации различных сторон правовой действительности неизбежно вносит изменения в состав приоритетов отечественной информационно-правовой политики, добавляя к ним создание и законодательное закрепление терминологического аппарата процесса цифровизации, изменение статуса и расширения области применения электронных документов (включая возможное изменение официальной единицы информации с документа на данные), повышение прозрачности процессов цифровой модернизации как права, так и государственных органов.

Литература

1. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании VI Московского юридического форума по теме «Судебная власть в условиях современных цифровых технологий». URL: <http://www.ssrj.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/32548> (Дата обращения: 25.04.2020).
2. Козырев А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. URL: <https://medium.com/semi-ras/cifrovaya-ekonomika-i-cifrovizatsiya-v-istoricheskoy-retrospektive-1ad034c16373> (Дата обращения: 25.04.2020).
3. Коробова А. П. Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Норма, 2003. С.97–111.
4. Малько А. В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
5. Медиация и цифровое правосудие: международный опыт и российские перспективы. URL: <https://pravo.ru/lf/story/202654/> (Дата обращения: 25.04.2020).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федеральный закон РФ от 23.03.2016 № 220-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2016. №26. С. 1. Ст. 3889.
7. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 26. Ч. 1. Ст. 3378.
8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. №31. Ч. 1. Ст. 3448.
9. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/ (Дата обращения: 25.04.2020).

10. Осипов Р. А. Правовая информированность: понятие и структура // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1. С. 305–309.

11. Открытость и доступность цифрового правосудия. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/otkrytost-i-dostupnost-tsifrovogo-pravosudiya/> (Дата обращения: 25.04.2020).

12. Паршуков М. И. Понятийный аппарат информационного права в законодательстве, науке и образовательной деятельности // Информационное право. 2013. № 3. С. 6–8.

13. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (Дата обращения: 15.04.2020).

14. Распоряжение Правительства Москвы от 11.10.2010 № 2215-РП «О Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и Интернет-ресурсам» // Электронная Москва. URL: http://mosopen.ru/document/2215_rp_2010-10-11 (Дата обращения: 25.04.2020).

15. Солдаткина О. Л. Правовая политика в сфере правовой информированности населения: федеральный и региональный уровень // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 39–45.

16. Цифровое правосудие или как будет работать электронный документооборот в судах в 2018 г. URL: <http://www.nb-law.com/ru/novosti/187-digital-justice.html> (Дата обращения: 25.04.2020).

17. Цифровое правосудие становится реальным в интернет-торговле. URL: <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/cifrovoe-pravosudie-stanovitsya-realnym-v-internet-torgovle> (Дата обращения: 25.04.2020).

References

1. Vystupenie predsedatelya Soveta sudej RF V. V. Momotova na plenarnom zasedanii VI Moskovskogo juridicheskogo foruma po teme «Sudebnaja vlast' v uslovijah sovremennyh cifrovyh tehnologij» (*Speech by the Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V. V. Momotov at the plenary session of the VI Moscow Legal Forum on the topic "Judicial branch in the conditions of modern digital technologies"*). URL: <http://www.ssr.ru/news/vystupleniia-interviu-publikatsii/32548> (Accessed: 25.04.2020).

2. Kozyrev A. N. Cifrovaja jekonomika i cifrovizacija v istoricheskoy retrospective (*Digital Economics and Digitalization in Historical Retrospective*). URL: <https://medium.com/cemi-ras/cifrovaja-jekonomika-i-cifrovizacija-v-istoricheskoy-retrospektive-1ad034c16373> (Accessed: 25.04.2020).

3. Korobova A. P. Prioritety pravovoj politiki (*Legal Policy Priorities*) // Rossijskaja pravovaja politika. Kurs lekcij / ed by N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. Moscow: Norma publ., 2003. P. 97–111.

4. Mal'ko A. V. Teorija pravovoj politiki (*Theory of Legal Policy*). Moscow: Jurlitinform publ., 2012. 328 p.

5. Mediacija i cifrovoe pravosudie: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie perspektivy (*Mediation and digital justice: international experience and Russian perspectives*). URL: <https://pravo.ru/lf/story/202654/> (Accessed: 25.04.2020).

6. O vnesenii izmenenij v otdeľnye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti primenenija jelektronnyh dokumentov v dejatel'nosti organov sudebnoj vlasti (*On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding the use of electronic documents in the activities of the judiciary*): federal'nyj zakon RF ot 23 ijunya 2016 g. № 220-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2016. No. 26. Part. 1. Art. 3889.

7. O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii (*On strategic planning in the Russian Federation*): Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2014. No. 26. Part. 1. Art. 3378.

8. Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii (*On information, information technology and information protection*): Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2006. No. 31. Part. 1. Art. 3448.

9. Ob utverzhenii Razjasnenij (metodicheskikh rekomendacij) po razrabotke regional'nyh proektov v ramkah federal'nyh proektov nacional'noj programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» (*On approval of Clarifications (guidelines) on the development of regional projects in the framework of federal projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"*): prikaz Minkomsvjazi Rossii ot 01.08.2018 № 428 // Dokument opublikovan ne byl. Accessed: SPS «Konsul'tantPljus».

10. Osipov R. A. Pravovaja informirovannost': ponjatie i struktura (*Legal Awareness: Concept and Structure*) // Juridicheskaja nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. No. 1. P. 305–309.

11. Otkrytost' i dostupnost' cifrovogo pravosudija (*Openness and accessibility of digital justice*). URL: <https://fparf.ru/news/fpa/otkrytost-i-dostupnost-tsifrovogo-pravosudiya/> (Accessed: 25.04.2020).

12. Parshukov M. I. Ponjatijnyj apparat informacionnogo prava v zakonodatel'stve, nauke i obrazovatel'noj dejatel'nosti (*The conceptual apparatus of information law in legislation, science and educational activities*) // Informacionnoe pravo. 2013. No. 3. P. 6–8.

13. Paspport nacional'noj programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» (*Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"*), utv. resheniem prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam 24 dekabrya 2018 g. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (Accessed: 15.04.2020).

14. Rasporjzhenie Pravitel'stva Moskvy ot 11.10.2010 № 2215-RP «O Konceptii obespechenija zhitelej goroda Moskvy telekommunikacionnymi uslugami dlja poluchenija social'no znachimoj informacii putem sozdaniya uslovij ravnogo dostupa k kabel'nomu teledvideniju i Internet-resursam» (*On the Concept of providing residents of the city of Moscow with telecommunication services to obtain socially significant information by creating conditions for equal access to cable television and Internet resources*) // Jelektronnaja Moskva. URL: http://mosopen.ru/document/2215_rp_2010-10-11 (Accessed: 25.04.2020).

15. Soldatkina O. L. Pravovaja politika v sfere pravovoj informirovannosti naselenija: federal'nyj i regional'nyj uroven' (*Legal policy in the field of legal awareness of the population: federal and regional level*) // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2020. No. 1. P. 39–45.

16. Cifrovoe pravosudie ili kak budet rabotat' jelektronnyj dokumentooborot v sudah v 2018 g. (*Digital justice or how electronic document management in courts will work in 2018*) URL: <http://www.nb-law.com/ru/novosti/187-digital-justice.html> (Accessed: 25.04.2020).

17. Cifrovoe pravosudie stanovitsja real'nym v internet-torgovle (*Digital justice becomes real in e-commerce*). URL: <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/cifrovoe-pravosudie-stanovitsya-realnym-v-internet-torgovle> (Accessed: 25.04.2020).

Сведения об авторе

Солдаткина Наталья Леонидовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права РАН (Саратов) / buzum@mail.ru

Information about the author

Soldatkina Oхana – PhD in Law, Senior Researcher, Saratov Branch of the Institute of State and Law RAS (Saratov) / buzum@mail.ru

ДУАЛИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛКОГОЛЬНОГО РЫНКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проблема регламентации оборота алкоголя и существования алкогольного рынка во все времена вызывала неподдельное внимание, как со стороны структур государственной власти, так и со стороны социума и отдельных индивидов. Концентрация экономических, демографических, юридических, нравственных интересов неизбежно детерминирует актуальность и злободневность исследования вопросов регулирования производства, потребления и реализации алкогольной продукции. Дилемма между необходимостью пополнения государственного бюджета и недопущением деградации населения, сохранения соматического и психического здоровья людей актуализирует заявленную в статье тематику. Научная новизна обусловлена самой постановкой проблемы, а также тем, что автор подвергает сравнительному анализу государственную алкогольную политику императорской России начала XX века с аналогичной деятельностью, но уже в современный период. Отмечается, что за прошедшие столетия большая часть проблем осталось прежней, отчасти изменились лишь средства их разрешения. Автор, указывая на несомненные достижения современного российского государства в упорядочивании рассматриваемой сферы, в тоже время предлагает воспользоваться некоторыми позитивными достижениями императорского прави-

тельства. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие и изменяющиеся под воздействием регламентации алкогольного рынка. Подробно исследуются вопросы казенной винной монополии, оказавшей несомненное положительное влияние на состояние оборота алкогольных напитков в анализируемый период. Рассматривается коллизия между требованиями производителей алкогольной продукции, подкрепленные положениями экономической целесообразности и желанием государства оптимизировать демографическую ситуацию. Предметом исследования служат конкретные экономические и демографические показатели, непосредственно обусловленные процессом производства и потребления алкогольных напитков. Целью исследования служит анализ регулирования алкогольного рынка, связанный с выработкой конкретных практических предложений, направленных его оптимизацию. Основными методами, применяемыми автором служат диалектический материализм, системно-структурный метод, исторический метод, логический метод.

Ключевые слова: акциз, алкогольные напитки, производство спирта, винокурение, демография, оборот спиртных напитков, государственное регулирование, алкогольный рынок, экономические интересы, профилактика алкоголизма, здоровье.

Maria Sumenkova

DUALISM OF ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC INTERESTS OF THE STATE IN THE CONTEXT OF ALCOHOLIC MARKET REGULATION: HISTORY AND PRESENT

The problem of regulating the turnover of alcohol and the existence of the alcohol market at all times attracted genuine attention, both from the side of state power structures, and from the side of society and individuals. The concentration of economic, demographic, legal, moral interests inevitably determines the relevance and topicality of the study of issues of regulation of production, consumption and sale of alcoholic beverages. The dilemma between the need to replenish the state budget and prevent degradation of the population, the preservation of somatic and mental health of people actualizes the theme stated in the article. The scientific novelty is due to the very statement of the problem, as well as the fact that the author subjects the state alcohol policy of imperial Russia of the beginning of the 20th century to a comparative analysis with similar activities, but in the modern period. It is noted that over the past centuries, most of the problems have remained the same, only the means of resolving them have partially changed. The author, pointing to the undoubted achievements of the modern Russian state in streamlining the sphere under consideration, at the

same time suggests using some of the positive achievements of the imperial government. The object of the study is social relations that arise and change under the influence of regulation of the alcohol market. The issues of treasury wine monopoly, which had an undoubted positive impact on the state of turnover of school drinks in the analyzed period, are investigated in detail. The conflict between the requirements of producers of alcoholic beverages, supported by the provisions of economic feasibility and the desire of the state to optimize the demographic situation, is examined. The subject of the study is specific economic and demographic indicators that are directly related to the process of production and consumption of alcoholic beverages. The aim of the study is to analyze the regulation of the alcohol market associated with the development of specific practical proposals aimed at its optimization. The main methods used by the authors are dialectical materialism, the system-structural method, the historical method, and the logical method.

акциза до 100 руб. с литра, с целью расширения легализации производства. Государство, заинтересованное в росте доходов, не прислушалось к производителям, в 2008 г. акциз составил уже 173,5 руб. за литр, в 2009 г. – 191 руб., в 2019 г. – 523 руб. за литр спирта. Такая акцизная политика, идущая в разрез с интересами производителей, приводит к тому, что в 2015 г. по сравнению с 2014 г. официальные (с которых уплачиваются акцизы) объемы производства снизились на 10,9%, а объем розничной продажи вырос на 7%, то есть, это еще раз подтверждает огромные объемы нелегального спирта. История борьбы российских властей с пьянством и алкоголизмом, неоднократно фиксировала факт прямой зависимости роста потребления нелегального спиртного при повышении цен на легальный алкоголь [11].

Взимание акцизов в настоящее время курирует Минфин, лицензии на деятельность заводам выдает ФНС, она же курирует работу ЕГАИС – системы электронного учета, объемов выработки спирта и спиртных напитков на заводах, для чего установлены специальные приборы учета с 2006 г. Приборы обязаны установить за свой счет, все производители, оптовые склады и розничные продавцы алкоголя. Штраф за нарушение учета – до 200 тыс. руб. на юридическое лицо. Доля производителей – нелегалов, экономивших на уплате акцизов, по некоторым данным составляет от 30 до 50%. Устанавливая высокую ставку акциза, государство стремиться повлиять на снижение спроса и уменьшения потребления населением спиртного. Однако, многовековая и международная практика борьбы с пьянством, ярко свидетельствует, что повышение цен на легальный алкоголь, приводит к снижению спроса на него и увеличению нелегального оборота. Это и самоноварение населения, и выпуск спирта легальными заводами «в третью смену» минуя аппараты ЕГАИС и др.

В годы казенной винной монополии начала XX в. государство не в меньшей степени регламентировало технологические условия производства и увеличивало налоги. В частности, винокурный завод, ежегодно должен был получать в Министерстве Финансов патент на разрешение работ. За 12 лет монопольного периода размер патентного сбора с завода увеличился с 60 до 427 руб. в год. На каждом винокурном заводе за счет казны устанавливался контрольный снаряд, учитывающий выход спирта с завода. Контрольный аппарат немецкого производства – фирмы Сименса и Гальке устанавливался на каждом заводе за счет Министерства Финансов, все части аппарата были соединены с перегонным оборудованием, устанавливались под контролем чинов Акцизного надзора, опечатывались. Технологическая цепочка, была устроена таким образом, что исключала производство спирта, минуя приборы учета. В указанное время контрольные аппараты были исключительно немецкого производства, на территории Российской империи, абсолютно при любом Губернском Акцизном Управлении были

созданы ремонтные мастерские, обслуживающие их за счет государства [14, ст. 148–155]. За годы казенной винной монополии, все винокурные заводы страны были перестроены (винокурные заводы часто подвергались пожарам, в связи с особенностями производства). Вновь устраиваемые заводы сооружались каменными и были не менее двух этажей. По обязательным нормам Акцизного Устава здание завода должно было быть разделено каменными стенами в 3 кирпича на 6 отделений: паровое, дрожжевое, квасильное, солодовенное, заторное, отделение для хранения припасов. К промышленному перевороту, участников отрасли государству стимулировало налоговыми вычетами. Помимо вышеуказанных, акциз снижался от емкости квасильных чанов (чем меньше емкость – тем выше скидка), и суток брожения. Это было направлено на поддержание именно сельскохозяйственного винокурения, фактически в убыток казне. Так как на крупных промышленных винокурнях (производительностью более 100 тыс. ведер), себестоимость спирта была в 3 раза ниже, но их работа уже не стимулировала аграрные отношения в округе, поэтому доля таких заводов в стране не превышала 15% от общего количества предприятий [12, с. 76]. Большинство процессов винокурного производства на заводах было механизировано. И если, в конце XIX в. на заводе трудилось до 70 рабочих и 20 лошадей, то к началу XX в. все заводы уже были оснащены паровыми котлами и машинами. Применялись картофелемойки, парники Генце, солододробилки, заторнохолодильные машины, механические мешалки, эскалаторы для подачи сырья. Складывался костяк квалифицированных рабочих: квасильщики, солодовщики, заторщики, кочегары и др. Неквалифицированные рабочие занимались исключительно подвозом сырья. Кадры работников на 98% формировались из местного сельского населения, период работы завода выпадал на период прекращения полевых работ. Хотя уровень заработной платы был достаточно низкий, но обучение и квалификацию работники проходили за счет работодателя. Винокурные заводчики отправляли рабочих на обучение, чаще всего в Литву [6].

В начале XXI в. алкогольное производство также претерпевает трансформацию. В-первых, наблюдается концентрация производства: три крупнейших алкогольных холдинга контролируют 49,8% всего производства. Крупнейшим из них является АО «Росспирт», преобразованное в 2009 г. из ФГУП. 100% акций находится в федеральной собственности. Акционерное общество объединяет более 85 спиртовых и ликероводочных заводов России. Производители признаются, что отрасль работает на оборудовании 1970-х гг. И если и приобретается новое оборудование, то скорее оно связано с упаковкой и этикетированием [10]. Большая часть заводов сконцентрирована в Центральном федеральном округе, следовательно, производство давно оторвано от аграрного сектора, и его работа не стимулирует развитие сельского хозяйства в регионах.

Производство этилового спирта с 2011 г. неуклонно сокращается [4]. С одной стороны, это вызвано изменением в структуре потребления населения, по некоторым данным до 56% приходится на пиво, доля которого продолжает расти. Второй причиной, значительно влияющей на сокращение производства спирта, является удорожание сырья. В 2008 г. подорожание зерна привело к 30% сокращению объемов производства. Высокую конкуренцию отечественному производителю составляет спирт и крепкие алкогольные напитки из Белоруссии, импорт которых, неуклонно, год от года растет.

Государство добавляет дополнительных ограничений для производителей. Мы уже указывали, что производство оторвано от сельскохозяйственного цикла. В 2012 г. вышло дополнительное Положение, обязавшее производителей перейти на безотходное производство, запретило утилизацию барды. Барда, как известно, очень полезна для корма скота, но у нее большой процент влаги и короткий срок годности. Производителям, необходимо приобретать дополнительное оборудование, для выработки сухой кормовой барды. С 1 июля 2021 г. в силу вступает новый стандарт розлива крепких спиртных напитков, в частности, запрещается розлив водки в бутылки объемом 250 и 375 мл. При этом, у второго по величине производителя в России компании «Башспирт», более 50% производства составляет подобная продукция. Росстандарт настаивает, что такая упаковка вводит в заблуждение покупателя, а производители отмечают, что при снижении покупательной способности населения, данная тара пользуется особым спросом и позволяет приобретать легальный, а не контрафактный алкоголь. В связи с этим, хотелось бы уделить особое внимание истории розлива спиртных напитков в России их последствиям для народного здоровья и распространения пьянства.

В рамках казенной винной монополии начала XX в. частный коммерческий интерес был представлен в алкогольной отрасли в нескольких плоскостях: производство спирта (преимущественно в интересах стимулирования сельского хозяйства), очистка и продажа спиртных напитков в запечатанном виде в частных питейных заведениях. Спирт, выработанный на частном винокурном заводе, не идущий на технические и медицинские цели, направлялся на ректификацию. Целью являлось улучшение качества распространяемых напитков, за счет дополнительной очистки (ректификации). За счет монополизации сбыта водочной продукции власть получала возможность манипулировать салдо доходов и расходов в свою пользу. В 1901 г. расходы Главного Управления Неокладных сборов и Казенной Продажи Питей на мероприятия по казенной винной операции составляли 173 млн руб., питейный доход, являвшийся, основной статьей косвенного налогообложения, составлял в 1901 г. 319 млн руб. Таким образом, расходы по реализации казенной винной монополии составляли 54% питейных доходов

казны. В 1913 г. соотношение доходов и расходов по казенной винной операции изменилось. Расходы в 1913 г. составляли 33% (210 млн руб.) от питейного дохода, который выразился в сумму 597 млн руб. Причем, увеличилась не только доля дохода в питейном сборе, но и доля самого питейного дохода среди косвенных налогов возросла с 43% в 1901 г. до 66% в 1913 г. [8]. До водочной монополии в России, ректифицированный спирт употреблялся, исключительно состоятельными слоями населения. С 1902 г. все спиртные напитки, для питьевого потребления, изготовлялись из ректифицированного спирта, то есть спирта, прошедшего дополнительную очистку. Для этих целей, в 1901 г. казна выделила 1 млн руб. на постройку ректификационных заводов. К примеру, в Пензенской губернии было построено 2 ректификационных завода, здание и оборудование которых во времена СССР являлись водочными заводами, в 1990-е гг. были преобразованы в АО «Пензспирт», они же, в начале 2000-х гг. вошли в конгломерат «Росспирт». На них по сей день выпускается алкогольная продукция. Некоторые предприимчивые винокурные заводчики начала XX в., при своих заводах также построили ректификационные отделения, на которых очищали свой и соседский спирт, по заказу казны, для заводчика это был очень выгодный бизнес. Первый частный ректификационный завод нового образца в Пензенской губернии был выстроен Графиной М. А. Келлер, по договору с Министерством Финансов, по которому с 1894 по 1901 гг. графиня обязалась выстроить спиртоочистительное сооружение на своем винокурном заводе – Знаменском №4. В договоре было заранее оговорено, что казна обязуется ректифицировать на заводе не менее 250000 ведер сырого спирта в год. Если объемы поставок будут меньше, то Акцизное Управление обязалось выплачивать по 5 коп. за каждое ведро недопоставки [12, с. 128]. Кроме этого казна устанавливала на заводе за свой счет оборудование для правильного учета спирта. При этом, ректификацией занимались именно крупные, промышленные винокурные заводчики, так как казна снимала с таких заводчиков, организовавших ректификационные отделения, ежегодный патентный взнос. Отходы ректификации разрешалось продавать, а если они утилизировались на заводе, заводчик опять получал списание акциза – 11 коп. с градуса ректификата. Если в 1905 г. стоимость для казны ректификации одного ведра спирта на частном заводе составляла 13 коп., на государственном – 7 коп., то в связи с выгодностью бизнеса и ростом частных ректификационных заводов, в 1913 г. стоимость ректификации одного ведра спирта для казны снизилась до 1 коп., а на государственном составляла – 5 коп. ведро. Казенные ректификационные заводы работали на дровяном топливе, тогда как частные – на мазуте. Сбой произошел лишь в 1905 г., когда на Бакинских заводах Братьев Нобилей из-за погромов и убытков мазут подорожал с 20 до 60 коп., что удорожило ректификацию вдвое,

и заставило казну предпочесть казенную очистку. На всех казенных и частных ректификационных заводах ректификацию осуществляли ректификаторы, получавшие ежемесячно вознаграждение от казны – 90 руб. Более 70% всего спирта казна предпочитала ректифицировать на частных заводах – это было выгоднее [7].

Ректифицированный и разбавленный водой на частных и казенных заводах спирт, весь поступал в казенные винные склады. Технологический процесс розлива готовых питей по бутылкам заключался в следующем: очищенный и разбавленный спирт поступал по трубам в разливное отделение склада, где он разливался в стеклянную посуду разной емкости (1/4, 1/20, 1/40, 1/100, 1/200 ведра), для розлива использовались автоматические разливные машинки, для каждого размера бутылок имелись отдельные такие машинки; на наполненные водкой бутылки накладывался пергамент и бутылка закупоривалась пробкой; затем каждая бутылка подвергалась осмотру браковщика, при обнаружении соринок в бутылке, она снова возвращалась в очистку; бутылка с чистым напитком и целым стеклом осматривалась, печатывалась и на нее накладывалась этикетка; затем бутылка снова проходила через браковку, если в бутылке не находилось никакого брака (неаккуратно наклеенная этикетка, так же считалась браком), то бутылка передавалась в подвал, а оттуда рассылалась в места продажи. При этом, на казенных складах по бутылкам разливался спирт крепостью 95, 90,40 градусов [12, с. 139]. В 1902, 1907 гг. в Пензенской губернии было построено два частных стекольных завода, в том числе, обеспечивающие склады тарой, что снизило затраты казны на 1 коп. на каждую бутылку. Этикетки, по установленной казенной форме печатались на местной типографии. Для обеспечения всей страны пробками в Санкт-Петербурге была построена казенная фабрика, а вот, разноцветную смолку для осматривания бутылок приходилось привозить из Варшавы, пергамент из Польши. Самую большую долю расходов по приговору спиртных напитков составляли расходы на содержание рабочих и служащих казенных винных складов. Казенные винные склады работали круглый год. Объемы работ в весение и осенние месяцы увеличивались, в связи с увеличением спроса населения на водку. В связи с этим, казенным винным складам приходилось привлекать к работе поденных рабочих. Средняя заработная плата рабочих складов в 1901 г. составляла 47 коп. в день, в 1913 г. заработная плата одного рабочего в день увеличилась до 53 коп. Высокая заработная плата, до 47 руб. в месяц, делала данную работу выгодной, а с 1908 г., Акцизное Управление приняло решение ежегодно премировать работников в размере 2 руб., прослуживших более 5 лет. С 1912 г. продолжительность рабочего дня снижена с 9 до 8 ч., при складах действовали бесплатные воскресные школы для детей рабочих складов [12, с. 121]. В России в казенной винной монополии было задействовано

25 тыс. человек, фактически находящихся на государственной службе.

Высокое качество спиртных напитков, обеспечивалось тем, что все они поступали в розничную продажу в опечатанном виде только с казенных винных складов. Водка, в опечатанной посуде, реализовывалась покупателю по строго установленным ценам Министерства Финансов. Стоимость водки зависела от качества, крепости, объема и составляла от 6 руб. 40 коп. до 12 руб. за ведро. В 1902 г. бутылка емкостью 1/40 ведра обычной сорокаградусной водки стоила 30 коп., что в пересчете на ведро давало 12 руб., а 1/200 ведра продавалась по цене 10 коп., что в пересчете на ведро составляло уже 20 руб. Как показывают отчеты продавцов казенных лавок наибольшим спросом населения пользовались бутылки емкостью 1/40, 1/100, 1/200 ведра, которые в народе получили название «сороковка», «жулик», «мерзавчик». Столовое вино, употреблявшееся преимущественно состоятельными слоями населения, изготовлявшееся из спирта двойной ректификации, стоило 10 руб. ведро. Так же в бутылках емкостью 1/4 – 1/100 ведра, населению реализовывался спирт крепостью 90–95 градусов, по цене 17–18 руб. соответственно. Тот факт, что казенная винная монополия преследовала фискальный интерес, находит подтверждение в политике Министерства Финансов повышения продажных цен на спиртные напитки. С 1 октября 1908 г. цена ведра сорокаградусной составляла от 8 руб. 50 коп. до 9 руб., стоимость ведра столового вина увеличилась до 12 руб., стоимость ведра спирта крепостью 90–95 градусов увеличилась до 18 руб. 90 коп. до 20 руб. соответственно. Наибольшим спросом пользовалась водка крепостью 40 градусов, разлитая в бутылки емкостью 1/20 ведра, в которые разливалось 37% всего необходимого для заготовки казенной спирта. 34% спирта разливалось в бутылки емкостью 1/40 ведра, 18% в бутылки емкостью 1/4 ведра, менее всего спирта разливалось в бутылки емкостью 1/100 ведра – 10%, 1/200 ведра – 1% [12, с. 79]. Питейное заведение имело право работать только в том случае, если в продаже имелось вино всякой крепости и качества, наличествующее в бутылках всех емкостей. Весь монополичный период число казенных торговых заведений, преобладало над частными. В розлив, продавать спиртные напитки имели право только рестораны первого класса, которые, кстати, в годы «сухого закона» не закрывались и продолжали торговать спиртным после 1914 г. Вышеуказанные доводы, подтверждают исследования современных аналитиков, что отказ от тары менее 500 мл, нецелесообразен. За 2019 г. продажи в малых емкостях выросли на 13% в натуральном, и на 14% – в денежном эквиваленте.

Подводя итоги следует отметить, что государству удалось, прежде всего, изменить ментальные предпочтения населения и изменить структуру алкогольного потребления с преобладания крепких спиртных напитков, на преобладание

слабоалкогольных, в частности, пива. Снижение доступности алкогольной продукции путем ограничений ее продажи по времени месту, в целом, необходимо признать успешной. Однако, следует отметить, что потребление, значительно не снизилось, а скорее ушло «в тень». То есть, актуальность борьбы с незаконным водворением алкоголя на рынок сохраняется. Во-первых, по-прежнему актуальна проблема, возникшая в России в начале XX в., в частности, в годы «сухого закона» 1914 г. – самогонварение, так и не была окончательно преодолена, на нее просто перестали обращать внимание. И, здесь, следует

действительно усилить административную ответственность за нарушения в области производства и оборота алкогольной продукции населением. Так как, данный нелегальный рынок – самогонварения, не поддается даже статистическому учету. Во-вторых, очень значимым в структуре потребления остается нелегальный поток спиртного с легальных производств. Это вредит и доходам государства и народному здоровью. Подобное позволяет судить о том, что формально наблюдается усиление государственного контроля за оборотом алкогольной продукции, а фактического уменьшения нелегального оборота не происходит.

Литература

1. Абцешко Н. Рынок алкогольной продукции: актуальные проблемы, регулирование, судебная практика. // URL: <https://www.vegaslex.ru> (Дата обращения 09.05.2020).
2. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1969. 391 с.
3. Барон Э. Ф. Нольде. Питейное дело и акцизная система. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 187 с.
4. Галицкий С. В. Проблемы развития спиртовой промышленности // Студенческие научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://student.snauka.ru/2014/11/2291> (дата обращения 09.05.2020).
5. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 240.
6. ГАПО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 67.
7. ГАПО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 330.
9. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения РФ (одобрена распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. No. 2. Ст. 264.
10. Оганесянц А. Л. Состояние рынка алкогольной продукции в Российской Федерации. // URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-1/48-oganesyants.pdf> (Дата обращения 09.05.2020).
11. Суменкова М. В. Алкогольная политика Российского государства в XX веке. Пенза: Типография ИП Соколова А.Ю., 2018. 84 с.
12. Суменкова М. В. Производство спирта и водки в России в годы казенной винной монополии 1894-1917 гг. (на материалах Пензенской губернии). Пенза: ИИЦ ПГУ, 2007. 162 с.
13. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.
14. Устав о питейном сборе. СПб.: Тип. В. Ф. Кишбаума, 1902. 392 с.

References

1. Absteshko N. Rynok alkohol'noy produktsii: aktual'nyye problemy, regulirovaniye, sudebnaya praktika (*Market of alcoholic beverages: actual problems, regulation, judicial practice*). URL: <https://www.vegaslex.ru> (Accessed: 09.05.2020).
2. Anfimov A. M. Krupnoye pomeshchich'ye khozyaystvo Yevropeyskoy Rossii kontsa XIX – nachal XX veka (*The large landowner economy of European Russia was the 19th century beginning of the 20th century*). Moscow: Nauka publ., 1969. 391 s.
3. Baron E. F. Nol'de. Piteynoye delo i aktsiznaya sistema (*Drinking and excise system*). St.Petersburg: M. M. Stasyulevich publ., 1882. 187s.
4. Galitskiy S. V. Problemy razvitiye spirtovoy promyshlennosti (*Problems of the development of the alcohol industry*) // Studencheskiye nauchnyye issledovaniya. 2014. No. 9. URL: <http://student.snauka.ru/2014/11/2291> (Accessed: 09.05.2020).
5. State archive of Penza territory (GAPO). F. 71. Inv. 1. D. 240.
6. GAPO. F. 177. Inv.1. D. 67.
7. GAPO. F. 164. Inv.1. D. 11.
8. GARF. F. 6996. Inv.1. D. 330.
9. Kontseptsiya gosudarstvennoy politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogolem i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya RF (*The concept of state policy to reduce the scale of alcohol abuse and the prevention of alcoholism among the population of the Russian Federation*) (odobrena Rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2009 g. № 2128-r) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2010. No. 2. Art. 264.
10. Oganesyants A. L. Sostoyaniye rynka alkohol'noy produktsii v Rossiyskoy Federatsii (*The state of the alcohol market in the Russian Federation*). URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-1/48-oganesyants.pdf> (Accessed: 09.05.2020).
11. Sumenkova M. V. Alkohol'naya politika Rossiyskogo gosudarstva v XX veke (*The alcohol policy of the Russian state in the twentieth century*). Penza: Sokolova A.Yu. publ., 2018. 84 p.

12. Sumenkova M. V. Proizvodstvo spirita i vodki v Rossii v gody kazennoy vinnoy monopolii 1894–1917 gg. (na materialakh Penzenskoy gubernii) (*The production of alcohol and vodka in Russia during the treasury of the wine monopoly of 1894–1917. (based on the materials of the Penza province)*). Penza: PSU publ., 2007. 162 p.

13. Ukaz Prezidenta RF ot 9 oktyabrya 2007 g. № 1351 «Ob utverzhenii Kontseptsii demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» (*“On approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period until 2025”*) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2007. No. 42. Art. 5009.

14. Ustav o piteynom sbore (*The charter on drinking collection*). St.Petersburg: V.F. Kishbaum's publ., 1902. 392 p.

Сведение об авторе

Суменкова Мария Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета (Пенза) / sumenkova77@bk.ru

Information about the author

Sumenkova Maria – PhD in History, Associate Professor, Chair of translation and translation studies, Penza State Technological University (Penza) / sumenkova77@bk.ru

ЦЕЛИ НАЛИЧИЯ ПРЕДЕЛОВ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье раскрывается сложная, неоднозначная, но объективно имеющаяся взаимосвязь между такими правовыми феноменами как «цель в праве» и «предел в праве». Автор отмечает, что правовое регулирование не может осуществляться без нормативно установленного предела. Обосновывается понятие предела в праве, дается его характеристика. Предел в праве нельзя отождествлять с ограничением в праве. Ограничение представляет собой сложную многосоставную категорию, куда в числе прочих компонентов входит и предел. При этом предел, помимо того, что является автономным компонентом, также присутствует в составе каждой разновидности ограничения. Подобный дуализм природы пределов подчеркивает актуальность их изучения. Пределы в праве обладают ярко выраженной спецификой, в том числе и детерминированной их целевой направленностью. По мнению исследователя, у предела как автономной юридической категории имеются собственные, присущие только ему целевые установки. Цель выступает в качестве важнейшей характеристики любой правовой категории, в том числе и предела. Именно цель, поставленная перед пределом, объясняет его необходимость в правовом регулировании, объясняет востребованность предела в инструменталь-

ной составляющей права. Особо подчеркивается, что установление предельности правовой регламентации не может восприниматься в качестве самоцели. Подвергаются освещению варианты корреляции целей и пределов в праве. Цели пределов классифицируются по различным стратификационным основаниям. Называются непосредственные цели, которые ставятся субъектом правотворчества при внедрении пределов в тексты нормативных актов. Доказывается органическое единство целевой направленности пределов на обеспечение справедливости, разумности и гуманизма. Объектом исследования являются общественные отношения, на которые оказывают регламентирующее воздействие пределы. Предметом исследования служат целевые установки пределов в праве. Основополагающими методами исследования выступают диалектический материализм, системно-структурный метод, логический метод. Теоретические выводы и обобщения иллюстрируются примерами из действующего законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: предел, цель, право, юридическая норма, баланс, дифференциация, справедливость, разумность, гуманизм.

Teimuraz Temrezov

OBJECTIVES OF EXTENT LIMITS IN LAW: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

The article reveals a complex, ambiguous, but objectively existing relationship between such legal phenomena as "the goal in law" and "the limit in law". The author notes that legal regulation cannot be carried out without a statutory limit. The concept of a limit in law is substantiated, its characteristic is given. A limit in law cannot be equated with a restriction in law.

A constraint is a complex, multi-component category, which, among other components, includes a limit. Moreover, the limit, in addition to being an autonomous component, is also present in the composition of each kind of restriction. Such dualism of the nature of limits underlines the relevance of their study. Limits in law have a pronounced specificity, including their target orientation determined. According to the researcher, the limit as an autonomous legal category has its own, specific objectives specific to it. The goal acts as the most important characteristic of any legal category, including the limit. It is the goal set before the limit that explains its need for legal regulation, explains the rel-

evance of the limit in the instrumental component of law. It is emphasized that the establishment of the limit of legal regulation cannot be perceived as an end in itself. Variants of correlation of goals and limits in law are highlighted. The objectives of the limits are classified according to various stratification grounds. Immediate goals are stated that are set by the subject of law-making when introducing limits into the texts of normative acts. The organic unity of the target orientation of the limits to ensure justice, rationality and humanism is proved. The object of research is social relations, which are subject to regulatory influence limits. The subject of the study is the target setting of limits in law. The fundamental research methods are dialectical materialism, the system-structural method, and the logical method. Theoretical conclusions and generalizations are illustrated by examples from the current legislation and law enforcement practice.

Key words: limit, goal, law, legal norm, balance, differentiation, justice, rationality, humanism.

Слово «предел» в его лингвистическом значении представляет собой «пространственную или временную границу чего-нибудь; последнюю крайнюю грань, степень» [6, с. 470]. Тем самым предел необходим для фиксации должного и возможного поведении индивидов – членов социума. Именно такую роль пределы выполняют в правовом регулировании общественных отношений. «Предел в праве – это закрепленное в издаваемых и санкционируемых государством юридических нормах установление дозвоительно-ограничительных границ (или) объема правовой регламентации общественных отношений посредством установления максимальных и минимальных вариантов деятельности» [12, с. 33].

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что предел фиксирует дозвоительно-ограничительные границы. Тем самым предел не следует безоговорочно отождествлять с ограничением. Сложность предела как правовой категории заключается в его своеобразном дуализме.

Так, если воспринимать ограничение как многосоставный компонент правового регулирования, то, естественно, предел также входит в систему элементов ограничительного характера (наряду с такими ограничениями как запреты, обязывания, наказания, цензы, лимиты, меры пресечения). В данной системе предел выступает автономным юридическим феноменом, занимающим свое собственное, особое место среди правовых ограничений.

С другой стороны, и в этом особенность предела – он выступает в качестве «исходного материала», первичного звена, который присутствует во всех иных видах ограничений. Так, невозможно существование правового наказания либо обязанности без заранее оговоренного предела. Более того, и в этом состоит уникальность предела, тоже самое относится и к противоположности ограничений – дозволениям, которые также не могут иметь место быть и реализовываться без предела. Здесь можно только солидаризоваться с А. Г. Репьевым, который вполне обоснованно задается вопросом о предельности правовых преимуществ [11, с. 499–502].

Упоминание о первичности представляется вполне уместным. Предел следует воспринимать в качестве так называемого первичного юридического средства, которое в обязательном порядке присутствует при формировании и формулировании иных средств правовой регламентации общественных отношений.

Восприятие предела в качестве юридического средства неизбежно детерминирует изучение целей, для разрешения которых анализируемый инструментариум и находится в арсенале права.

По нашему мнению, познание и реализация правовых пределов нельзя осуществить без надлежащего исследования целевых установок, на достижение которых направлен данный правовой феномен.

Как думается, вполне закономерно, что существует философская аксиома: у каждого со-

знательного волевого процесса, в том числе и процесса правового регулирования должна быть своя цель, конечный результат, ибо отсутствие целенаправленности сводит существование всего к хаосу, бессмысленному.

И философы, и правоведаы при рассуждениях о целях как ориентирах используют слова и словосочетания «конечный результат», «сверхцель», «результат», «конец цели», «конечный результат», «максимальный результат» и т.д. Но абсолютно все эти формулировки и включает в себя феномен «предел». В частности, вполне обоснованным представляется то, что изучение пределов надо связывать с идеальной/конечной целью общественного развития. Как думается, здесь вполне уместно следующее предположение. Цель есть финальный результат (чего-либо), т.е. достижение цели в определенном смысле можно трактовать как предел (чего-либо). Цель в таком ракурсе является идеально поставленным результатом, а реализация цели – ее пределом.

К сожалению, исследователи, изучающие фундаментальную правовую категорию как «правовая цель», игнорируют наличие у последней такого важного качества как «предельность».

Между тем у любой деятельности, в основе которой заложена воля и мысль, в том числе и юридической регламентации, должна быть своя цель, конечный результат, ибо отсутствие целенаправленности сводит существование всего к хаосу, бессмысленному. В правовой сфере отсутствие целей регулирования ведет к беспределу.

Беспредел – это действия, переходящие любые рамки писаных и неписаных законов; крайняя степень беззакония, беспорядка. Беспредел нередко детерминирует исключительно отрицательные итоги и результаты. В свою очередь предел, будучи категорией прямо противоположной, направлен на позитив, служит косвенной, а иногда и прямой причиной конструктивным процессам в праве (причем как формальным, так и содержательным аспектам). Предел способствует возникновению в праве новационных компонентов, подсистем, способствующих повышению эффективности права в целом.

Право, будучи центральным регулятором общественных отношений, осуществляет свое воздействие до известного предела.

Наличие пределов в юридических (правовых) целях более чем убедительно подтверждают многочисленные примеры из действующего законодательства и правоприменительной практики.

Именно практика демонстрирует эту устойчивую и необходимую связь пределов и целей в праве, так как именно в процессе применения норм право реализуется («живет»), а, следовательно, и демонстрирует свой истинный функционал и потенциал.

Взаимодействие этих двух категорий достаточно распространено и разнообразно, что иллюстрируется следующими словосочетаниями: «в целях соблюдения утвержденных предельных (максимальных) индексов», «в целях определе-

ния предельного размера», «в целях установления предельной стоимости», «цели не выходят за пределы (рамки)», «пределы с целью установления», «для иных целей предельные размеры», и т.д.

При этом корреляция целей и пределов чаще всего строится в трех возможных вариантах:

1) Цель и предел равнозначны, и воздействуют в равной степени друг на друга.

Подтверждает указанный тип корреляции цели и предела одно из Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, определяющий границы законности применения различного рода мер воздействия (физического, психического, с использованием каких-либо средств): «если такое принуждение осуществлялось в законных целях, без превышения допустимых пределов...» [8].

И цель (законная) и предел (допустимый) определяют границу законности принуждения. Дефиниции «в целях» и «без превышения пределов», по нашему мнению, используются высшим судебным органом тандемным образом, диалектически взаимосвязаны и взаимозависимы, без превалирования одной над другой.

2) Цель доминирует над пределом и выступает в качестве первоосновы, а предел выступает как средство достижения результата.

Примером может служить норма, в которой наглядно прослеживается анализируемая связь: «расходы налогоплательщика на...разработки... признаются для целей налогообложения в пределах 0,5 процента доходов...» [14] (выделено нами. – Т. Т.).

Таким образом, законодатель установил следующую связь: предел следует за целью и устанавливает ее границы. Предел здесь имеет сопутствующий характер по отношению к цели. Подтверждением выступают формулировки «для целей» и «в пределах», т.е. для достижения цели (налогообложения) устанавливается определенный предел (0,5% доходов). Тем самым обозначенный предел необходим исключительно для того, чтобы достичь поставленной цели.

3) Предел доминирует над целью.

В качестве наглядной модели рассматриваемого типа связи следует рассмотреть нормативное положение, определяющее правила и границы заполнения сведений о части (частях) объекта недвижимости. Так, указанный раздел заполняется относительно либо здания, либо сооружения, либо помещения, либо единого недвижимого комплекса «в целях определения пределов действия, установленного (устанавливаемого) ограничения» [9] (выделено нами. – Т. Т.).

Лингвистически цель как бы превалирует над пределом, но вот со смысловой (содержательной) точки зрения именно цель выступает детерминантом появления предела. Подобный вывод объясняется буквальным толкованием приведенного предписания и вытекающего из него вопроса: для какой цели заполняется раздел. Ответ следует в этом же словосочетании – для определения пределов действия ограничения.

Тем самым с помощью примеров из официальных текстов можно еще раз подчеркнуть, что в ди-

алектической связке «цель-предел» существует три проанализированных типа корреляции: цель и предел равнозначны, цель доминирует над пределом и предел превалирует над целью.

Хотелось бы также отметить, что существуют и формулировки, в которых достаточно сложно определить подлинное соотношение предела и цели и установить правильный вариант их корреляции.

В контексте размышлений о взаимосвязи целей и пределов, следует задаться вопросом об их наиболее оптимальной корреляции, который будет наиболее полезен и эффективен для человека, общества и государства.

Однозначно ответить здесь не представляется возможным. Все три формы взаимодействия имеют место быть.

Но при этом всегда следует полностью анализировать обстоятельства, в которых будет использоваться взаимосвязь. В противном случае складываются ситуации, в которых явно неуместно использована связь предела и цели.

Без предела не может быть регулирования, но и само по себе установление предела в правом регулировании – не должно становиться самоцелью.

У каждого проявления правового воздействия должна быть своя цель, а цель в свою очередь наиболее оптимально соотносится с пределом. В противном случае, нет смысла существования правового регулирования общественных отношений без соответствующей цели, не имеющей своего предела. Равно как и не должно быть предела принятого и действующего без надлежащего целеполагания. Ибо нет смысла фиксации предела, если он установлен без соответствующей цели, то есть без определения конечного (либо промежуточного) результата своего существования.

Чтобы исключить односторонность и противоречия при изучении процессов, влияющие на установление целей и пределов, закрепления последних в законодательстве и использования в правоприменительной практике, следует, избегая крайностей, исходить из единства свободы и необходимости, объективного и субъективного.

Действительно пределы формируются на основе существующих явлений реальности, ощущая на себе непрерывное и многофакторное влияние целого ряда обстоятельств: природного (например, территория) и в большей степени социального характера (экономика, право, мораль, культура и т.д.); объективного (естественно-природные) и субъективного (детерминируются психическими факторами, устанавливаются по воле субъектов) характера.

Следует отметить, что все эти факторы действуют как комплексно, так и разрозненно.

Особое внимание следует уделить такому особому социальному регулятору как право.

Право, будучи проявлением объективной реальности, как неоднократно отмечалось, содержит свои пределы. Выход за пределы правовой сферы так же, как и нарушение действующих норм права, способствует ослаблению законности и правопорядка [4, с. 38].

И, соответственно, по аналогии с воззрениями И. Канта [13, с. 116–126], конечный предел и величайшая цель развития человеческого рода после многовековой передачи достижений человеческого разума от поколения к поколению – установление всеобщего гражданского состояния, можно утверждать следующее: магистральная цель правового предела – это конец и начало правового регулирования.

Если не будет пределов, то государство посредством права будет неизбежно и объективно стремиться к тотальной регламентации жизни каждого индивида. Подобное как показывает исторический опыт осуществить невозможно, однако сопряжено с вмешательством государства в частную жизнь, очень часто приводящей к трагедии.

С другой стороны, необходим предел и для индивидуальных, зачастую сугубо эгоистичных интересов, которые могут «разорвать» общество.

Подобное возможно только в случае использования стандартизированных унифицированных юридических требований, у которых, конечно, есть свои пределы. В этой связи можно только солидаризоваться с М. И. Байтиным, который считал, что приоритетное предназначение правового государства заключается в создании пределов деятельности такой организации политической власти [1, с. 460].

Необходимо отметить еще раз, что предел в праве олицетворяет собой установленные юридическими нормами границы, определяющие рамки должного и возможного поведения.

Ключевой мыслью формулировки правового предела является закрепление границ (рамок) в праве, за которые нельзя выходить как государству при правотворчестве и правореализации, так и человеку (группе, классу, слою). Естественно у каждого правового явления есть начало («старт» правового регулирования) и конец («финиш» действия правового регулирования).

Рассуждения о целях пределах правового регулирования можно найти во времена античности. Платон отмечал, что юридическую регламентацию необходимо проводить, находясь в пределах справедливости, общего блага, правильно дифференцированных ценностей [7, с. 92, 154].

Последнее – правильная дифференциация – это и есть состояние гармонии, выражающееся в пределах для государства и человека.

Пределы деятельности во всех областях бытия, в том числе и в правовой сфере, необходимы в первую очередь для того, чтобы поддерживать установленный баланс, который обеспечивает благоприятное существование и правильный вектор развития.

Законодательство не может быть идеальным, полностью «очищенным» в том числе и от дисбаланса. Более того, как ни парадоксально, в некоторых случаях названное отрицательное явление выполняет функцию детерминанты, обеспечивающий должную динамику и направление развитие законодательства, а в конечном итоге – его сбалансированность [2, с. 336].

Баланс олицетворяет собой не только идею, но и императивное пожелание к праву, магистральный вектор и основополагающую идею юридической деятельности.

Соотношение баланса и предела надо анализировать в проекции к таким явлениям как цель и результат (итог) юридической регламентации. Однако надо исходить из того, что соотносимые явления относятся к так называемым внутренним целевым установкам, которые есть у права. Соответственно, гармония между пределом и балансом возможна, когда баланс обусловлен пределами, и, наоборот, предел служит отражением баланса.

Само установление и закрепление пределов должно строиться на основах *справедливости, разумности и гуманизма*.

В качестве дискуссионной постановки вопроса, связанного с дальнейшими научными перспективами исследования пределов, можно поставить концептуальный вопрос о пределах справедливости, гуманизма и разумности.

Данная проблема имеет, конечно, и правовое значение, но все же пределы справедливости, равно как гуманизма и разумности, глобальная проблема, выходящая, как думается, за рамки сугубо правового исследования или, по крайней мере, требующая иного доктринального уровня исследования.

Достижение и обеспечение указанных состояний служат целям существования пределов в праве.

Справедливость может играть роль постороннего катализатора, оказывающего воздействие на право; однако, справедливость допустимо оценивать, как внутренний элемент права, либо как олицетворение его цели.

В данном контексте крайне интересным представляется вопрос о наличии юридических пределов в проекции к справедливости.

В частности, достаточно сложную формулировку содержит одно из распоряжений Правительства РФ, направляющего адресата данного правового акта на «...поиск пределов справедливости...» [10].

Следует также обратить внимание на философско-правовую категорию «разумность», представляющее собой утилитарное качество цели. Однако природа разумности как оценочной категории влечет самые разновекторные представления о разумности действия (срока, размера, диапазона, расходов, меры и т.д.); признанное разумным в одном случае, может быть и не признано таковым в другом [3, с. 6].

Предел устанавливается из разумных соображений. Эти положения постоянно закрепляются на практике. В качестве таковых примеров следует привести положения ст.ст. 99–100 ГК РФ и ч. 2 ст. 110 АПК РФ: «... в разумных пределах...». Схожую формулировку активно используют и судебные органы в своих постановлениях.

Цель – гуманизм подразумевает под собой восприятие индивида и его прав как наивысшей

ценности; стремления удовлетворить его законные интересы, обеспечить все условия для реализации свобод личности.

Цель современного государства – гуманизация правовой системы российского общества, где ключевую роль и играет феномен предела, который закрепляет и демонстрирует грани справедливого.

В частности, это касается уголовной сферы правового регулирования. Так, по сравнению с Уголовным кодексом 1960 г., в новом УК РФ в редакции 1996 г. произошло существенное увеличение диапазона между минимальным и максимальным пределами срока наказания в виде лишения свободы. А в 2011 г. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» № 26-ФЗ устранены по 68 составам преступлений, предусмотренным УК РФ, нижние пределы санкций в виде лишения свободы.

В процессе рассуждения о целевой направленности пределов праве, стоит отметить аналогию их стратификации с классификацией целей в праве на основные, общие, частные [5, с. 56–57].

Основная (магистральная) цель – баланс, гармонизация общественных и правовых отношений, частных и публичных интересов.

Основная цель предопределяет общие цели, к которым следует отнести гуманизм, справедливость и разумность. Общие цели детерминируют в свою очередь частные цели. В качестве таковых могут быть пределы определенных состояний, мер, размеров, сроков и т.д., установленных для частных случаев, определенной группы, определенной ситуации и т.д.

По нашему мнению, частные цели пределов должны носить исключительно прагматический характер.

Пределы в праве должны быть направлены на практичность (например, эффективно регулировать существующие и вновь появившиеся правоотношения; решать все возникшие сопутствующие проблемы и т.д.) и утилитарность, проявляющуюся в стремлении искать во всем прямую и общественную пользу).

Общие и частные цели правовых пределов коррелируют следующей бинарной паре целей: обязательные и дополнительные. К особой группе дополнительных целей следует отнести специальные цели. Так, ст. 3.9 КоАП РФ содержит примеры целей (сроки административного ареста) в исключительных (специальных) случаях. По общим условиям административный арест предусмотрен на срок до 15 суток, однако, в специальных случаях устанавливается вплоть до 30 суток.

В философско-правовом аспекте можно предположить деление целей пределов на реальные и нереальные.

Реальные цели коррелируют с факторами бытия, соответствуют условиям окружающей действительности, и потому могут быть реализованы. В свою очередь нереальные цели, при всей правильности их ориентиров, не опираются на какие-либо действующие юридические инструменты; соответственно об их реализации речь может идти только как о перспективе.

Оба эти вида целей условно называются «истинными», ибо при определенных условиях они реализуются и воплощаются в жизнь.

Те же цели, которые могут быть достигнуты в принципе, условно называются «ложными». Эта группа целей охватывает разного рода иррациональные, мистические, утопические ориентиры.

На сколько реален или нереален тот и иной правовой предел можно только судить по истечении времени его принятия и дальнейшей практике его применения.

Подвод итог характеристике целей и функций правовых пределов, необходимо резюмировать следующее.

Во-первых, цель и предел теснейшим образом взаимосвязаны. Цель есть финальный результат (чего-либо), т.е. достижение цели в определенном смысле можно трактовать как предел (чего-либо). Цель в таком ракурсе является идеально поставленным результатом, а реализация цели – ее пределом.

Во-вторых, корреляция целей и пределов чаще всего строится в трех возможных вариантах: цель и предел равнозначны, и воздействуют в равной степени друг на друга; цель доминирует над пределом и выступает в качестве первоосновы, а предел выступает как средство достижения результата; предел доминирует над целью, цель выступает детерминантом появления предела.

В-третьих, классификация целей пределов в праве проводится исходя из генеральной линии стратификации целей в праве: общие и частные, основные и дополнительные (а также специальные);

Магистральная (она же главная) цель правовых пределов – баланс, гармонизация общественных и правовых отношений, частных и публичных интересов. Эта целевая установка детерминирует общие цели пределов, к которым относятся – справедливость, разумность и гуманизм.

В качестве частных целей пределов следует обозначить фиксацию пределов определенных состояний, мер, размеров, сроков и т.д., установленных для частных случаев, определенной группы, определенной ситуации и т.д.

Литература

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
2. Белоусов С. А. Баланс и дисбаланс в российском законодательстве сквозь призму техники его специализации и унификации // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 336–340.
3. Коваленко К. Е. Разумность в праве: основные формы проявления: автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 29 с.

4. Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38–44.
5. Малько А. В., Шундиков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
7. Платон. Законы // Платон. Соч. в 3 т. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. 678 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» // Российская газета. 2019. №2. 10 января.
9. Приказ Министерства экономического развития РФ от 18 декабря 2015 года № 953 «Об утверждении формы технического плана и требований к его подготовке, состава содержащихся в нем сведений, а также формы декларации об объекте недвижимости, требований к ее подготовке, состава содержащихся в ней сведений» // Официальный интернет-портале правовой информации: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 20.01.2020).
10. Распоряжение Правительства РФ от 03.12.2012 года № 2237-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013-2020 годы» // Сборник законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2012. №50 (часть VI). Ст. 7089
11. Репьев А. Г. «Предельность» как принцип законодательного установления правовых преимуществ // Юридическая техника. Ежегодник: «Ограничения в праве: теория, практика, техника». 2018. № 12. С. 499–502.
12. Суменков С. Ю., Ловцов А. Н. Понятие и признаки пределов в праве // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 30–33.
13. Цыпина Л. В. Человек в мире: учение о «Последней цели» природы и «Конечной цели творения» в телеологии И. Канта // Вестник РХГА. 2009. Т.10. № 2. С. 116–126.
14. Часть 3 ст. 67 Федерального закона от 29.05.2002 года № 57-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2026.

References

1. Bajtin M. I. Sushhnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) (*The essence of law (Modern regulatory understanding on the verge of two centuries)*). Moscow: Pravo i gosudarstvo publ., 2005. 544 p.
2. Belousov S. A. Balans i disbalans v rossijskom zakonodatel'stve skvoz' prizmu tehniki ego specializacii i unifikacii (*Balance and imbalance in Russian legislation through the prism of the technique of its specialization and unification*) // Juridicheskaja tehnika. 2016. No. 10. P. 336–340.
3. Kovalenko K. E. Razumnost' v prave: osnovnye formy projavlenija (*Reasonableness in law: the main forms of manifestation*): abstract of thesis. Ekaterinburg, 2015. 29 p.
4. Lazarev V. V. Sfera i predely pravovogo regulirovaniya (*Scope and limits of legal regulation*) // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. No. 11. P. 38–44.
5. Mal'ko A. V., Shundikov K. V. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike (*Goals and means in law and legal policy*). Saratov: SSLA publ., 2003. 296 p.
6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: Ok. 70000 slov (*Dictionary of the Russian language: approx. 70000 words*) / ed by N. Ju. Shvedovoj. Moscow: Rus. jaz. publ., 1987. 750 p.
7. Platon. Zakony (*The laws*) // Platon. In 3 Vols. Moscow: Mysl' publ., 1972. Vol. 3. Part. 2. 678 p. (In Russian)
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25 dekabrja 2018 goda № 47 «O nekotoryh voprosah, vznikajushhih u sudov pri rassmotrenii administrativnyh del, svjazannyh s narusheniem uslovij sodержanija lic, nahodjashhihsja v mestah prinuditel'nogo sodержanija» («*On some issues that the courts have in considering administrative cases related to the violation of the conditions of detention of persons in places of detention*») // Rossijskaja gazeta. 2019. No. 2. 10 January.
9. Prikaz Ministerstva jekonomicheskogo razvitija RF ot 18 dekabrja 2015 goda № 953 «Ob utverzhenii formy tehničeskogo plana i trebovanij k ego podgotovke, sostava sodержashhihsja v nem svedenij, a takzhe formy deklaracii ob ob#ekte nedvizhivosti, trebovanij k ee podgotovke, sostava sodержashhihsja v nej svedenij» («*On approval of the form of the technical plan and the requirements for its preparation, the composition of the information contained therein, as well as the form of the declaration on the property, the requirements for its preparation, the composition of the information contained therein*») // Oficial'nyj internet-portale pravovoj informacii: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 20.01.2020)
10. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 03.12.2012 goda № 2237-r «Ob utverzhenii Programmy fundamental'nyh nauchnyh issledovanij gosudarstvennyh akademij nauk na 2013-2020 gody» («*On approval of the Program of fundamental scientific research of state academies of sciences for 2013-2020*») // SZ RF. 2012. No. 50 (Part' VI). Art. 7089.
11. Rep'ev A. G. «Predel'nost'» kak princip zakonodatel'nogo ustanovlenija pravovyh preimushhestv («*Ultimate*») as a principle of legislative establishment of legal advantages // Juridicheskaja tehnika. Ezhegodnik: «Ogranichenija v prave: teorija, praktika, tehnika». 2018. No. 12. P. 499–502.
12. Sumenkov S. Ju., Lovcov A. N. Ponjatje i priznaki predelov v prave (*Concept and signs of limits in law*) // Altajskij juridicheskij vestnik. 2019. No. 3 (27). P. 30–33.
13. Cypina L. V. Chelovek v mire: uchenie o «Poslednej celi» prirody i «Konechnoj celi tvorenija» v teleologii I. Kanta (*Man in the world: the doctrine of the «Last Purpose» of nature and the «Ultimate Purpose of Creation» in the teleology of I. Kant*) // Vestnik RHGA. 2009. Vol. 10. No. 2. P. 116–126.
14. Chast' 3 st. 67 Federal'nogo zakona ot 29.05.2002 goda № 57-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v chast' vtoruju Nalогоvogo kodeksa Rossijskoj Federacii i v otdel'nye zakonodatel'nye акты» («*On introducing amendments and addenda to part two of the Tax Code of the Russian Federation and to certain legislative acts*») // SZ RF. 2002. No. 22. Art. 2026.

Сведения об авторе

Темрезов Теймураз Бариспиевич – судья, Черкесский городской суд Карачаево-Черкесской Республики (Черкесск) / rustam_bairamkul@mail.ru

Information about the author

Temrezov Teimuraz – Judge, Circassian city court of the Karachay-Cherkess Republic (Cherkessk) / rustam_bairamkul@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 8.1751

А. А. Горжая

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данной работы является теоретическое рассмотрение особенностей психологической женской прозы в современной литературе. Анализируются исторические предпосылки ее создания как самостоятельного направления. Представлены авторы классической и современной психологической прозы. Поднимается вопрос о гендерной идентификации женской литературы, который дает возможность осветить историю женского творчества. Выявлены отличительные черты женских художественных работ. Изучено понятие «женская проза».

Установлены классы писательниц, которых подразделяют в зависимости от выбора творческой установки на тех, кто придерживается мужского восприятия; подчеркивает женскую идентичность; старается избежать самоотждествления с каким-либо полом. Автор статьи выделяет три типа, преобладающих в современной женской прозе, а именно: проза андрогинного, аннигиляционного и феминного типов. Упоминаются и издержки гендерного литературоведения, ориентированного на стиль западной феминистской практики. Раскрыты такие жанровые разновидности женской прозы, как иронический детектив и любовный роман.

Исследователь дает рабочее определение языковой образности. Проанализирована обусловленность

реализации категории образности в текстах женской психологической прозы: применение различных тропов (метафор, эпитетов), вставных конструкций, аффиксов; использование просторечной лексики; включение интертекста. Статья раскрывает содержание понятий художественный образ, портретное описание, психологизм. Перечислены типы психологизма (прямой, косвенный психологизм и психологический анализ), его приемы и методы, среди которых тактики молчания и умолчания, способствующие созданию эмоциональной напряженности и эксплицирующие высокую интенсивность переживаемых эмоций, а также интеръективные средства в виде хезитативов, пауз, неговорения и вокализированных пауз. Значительное внимание уделяется прагматическому компоненту смысла высказывания как автора, так и персонажа. Предпринята попытка вывести рабочее определение «психологическая женская проза».

Ключевые слова: образность, психологизм, тактики молчания / умалчивания, интеръективные средства, прагматические эмотивные установки, психологическая женская проза.

Alesya Gorzhaya

PSYCHOLOGICAL FEMALE PROSE AS AN OBJECT OF RESEARCH

The aim of this work is theoretical consideration of the characteristics of psychological female prose in the modern literature. The analysis of the historical conditions of the female prose appearance as a separate literature style is carried out. The authors of classical and modern psychological prose are presented. There is the question raised about gender identification of the female literature, which sufficiently makes it possible to highlight the history of female creativity. The distinctive features of the female artworks are revealed. The concept of «female prose» is studied.

Classes of writers have been determined. They are divided according to the choice of creative preferences into those who stick to male perception; emphasize female identity; try to avoid self-identification with any gender. The author of the research identifies three types of female prose that prevail in modern female literature, namely: androgynous, annihilation and feminine types. It is also mentioned about the costs of gender literary criticism oriented towards

the style of the western feminist practice. Genre varieties of female prose are revealed, such as ironic detective story and love story.

The researcher gives a working definition of linguistic imagery. The conditionality of the implementation of the imagery category in the texts of the female psychological prose is analyzed: use of various figures of speech (metaphors, epithets), parenthetical structures, affixes; use of colloquial vocabulary; introduction of intertext. The article reveals the content of the next concepts: an artwork image, character description and psychologism. The types of psychologism (direct, indirect and psychological analysis), its techniques and methods are listed. The tactics of reticence and aposiopesis are investigated. They contribute to the creation of emotional tension and explicate high intensity of experienced emotions. Besides, it is mentioned about the means of interjection such as hesitation, pauses, non-speaking and voiced pauses. Considerable attention is

paid to the pragmatic component of both the author and the character's statements meaning. In conclusion, an attempt to determinate a working definition of «psychological female prose» is made.

Общеизвестно, что литература развивает, обогащает и добавляет краски в душевную жизнь человека, а авторы произведений открывают читателю знания о его внутреннем мире. На сегодняшний день психологическая проза представляет собой один из наиболее популярных жанров литературы, главной особенностью которого является исследование внутренних переживаний, мыслей, чувств человека. Отличительной спецификой данной разновидности прозы является то, что реципиент наряду с ее чтением задумывается о себе, о жизни и делает определенные выводы. Это – поиск своего «я», попытка взглянуть внутрь себя, в литературоведении все это определяется как «психологизм». Г. Я. Гинзбург трактует его как «художественное познание душевной жизни» [2]. Наиболее выдающимися классиками психологической прозы выступают Стефан Цвейг, Сомерсет Моэм, Оноре де Бальзак, Дафна Дюморье, Эрих Мария Ремарк, Федор Михайлович Достоевский. Что касается современных писателей данного направления, их список пополняют такие яркие представители, как: Джон Ирвинг, Джонатан Франзен, Джуллиан Барнс, Элизабет Страут, Мариам Петросян.

Рассмотрение женской психологической прозы представляется актуальным. Одним из основных направлений в обозначенном ракурсе, по мнению автора данного исследования, является изучение особенностей гендерного определения женской литературы, ее жанров и таких составляющих, как языковая образность, психологизм и т.д. Женская беллетристика вызывает большой интерес как у обычных читателей, так и среди ученых. Она также является одним из разделов современного литературоведения, который требует детального рассмотрения и анализа. Это позволяет по-новому идентифицировать женскую прозу и раскрывает дополнительные возможности осмысления женского творчества в ретроспективном аспекте.

Творчество авторов-женщин, их способность создавать духовный продукт высокого эстетического качества на одном уровне с мужчинами – это сложный и дискуссионный вопрос. Слова «женское» и «мужское» представляют собой гендерные категории, сформированные обществом, которые благодаря языку закрепились в общественном и личностном сознании. Романы, созданные женщинами, отличаются многообразием затрагиваемых тем и обладают богатым набором сюжетных линий. Нет оснований заявлять о простоте сюжета, какой-либо ограниченности темы повествования или излишней сентиментальности, если произведения написаны женщинами.

Гендерные концепции в России стали широко распространены на рубеже XX–XXI вв. Публикуются статьи как отечественных, так и зарубежных

Key words: imagery, psychologism, tactics of reticence and aposiopesis, means of interjection, pragmatic emotive components, psychological female prose.

специалистов, в них художественные тексты интерпретируются посредством гендерного анализа, употребляется специальная терминология. В качестве классиков мировой прозы мы выделяем следующих писателей-женщин: В. Вулф, Н. Гардинер, М. Домбровская, А. Зегерс, А. Мердок, Т. Моррисон, М. Наварская, Дж. Остин, Ф. Саган, Жорж Санд, Н. Саррот. Мужская литература, отличавшаяся на тот момент богатыми традициями, оказывала значительное влияние своими женскими образами на творчество представительниц ранней женской литературы в России. Период с XVIII в. до середины XIX века явил миру такие имена в женской прозе, как Екатерина II, А. Панаева, Е. Ган, Н. Дурова, Е. Ростопчина и др. Вторая половина XIX в. прославилась следующими именами: А. Мирэ, М. Вовчок, М. Лохвицкая.

Свобода и независимость женщин в обществе, предоставление женщинам прав – все это и многое другое способствовало появлению и развитию женской прозы. Однако зачастую её представительницы брали себе мужские имена, например, Жорж Санд – псевдоним Авроры Дюпон, Марко Вовчок в действительности – Мария Маркович, В. Крестовский – это Надежда Хвоцинская, Лидия Веселитская писала под псевдонимом В. Микулич. Это было обусловлено общераспространенным суждением того времени, что художественное творчество – сугубо мужское дело. Изменение положения женщин в социуме во второй половине XX в. придало женской литературе самостоятельность. Зарубежная женская проза изначально проявила себя более смело, что объяснимо с точки зрения протекающих в Европе и Америке социально-политических процессов. Сама женщина-автор является там более свободной и, следовательно, более уверенно использует литературные приемы и литературные средства.

Сам термин «женская литература (проза)» очень распространенный и находится в употреблении уже достаточно долгое время. Ученые-лингвисты пришли к выводу, что данное словосочетание, в первую очередь, указывает на женское авторство, независимо от жанра, сюжета и тематики произведения, его пространства и времени, и других характеристик текста. Главным образом, это понятие представляет собой обобщенный результат литературной работы женщин-авторов в виде текстов, в которых изображается жизненный опыт, мир и быт женщин. О. Гаврилина в широком смысле трактует его как произведения, созданные женщинами, независимо от отношения автора к патриархальным традициям или его феминной позиции и отражения вышесказанного в его творчестве. Что касается узкого смысла данного понятия – это совокупность текстов, в основе

которых лежит женский взгляд на традиционные общечеловеческие проблемы [1]. Таким образом, исследуемая универсалия «женская проза» трактуется или в целом как художественное творчество женщин, или – с гендерологической точки зрения. Что касается аудитории, увлекающейся чтением изучаемого феномена, то она также в основном представлена женщинами. Нарратор женской прозы исследует социально-психологические и нравственные вопросы жизни современного человека, без обсуждения внешних факторов, но буквально проникая в его внутренний мир. Центральное место содержания произведений данного литературного направления занимает конфликт между героиней и героем. Текст же пронизан стилистическими приемами, для которых характерны повышенная эмоциональность и экспрессивность.

Анализ произведений писательниц с точки зрения гендерологии позволяет подразделить их на: а) те, в которых отражается мужское восприятие; б) в которых автор стремится идентифицировать себя с женским началом; в) те, в которых наблюдается попытка уйти от идентификации с каким-либо полом, при этом в произведении заметно преобладают маскулинные признаки. Широко используемый как в письменной, так и в устной коммуникации термин «женская проза», однако, вызывает сомнения о своей причастности к феминному гендеру. В дополнение к вышеописанной классификации женского творчества по гендерному признаку Н. Фатеева, Т. Мелешко и другие указывают на существование андрогинного типа (союз женского и мужского) и аннигиляционного типа (взаимоуничтожение, превращение двух начал в нечто третье) и уточняют, что:

1) женская проза – аналог мужской прозы, к которой можно отнести большую часть женских произведений советского периода о войне и восстановлении промышленности. Однако она является женской только благодаря тому, что создана авторами-женщинами;

2) андрогинный тип означает сочетание женских и мужских признаков;

3) аннигиляционный тип женской прозы подразумевает взаимное уничтожение женского и мужского начал;

4) существует феминный тип прозы [4].

Три последних типа являются наиболее распространенными в современной женской прозе.

Предметом психологической женской прозы, в которой автор раскрывает сложные движения человеческой души, что определяет композицию произведений в целом, выступают гендерные роли героинь. Жизнь этих персонажей, как правило, однообразна и обыденна, в ней нет места высоким идеалам и целям, однако именно в таких условиях перед читателем предстает внутренний мир женщин с их индивидуальностью и сложностью. Дни сменяют ночи, и, таким образом, создается по-своему уникальное повествование. Любовная тема, чувства и переживания главных героев являются канвой сюжета большинства

произведений женщин-прозаиков. Любовь передает социальную и биологическую специфику полов и в действительности представляет собой гендерно обусловленное явление.

Единство информации, заложенной и передаваемой авторами в психологических текстах, и большое число их различных типов представления – рассказы, повести, романы – все это, несомненно, оказывает влияние на форму, структуру и семантику произведений. При анализе психоэмоциональной сферы в художественном дискурсе необходимо также принимать во внимание жанровые особенности и типологическую принадлежность различных художественных произведений. Женская проза включает в себя элементы реализма (указывает на устоявшиеся семейные традиции и бытовой уклад жизни, традиционные ценности), исторического романа, мистики, приключений и т.д. С учетом жанровой специфики в женской психологической прозе можно, в частности, выделить иронический детектив и любовный роман.

Иронический детектив как разновидность жанра берет свое начало в конце девятнадцатого столетия. Одним из его родоначальников принято считать Джорджетт Хейер в Англии, Иоанну Хмелевскую в Польше. В России к представителям данного направления относят Д. Донцову, А. Маринину, Т. Устинову.

Говорящее название «иронический детектив» подразумевает наличие в этом виде детективного жанра свойств и характеристик классического детектива и иронической составляющей, которые органично сочетаются и образуют единое целое. При этом ирония, пронизывающая все произведение, оказывает значительное влияние на манеру повествования, которая также включает в себя юмор и пародию. В ироническом детективе зачастую высмеиваются штампы детективного романа. Противопоставление мужского и женского начал является еще одной характерной чертой иронического детектива. Автор произведения заведомо и преднамеренно отдает предпочтение женскому началу.

Главной характерной чертой женской литературы является любовная история. Любовный роман – один из самых популярных современных жанров. Это повествование о вымышленных или украшенных вымыслами случаях, событиях, в основе которых лежат романтические отношения между мужчиной и женщиной, и автор изображает их, акцентируя внимание на чувствах и переживаниях героев. Для женщин он это является способом самоидентификации. Произведения данного жанра значительно отличаются от мужской прозы и в какой-то степени представляют для читательниц идеальный мир, в который они «погружаются», считая его вполне реальным.

Структура любовного романа включает в себя определенные стандартные формулы, классические и проверенные опытом и временем формы художественного повествования. Все это отвечает требованиям и ожиданиям читателей.

В любовном романе применяется двойная идентификация, то есть через литературные штампы, не имеющие точной информации о героине, реципиенты используют свою фантазию и наряду с автором участвуют в создании образа героини. При этом автор передает героине какие-то свои личные качества, часть своей биографии и даже внешности.

Развитие романтических отношений двух людей является основой сюжета такого романа, в нем обязательно должны быть конфликт и кульминация, связанные с его основной темой. В романе могут присутствовать и другие сюжетные линии, не относящиеся к любовной стороне. Оптимистичный финал и эмоциональное удовлетворение читателя – главные условия успешного любовного романа.

Размышляя о женской психологической прозе, открывающей сложные движения человеческой души, данное направление в литературе можно назвать одним из самых ярких в плане образности текста. Это объясняется спецификой формы и структуры произведения, а также насыщенностью образами. Для языковой образности большое значение имеют стилистические средства языка и их принадлежность к традициям словесной культуры, где они формируют свое своеобразие и приобретают окончательный вид. Анализ лингвостилистической стороны произведений, процесса и результата текстообразования подчеркивает гендерную зависимость, которая может выражаться благодаря использованию различных тропов (метафора, эпитет), оксюморона, аффиксов, средств модальности, вставных конструкций; просторечной лексики; риторических вопросов, интертекста. Наряду со стилем, для прозы важно применение композиционно-языковых образных средств, которые воплощают текст в определенную форму.

Далее, для наглядного представления теоретических рассуждений вышесказанного будет приведен лингвистический анализ иллюстративного материала. Примеры выявлены в тексте романа Мариам Петросян «Дом, в котором...», вышедшего из-под пера в 2009 году. Согласно википедии, «в некоторых деталях сюжета нашли своё отражение эпизоды жизни писательницы. Она вспоминает, как в московский период своей жизни ей с мужем довелось пожить в двухкомнатной квартире, где обитали девять студентов-армян». Разберем следующее предложение:

Гниль, золотые зубы и подслеповатые глаза.

Аффиксы **под** в слове **подслеповатые** и **ки** в слове **глазки**, на наш взгляд, несут черты более женской манеры общения с ребенком, чем мужской.

Эмоциональная оценка в речи главного героя, одним из примеров которой является метафорическое выражение *забрасывать камнями*, описывающее окружающую действительность (новичка стыдят на собрании), также превалирует в текстах, созданных женщинами:

Полчаса меня забрасывали камнями, потом Джин постучал по столу ручкой и объявил, что обсуждение моей обуви закончено.

С. В. Чернова говорит о том, что слова на разном уровне смысловой совокупности способны придавать объекту описания яркость, живость, заставляя читателя по-своему интерпретировать смысл прочитанного текста, вызывая у него определенные чувства, особое отношение к событиям, главным героям, – и определяет это свойство как «образность». Художественный образ вызывает у читателя сопереживания, дает ему возможность мысленно представить внутренний мир персонажа, получать знания о глубинах человеческой души, а также осознать, что он обладает подобным опытом. Эстетическая интерпретация позволяет реципиенту идентифицировать себя с любым персонажем, обнаруживая в нем определенные сходства характера, чувств, хода мыслей, отношения к окружающему миру [6].

Образность предполагает поиск автором лексических единиц, обуславливающих женственность в языке и их использование для создания желаемого эстетического эффекта на реципиента. Ученые лингвисты предлагают изучать данный феномен в рамках филологического анализа, при этом не ограничиваясь только перечислением стилистических приемов. Исследование должно быть более глубоким и детальным, чтобы определить и продемонстрировать конкретные отношения и связи между этими самыми стилистическими приемами или феминизмами, создающими литературный образ, их развертывание в произведении независимо от объема текста.

Художественный образ – это результат передачи автором действительности с его творческой точки зрения. Художественный образ имеет непосредственную связь с художественным текстом и формируется в нем. В то же время художественный текст представляет собой набор отличительных характеристик различных литературных стилей и на всех уровнях языка (фонетика, морфология, лексика, синтаксис) использует выразительные средства (тропы, стилистические фигуры, сарказм, ирония, гротеск, различные приемы языковой игры). У этих средств есть функции придания речи выразительности, эмоциональности, эстетичности и усиления речевого воздействия образа. Художественный образ по своей структуре – это субъективно окрашенные и ассоциативно связанные характерные черты человека или окружающих его различных реалий, которые формируются у других людей (группы людей или даже поколения) через восприятие и воображение, а также посредством памяти и находят свое воплощение в языковой форме [6].

Так, образность женской психологической прозы делает возможным описывать душевные состояния людей и их внутренние процессы. Психологический анализ произведения очень важен для того, чтобы повествование и описание сопровождалось комплексом переживаний. Принято выделять прямой, косвенный психологизм и психологический анализ (внутренний монолог).

Писатель может изображать героя изнутри, при этом он как будто проникает в сознание, душу, непосредственно описывая все происходящее с ним в тот или иной момент, такой тип психологизма называется прямым. Прямая речь героя, устная или письменная, косвенная речь (внутренний монолог, его сны) составляют формы данного психологизма.

Косвенный психологизм – изображение особенностей речи, поведения, внешности героя, мимики, а также различные детали портрета, пейзажа, интерьера и т.д. Внутренний мир героя показан через внешние показатели, которые не всегда можно однозначно интерпретировать.

Психологический анализ – подробное описание внутреннего мира героя, анализ его душевного состояния и переживаний, внутренний монолог героя, т.е. обращение к самому себе.

Приведем пример психологического анализа. Так, через внутренний монолог героя автор произведения изображает общее состояние воспитанников Дома и вызывает у читателя сопереживание:

Чтобы смотреть на Гуля долго, нужно иметь стальные нервы. Поэтому я на него не смотрел. От моих нервов и так остались одни ошметки, незачем было лишний раз их терзать.

Благодаря применению того или иного типа психологизма при создании персонажа в своем произведении автору удается вызвать у читателя желаемое отношение к герою.

Произведения, написанные авторами-женщинами, имеют сложную структуру и оформление, что объясняется специфичной манерой описания и выражения чувств, отношений и мыслей героев. Для описания душевных переживаний героев в художественном тексте используются также и различные приемы, и методы психологизма в повествовании, например, такие, как молчание, целью которого является погружение героя в себя самого, в собственные мысли и чувства, и умолчание (в определенный момент писатель прекращает говорить о переживаниях героя, и читатель самостоятельно выполняет психологический анализ).

Использование данных приемов и методов возможно через интеръективные средства в виде хезитативов, пауз, неговоряния и вокализованных пауз. Молчание и умолчание имеют схожие характеристики: намеренное применение, полное (частичное) отсутствие вербального выражения, адресованность, целенаправленность, передача скрытой информации, обусловленность ситуативным контекстом, семантическое разнообразие. Приведем пример:

«Раздвинь рамки вселенной!» Коф. по чет. Спрос, деж. бар. «Лунную дорогу» №64. Только лицам в нестандартной обуви.

Дальше этого объявления я не продвинулся. Перечитал его. Потом поднялся строчкой выше. Опять спустился. Поглядел на свои кроссовки. Совпадение?

При помощи данных приемов и методов автор создает в тексте определенный уровень эмоциональности и напряженности одновременно, демонстрирует высокую интенсивность испытываемых эмоций, побуждает реципиента додумывать и достраивать высказывания, повышает выразительность речи [3].

Прагматический компонент смысла высказывания автора и персонажей с целевой направленностью воздействия на реципиента носят различный характер, чем и определяется весь ряд психоэмоциональных функционально-прагматических установок, реализуемых в авторском лексическом словаре, и этим обуславливается отношение человека к существованию в тексте психологической прозы. Применение средств различных уровней языка, которые служат для введения в сознание адресата некоторого лица-референта последующего повествования, формирует необходимый эмоциональный фон произведения и вызывает определенные чувства у читателя [5]. Продемонстрируем сказанное на примере, вызывающем у читателя сочувствие тому, в какой наводящей страх обстановке существует главный герой:

На меня вдруг накатило видение. Осязаемое просто до жути.

Я сижу в темной, сырой птичьей спальне. Окна заросли плющом и почти не пропускают свет. Всюду растения в горшках и в кадках. В центре комнаты – полуобвалившийся камин.

Эмоциональные прагматические установки авторов достаточно разнообразны, наряду с этим их набор ограничен способами передачи информации в открытой форме. Наиболее эффективными с точки зрения прагматических эмотивных установок являются пробуждение определенных чувств у читателя, информирование читателя о психоэмоциональном состоянии персонажей, пробуждение читателя к анализу чувств персонажей, информирование о многообразии передаваемого психоэмоционального состояния. Например:

Фотографии «многого достигших» оказались даже противнее, чем помнилось. Я представил среди них свою постаревшую и обрюзгшую физиономию, а на заднем плане – картины, одна кошмарнее другой. «Его называли юным Гигером, когда ему было тринадцать». Стало совсем тошно.

Установка вызвать определенные чувства у читателя имеет своей целью, в первую очередь, создание общей психологической атмосферы произведения и увеличение степени напряженности; она направлена на определенную коммуникативную реакцию читателя на некоммуникативные факторы, например, поведение персонажей и т.п.

Так, следующий абзац погружает читателя в угнетающую, мрачную, мучительную атмосферу интерната для детей-инвалидов:

Достаточно увидеть Дом, чтобы понять: он начал разваливаться еще в прошлом веке. Об этом же свидетельствуют замурованные камин и сложная система дымоходов. В ветре-

ную погоду в стенах завывает не хуже, чем в каком-нибудь средневековом замке. Сплошное погружение в историю. О традициях тоже все правильно. Царящий в Доме маразм явно придумывался несколькими поколениями не совсем здоровых людей. Следующим поколениям оставалось только все это «бережно хранить и размножать».

При реализации авторской интенции применяется установка информирования о психоэмоциональном состоянии автора, которая заставляет читателя переживать сходные чувства. При необходимости фокусироваться на психоэмотивном состоянии читателя в тексте используется экспликация психоэмоционального состояния автора, и в рамках данной экспликации происходит определение состояния читателя и изменение его в соответствии с атмосферой произведения.

Информировать читателя о психоэмоциональном состоянии действующих лиц и вызывать схожие переживания и чувства адресанту позволяет, в частности, портретное описание персонажей. Портрет как средство психологизма формирует ценности восприятия читателем того или иного литературного героя. Он может обладать психологичностью в разной степени. Женщина-прозаик наряду с описанием внешности и поступков героя вводит в произведения его личностные особенности, черты его характера, душевные переживания, чувства, мысли, отношение к другим людям и окружающему миру. Авторы применяют различные средства и приемы для характеристики портретов героев, а именно: повествование от первого лица, внутренний монолог, сравнение, жесты и движения, ирония и т.д. Все это способствует реализации целевого восприятия картины художественного произведения.

Следующие прилагательные, через которые автор иронично описывает директора интерна-

та, придают окружающей среде произведения безрадостную, душную, нездоровую, тлетворную атмосферу:

Акула сидел под огнетушителем и копался в бумагах. Сухой, пятнистый и мохнатый, как поросший лишайником пенёк. Брови, тоже пятнистые, серые и мохнатые, свисали на глаза грязными сосульками.

Следует также обратить внимание и на говорящие клички, пронизывающие весь текст романа, что характерно для произведений, созданных женщинами-прозаиками. В данном случае метафорическая кличка Акула описывает отношение детей к руководителю Дома, как к неприятному, раздражающему человеку.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что внутренний мир человека является одним из наиболее важных предметов художественной литературы; авторы произведения знакомят нас с неизведанными глубинами душевной жизни. Учитывая данный факт, мы предпринимаем попытку сформулировать рабочее определение «психологическая женская проза».

Его предлагается трактовать как социокультурный феномен создания литературных текстов женщинами, вне зависимости от их творческих позиций феминизма, с точки зрения конкретных прагматических эмоциональных установок, отражающих свой жизненный опыт во внутреннем мире персонажа, его переживаниях, поступках в совокупности с языковой образностью.

Жанровое многообразие исследуемого явления демонстрирует разносторонность тематики женской прозы. Именно поэтому женская литература смогла найти свое место как в русской, так и в мировой литературе и продолжает свое развитие и жанровое расширение, сохраняя традиции и внося значительный вклад в культуру.

Литература

1. Гаврилина О. В. Чувство природы как один из способов создания образа героини в женской прозе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб.: ЛГУ, 2009. № 2 (26). С. 105–114.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 450 с.
3. Ефимова О.Ю. Молчание и умолчание учителя в системе профессиональных речевых тактик: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ярославль: ИП «Лихачева», 2005. 21 с.
4. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2007. 234 с.
5. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: Книжный Дом, 2007. 448 с.
6. Чернова С. В. Художественный образ: к определению понятия // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-т. Киров: ВятГГУ, 2014. № 6. С. 109–116.

References

1. Gavrilina O. V. Chuvstvo prirody kak odin iz sposobov sozdaniya obraza geroini v zhenskoi proze (*Sense of nature as one of the ways to create the image of a heroine in the female prose*) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2009. No. 2 (26). P. 105–114.
2. Ginzburg L. Ya. O psikhologicheskoi proze (*About the psychological prose*). Leningrad: Khudozhestvennaya literature publ., 1977. 450 p.
3. Efimova O. Yu. Molchanie i umolchanie uchitelya v sisteme professional'nykh rechevykh taktik (*Reticence and aposiopesis of a teacher in the system of professional speech tactics*): abstract of thesis. Yaroslavl: Likhachev publ., 2005. 21 p.
4. Pushkar' G. A. Tipologiya i poetika zhenskoi prozy: gendernyi aspekt (na materiale rasskazov T. Tolstoy, L. Petrushevskoi, L. Ulitskoi) (*Typology and poetics of the female prose: gender aspect (based on the stories of T. Tolstaya, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya)*): abstract of thesis. Stavropol': SSU publ., 2007. 234 p.

5. Filimonova. O. E. *Emotsiologiya teksta (Emotionology of the text. Analysis of the representation of emotions in the English text)*. St.Petersburg: Knizhnyi Dom publ., 2007. 448 p.

6. Chernova S. V. *Khudozhestvennyi obraz: k opredeleniyu ponyatiya (Word-picture: to the definition of a concept)* // *Vestn. Vyat. gos. gumanit. un-t. Kirov: VyatGGU*, 2014. No. 6. P. 109–116.

Сведения об авторе

Горжая Аlesia Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / alesya_velichko@mail.ru

Information about the author

Gorzhaya Alesya – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / alesya_velichko@mail.ru

УДК 811.161.1

В. М. Грязнова

СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается специфика словообразования местоименной лексики русского говора старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края, которые после нескольких веков вынужденной эмиграции вернулись в 1962 году в Россию и поселились в поселках Левокумского района Ставропольского края. Объект изучения – местоименные слова, в состав которых автор, наряду с классическими местоимениями, включает местоименные наречия, сходные по своему значению и функциям с традиционными местоимениями. Предмет исследования – словообразовательные характеристики местоименных слов говора казаков-некрасовцев. Материал изучения – записи речи носителей говора старообрядцев казаков-некрасовцев, проживающих в Левокумском районе Ставропольского края, сделанные автором во время полевых экспедиций. В ходе анализа материала выявляется реализация в говоре казаков-некрасовцев таких тенденций развития словообразовательной системы общенационального русского языка, которые не поддерживаются характерными для литературного языка сознательными установками на нормализацию. В статье на материале местоименной лексики говора казаков-некрасовцев опи-

сываются факты нарушения неглобальных запретов в области норм словообразования, а также случаи использования ресурсов общенационального русского языка. Автор выявляет местоименные лексемы, отсутствующие в русском литературном языке: это десять новых словообразовательно мотивированных местоименных наречий и одиннадцать новых мотивированных указательных местоимений – и описывает модели словообразования местоименной лексики, не существующие в русском литературном языке и свойственные только говору старообрядцев казаков-некрасовцев Ставропольского края. К ним относятся префиксальные, префиксально-суффиксальные, префиксально-постфиксальные, постфиксальные модели, словообразовательная игра, модели чистого сложения. В статье акцентируется, что все названные словообразовательные модели не описаны в таком фундаментальном труде, как Русская грамматика-80, в котором даже нет раздела, посвященного словообразованию местоимений.

Ключевые слова: говор, казаки-некрасовцы, местоимение, словообразование.

Violetta Gryaznova

THE SPECIFICS OF WORD-FORMATION PRONOMINAL VOCABULARY IN THE DIALECT OF OLD BELIEVERS NEKRASOV COSSACKS IN STAVROPOL KRAI

The article deals with the specifics of the word formation of pronominal vocabulary of the Russian dialect of old believers Cossacks-Nekrasov in Stavropol Krai, which, after several centuries of exile, returned in 1962 to Russia and settled in the villages of Levokumsky district, the Stavropol territory. The object of the study is pronominal words, in which the author, along with classical pronouns, includes pronominal adverbs that are similar in meaning and function to traditional pronouns. The subject of the study is the word-formation characteristics of pronominal words of the Cossacks-Nekrasov dialect. The material of the study is recordings of the speech of speakers of the old believers' dialect of the Cossacks-Nekrasov, living in the Levokumsky district of the Stavropol territory, made by the author during field expeditions. The analysis of the material reveals the implementation of such tendencies in the speech of the Cossacks-Nekrasov in the development of the word-formation system of the national Russian language, which are not supported by the conscious attitudes to normalization characteristic of the literary language. The

article uses the material of the pronominal vocabulary of the Cossacks-Nekrasov dialect to describe the facts of violation of non-global prohibitions in the field of word formation norms, as well as cases of using the resources of the national Russian language. The author identifies pronominal lexemes that are absent in the Russian literary language: ten new word-formatively motivated pronominal adverbs and eleven new motivated demonstrative pronouns, the author also describes models of word-formation of pronominal vocabulary that do not exist in the Russian literary language and are peculiar only to the speech of the old believers of the Cossacks-Nekrasov of the Stavropol territory. These include prefixal, prefixal-suffixal, prefixal-postfixal, postfixal models, word-formation game, and pure addition models. The article emphasizes that all these word-forming models are not described in such a fundamental work as Russian grammar-80, which does not even have a section dedicated to the word-formation of pronouns.

Key words: dialect, Cossacks-Nekrasov, pronoun, word formation.

Объектом данной работы является макроклас «Местоименные слова», входящий в лексику казаков-некрасовцев Ставропольского края, которые после более чем трехсотлетнего проживания в Турции вернулись в 1962 г. в Россию и поселились в поселках Ставропольского края. Наряду с традиционно выделяемыми местоимениями, мы включили в него «полуместоименные слова», которые по своему значению, функциям, семантике к классическим местоимениям. В работе проводится сопоставление словообразовательной системы говора казаков-некрасовцев Ставропольского края со словообразовательной системой литературного языка к тому, что описываемый говор относится к островным, сложившимся в изоляции от общенационального русского языка. Сопоставление с другими русскими говорами также не проводится.

В целом состав макрокласа «Местоименные слова» по своему происхождению представляет собой лексику, либо усвоенную из древнерусского и великорусского языка, либо лексику собственно говора. Непроизводные местоимения преобладают в силу того, что данный макроклас относится к древнейшей лексике, усвоенной русским языком из языков-предков. Заимствованная местоименная лексика отсутствует.

Большинство местоименных слов говора казаков-некрасовцев и форм этих местоименных слов являются вариантами соответствующих слов общенационального языка.

В то же время в составе макрокласа «Местоименные слова» находим местоименные лексемы, отсутствующие в русском литературном языке: 1) это 10 словообразовательно мотивированных местоименных наречий: туды-сюды, окады, о-куды-о, о-как-о, утак, утам, щяво-нищяво, 2) это 11 новых указательных местоимений: ун-той-та-та, утой-та, утая-та, той-та, тая-то, те-те, теи-те, та-я-ента, утетот, утета, отета.

Предметом работы является словообразовательная система говора в рамках местоименной лексики.

1. Местоименные наречия

1.1. Местоименные префиксальные модели.

Модель префикс о- + местоименное наречие с относительным значением «временной отнесенности к обстоятельному признаку, выраженному мотивирующим словом» от местоименного наречия говора када (аллофон общенациональной лексемы когда): окады – ‘после, потом, спустя некоторое время, после, позднее’ (Я вышла замуш втарова июня, акады, ф сентябре, мы сюды пришли. – Пастафь туды, о-кады пабаню). В связи с тем, что говор казаков-некрасовцев исторически восходит к донскому говору, уместно отметить, что в Большом толковом словаре донского качества лексема окады не отмечена [1].

Модель префикс у- + местоименное наречие с модификационным значением уточнения способа действия, осложненного значением определенности, от местоименного наречия общенационального языка так: утак – ‘именно таким образом,

именно так’ (Внучки гаварять: «Бабушка, нет, там утак нада, там утак нада». – Вот начинаю ету скаску, а Дашулька, ана паказываить пальцы, што, бабушка, нитак, ф книшки утак написана).

Модель префикс у- + местоименное наречие с модификационным значением уточнения места, осложненного значением определенности, от местоименного наречия общенационального языка там: утам – ‘вот там, именно там’ (Да, помню, утам брала).

Очевидно, этимологически приставка у- является фонетическим вариантом приставки ун-, которая, в свою очередь, восходит к указательному местоимению он. В синхроническом аспекте мы рассматриваем данный фрагмент местоимений утам, утак как диалектную приставку.

Названный вид префиксального способа образования местоименных наречий (префикс о- в сочетании с местоименной мотивирующей базой), по данным Русской грамматики-80 (РГ-80), не встречается в словообразовательной системе национального русского языка, является характерным только для изучаемого говора.

1.2. Местоименные префиксально-суффиксальные модели. Модель префикс о- + местоименное наречие + суффикс -о- с модификационным значением «усиления признака пространства, названного мотивирующим словом, осложненным значением определенности», от местоименного наречия говора куды (аллофон общенациональной лемемы куда): о-куды-о – ‘вот сюда, именно сюда’ (Вот касишки, видитя, касишки мы, женщины, втыкали о-куды-о, вот сюда. – Стой, ни наступай о-куды-о. – Вострав был и песок. Мы дашли туды, зацинули рыбалять. Я ей сказала: «Я буду тут, а ты иди о-куды-о).

Модель префикс о- + местоименное наречие + суффикс -о- с модификационным значением «усиления признака способа действия, названного мотивирующим словом, осложненным значением определенности», от местоименного наречия общенационального языка как: о-как-о – ‘именно таким образом, таким образом, вот так’ (Девачка пакрывалась о-как-о сверху, а ета уже па-бапски пакрытая называли. – Лотачка малинькая, о-как-о свидённая. - Сазанщика, самёнашка, щучёнака в мяшочик складём, камышом-мамышом о-как-о закроим, дамой идём).

Модель префикс о- + местоименное наречие + суффикс -о- с модификационным значением «усиления признака способа действия, названного мотивирующим словом, осложненным значением определенности», от местоименного наречия говора тако (аллофон общенациональной лемемы так): о-тако-о – ‘вот так, именно таким способом’ (У наз домики статья о-тако-о, ежли пажар, то ни уталиш. — А ани фпиряди живуть, а мы-та пазади о-тако-о, дома щитыри праходить, да мы живём).

Названный вид префиксально-суффиксального способа образования местоименных наречий и вообще наречий (префикс о- в сочетании с суффиксом -о-) не встречается в словообразова-

тельной системе национального русского языка, является специфическим, свойственным только говору казаков-некрасовцев.

1.3. Местоименные модели чистого сложения. Модель указательное местоимение + другое указательное местоимение (без соединительной гласной) с соединительным значением: туды-сюды – 'о неопределённом не очень большом отрезке времени'. Необходимо отметить, что соединение двух указательных местоимений противоположной степени удаленности привело к формированию указательно-неопределённого значения, в котором степень удаленности является не актуальной. В Большом толковом словаре донского качества данная лексема не отмечена [1].

Примеры таковы: Мы пайдем, афщики паставим и купаимси, туды-сюды и начала чайка сацица, значить, пашла рыба, идёш и иё падираиш. – Сахар варицца пашти час, пышачки пикёш аддельна в рускай пещки, туды-сюды и их ламаиш, сироп на стол ставиш. В литературном языке местоименное наречие туда-сюда употребляется в значении «в ту и в другую сторону, в разные стороны» [3, р. 804]. В таком значении оно бытует и в речи казаков-некрасовцев Ставропольского края: Да ни даляко, вот хати, а ф паля напяр-мыи идём, туды-сюды, па ету и ту сторану.

Местоименное наречие туда-сюда в значении 'о неопределённом не очень большом отрезке времени' в общелитературном русском языке не отмечено. Очевидно, оно возникло в результате такого метонимического переноса, как: 'признак признака пространственного характера – признак признака временного характера'. Названный метонимический перенос в целом свойствен семантической системе говора. Так, наречия говора с корнем перёд (наперёж, сперёд, наперёд, вперёд) демонстрируют амбивалентное восприятие времени некрасовцами:

1) временные значения подобных наречий: Фпиреди («раньше, сначала») в адной компати жыли фсей симей: радитили, мы з жаною, брат, бабушка, тут жа примус был, тесна, но рай. – Бабушка рассказывала, што перва («раньше, сначала») сяло было очинь бальшая, ат маста дъ маста. – Два сяла в Расию напирёш (раньше, сначала) нас ушли. – Спирёт («раньше, сначала») атец Трифан был, апирацию иму зделали, и вон умир, и атца пъстанавили люди. Преди («прежде») мужьки нашы рыбалили да шысти месицаф, хазяин и деньги платил, и рыбу давал;

2) пространственные значения подобных наречий: Мы пашли с ней на азира ети рыбалить, идём круга, озир ни наш, хазяйский, она фпирёт («в переднюю сторону»), я за ней. – Брат идёть напирёд («в переднюю сторону»), а я ззади, вон топнить, я праваливаюсь в грязя) – Лиш один карабличик напирёш («в переднюю сторону») бягить. – Кукошник застябаицца спирыда («на передней стороне»).

Е. Е. Левкивская так пишет об этом семантическом переносе: «Пространство не отделено от времени, образуя с ним единый хронотоп,

в рамках которого фиксируются и осмысливаются события» [5, р. 305]. Уместно также отметить, что в Сл. Даля наречие вперед имеет два значения: пространственное и временное: вперед 'наречие местности и времени: движение в переднюю сторону, где почитается перед //наперед, прежде' // напредки, в будущее время, после, впрядки» [3, р. 622].

Кроме того, значения названных наречий также демонстрируют архаическое восприятие времени казаками-некрасовцами – из настоящего в прошлое, когда прошлые события всегда впереди. Для нас стрела времени направлена из настоящего в будущее, поэтому прошлые события сзади.

Способ сложения не характерен для словообразования местоимений литературного русского языка, является специфическим, характерным именно для изучаемого говора.

1.4. Местоименные модели, относящиеся к словообразовательной игре. Историки старообрядчества полагают, что «не менее важной чертой характера старообрядцев было свободолобие» [6, р. 85]. Полагаем, что одним из проявлений свободолобия старообрядцев является креативность языкового сознания носителей говора казаков-некрасовцев, которая ярче всего выражается в языковой игре, свойственной их речи. Языковую игру определяют как эстетически заданное свободное отношение к форме речи, с установкой на шуточные номинации, новизну формы. Языковая игра характерна для непринужденного общения. В речи некрасовцев она проявляется в словах типа тряпки-мряпки – «одежда», куфни-муфни, камыш-мамыш, крёсная-мрёсная – «родственники по крещению», десятёрка-пятёрка – «небольшое количество денег».

Приведем примеры из речи носителей говора: А в Ражаство хадили, славили, Христа славили, давали им деньги-шменьги. – Ну он там мне спирту-мирту на виноделии дал, сумашку ета. – Рыбу в мишочик складём, камышом-мамышом закроем, он жа, возир-та, ни наш, хазяйский. – Пакупали фсё, што твая душыцца хочить: тряпки-мряпки, брусветы. – Все равно стол накрывали, стол накроють, приготують, пославують, садитися победайте, садитися покушайте, а как пославили, дала там десятёрку-пятёрку, и они спасибо, спаси Христос и накаишься сполна. – А на земле еще само-собой цветы сажали: коксы-моксы, черноривочки, шапки, хризантемы, все цветы были.

Таких слов в говоре некрасовцев немало. Это мотивированные лексемы класса «Органический мир» (подклассы «Человек», «Трудовая деятельность», «Быт»). Анализ показывает, что второе слово, слово-эхо, начинается чаще всего со звука [м], но встречаются также начальные звуки [п], [ш], [б], [к]. Исследователи языковой игры считают, что прием рифмованного эха свойствен тем носителям русского языка, которые соседствуют с тюркским населением [4, р. 193]. Казаки-некрасовцы Ставропольского края в течение нескольких веков жили в окружении тюркоговорящего

общенационального языка, является уникальным, характерным именно для изучаемого говора.

В целом словообразовательная специфика мотивированных местоименных слов в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края такова: преобладают префиксально-суффиксальный и префиксально-постфиксальный способы образования, присутствует постфиксальный, префиксальный способ образования, способ сложения слов, языковая игра.

Вся представленная производная местоименная лексика говора имеет в качестве производящих указательные местоимения или указательные местоименные наречия с частными значениями указания на пространство (чаще всего), время, образ действия и относятся к древнерусскому языку (той, тая), или к говору (фонетические варианты общенационального языка куды, кады, ента), или к общенациональному языку (как, так).

По основному, наиболее общему семантическому компоненту словообразовательного значения изучаемой местоименной лексики выделяются три вида значений: модификационные (преобладающие), относительные, соединительные.

Большая часть словообразовательных моделей говора казаков-некрасовцев не функционирует в русском литературном языке и является специфической реализацией деривационных возможностей, существующих в русском национальном языке. Специфические словообразовательные модели макрокласса «Местоименная слова» говора казаков-некрасовцев входят в типичные для общенационального языка способы словообразования, однако эти способы словообразования (или их виды) используются в других частных частеречных словообразовательных системах общенационального языка, а в рамках местоименной лексики не используются.

В составе словообразовательных местоименных моделей говора, характерных только для него, есть такие, которые относятся к классическим словообразовательным моделям, так как, являясь малопродуктивными (по ним образовано не одно местоимение), соответствуют признаку серийности:

1) модель формант у- + мест. + постфикс -то: утой-та-, утая-та;

2) модель формант о- + мест нар. + -о: о-куды-о, о-как-о;

3) модель формант ун- + мест. + удвоенный постфикс -то-то: ун-той-та-та, ун-тая-та-та.

Остальные специфические модели говора к моделям могут быть отнесены с натяжкой, так как не обладают признаком серийности (воспроизводимости):

а) модель формант о- + мест. нар.: окады;

б) модель чистого сложения слов: тая-ента.

В современном русском литературном языке система словообразования местоимений отсутствует, так как ее формирование относится к далекому прошлому русского языка. В Русской грамматике-80 даже нет раздела «Словообразование местоимений». В силу этого, даже сам факт существования местоименной словообразовательной системы в говоре казаков-некрасовцев демонстрирует творческий характер языковой деятельности его носителей.

В лингвокультурологическом аспекте в специфике семантики и структуры местоименной лексики говора мы видим стремление старообрядца к порядку (т.е., к системности форм и парадигм), а также ярко выраженную самостоятельность и творческую составляющую: возникновение 21 нового местоименного слова в давно устоявшемся и традиционном классе слов русского языка.

Литература

1. Большой толковый словарь донского качества. М.: Русские словари Астрель-Аст, 2003. 608 с.
2. Объяснительный словарь русского языка. М.: Астрель-Аст, 2002. 423 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: «АЗЪ», 1994. 907 с.
4. Русская разговорная речь. М.: Наука. 1983. 238 с.
5. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И.Толстого. Т.1-4. Т.4. М.: Международные отношения, 2012. 656 с.
6. Таранец С. Старообрядчество в Российской империи (конец XVII – начало XX века). Т.2. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. 687 с.

References

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' donsogo kachestva (*Large explanatory dictionary of don quality*). Moscow: Russian dictionaries Astrel-AST publ., 2003. 608 p.
2. Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka (*Explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: Astrel-AST, 2002. 423 p.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (*Explanatory dictionary of the Russian language*). Moscow: «AZ» publ., 1994. 907 p.
4. Russkaya razgovornaya rech' (*Russian colloquial speech*). Moscow: Nauka publ., 1983. 238 p.
5. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar' (*Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*) / ed by N. I. Tolstoy). In 4 Vols. Vol.4. Moscow: International relations publ, 212. 656 p.
6. Taranets S. Staroobryadchestvo v Rossiiskoi imperii (konets XVII – nachalo XX veka) (*Starobryadchestvo in Rossiiskoi Imperia (konets XVII – nachalo XX veka)*). Vol.2. Kyiv: Institute of history of Ukraine, national Academy of Sciences of Ukraine publ., 2013. 687 p.

Сведения об авторе

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / violetta-sgy@mail.ru.

Information about the author

Gryaznova Violetta – Dr. of Philology, Professor, Russian language Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / violetta-sgy@mail.ru

УДК 811.161.1

Н. С. Ковалев

ПЕРЕХОДНОСТЬ СЛОВ-ПРЕДЛОЖЕНИЙ: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ДИНАМИКИ

В статье говорится о специфике категории слов-предложений как зеркала коммуникативной динамики. Предметом исследования являются преобразования в области русскоязычной коммуникации, фиксируемые в процессе современного употребления слов-предложений в речевой деятельности. Кроме того, в статье рассматриваются особенности переходности С.-П. как единиц межуровневого плана с опорой на труды отечественных и зарубежных лингвистов. Авторский подход к пониманию С.-П. базируется на принципах структурно-семантического подхода с учётом их коммуникативно-дискурсивного и антропогенного статуса. Кроме того, в работе применяется принцип динамического равновесия между модусом и диктумом как средство осмысления синкретичных звеньев, связывающих категорию С.-П. с другими явлениями языка. Следуя данному принципу, были проанализированы зоны синкретизма С.-П. с двусоставными и односоставными предложениями, неполными предложениями, фразеологизмами, мимическими и невербально-графическими средствами дистанционной коммуникации. На примере заимствований из виртуального общения продемонстрирована особенность С.-П. отражать актуальные изменения в общении на русском языке. В статье осуществлялась

попытка осмыслить актуальные тенденции коммуникативной динамики, реализуемые в сфере употребления С.-П. Опираясь на результаты проведенного исследования, охватывающего различные группы говорящих на русском языке, был выявлен ряд положений, связанных с особенностями функционирования С.-П. современного русского языка. Исследование охватывает не только сферу устной речи, но и область т.н. виртуального общения. Анализ С.-П. и близких к ним по определённым признакам речевых единиц осуществляется с опорой на принцип динамического равновесия, который позволяет по-новому осмыслить синкретичные синтаксические образования, связанные с категорией С.-П. Среди таковых выделяются С.-П. с существительным в именительном падеже в качестве главного компонента, глагольные односоставные предложения с ярко выраженной модальностью, высказывания-описания соответствующей эмоции человека, связанной с невербально-графическими элементами виртуального общения.

Ключевые слова: слова-предложения, синкретизм, коммуникативная динамика, Интернет-коммуникация, невербально-графические средства, принцип динамического равновесия.

Nikolay Kovalev

TRANSITION OF SENTENCE WORDS: ASPECTS OF MODERN RUSSIAN COMMUNICATIVE DYNAMICS

The article studies specifics of the category of sentence words as a mirror of communicative dynamics. The subject of the study is the transformation in the field of Russian language communication, fixed in the process of modern use of sentence words in speech activity. In addition, the article discusses the features of transition of S.-W. as units of an inter-level plan based on the works of domestic and foreign linguists. The author's approach to understanding S.-W. is based on the principles of structural-semantic approach, taking into account their communicative-discursive and anthropogenic status. In addition, the principle of dynamic equilibrium between modus and dictum is used in the work as a means of understanding the syncretic links connecting the category S.-W. with other phenomena of the language. Following this principle, the syncretism zones of S.-W. with two-part and one-part sentences, incomplete sentences, phraseological units, facial and non-verbal-graphic means of distance communication were analyzed. Using borrowing from virtual communication as an example, the S.-W. reflect current changes in communication in Russian. The

article attempted to comprehend the current trends in communicative dynamics implemented in the sphere of using S.-W. Based on the results of a study covering various groups of speakers in Russian, a number of points were identified related to the functioning of S.-W. modern Russian language. The study covers not only the sphere of oral speech, but also the area of the so-called virtual communication. The analysis of S.-W. and speech units close to them by certain signs is based on the principle of dynamic equilibrium, which allows a new understanding of syncretic syntactic formations associated with the S.-W. category, among which the following S.-W. are specified: with a noun in the nominative case as the main component, single-verb sentences with pronounced modality, statements-descriptions of the corresponding human emotion, correlating with non-verbal-graphic elements of virtual communication.

Key words: sentence words, principle of dynamic equilibrium, communicative dynamics, syncretism, non-verbal-graphic elements, Internet-communications.

Природа языка подразумевает присутствие в нём таких явлений, которые не вписываются в разрабатываемые исследователями типологии и таксономии. Так, в свое время «вне» системы частей речи оказывались многие звукоподражания [28] «вне» системы синтаксиса – некоторые слова-предложения [10].

Сложная, зачастую амбивалентная природа подобных явлений оказывается препятствием для однозначной классифицирующей интерпретации, основанной, как правило, не на многомерной, а более простой систематизации [15]. Однако граница между системой и «внесистемностью» весьма условна, и языковая единица – под влиянием различных условий, главным из которых является употребление в определенной коммуникативной ситуации как реализация определенных прагматических интенций говорящего (антропогенный фактор) – переходит из зоны периферии в ту или иную позицию системы, меняя свой языковой статус, семантику, функцию, что позволяет говорить о синкретизме таких единиц [2].

Зона периферийных и промежуточных образований отличается более богатой языковой семантикой и разнообразными синтаксическими функциями, фиксируемыми не только в диахронном плане переходности единиц, но и в синхронном [2]. И именно область синкретизма синтаксических единиц, элементы которой совмещают дифференциальные признаки категорий, обуславливают постоянные изменения в соотношении морфологических категорий [11].

Ярким примером языковых единиц периферийного типа выступают *слова-предложения* (далее – С.-П.). Данным термином академик В. В. Виноградов обозначил выделенную им группу речевых элементов, включающую 1) утвердительные и отрицательные слова (*конечно, нет*); 2) модальные слова и частицы (*Верно!; Едва ли!*); 3) междометия и слова, близкие к междометиям (*Ох; Ура!*) [8, р. 83].

На современном этапе развития лингвистической науки очевидна актуальность подхода к С.-П. русского языка как к особой категории, которая не только занимает переходную позицию в системе языка, но и является «зеркалом» изменений в коммуникативном пространстве, оказывающемся под очевидным воздействием лингвоперсоналогического фактора, который позволяет соотнести прагматические ресурсы структурно-семантического отрезка с решением конкретных коммуникативных задач, стоящих перед языковой личностью говорящего.

Коммуникативно-дискурсивный и антропогенный статус С.-П. заключается в специфике и вариативности их употребления. Представить без них речевую деятельность не представляется возможным, поскольку именно С.-П. выступают в качестве основных элементов *диалога*, поддерживая смысловое и формальное единство высказывания, выражая моменты субъективной и объективной модальности, участвуя в формировании экспрессивно-оценочного и метатекстового фона

общения. Поэтому изменения коммуникативной составляющей русского языка, фиксируемые в процессе современного употребления слов-предложений в речевой деятельности, представляют научно-исследовательский интерес.

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности структуры и употребления С.-П. русского языка в конкретных условиях коммуникативно-дискурсивной динамики. При этом предполагается решить ряд научно-исследовательских задач: выявить особенности категории С.-П. как группы единиц межуровневого плана и проанализировать изменения, происходящие в коммуникативном пространстве современного русского языка и влияющие на трансформацию употребления рассматриваемых явлений.

В истории грамматических исследований С.-П. трактовались по-разному. Так, Л. В. Щерба приравнивал С.-П. с эмоциональным содержанием к междометиям (элементы с особой синтаксической ролью), с нейтральным – к предложениям [30]. А. М. Пешковский, отводил для С.-П. место вне синтаксиса по причине отсутствия главного для предложения – порядка слов [21], тогда как А. А. Шахматов включил С.-П. в систему одноставных предложений, аргументируя это соответствием эмоций «единицам выражения мысли» [29].

Несмотря на мотивированность каждой точки зрения, в её доказательной базе всегда присутствуют исключения. Взять, например, вопрос о соотношении рассматриваемых единиц с предложением или высказыванием у Л. В. Щербы, когда междометия ярко выраженной эмоциональной составляющей типа «*Чёрт побери*» легко становятся полным предложением, если добавить указательное местоимение («*Чёрт вас побери*») [30, р. 67–68]. В трудах же А. М. Пешковского подобные предложения не считаются таковыми, если состоят из междометий; в то же время приводимое этим учёным в пример образование «*Нет вы, господа, ой-ой-ой*» из произведения И. С. Тургенева, признается предложением, поскольку *ой-ой-ой* выражает конкретное значение, свойственное сказуемому [21, р. 280].

Выделение В. В. Виноградовым С.-П. как синтаксической категории было призвано решить назревшую проблему унифицированного подхода к данным единицам и базировалось на структурно-семантическом основании систематизации, учитывающем как форму, так и роль в речевой деятельности, Главным фактором, позволяющим воспринимать С.-П. как предложения, по мнению В. В. Виноградова, является модальность, а также экспрессивность как одна из её составляющих.

Вместе с тем, виноградовская концепция С.-П. не исключает наличия элементов, которые не входят в категорию С.-П., хотя обладают достаточными характеристиками. Речь идет об однословных предложениях со значением благодарности, звукоподражаниях и др.

Определение статуса С.-П. в русском языке интересуют и современных исследователей. Так, в работах В. Ю. Меликяна С.-П. интерпретируют

ся как «коммуникемы», представляющие собой категорию синтаксических фразеологических единиц (СФЕ) [16, 17, 18].

Данная точка зрения представляет несомненный интерес. Учёный разделяет фразеологические единицы на лексические (ЛФЕ) и синтаксические (СФЕ). Формальные признаки ЛФЕ основываются на комбинировании слов (синтаксический уровень), а семантические – на выполнении номинативной функции (лексический уровень) [26, р. 8–10]. К этой группе относятся фразеологизмы, равные по значению одному слову, как «сидеть сложа руки» = «бездельничать», «белая ворона» = не такой как все». Даже некоторые фразеологические предикативные сочетания входят в состав ЛФЕ, поскольку «функционируют как номинативные единицы, выражая лексическое значение (лексический уровень), например: карта бита («потерпел полную неудачу), карачун пришел («внезапно умер, скончался, погиб»)» [26, р. 8–10].

В отличие от ЛФЕ, по мнению В. Ю. Меликяна, СФЕ имеют форму высказывания (синтаксический уровень) и семантику, подобную значению междометий и частиц (лексический уровень) [26]. СФЕ совмещают в себе «два пропозициональных плана (диктумный и модусный), что обуславливает их экспрессивность, функциональный динамизм и высокий уровень антропоцентризма» [17, р. 78–79]. По всем этим признакам в эту группу входят и С.-П., демонстрируя свою двойственную, переходную природу, что выделяет их среди других элементов данной категории (фразеосхем, устойчивых моделей, устойчивых оборотов). Кроме того, В. Ю. Меликян отмечает, что в процессе формирования промежуточного уровня для СФЕ (коммуникем, С.-П.) последует необходимость в определении не одного, а нескольких таких уровней, среди которых можно выделить периферию лексического и синтаксического яруса и т.д. [26, р. 10–11].

Разграничивая сферы действия фразеологических и синтаксических единиц, мы относим С.-П. к последним и считаем правомерным придерживаться традиционного структурно-семантического подхода к ним как фактам функционально-прагматической зоны синкретизма, с характерным для нее когнитивно-дискурсивным и коммуникативно-прагматическим потенциалом.

Категориальная специфика С.-П. позволяет определять их как синкретичные образования, которым свойственна дифференциальность в семантическом, функциональном и грамматическом плане [2]. Именно синкретизм С.-П., отражающий изменения в области употребления рассматриваемых образований, выступает в качестве одного из доказательств того, что при употреблении С.-П. обнаруживаются диахронные и синхронные трансформации, отражающие коммуникативную динамику как в самом современном русском языке, так и в речевом поведении его носителя.

В самом деле, В. В. Виноградовым формы выражения благодарности, звукоподражания и эл-

липтические предложения, выводимые В. В. Виноградовым за пределы области действия С.-П., в условиях речевого общения могут восприниматься иначе. Например, использование особой эмоционально-ироничной интонации и усиительно-модальных элементов «ну», «да», «ух», «пряма», «блин» и т.д. очевидно влияет на восприятие привычной для понимания *благодарности*, выражение которой приобретает противоположное значение при незначительных или отсутствующих изменениях формы, ср.:

[Елена, жен] Обалдеть.

[Алла Владимировна, жен] Ага/ привезли.

[Елена, жен] Привезли.

[Алла Владимировна, жен] Они уехали/ а у меня к вечеру тридцать восемь/ я говорю/ «Ну спасибо/ детки».

[Елена, жен] Да. Наградили. [19]

Среди многочисленных примеров употребления неполных предложений также можно выделить синкретичные образования, которые могут соответствовать характеристикам традиционно выделяемой категории С.-П. Эллиптические конструкции, как и С.-П., активно используются в диалогической речи, поскольку в процессе коммуникации между осведомлёнными о теме (дискурсе) индивидами осуществляется тенденция намеренного пропуска элементов речи для позитивного изменения скорости обмена информацией (прагматическая тенденция). При определённых коммуникативных обстоятельствах однозначность восприятия эллиптических конструкций разрушается. Например, еще в гоголевском «Ревизоре», почти двести лет назад, мы встречаем:

– Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. (Отворяя дверь.) Муж! Антоша! Антон! (Говорит скоро.) А все ты, а все за тобой. И пошла копать: «Я булавочку, я косынку». (Подбегают к окну и кричат.) Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

– После, после, матушка!

– После? Вот новости - после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (С пренебрежением.) Уехал! Я тебе вспомню это! (Н. В. Гоголь)

Выделенное «после?» включает в себе выражение отношения, говорящего к сообщаемому (возмущение, негодование, несогласие), определяемое как модальность, причем здесь явно присутствует ярко выраженная эмоциональность. Из этого следует, что «после?» не выполняет пропозитивно-номинативную функцию, а является эквивалентом эмоционально-оценочных С.-П. Так, в устной речи можно встретить значительное количество примеров употребления неполных предложений в качестве носителя только модального и эмоционального значения, сопровождаемой подходящей для этого интонацией.

На наш взгляд, синкретизм, свойственный С.-П. как структурно-семантической категории в целом, имеет множество различных по характеру личностно-дискурсивной и коммуникативно-прагматической реализации проявлений, маркирован-

ных конситуацией общения (коммуникативным контекстом), что обуславливает наличие множества переходных, периферийных зон. Казалось бы, одним из путей решения этой проблемы мог бы стать подход к рассматриваемой категории как части фразеосинтаксической системы языка, позволяющий систематизировать С.-П. по структуре и семантике в качестве устойчивых конструкций. Такой подход подтверждается рядом факторов, среди которых следующие сходства между фразеологизмами (ЛФЕ) и С.-П. (СФЕ): дискретная структура (нечленимость); воспроизводимость; структурная и семантическая целостность; асимметричность (асимметрия).

Однако фактор обусловленности специфики употребления С.-П. в коммуникативных условиях, маркированных фактором языковой личности, с ее индивидуальной ощущаемостью, субъективностью, имманентностью и даже непредсказуемостью реакций, и связанных со всем этим тонких семантических и экспрессивно-эмотивных нюансов [5, 6, 7, 8], *отличает* С.-П. от элементов фразеосинтаксиса, которым свойственна объективная устойчивость, воспроизводимость, то есть не динамика, а речевая статика. Персонализация фразеологизмов с сознательной заменой компонентов речевой единицы возможна, но она приводит к деформации статической семантики, которая, по законам языка, не подлежит каким-либо изменениям. Следовательно, индивидуализация употребления фразеологизмов – случай не повсеместный, и рассматриваемый скорее, как грубое нарушение языковой нормы.

Для С.-П. характерна субъективная специфика употребления, связанная с коммуникативным опытом участников диалога, уникальными чертами конкретного дискурса, особенностями говорящего как языковой личности, что позволяет нам утверждать то, что индивидуализация С.-П. происходит в пространстве коммуникативной динамики, поэтому такие образования следует рассматривать, прежде всего, не в статическом понимании, а в «движении», в речевой деятельности современных носителей языка.

Структурно-семантический подход к анализу С.-П. как наиболее индивидуализированных образований, реализующих прагматические и лингвоперсонологические интенции говорящего в пространстве коммуникативной динамики, обуславливает их статус единиц межуровневого плана, реализуемых в речевой деятельности, являющейся для них зоной переходности. Именно при таком восприятии С.-П. обретают свое место в системе русского языка, связанные с новыми коммуникативными условиями, в частности – с научно-технической модификацией коммуникативных возможностей, когда законы устной речи, литературного языка и новые приемы вербального и невербального плана синтезируют новый речевой портрет современного носителя русского языка.

К сознательным «нарушениям», связанным с фактором личностно-языковой индивидуализа-

ции С.-П., можно отнести окказиональную деривацию (уменьшительно ласкательные суффиксы к словам приветствия и прощания и т.д.), выбор особых лексических единиц с изменением их семантики (ироничные, саркастические высказывания и т.д.) употребление междометий и усилительных частиц, активное использование паравербальных и невербальных средств общения. Главная причина такой специфичности и уникальности С.-П. заключается в том, что они выражают в большей степени модус, и в меньшей степени диктум, следовательно – передают только рему.

В состав категории монорем [3] входили не только модальные и экспрессивные речевые единицы, но даже жесты, мимика, телодвижения, поскольку они воспринимались как эквиваленты междометий. Так, при сравнительно-сопоставительном анализе мимических монорем выявляются общие факторы, в связи с чем такие единицы было принято разделять: 1) восклицательные и модальные (пожимание плечами), 2) жесты-ономатопеи (постукивание пальцем по лбу в значении «глупое решение»), 3) деиктические (уточнение места указательным пальцем руки) [3, р. 62].

До 80-х годов XX в. подобное соотнесение мимики и вербальных речевых единиц с точки зрения лингвистики был не актуален. Скорее, жесты воспринимались как сопровождение коммуникации, и их рассмотрение отдельно от высказываний выглядело на тот момент не логично [3]. Однако, говоря о влиянии научно-технического прогресса на человеческое общество и язык, нельзя не отметить активизацию Интернет-коммуникации, широко представленную социальными сетями (Facebook, Vkontakte и т.д.), электронной почтой и мессенджерами (WhatsApp, Viber и т.д.).

Общение в виртуальной среде базируется на синтезе законов письменной и устной речи, что подтверждается соотношением линейности в пространстве и возможностью редактирования [9, 12]. Виртуальная форма общения имеет свои специфические черты, что диктует необходимость рассматривать её как отдельный узус, для которого характерна «компенсация отсутствия визуальной и речевой составляющей» участниками диалога [4]. Очевидно, что процесс виртуального общения характеризуется потребностью к эмоциональности, выражение которой лишено интонации, жестов, мимики, вследствие чего адресату приходится самостоятельно компенсировать недостающие паравербальные и невербальные аспекты сообщений, что негативно сказывается на взаимопонимании участников диалога.

На сегодняшний день можно выделить два пути выражения эмоциональной составляющей в Интернет-общении: лексико-деривационный и невербально-графический. В первом случае в качестве средств выражения используются особые экспрессивные лексические единицы (зачастую заниженные, нецензурные), которые не нуждаются в дополнительной интонационной и мимической поддержке. Они призваны не оставлять со-

беседнику возможности ошибиться в понимании смысловой составляющей, заложенной адресантом. При затруднении выбора слова с достаточным потенциалом для передачи мысли и эмоций, используется деривационный метод, который подразделяется на устный (адаптированный под устную речь) и письменный (акцентированный на визуальное восприятие собеседника) [1].

Под невербально-графическим способом выражения эмоциональности нами понимается использование комбинаций знаков препинания, копирующих мимику или реакцию (скобки в качестве веселой и «грустной» улыбки), «смайлики», «стикеры», картинки, анимацию, фрагменты кинофильмов, Интернет-мемы и т.д. Невербально-графические средства в Интернет-коммуникации выступают в качестве наиболее используемых «компенсаторов», восполняющих недостающую интонацию, жесты, мимику.

При этом употребление невербально-графических средств особым образом переносится в сферу устного речевого общения, что подтверждает взаимообусловленность специфической формы языка виртуальной коммуникации с другими узусами. Например, в Интернет-коммуникации используются смайлики, стикеры или картинки с изображением руки на лице, которые обозначаются термином *facepalm* (ладонь-лицо). Таким способом участник виртуального общения выражает своё отчаяние, разочарование, ощущение стыда.

Такие невербально-графические средства вполне могут позиционироваться как эквиваленты предложения с самостоятельной, а не сопроводительной функцией. Более того, они способны к переходу на вербальный уровень устной коммуникации, а поскольку такие «перебежчики» сохраняют за собой исходную функцию передачи эмоции говорящего, чаще всего они употребляются как С.-П. Таким образом, состав элементов рассматриваемой категории растёт за счёт заимствованных из виртуального общения и «вербализированных» невербально-графических средств.

Так, приведённый выше «*facepalm*» как «смайлик» или пересылаемое изображение превратился в С.-П. русского языка «фэйспалм». Например: «Это лол вообще омг просто **фэйспалм**» (Взято с просторов Интернета с сохранением авторской пунктуации и орфографии). Кроме того, у С.-П. «фэйспалм» существуют эквиваленты: «*фейспальм*», «*рукалицо*», «*мордалап*» и т.д. [19, 25]. И это не единственный пример использования некогда невербально-графического элемента виртуального общения в качестве С.-П. устной коммуникации. Среди таковых можно выделить «*покер фэйс*» (безразличие, смирение), «*эпик фэйл*» (разочарование результатом), «*Адвокаааат!*» (взято из популярной телепередачи: привлечение внимания с явной демонстрацией недовольства его уровнем к своей персоне) [25].

Можно утверждать, что категория С.-П. является зеркалом коммуникативной динамики, так

как она коррелирует со всеми остальными системами и грамматическими категориями языка, а в качестве ее зоны переходности (синкретизма) обозначается вся речь. Более того, С.-П. выступают в качестве средства «сближения» письменной, устной и виртуальной форм общения, что оказывает влияние на процесс стабилизации дисбаланса между литературной и разговорной формой русского языка [8]. Это подтверждается очевидной особенностью С.-П. в процессе своего употребления индивидуализироваться в формально-содержательном плане под влиянием лингвоперсоналогической составляющей говорящего и своеобразии дискурса, и стремиться к тому, чтобы наиболее полно и понятно для собеседника передать субъективную и объективную модальность при максимальном сжатии формы (прагматизация) [8, 14]. Именно такие тенденции и стали причиной заимствования и речевого воспроизведения невербально-графических средств виртуального общения, как наиболее компактных и эмоционально-содержательных единиц, способных реализовывать своеобразие субъективных языковых интенций говорящего.

Главным фактором изменения статуса единиц межуровневого плана, переходящих из речи в категорию С.-П. и обратно, нами обозначается сознательное увеличение их модально-эмоционального компонента вплоть до полного устранения номинационно-информационной составляющей. Именно принцип динамического равновесия между модально-эмоциональным (модусом) и номинационно-информационным (диктумом) определяет положение сказанного в системе языка. В первую очередь, к этому приводит обоснованное использование «музыки» (интонации) и «мимики» (жесты, мимика лица, позы, указывание рукой или глазами на что-либо при обсуждении и т.д.) [3], употребление вербальных эмоциональных компонентов (междометий, частиц) в рамках высказывания.

В результате проведённого нами исследования специфики употребления С.-П. в устной и «виртуальной» речи современного русского языка, которое проводилось в г. Пятигорск в 2019 г., с применением анкетизирующего и сравнительно-сопоставительного метода, где респондентами стали студенты и преподаватели высших учебных заведений г. Пятигорска, среди которых есть и иностранцы, было выявлено, что категория С.-П. коррелирует со всей областью грамматики, но не исходит из неё, чем обусловлен межуровневый статус её элементов, для которых вся речь, включающая письменную, устную и «виртуальную» форму, выделяется как зона синкретизма, где главным критерием определения положения единиц в системе языка выступает выражение модально-эмоционального вектора (модуса) в соответствии с принципом динамического равновесия.

В подтверждение вышесказанного приведем несколько положений из проведённого исследования:

1) Говорящие используют в качестве главного компонента С.-П. существительное в именительном падеже. Для подобных единиц языка характерно отсутствие конкретного объекта описания, которое мотивировано определёнными контекстуальными условиями, коммуникативно-прагматической составляющей высказывания и использованием особых невербальных средств общения, чем и обусловлен синтаксический статус таких образований. Например, реакция-сожаление «*липец*», реакция-изумление «*правда?*», где говорящий не уточняет о достоверности информации, поскольку ему это уже известно. По сути, возможность соотнесения рассматриваемых предложений с объектом речи свидетельствует о преобладании диктума над модусом в соответствии с принципом динамического равновесия и, с точки зрения грамматического осмысления, такие предложения не считаются С.-П. В качестве примера синкретичного звена между односоставным предложением и С.-П. является высказывание «*Красава!*» как выражение восторга. Несмотря на его функцию с ярко выраженным модальным значением, оно имеет отношение к конкретному лицу, следовательно, несёт информацию о личной оценке действий этого лица. Основываясь на этом, можно утверждать, что диктум сохраняется в этом предложении. Он очевиден, хотя и не так ярко выражен, как модус, из-за чего нельзя однозначно отнести такое синтаксическое образование к С.-П., но и его позиционирование как неполное или односоставное предложение также спорно в связи со спецификой его семантики.

2) Хотя появление глагола в составе С.-П. противоречит формальным признакам данных синтаксических образований, в речи активно используются предложения без очевидной информативности, но с ярко выраженной модальной семантикой и наличием глагола среди компонентов. Так, одним из выразителей раздражения является глагол и вместе с тем С.-П. «*Бесит!*». Этот глагол явно содержит информацию о реакции говорящего (первого лица), но вступает в предикативные отношения с пропущенным подлежащим в третьем лице «*Это меня бесит*». Однако определить характер связи между «*Бесит!*»

и явлением действительности крайне сложно, в связи с чем можно говорить о «снижении» информативного значения при одновременном увеличении модального содержания. Тем не менее целесообразно говорить о том, что такое синтаксическое образование можно охарактеризовать как «приближенное к С.-П.», но таковым не являющееся по формальным признакам, а именно из-за неочевидного присутствия связи с подлежащим в третьем лице. Анализ единиц с ярко выраженным модусом, но с глаголом в их составе, с опорой на принцип динамического равновесия способствует обособленному восприятию подобных синтаксических образований, характеризующихся нарушением формально-семантического взаимодействия.

3) В некоторых случаях говорящий влияет на модус высказывания при помощи деривационных трансформаций его компонентов или вовсе исключения их из состава устойчивого синтаксического образования (индивидуализация). Например, «*Ужасенько...*», «*Спасибище!*», «*Чёрт*» вместо «*Чёрт побери*», «*Что за...*» вместо «*Что за ерунда*» и т.д.

4) Невербально-графические элементы виртуального общения и мимические средства устной речи могут выступать в качестве как сопроводительных средств, так и основных выразителей модуса. В последнее время наблюдаются тенденции к употреблению высказываний-описаний подпадающих под речевую ситуацию невербальных средств общения. Такой феномен вербализации мимики и смайликов проявляется в выражениях: «*Покер фэйс*», «*Рука лицо*», «*ЛОЛ*» и т.д.

Преобразования в области категории С.-П. позволяют увидеть глобальные изменения внутри языка, что продемонстрировано на примере малоисследованной области заимствований из виртуального общения, и даже утверждать, что С.-П. как часть определённого единства хоть и не обладает наличием денотата, но заключает в себе метаречевую составляющую, которая заключается в отражении индивидуальных лингвоперсоналогических интенций говорящего, являющегося создателем и «рефлектором» языковой картины мира [8].

Литература

1. Алтухова Т. В. Деривация как один из способов компенсации недостаточности интернет-общения (на материале жанра интернет-комментария) // Актуальные проблемы современного словообразования. 2011. Вып. 4. С. 384–388.
2. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // НДВШ «Филологические науки». 1983. №5. С. 35–42.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 333 с.
4. Бондаренко Т. А. Общение в виртуальном мире Интернета // Вестник Донского государственного технического университета. 2009. Т.9. №4(43). С. 219–223.
5. Буров А. А. Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 17 с.
6. Буров А. А. Речевая номинация и языковая картина мира (статья 1-я) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 1–2. С. 57–66.
7. Буров А. А. Синтаксическая номинация: лингвокогнитивное измерение. Монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 160 с.
8. Буров А. А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь – Пятигорск: Изд-во СГУ «Академический проект». 2012. 400 с.

9. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. 2004. №11. С. 63–67.
10. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. 12-е изд. М.: Книга по Требованию, 2011. 246 с.
11. Грамматика русского языка / Гл. ред. В. В. Виноградов. Т. 2. М.: Академия наук СССР, 1954. 444 с.
12. Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы: Избр. работы по рус. яз. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. 334 с.
13. Ковалёв Н. С. слова-предложения в отечественной и зарубежной лингвистике первой половины XX века // Университетские чтения 2018. Пятигорск: ПГУ, 2018. С. 65–69.
14. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
15. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): монография. Ставрополь – Пятигорск: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2011. 680 с.
16. Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М.: ФЛИНТА, 2013. 400 с.
17. Меликян В. Ю. Словарь устойчивых фраз русского языка / В. Ю. Меликян. М.: Флинта: Наука, 2016. 336 с.
18. Меликян В. Ю., Меликян А. В. коммуникемы со значением «оценки»: этимологический аспект (на материале английского языка) // Вестник РУДН. 2017. Т. 8. № 1. С. 78–88.
19. Национальный корпус русского языка: URL: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Дата обращения: 05.01.2019).
20. Новиков В. Новый словарь модных слов. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. 192 с.
21. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
22. Потебня А. А. Мысль и язык. // Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С.17–200.
23. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
24. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980. 717 с.
25. Словари сленгов неформалов. URL: <https://teenslang.ru/> (Дата обращения: 14.05.2019).
26. Современный русский язык: система языка, речь, общение: Монография. Ростов н/Д: ПИ ЮФУ, 2010. 305 с.
27. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию / пер. с франц. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
28. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. 452 с.
29. Шахматов Алексей Александрович. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
30. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 186 с.

References

1. Altuhova T. V. Derivacija kak odin iz sposobov kompensacii nedostatochnosti internet-obshhenija (na materiale zhanra internet-komentarija) (*Derivation as one of the ways to compensate for the lack of Internet communication (based on the material of the Internet commentary genre)*) // Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovanija. 2011. No. 4. P. 384–388.
2. Babajceva V. V. Zona sinkretizma v sisteme chastej rechi sovremennogo russkogo jazyka (*The zone of syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language*) // Moscow: Filologicheskie nauk publ., 1983. No 5. P. 35–42.
3. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka (*General Linguistics and the French Language Issues*). Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury publ., 1955. 333 p.
4. Bondarenko T. A. Obshhenie v virtual'nom mire Interneta (*Communication in the virtual world of the Internet*) // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2009. 9. No 4(43). P. 219–223.
5. Burov A. A. Funkcii substantivnyh mestoimennno-sootnositel'nyh pridatochnykh v tekste (*Functions of substantive pronouns and correlative subordinate clauses in the text*): Moscow: MSU Publ., 1979. 17 p.
6. Burov A. A. Rechevaja nominacija i jazykovaja kartina mira (*Speech nomination and linguistic picture of the world*) // Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2007. No. 1–2. P. 57–66.
7. Burov A. A. Sintaksicheskaja nominacija: lingvokognitivnoe izmerenie: monografija (*Syntactic nomination: linguocognitive dimension*). Pjatigorsk: PSLU, 2013. 160 p.
8. Burov A. A. Substantivnaja sintaksicheskaja nominacija v russkom jazyke (*Substantive syntactic nomination in Russian*). Stavropol' – Pjatigorsk: SSU publ. 2012. 400 p.
9. Vinogradova T. Ju. Specifika obshhenija v Internete (*The specifics of communication on the Internet*) // Russkaja i sopostavitel'naja filologija: Lingvokul'turologičeskij aspekt. 2004. No 11. P. 63–67.
10. Vostokov A. H. Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniju ego zhe sokrashhennoj grammatiki polnee izlozhenaja (*The Russian grammar of Alexander Vostokov*). Moscow: Kniga po Trebovaniju publ., 2011. 246 p.
11. Grammatika russkogo jazyka (*Grammar of the Russian language*). Part 2. Moscow: SA USSR publ., 1954. 444 p.
12. Kapanadze L. A. Golosa i smysly: Izbr. raboty po rus. Jaz (*Voices and meanings: selected works about the Russian language*). Moscow: Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov of RAS publ., 2005. 334 p.
13. Kovalev N. S. slova-predlozhenija v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike pervoj poloviny XX veka (*Sentence words in domestic and foreign linguistics of the first half of the twentieth century*) // Universitetskie chtenija 2018. Pjatigorsk: PSU publ., 2018. P. 65–69.
14. Kostomarov V. G. Nash jazyk v dejstvii. Oчерки sovremennoj russkoj stilistiki (*Our language is in action. Essays on contemporary Russian stylistics*). Moscow: Gardariki publ., 2005. 287 p.
15. Maksimov L. Ju. Mnogomernaja klassifikacija slozh nopolchinennykh predlozhenij (na materiale sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka): monografija (*Multidimensional classification of complex subordinate sentences (based on the material of the modern Russian literary language)*). Stavropol' – Pjatigorsk: SSU publ., 2011. 680 p.

16. Melikjan V. Ju. Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka (*Syntactic phraseological dictionary of the Russian language*). Moscow: FLINTA publ., 2013. 400 p.
17. Melikjan V. Ju. Slovar' ustojchivyh fraz russkogo jazyka (*Dictionary of stable phrases of the Russian language*). Moscow: Flinta: Nauka publ., 2016. 336 p.
18. Melikjan V. Ju., Melikjan A. V. kommunikemy so znacheniem «ocenki»: jetimologicheskij aspekt (na materiale anglijskogo jazyka) (*Communicemes with the meaning of «assessment»: etymological aspect (based on English)*) // Vestnik RUDN. 2017. Part 8. No 1. P. 78–88.
19. National corps of the Russian language: URL: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 01.05.2019)
20. Novikov V. Novyj slovar' modnyh slov (*A new dictionary of fashion words*). Moscow: ACT: Zebra E publ., 2008. 192 p.
21. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. (*Russian syntax in scientific coverage*). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury publ., 2001. 544 p.
22. Potebnja A. A. Mysl' i jazyk (*The thought and the language*). Moscow: Pravda publ., 1989. 200 p.
23. Rozental' D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. Sovremennij russkij jazyk (*Modern Russian language*). Moscow: Ajrispress publ., 2010. 448 p.
24. Russkaja grammatika (*Russian grammar*). Part 2. Moscow: Nauka publ., 1980. 717 p.
25. Slovarei slengov neformalov (*Informal slang dictionaries*). URL: <https://teenslang.su> (Accessed: 14.05.2019).
26. Sovremennij russkij jazyk: sistema jazyka, rech', obshhenie (*Modern Russian language: language system, speech, communication*). Rostov-on-Don: SFU publ., 2010. 305 p.
27. Ferdinand de Sossjur. Trudy po jazykoznaniju (*Proceedings in linguistics*). Moscow: Progress publ., 1977. 696 p.
28. Fortunatov F. F. Izbrannye trudy (*Selected works*). Part 1. Moscow: Uchpedgiz publ., 1956. 452 p.
29. Shahmatov Aleksej Aleksandrovich. Sintaksis russkogo jazyka (*The syntax of the Russian language*). Moscow: Jeditorial URSS publ., 2001. 624 p.
30. Shherba L. V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku (*Selected works on the Russian language*). Moscow: Uchpedgiz publ., 1957. 186 p.

Сведения об авторе

Ковалев Николай Сергеевич – преподаватель кафедры иностранных языков Пятигорского медико-фармацевтического института (филиал Волгоградского государственного медицинского университета) (Пятигорск) / hotstone1992@rambler.ru

Information about the author

Kovalev Nikolay – teacher, Chair of Foreign Languages, Pyatigorsk Medical Pharmaceutical Institute (of Volgograd Medical State University) (Pyatigorsk) / hotstone1992@rambler.ru

УДК 82-1

Т. В. Марченко

ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ: КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ ПОНЯТИЙ В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИСКУРСА МАССМЕДИА

В статье рассматриваются ключевые понятия, отражающие формы и механизмы взаимодействия в лингвокультурном пространстве: интермедиальность, интертекстуальность и интердискурсивность. Динамические процессы, связанные с проникновением медиа во все сферы жизни современного общества, появлением «новых медиа» и трансформацией коммуникативных практик, обуславливают актуальность выявления коррелятивности понятий в контексте изучения дискурса масс-медиа. Цель исследования состоит в уточнении соотношения терминов, отражающих взаимодействие в рамках одного семиотического кода или разных семиотических кодов, в аспекте современных медиапрактик.

В статье представлен краткий обзор основных исследовательских подходов к трактовке рассматриваемых понятий в зарубежной и отечественной науке. Так, интертекстуальность проанализирована с позиции «широкого» и «узкого» подходов с выходом на теорию референции, теорию информации, семиотическую, семантическую и культурологическую интерпретацию. Интермедиальность, определяемая в статье как соотношенность, присутствие или взаимодействие кодов разных семиотических систем, охарактеризована как многозначный термин, который в зависимости от предметной области или ракурса исследования может обозначать как базовое

условие функционирования, так и основную категорию для анализа медиатекста в том случае, если он в какой-либо мере манифестирует некую форму стратегии взаимодействия кодов.

Интердискурсивность соотносится с «широким» подходом к интертекстуальности и актуальна для анализа специфики взаимодействия различных дискурсивных формаций в аспекте корреляции мотивов или сюжетов.

Обосновывается, что анализируемые термины обнаруживают разноплановую корреляцию и вступают в гипо-гиперонимические отношения, субординация в которых определяется подходом к интерпретации семиотической природы явлений. Непосредственно интертекстуальный анализ медиатекста релевантен в отношении объектов с доминантой языкового кода. Полимодусные феномены требуют обращения к интермедиальному анализу как исследовательской процедуре, позволяющей изучить компоненты различных семиотических систем, представленных в конкретном медиатексте, а также зависимость его семиотической организации и смыслопорождения от свойств канала передачи.

Ключевые слова: интермедиальность, интертекстуальность, интердискурсивность, дискурс массмедиа, медиапространство, медиатекст, полимодусная единица, интермедиальный объект.

Tatiana Marchenko

INTERMEDIALITY, INTERTEXTUALITY, INTERDISCURSIVITY: CORRELATION OF NOTIONS IN THE LIGHT OF MASSMEDIA DISCOURSE STUDIES

The article studies the key notions conveying the forms and mechanisms of interaction in linguocultural space, namely intermediality, intertextuality and interdiscursivity. Dynamic processes connected with the extension of media in all areas of life, the emergence of "new media" and transformation of communication practices stipulate the topicality of correspondence of the above-mentioned notions in the light of media studies. The objective of the study is to specify the correlation between the terms denoting the interaction within one semiotic code or different semiotic codes as far as it concerns modern media practices and media-text studies.

The article highlights the main research approaches to the interpretation of the notions as viewed by national and foreign scholars. Intertextuality is analyzed from the standpoint of the "wide" and the "narrow" approaches as well as the reference theory, the theory of information, semiotic, semantic and cultural interpretation. Intermediality, defined as correlation, presence or interaction of codes representing different semiotic systems, is characterized as a polysemantic term that, depending on the subject area and the as-

pect of the study, can denote the basic condition of functioning and the main category for the analysis of a mediatext in case it manifests some form of strategy of code interaction.

Interdiscursivity corresponds with the "wide" approach to intertextuality and appears to be relevant for the analysis of interaction peculiarities as regards different discursive formations revealing similarities in motives or plots.

It is claimed that the terms under consideration correlate in a number of ways and come into hypo-hyperonymic relations directly dependent on the approach to interpretation of semiotic nature of the phenomena. Strictly intertextual analysis of mediatext is relevant as regards the objects with the prevalence of language code. Polymodal phenomena require intermedial analysis as the research procedure that enables the study of components representing different semiotic systems in a particular mediatext, and the dependence of its semiotic arrangement and sense generation on the features of the transmission channel.

Key words: intermediality, intertextuality, interdiscursivity, massmedia discourse, media space, mediatext, polymodal unit, intermedial object.

Взаимодействие, являющееся базовой философской категорией, предполагает процессы взаимообусловленной интеракции объектов. Истоки системного изучения различных форм и механизмов взаимодействия в культуре берут начало в 1960-х гг. Так, по мнению А. Ю. Тимашкова, стимулом к развитию философского направления в изучении медиа послужили работы по общей теории систем, а именно монографии У. Р. Эшби «Введение в кибернетику» и Л. фон Берталанфи «Общая теория систем» [11, с. 112]. Начало исследованиям в философско-культурологическом ключе положил канадский теоретик массмедиа М. Маклюен. Развитие массмедиа и появление так называемых «новых медиа» способствуют переосмыслению ранее существовавших понятий – *интертекстуальность*, *интердискурсивность*, *интермедиальность* – и введению новых, опосредованных актуальными социокоммуникативными процессами, например – панмедиатизация.

Цель данной статьи состоит в уточнении корреляции понятий, отражающих взаимодействие в рамках одного семиотического кода или разных семиотических кодов, в аспекте современных медиапрактик и исследований медиатекста.

Целесообразным представляется дать краткую характеристику анализируемых понятий исходя из традиционного их понимания.

Термин «*интертекстуальность*», в самых общих чертах, обозначает феномен «межтекстового взаимодействия». Предметная область, в рамках которой зародилась теория, во многом определила первоначальный круг объектов для анализа, а именно межтекстовые связи в литературных произведениях разных жанров (см. Денисова 2003; Жирмунский 1975; Жолковский 1996; Кузьмина 2004; Лукин 1997, 2001, Фатеева 2006). Позднее принцип децентрации и динамической взаимообратимости, получивший свое обоснование в постструктуралистских концепциях, опирающихся на труды М. Бахтина, Ж. Деррида, утвердил трактовку коммуникации как «всеобщий текст» (термин Ж. Деррида) [6, с. 13]. Это, в свою очередь, значительно расширило потенциал интертекстуального анализа и актуализировало изучение явления межтекстового взаимодействия в различных дискурсивных пространствах: научная коммуникация (Чернявская 1999, Михайлова 1999), кинематография (Ямпольский 1993), масс-медиа (Сандалова 1998, Burger 2000) и многие другие.

Интертекстуальность может быть интерпретирована в контексте разных теорий. В соответствии с референциальным подходом, рассматриваемое явление определяется как двойная отнесенность текста к действительности и другому тексту. Теория информации трактует интертекстуальность как свойство текста аккумулировать информацию не только непосредственным образом, но и опосредованно, устанавливая связь с другими текстами. Семиотическая интерпретация явления предполагает выстраивание «деривационной истории» текста и изучение отношений между знаками-прототипами и производными.

Семантический ракурс сфокусирован на аспекте приращения смысла. Культурологический вектор актуализирует вопрос культурных кодов, культурной традиции и семиотической памяти культуры [6, с. 25].

На современном этапе представляется возможным наметить несколько ключевых концепций в исследованиях категории интертекстуальности. Г. В. Денисова, с опорой на функциональную составляющую этого явления, выделяет четыре подхода: теория «глобального интертекста», рассматривающая интертекстуальность как результат активного взаимодействия разных лингвокультурных кодов (Ю. Кристева, Р. Барт); герменевтическая теория, рассматривающая «смысл» текста как взаимоотношение «текст» – «читатель» (М. Риффатер); теория, основой которой является компонент связи между отдельными авторами и литературной традицией, то есть история литературы представляется результатом столкновения разных авторитетов (Х. Блум); теория, в которой история литературы видится как результат отношения между отдельными произведениями и системой литературных жанров (Ж. Женетт) [2, с. 31].

Истоки *интермедиальности*, по мнению И. Борисовой, кроются в теории эстетики, а вопросы взаимодействия искусств по принципу их корреляции и дифференциации затрагивались еще в античный период в концепции «трех музык» Бозция, получили развитие в эпоху Просвещения в контексте «Sister Arts», и испытали новый виток переосмысления в периоды романтизма и постромантизма [1]. Анализу подвергались теоретические основания взаимодействия литературы и живописи (Вальцель 1926), музыки и литературы (Браун 1963, Шер 1968), а также способы репрезентации одного семиотического кода (звукового) средствами другого (вербального) (Scher 1968). Справедливым представляется замечание, что «потребность в семиотической методологии, позволяющей сквозь уникальное каждого текста видеть универсальное эстетической структуры» остается актуальной и на современном этапе развития исследований [1].

Поверхностный морфологический анализ термина позволяет составить представление о его семантике: *интер* – между, *меж*; *медиа* – средства передачи информации, совокупность средств аудиовизуальной коммуникации, элемент процесса передачи сообщения; либо *медиум* – посредник, среда действия или обстановка; суффикс -ость – название признака или свойства. По сути, это свойство, обеспечивающее взаимодействие в аудиовизуальной коммуникации. Уточняя понятие в контексте разных предметных областей, исследователи определяют его как «восприятие и переживание другого вида искусства, их соположенность, обеспечивающая принципиальное креативное движение и непредсказуемость будущих состояний» [10, с. 808], «интерференция искусств», «вербализация несловесных форм искусства» [3, с. 60], «особая комбинация внутритекстовых взаимосвязей в произведении» [9, с. 59].

По справедливому замечанию И. Раевски, вос- требованность концепта интермедиальности во многом обусловлена не столько новыми типами проблемных вопросов, сколько новыми возможностями для интерпретации ранее обозначенных в контексте медиа гибридации [19, с. 44]. Зонтичная природа рассматриваемого термина определяет универсальность его применения в различных гуманитарных областях в приложении к разным предметам исследования. Вместе с тем широкое распространение термина ведет к диффузности его семантики. Это, в свою очередь, требует определенных оговорок и уточнения ракурса интерпретации в рамках каждого конкретного исследования.

Как отмечает И. Раевски, современные подходы к пониманию интермедиальности условно сводятся к двум направлениям, которые сами по себе неоднородны. Согласно первому, интермедиальность – это базовое условие или категория, в то время как для второго – это основная категория для определенного анализа медиапродукта в том случае, если он в какой-либо мере манифестирует некую форму интермедиальной стратегии, как элемент структуры или условие его создания [19, с. 47]. Обозначая эти два полюса, к которым так или иначе тяготеют исследования по интермедиальности, И. Раевски проводит параллель с научной дискуссией в отношении интертекстуальности, имевшей место в 1970–2000 гг. и сводившейся к двум основным точкам зрения: «широкому» подходу всеобщего интертекста и «узкому» подходу непосредственной актуализации межтекстовых связей в форме цитат, аллюзий и иных интертекстуальных элементов.

Технологическая интерпретация интермедиальности, согласно которой рассматривается интеграция средств коммуникации в условиях виртуального общения и сетизации, была предложена О. А. Ханзен-Лёве. В своих работах исследователь предлагает дифференцировать следующие виды интермедиальности: конвенциональная (присутствие в одном медиа типовых свойств другого медиа), нормативная (реализация одного сюжета средствами разных медиа) и референциальная (непосредственное цитирование фрагмента одного медиа в другом) [17]. Концепция получила развитие в трудах Й. Шрётера, в которых немецкий теоретик цифровых медиа выделяет четыре вида интермедиальности: 1) синтетическая – равноправная интеграция нескольких медиа, в результате которой образуется качественно новое медиа; 2) формальная или трансмедиальная интермедиальность – актуализация похожих элементов, мотивов или тем в разных по своей природе медиа; 3) трансформационная – перекодирование или репрезентация элементов одной семиотической системы знаками другой, актуализирующее семантическое взаимодействие и приращение смысла; 4) онтологическая – использование имманентных свойств одного медиа другими медиа [20].

В контексте исследований медийного пространства широкое распространение также получил термин медиальность, под которым пони-

мается «оформленность смысла, привязанность смысловыражения к определенному формату, способу выражения» [13].

В фокусе когнитивно ориентированных исследований находится положение о том, что текст функционирует в когнитивном пространстве. Участники коммуникативного процесса разделяют общие представления о специфике взаимодействия, коммуникативных сценариях, стратегиях и тактиках, культурных кодах, установках, регулирующих в последствии текстопорождающую деятельность и в той или иной форме представленных в тексте как результате этой деятельности. Эти отношения, существующие как надтекстовый фон, формируют «транссемиотический универсум» или интердискурс, интегрированный «в целостную систему человеческого знания, рассеянного во многих дискурсивных формациях» [13]. Интердискурсивность таким образом соотносится с «широким» подходом к интертекстуальности и актуальна для анализа специфики взаимодействия различных дискурсивных формаций в аспекте корреляции мотивов, сюжетов, тем и др. Изучение интеракции смысловых элементов в конкретных медиа-объектах, на наш взгляд, требует исследовательского инструментария, способного вскрыть коммуникативно-прагматическую специфику их полимодусной природы.

Поиски корреляции между интермедиальностью, интертекстуальностью и смежными понятиями видятся вполне закономерными, так как эти явления отражают феномен взаимодействия. Открытым остается вопрос их субординационно-координационных отношений. Так, с опорой на существующие исследования, возможно выделить следующие подходы:

1. Интермедиальность как частный случай интертекстуальности.

Подобная интерпретация характерна для литературоведческого направления исследований, в рамках которого референции к текстовым фрагментам, элементам других искусств, дискурсов и семиотических кодов реализует текстообразующую и смыслопорождающую функции.

«Широкая» трактовка интертекстуальности, предложенная Ю. Кристевой, «обращена не столько к интертексту, сколько к «генеративному процессу», приводящему к созданию интертекста, то есть самой интертекстуальности» [7, с. 45]. Интертекстуальность понимается Ю. Кристевой как явление «межтекстового взаимодействия» и взаимообусловленный процесс «чтения-письма», когда «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [18, с. 145]. Термин «процесс» актуализирует рассмотрение динамики взаимодействия и служит фактором децентрации в аспекте смыслопорождения. Это, в свою очередь, позволяет говорить о дискурсивной направленности данной концепции (в традиционном социолингвистическом понимании дискурса по Н. Д. Арутюновой). Опираясь на концепцию глобального интертекста Ю. Кристевой, В. Е. Чернявская определяет его

как интердискурс, а интертекстуальность как интердискурсивность. Следуя этой логике, интердискурсивными являются «все отношения, системы, элементы систем, характеризующие одновременно многие специальные дискурсы» [12, с. 40]. При этом возникают вполне закономерные сложности с лимитацией понятия «текст» и применением данного подхода в эмпирических исследованиях.

Так, принимая за основу точку зрения В. Б. Катаева о том, что «медиа <...> – любая знаковая система, в которой закодировано какое-либо сообщение и являющаяся источником информации» [5, с. 35], Е. С. Шапа приходит к выводу о том, что «равноправными средствами передачи информации, равноправными медиа предстают языки любого вида искусств, подчиняющиеся каждый своим правилам кодирования» [15, с. 14]. С оговоркой, что интертекст – взаимодействие в рамках одного кода, а интермедиаальность – разных кодов, исследователь трактует интертекстуальность как гипероним.

2. Интертекстуальность как частный случай интермедиаальности.

С семиотических позиций корреляция двух обозначенных понятий претерпела изменения, так как в условиях актуального технологического и социокультурного контекста, семантика термина «медиа» значительно расширилась и предполагает не только языковые средства экспликации, но любой семиотический код, служащий целям передачи информации.

Примечательно, что в «Словаре по семиотике культуры» под редакцией С.Т. Махлиной, интертекст характеризуется как «проблема источников текста: либо «воображаемая библиотека» прочитанных писателем книг, либо «вычитание» исследователями всех элементов, которым писатель обязан своим предшественникам» [8, с. 208]. Интертекстуальность понимается в таких же общих формулировках как отголосок эпохи или культурного контекста, эхо времени в художественном произведении (по У. Эко). Интермедиаальность, в свою очередь, определяется автором через корреляцию с понятием «интертекст», как более широкое понимание этого термина, с той оговоркой, что понятие «текст» рассматривается в свете полиглотизма, многоголосия культуры, сформулированного Ю. М. Лотманом» [8, с. 206]. В семиотике пространства культуры, которое, наряду с литературой, инкорпорирует разные виды искусств, текстом является все пространство. Однако это не снимает вопрос специфики взаимодействия и исследовательских процедур в отношении конкретных культурных артефактов как знаков самих по себе, так и как систем знаков.

С. Т. Махлина говорит именно о вербальном коде и наличии межтекстовых связей в конкретном художественном произведении. Выход за пределы исключительно текстового пространства предполагает актуализацию интермедиаальности, то есть взаимодействие разных видов искусства посредством образов или фрагментов, транслирующих определенную информацию. Очевид-

но, что подобный подход в значительной мере отражает сложную семиотическую природу феноменов, характерных для эпохи постмодерна, и позволяет рассматривать взаимодействие кодов с позиции равноценности их релевантности в смыслопорождении.

3. Интермедиаальность и ризоматичность.

Ризома – понятие, которое ввели в научный обиход французский философ Ж. Делез и психолог Ф. Гваттари [16], обозначающее определенную стратегию текстопорождения, при которой границы центра и периферии лабильны, взаимодействие нелинейно, не имеет ограничений, и любой элемент дискурсивной структуры может оказаться контрапунктом семантической полифонии. Так, по мнению Л. Н. Синельниковой, ризоморфность интермедиаальности проявляется в том, что «каждая точка, находящаяся в пределах одной системы (одного дискурса), может соединиться с каждой другой точкой; проявляется во множестве конфигураций, в которых идет игра с «мерцающими смыслами» в виде аллюзий, реминисценций, метафор и др.» [10, с. 808]. В этом автор видит не только конструирование новых смыслов, но и движущий фактор развития культуры в целом. Следуя предложенному ракурсу трактовки, согласно которому интермедиаальные связи не имеют темпоральных, жанровых или институциональных границ, представляется возможным предположить, что интермедиаальность коррелирует с «широкой» трактовкой интертекста.

Потенциал данного подхода не исчерпывается сугубо теоретико-философским анализом. Исследуя ризоматические модели интермедиаальности, Л. Н. Синельникова обращается к практике применения подхода в отношении конкретных дискурсивных пространств. Опираясь на методику дискурс-анализа, исследователь обосновывает возможность применения ризома-анализа на материале как художественного (поэтического), так и институциональных (политического и рекламного) видов дискурса [10].

Сложность (или в некоторых случаях невозможность) выработки унифицированного терминологического аппарата исследований специфики взаимодействия, а также единых критериев трактовки рассматриваемых явлений и методов анализа конкретных объектов, обусловлена рядом причин: 1) разная категоризация явлений в предметных областях; 2) качественно разное наполнение феноменов (особенности кодирования); 3) разный уровень актуализации элементов. Мы разделяем мнение о том, что применительно к литературе в целом, и к художественным произведениям в частности, уместно говорить не о взаимодействии видов искусств как таковых (живописи и литературы, литературы и театра, литературы и музыки), а «об анализе структуры и особенностей конкретных произведений, о «переводе», «перекодировании» приемов конкретного живописного полотна в конкретном литературном произведении, о взаимодействии на уровне жанровых форм или техники исполнения (и стиля) произведений» [14, с. 143].

Иной подход, на наш взгляд, требуется при анализе интермедиальных объектов, функционирующих в медийной среде и включающих элементы нескольких семиотических систем. К ним, в первую очередь, мы можем отнести такие полимодусные единицы, как интернет-мемы, «гифки», аудио-мемы, посты и иные визуализированные и фрагментированные медиасообщения. Эмпирический анализ специфики актуализации интертекстуальности и интермедиальности в медиа-объектах, требует обращения к так называемому «узкому» подходу.

Непосредственно интертекстуальный анализ релевантен в отношении объектов с доминантой языкового кода. Заметим, что обозначенные медиа-феномены трактуются в медиалингвистике как медиатекст, под которым понимают «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [4, с. 323]. Основной принцип построения такого текста – «модуляризация» [9, с. 184]. Полимодусная природа медиатекста обусловлена инструментами его создания, способом и средой функционирования. Наряду с такими свойствами, как интегративность (поликодовость) и открытость (массмедийная интертекстуальность), любой медиатекст обладает медийностью, под которой принято понимать «опосредованность текста техническими возможностями передающего канала, зависимость семиотической организации текста от форматных свойств канала» [4, с. 322]. Следовательно, интермедиальность в контексте дискурса массмедиа и интермедиальный анализ как исследовательская процедура требуют рассмотрения компонентов различных семиотических систем, представленных в кон-

кретном медиатексте, а также зависимости его семиотической организации и смыслопорождения от свойств канала передачи. Такой подход, в первую очередь, должен инкорпорировать анализ двух видов интермедиальности по И. Шрётеру – синтетической, то есть интеграции нескольких медиа для образования качественно нового медиа, и трансформационной, как перекодирования одной семиотической системы знаками другой в целях приращения смысла.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: современная коммуникационная реальность актуализирует переосмысление всего многообразия процессов и особенностей взаимодействия, возникающих между различными медиа или в медиасреде. Категория взаимодействия в семиотическом, культурном, лингвистическом и технологическом ключе отражена в таких терминологических понятиях, как интермедиальность, интертекстуальность, интердискурсивность, а также ризоматичность, экфрасис и другие.

Трактовка медиа в технологическом и семиотическом ключе как средств информации, канала / каналов ее передачи или кода, обуславливает высокую востребованность термина интермедиальность, призванного во многих случаях объяснить взаимодействие в рамках интегративного единства полимодусных медиа-феноменов. В то время как интертекстуальность, в узком ее понимании, реализуется посредством языкового кода и предполагает межтекстовое взаимодействие. Рассмотренные термины обнаруживают разноплановую корреляцию и вступают в гипогиперонимические отношения, субординация в которых определяется подходом к интерпретации семиотической природы явлений. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о целесообразности интеграции семиотического и когнитивного подходов к изучению полимодусных феноменов в современных медиатекстах.

Литература

1. Борисова И. Е. Перевод и граница: Перспективы интермедиальной поэтики URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml> (Дата обращения: 20.03.2020).
2. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
3. Загидуллина М. В. Публицистика 2.0: к определению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. 15 (2). С. 220–235.
4. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурсанализ. 2014. С. 320–334.
5. Катаев В. Б. Метаморфозы текста: русский роман и интермедиальность // Научные доклады филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2006. Выпуск 6. С. 32–39.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: УРСС, 2004. 272 с.
7. Марченко Т. В. Манипулятивный потенциал интертекстуальных включений в современном политическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 255 с.
8. Махлина С. Т. Словарь по семиотике культуры. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2009. 752 с.
9. Пастухов А. Г. О границах медиа: новые медиа и новая медийная культура // Ученые записки Орловского государственного университета. Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2015. №1. С. 182–188.
10. Синельникова Л. Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. М.: РУДН, 2017. № 4 (21). С. 805–821.
11. Тимашков А. Ю. К истории понятия интермедиальности в российской и зарубежной науке // Zmogus ir zodis. 2007. №11. С. 21–26.
12. Чернявская В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка): дисс. ... докт. филол. наук. СПб, 2000. 410 с.
13. Чернявская В. Е. Медиальность: опыт осмысления формирующейся парадигмы в лингвистике // Медиалингвистика. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015. № 1 (6). С. 7–14.

14. Чуканцова В. О. Интермедиаальный анализ в системе исследования художественных текстов: преимущества и недостатки // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №108. С. 140–145.
15. Шкапа Е. С. Интертекстуальные связи в святочных рассказах Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 22 с.
16. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. P., 1976. 74 p.
17. Hansen-Löve A. Intermedialität und Intertextualität: Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texte. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd.11. Wien, 1983. S. 291–360.
18. Kristeva J. Semiotike. Recherches pour une semanalyse. P.: Seuil, 1969. 215 p.
19. Rajevsky I.O. Intermediality, intertextuality, and remediation: a literary perspective on intermediality // Intermedialite, 2005. 6. P. 43–64.
20. Schröter J. Intermedialität URL: https://theorie-der-medien.de/text_druck.php?nr=12. (Accessed: 20.03.2020).

References

1. Borisova I. E. Pervod i granitsa: Perspektivy intermedial'noi poetiki (*Translation and the Border: Perspectives of Intermediality Poetics*). URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml>. (Accessed: 20.03.2020).
2. Denisova G. V. V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod (*In the world of Intertext: Language, Text, Translation*). Moscow: Azbukovnik publ., 2003. 298 p.
3. Zagidullina M. V. Publitsistika 2.0: k opredeleniyu ponyatiya (*Publicistics 2.0: On Defining the Notion*) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2018. No. 15 (2). P. 220–235.
4. Kazak M. Yu. Spetsifika sovremennogo mediateksta (*Peculiarities of Modern Mediatext*) // Sovremennyi diskursanaliz. 2014. P. 320–334.
5. Kataev V. B. Metamorfozy teksta: russkii roman i intermedial'nost' (*Text Metamorphosis: Russian Novel and Intermediality*) // Nauchnye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. 2006. Issue 6. P. 32–39.
6. Kuz'mina N. A. Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka (*Intertext and its Role in the Processes of Poetic Language Evolution*). Moscow: URSS publ., 2004. 272 p.
7. Marchenko T. V. Manipulyativnyi potentsial intertekstual'nykh vlyuchenii v sovremenном politicheskom diskurse (*Manipulative Potential of Intertextual Elements in Modern Political Discourse*): thesis. Stavropol', 2007. 255 p.
8. Mahlina S. T. Slovar' po semiotike kul'tury (*Dictionary of Culture Semiotics*). St. Peterburg: Iskusstvo-SPB publ., 2009. 752 p.
9. Pastukhov A. G. O granitsakh media: novye media i novaya mediinaya kul'tura (*On Media Borders: New Media and New Media Culture*) // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet im. I.S. Turgeneva, 2015. No.1. P. 182–188.
10. Sinel'nikova L. N. Rizoma i diskurs intermedial'nosti (*Rhizome and Intermediality Discourse*) // Vestnik RUDN. Series: Lingvistika. Moscow: RUDN, 2017. No. 4 (21). P. 805–821.
11. Timashkov A. Yu. K istorii ponyatiya intermedial'nosti v rossiiskoi i zarubezhnoi nauke (*On the History of Intermediality Notion in Russian and Foreign Science*) // Zmogus ir zodis. 2007. No. 11. P. 21–26.
12. Chernyavskaya V. E. Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v nauchnoi kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka) (*Intertextuality as Text Generation Category in Scientific Communication (on the Material of the German Language)*): thesis. St. Peterburg, 2000. 410 s.
13. Chernyavskaya V. E. Medial'nost': opyt osmysleniya formiruyushcheysya paradigmy v lingvistike (*Mediality: the Reflection of a Paradigm Being Formed in Linguistics*) // Medialingvistika. Sankt-Peterburg: SPBGU, 2015. No. 1 (6). P. 7–14.
14. Chukantsova V. O. Intermedial'nyi analiz v sisteme issledovaniya khudozhestvennykh tekstov: preimushchestva i nedostatki (*Intermedial Analysis in the System of Literary Text Studies: Advantages and Drawbacks*) // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2009. No.108. P. 140–145.
15. Shkapa E. S. Intertekstual'nye svyazi v svyatochnykh rasskazakh N. S. Leskova (*Intertextual Links in Yuletide Stories by N. S. Leskov*): abstract of thesis. Moscow, 2018. 22 o.
16. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. P., 1976. 74 p.
17. Hansen-Löve A. Intermedialität und Intertextualität: Probleme der Korrelation von Wort und Bildkunst – am Beispiel der russischen Moderne // Dialog der Texte. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd.11. Wien, 1983. S. 291–360.
18. Kristeva J. Semiotike. Recherches pour une semanalyse. P.: Seuil, 1969. 215 p.
19. Rajevsky I. O. Intermediality, intertextuality, and remediation: a literary perspective on intermediality // Intermedialite, 2005. 6. P. 43–64.
20. Schröter J. Intermedialität. https://theorie-der-medien.de/text_druck.php?nr=12. (Accessed: 20.03.2020).

Сведения об авторе

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru

Information about the author

Marchenko Tatiana – PhD in Philology, Associate professor, Department of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru

УДК 81-114

С. В. Серебрякова, А. И. Милостивая

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ПРЕССЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Настоящая статья посвящена изучению вербальных средств, описывающих пандемию COVID-19 в российской и немецкой печатной прессе. Актуальность исследования связана с проведением в ее рамках критического дискурс-анализа массмедийного контента в период распространения коронавирусной инфекции в первой половине 2020 г. При этом имеет место фокусирование внимания не только на формальных лингвистических признаках газетного текста, но и на внешних экстралингвистических факторах его порождения, что позволило изучить широкий коммуникативный фон текста, который представляется особенно важным для исследования социально значимых событий, затрагивающих как отдельные страны, так и глобальный мир в целом. Научная новизна изучения данной проблематики определяется тем, что в статье впервые произведена интерпретация коммуникативно-прагматического потенциала приемов речевого воздействия при портретировании пандемии в прессе России и Германии. Авторы статьи исходят из допущения, что наряду с содержательно-фактуальной информацией в прессе всякий раз актуализируется аксиологическая оценка сообщаемых сведений. Поэтому

в процессе изучения персуазивности газетного дискурса является релевантным рассмотрение коммуникативных стратегий презентации изображаемого денотативного контента. В качестве основного метода исследования в данной статье выступает дискурс-анализ, опирающийся на принцип функционализма. При этом исследовательский интерес был сфокусирован на интерпретации таких приемов речевого воздействия в ходе освещения в прессе двух стран коронавирусной пандемии, как: введение подаваемой фактуальной информации в отрицательно оцениваемый контекст; переход на личности при обрисовке негативных последствий описываемого явления; изображение недоказанности как виновности; установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью; выбор единицы измерения как инструмента речевого воздействия; навязывание пресуппозиции, не требующей критического обсуждения; использование метафор в персуазивных целях; ссылка на неизвестный источник информации.

Ключевые слова: российская и немецкая пресса, пандемия COVID-19, приемы речевого воздействия, персуазивность, метафора, критический анализ дискурса.

Svetlana Serebriakova, Alexandra Milostivaya

LINGUISTIC PORTRAITING OF THE COVID-19 PANDEMIC IN THE PRESS OF RUSSIA AND GERMANY

The article studies verbal means describing the COVID-19 pandemic in Russian and German print press. The topicality of the study is associated with critical discourse analysis of the media content within the framework of the spread of coronavirus infection in the first half of 2020. At the same time, attention is focused not only on the formal linguistic features of the newspaper text, but also on extralinguistic factors of its production, which made it possible to study the wide communicative background of the text. It appears to be especially important for studies of socially significant events affecting both individual countries and the global world as a whole. The scientific novelty is determined by the fact that the article for the first time specifies communicative-pragmatic potential of speech methods used in portraying a pandemic in the press of Russia and Germany. The authors proceed from the assumption that in addition to the content-factual information in the press every time axiological assessment of the reported information is actualized. Therefore, in the process of persuasiveness study in news-

paper discourse, it is relevant to consider communicative strategies for presenting depicted denotative content. The main research method in this article is discourse analysis based on the principle of functionalism. At the same time, the research was focused on the interpretation of linguistic manipulation devices in press coverage of the two countries in the period of the coronavirus pandemic: introduction of factual information into a negatively assessed context, personalization in presentation of negative consequences of the described phenomenon, portrayal of evidence as guilt, correlation of unmotivated similarities with negatively assessed entity, choice of measure units as a tool of linguistic manipulation, imposing of presupposition that does not require critical discussion, use of metaphors for persuasive purposes, link to an unknown source of information.

Key words: Russian and German press, COVID-19 pandemic, devices of speech exposure, persuasiveness, metaphor, critical discourse analysis.

Современная гуманитарная парадигма знания традиционно уделяет внимание многоаспектному исследованию социальных процессов, обусловленных определенными временными и пространственными рамками и вызываемых как объективными, так и субъективными причинами. Жизнь каждого человека включена в социальные процессы, которые реализуются только в ходе совместных, в основном целенаправленных действий индивидов. Реальное взаимодействие человека с окружающим миром осуществляется посредством обмена информацией об этом мире «как средством регуляции и управления поведением, что обеспечивает адекватные взаимоотношения и адаптацию к условиям действительности» [1, с. 58].

Важным источником об окружающем мире и происходящих в нем динамических процессах выступают как традиционные, так и новые СМИ, текстовые материалы которых можно считать «одной из самых распространенных форм бытования языка» [8, с. 7]. В современном информационном обществе коммуникативно-прагматический потенциал масс-медиа возрастает, а их функции укрепляются и расширяются. Т. Г. Добросклонская пишет о формировании особого функционального стиля массовой коммуникации, трактуя язык СМИ «как особый тип функционально-стилевых единств» [8, с. 25]. При этом важно отметить характерную для данного стиля не только массовость аудитории, но и своеобразную «массовость», коллективность отправителей информации [11, с. 192].

Как социально значимый феномен язык масс-медиа в его различных жанровых воплощениях и способах реализации нуждается в междисциплинарном подходе к его исследованию с учетом широкого коммуникативного фона. Обращение к реальной коммуникации привело к необходимости изучать не единичные высказывания, а речевой континуум и его целостные сообщения – дискурсы. М. М. Бахтин провидчески отмечал: «Организуя центр любого высказывания, всякого выражения не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь (...) Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненно, литературного, познавательного, политического)» [3, с. 85].

Одним из ведущих методов междисциплинарного характера, направленных на изучение различных видов взаимодействия людей в социуме, выступает дискурс-анализ, опирающийся на принцип функционализма. В данном исследовании мы придерживаемся широкого понимания дискурс-анализа «как интегральной сферы изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [12, с. 99]. Доказанным можно считать тезис об огромной социальной роли массовых коммуникаций, формирующих общественное мнение, намечающих различные цен-

ностные ориентиры, влияющих на современную культуру общения. Отмечая наличие тотального массмедийного воздействия в коммуникативных процессах, А. В. Олянич подчеркивает, что «именно в массовой коммуникации происходит формирование механизмов воздействия на общество в целом», трактуя такое общение «как коммуникацию прагматическую, как процесс направленной передачи информации, жестко ориентированный на получение адекватного эффекта» [15, с. 51]. Дискурсивный подход акцентирует внимание на рассмотрении медиа-текста в широком социальном контексте с учетом социальных интересов и целей участников массовой коммуникации, что позволяет комплексно исследовать воздействующую функцию вербального общения, прагматический потенциал которого усиливается посредством использования визуального комплекса.

Отмечаемая учеными воздействующая сила масс-медиа реализуется различными приемами, обеспечивая во многих случаях смещение модуса восприятия действительности и происходящих в социуме событий, в том числе и кризисного плана, навязывания менталитету определенных стереотипов, моделей поведения и целой системы концептов, сферой бытования и развития которых является дискурс. Социальная сущность СМИ заключается как в совершающихся параллельно акте передачи информации, так и в процессе воздействия на адресата как члена социума. Важно также отметить, что дискурс не только репрезентирует реально существующий мир в его разных проявлениях, но проектирует и изображает возможные, отличные от реальности миры [22, с. 124].

Основным проявлением воздействующего дискурса выступает речевая манипуляция как скрытое воздействие на адресата, целью которого является «изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения» [19, с. 212] единичного или коллективного адресата, которые могут быть исследованы с учетом таких компонентов дискурс-анализа, как участники общения, контекстуальный фон и форма общения, содержательная, прагматическая и эмоциональная составляющие. Социально-политическая коммуникация характеризуется явной и скрытой оценочностью описываемых событий и фактов, в том числе и недостаточностью аргументированной, оперируя при этом целой системой коммуникативных стратегий и тактик. Применение различных стратегий и подчиненных им речевых тактик позволяет осуществлять вариативную интерпретацию действительности в заданной адресантом оценочной тональности, нередко и с той или иной степенью искажения истины, в целях коррекции системы ценностей объекта речевого воздействия, эффективность которой прямо пропорциональна степени неосознанности его адресатом. Речевые стратегии как специфические способы речевого поведения осуществляются под контролем «глобального намерения», определяя семантический, стилистический и прагма-

тический выбор говорящего с целью коррекции мира адресата [10, с. 104–105].

Средства массовой коммуникации оперативно реагируют на актуальные, социально значимые события, затрагивающие широкие массы населения и будоражащие общественное мнение. В. Г. Костомаров отмечает такие их параметры, как «сиюминутная актуальность, преходящая или постоянная», доминирующей является при этом является «не сфера, а среда взаимоотношения в ней, ее характер, условия», что в некоторых случаях ведет к деформации и препарированию информации [11, с. 179]. Характерной чертой массмедийных текстов является, по мнению ученого, блочное построение текст («блочный синтаксис»), отражающее различные форма чередования стандарта и экспрессии [11, с. 190]. Бесконечность и непрерывность континуума массовой коммуникации позволяет многократно и всесторонне освещать социально значимые события, как это сегодня происходит в отношении пандемии COVID-19, удерживая разными способами с применением взаимодействующих речевых стратегий внимание массовой аудитории, часто основанное на эмоции страха.

Характерной особенностью языка прессы является его персуазивная направленность, имеющая корни в онтологической специфике рассматриваемого феномена, которая связана с существованием бифуркационной ситуации у продуцента масс-медийного контента, где имеет место потенциальная возможность репрезентации одного и того же когнитивно-дискурсивного события при помощи разных языковых высказываний. Таким образом, наряду с содержательно-фактуальной информацией в прессе неизбежно вступает в игру аксиологическая составляющая. Поэтому в рамках критического анализа дискурса представляется актуальным рассмотрение коммуникативных стратегий презентации описываемого денотативного содержания.

Обратимся к анализу изображения пандемии COVID-19 в прессе России и Германии. В качестве основы описания лингвистического портретирования данного социально актуального явления будем использовать типологию приемов речевого воздействия, предложенную А.Н. Барановым в книге «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика» [2].

Далее проинтерпретируем основные приемы персуазивности прессы по А. Н. Баранову на материале российских и немецких газет, изданных в период распространения коронавирусной инфекции в первой половине 2020 г.

1. «Замазывание» или введение в отрицательно оцениваемый контекст. Этот прием речевого воздействия предполагает постановку объекта X «в один ряд с объектами Y, ..., Z, при этом известно, что объекты Y, ..., Z оцениваются отрицательно» [2, с. 179]. При описании пандемии коронавируса данный персуазивный прием присутствует при описании вновь открытого лекарства против этого опасного заболевания: *В исто-*

рии медицины есть примеры, когда лекарство давало хороший суррогатный эффект, но приносило вред для больных. Что в этом ужасного? Прежде всего то, что общество дезориентируется в отношении средств профилактики и лечения. Объявление о наличии эффективного лекарства приведет к небрежному отношению к социальному дистанцированию. Маленький объем производства означает высокую цену и неравный доступ к препарату [18]. Аргументация здесь строится следующим образом. Вначале повествователь излагает абстрактный обобщенный тезис о том, в истории медицины были случаи, когда хорошее лекарство оказывалось вредным для пациентов. Далее осуществляется конкретизация этого утверждения применительно к ситуации с COVID-19, причем делается упор на необходимость комплексного подхода к организации лечения данного заболевания.

В следующем примере стратегия введения в отрицательно оцениваемый контекст применяется в ходе изображения протестов на территории Германии, вызванных ограничительными мероприятиями в ходе карантина: *An diesem Wochenende mobilisierten die Initiative „Querdenken711“ und die AfD nur wenige hundert Demonstranten. Einige trugen wieder T-Shirts mit der Aufforderung „Stoppt die Corona-Verarsche“. Ein Demonstrant hatte sich einen grob gehäkelten Mund-Nasen-Schutz aufgesetzt, auf einem Plakat stand die Frage, w denn die „Pandemie-Toten“ seien [29]. – В минувшие выходные группа «Querdenken711» и партия «Альтернатива для Германии» вывели на улицы всего несколько сотен демонстрантов. Некоторые из них были одеты в футболки с лозунгами «Хватит дурачить нас коронавирусом». Один из демонстрантов напялил на себя грубо сделанную маску, при этом он держал плакат с вопросом, где же «погибшие при пандемии» (Здесь и далее перевод примеров наш. – Авторы статьи). При этом упускается из вида польза ограничительных мероприятий при предупреждении распространения COVID-19, которую демонстранты отрицают при фокусировании на негативных социальных последствиях борьбы с пандемией.*

2. Переход на личности. А. Н. Баранов так определяет этот прием речевого воздействия как «аргументацию, относящуюся не к сути проблемы, а к недостаткам оппонента» [2, с. 184]. Так, в частности, государственный секретарь США Майк Помпео изображается как «враг человечества» в китайских СМИ. Российская «Новая газета» стремится дистанцироваться от подобных обвинений американского политика, выдвигаемых китайской стороной, при помощи использования кавычек: *Центральное телевидение Китая назвало Майка Помпео «врагом человечества» за распространение «политических вирусов», «трюки» и вмешательство «в международное сотрудничество в области здравоохранения» [16].*

Для немецкой прессы характерно поведенное внимание к деятельности российского президента

в ходе борьбы с пандемией коронавируса, которое всякий раз ассоциируется в немецких газетах с единоличным принятием решений российским лидером: *Den Willen Putins, rasch zur Normalität zurückzukehren, veranschaulichte gerade ein Bücherfestival, das auf dem Roten Platz stattfinden durfte: Für den Platz am Kreml ist nicht Sobjanins Verwaltung, sondern die Zentralmacht zuständig* [27]. – Желание **Путина** быстро вернуться к нормальной жизни иллюстрирует, например, книжный фестиваль, проведение которого было разрешено на Красной площади. За эту площадь несет ответственность не администрация Собянина, а федеральные власти.

3. Недоканность как маркер виновности является персуазивным приемом, который основан на допущении, что «связь X-а с отрицательно оцениваемым событием еще не установлена» [2, с. 186]. Однако при этом имплицитно виновен описываемого персонажа в совершении неблагоприятных действий. В анализируемом газетном дискурсе о пандемии COVID-19 рассматриваемый прием речевого воздействия основывается на описании так называемых теорий заговора, обвиняющих американского магната Билла Гейтса в изобретении COVID-19 в целях контроля над всем миром посредством чипирования при вакцинировании от данного заболевания. В российской «Новой газете» подобная информация подается в сопровождении опровергающего комментария самого Билла Гейтса: *Основатель Microsoft Билл Гейтс прокомментировал слухи о том, что он финансирует разработку вакцины против Covid-19, чтобы чипировать человечество. «Я никогда не занимался вещами наподобие микрочипов. Это почти невозможно опровергнуть, потому что это так глупо и странно», – сказал он* [14].

В немецкой прессе описываемая теория заговора также излагается в форме существующей в определенных кругах точки зрения: *Bill und Melinda Gates haben die WHO gekauft und regieren nun in einer Art geheimen Diktatur die Welt, denn Politiker*innen und Virolog*innen sind nun ihre Marionetten. Wahlweise kann man hier noch einstreuen, dass das Virus von Bill und Melinda Gates erfunden (es gibt also gar kein Coronavirus) oder im Labor erschaffen wurde, um diese von langer Hand geplanten Ziele zu erreichen... Wer genau hinter der Verschwörungstheorie steckt, ist nicht mehr wirklich nachvollziehbar* [31]. – Билл и Мелинда Гейтс купили ВОЗ и теперь правят миром в виде некой тайной диктатуры, потому что политики и вирусологи теперь являются их марионетками. Часто упоминают также, что вирус был изобретен Биллом и Мелиндой Гейтс (так что коронавируса вообще нет) или что он был создан в лаборатории для достижения этих давно запланированных целей ... Кто стоит за теорией заговора, не ясно. Показательно, что автор процитированного газетного материала пытается при помощи последней фразы дистанцироваться от источника возникновения рассматриваемой теории заговора.

4. Установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью [2, с. 188] в качестве стратегии персуазивного воздействия в газетных материалах о COVID-19 использовано при портретировании различных ситуаций, связанных с информационным манипулированием в сообщениях о пандемии. Так, в «Новой газете» подобным образом сообщается о грантовой программе Госдепартамента США, которая призвана профинансировать исследования манипуляций со статистикой смертей от коронавируса в России. Немотивированность американских негативных оценок российской статистики по заболеваниям COVID-19, эксплицируемая с помощью лексемы «дезинформация», подчеркивается повествователем при помощи использования кавычек: *Госдепартамент США объявил о грантовой программе, направленной на «разоблачение дезинформации в сфере здравоохранения» в России. Если обойтись без канцелярита, программа должна показать, как именно собирается статистика по пандемии COVID-19 в нашей стране и насколько можно этой статистике доверять* [13].

В немецких газетах упоминается немотивированное сходство с отрицательно оцениваемой сущностью в ходе описания якобы имеющих место попыток российских СМИ связать негативные последствия коронавируса с действиями западных правительств: *Russische Medien versuchen während der Corona-Pandemie mit Fake News und Verharmlosungen Stimmung gegen westliche Regierungen zu machen* [32]. – Российские СМИ пытаются во время пандемии коронавируса с помощью фейков и тривиального истолкования фактов создать негативный настрой против правительств западных стран. Кроме того, в немецкой прессе говорится о своего рода «инфодемии» при описании пандемии, в ходе которой имеет место установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемыми фактами о распространении COVID-19: *Parallel zum weltweiten Ausbruch des neuen Coronavirus breitet sich im Internet eine „Infodemie“ aus. So nennt die Weltgesundheitsorganisation (WHO) die massive Streuung von Informationen, Falschnachrichten und Verschwörungstheorien rund um den neuen Erreger* [26]. – Параллельно с развитием пандемии нового коронавируса по всему миру в интернете распространяется «инфодемия». Так Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) называет массовое распространение информации, ложных новостей и теорий заговора вокруг нового возбудителя инфекции.

5. Выбор единицы измерения как инструмент речевого воздействия. Этот прием речевого воздействия, выделяемый А. Н. Барановым [2, с. 189], при описании количества смертей в условиях пандемии коронавируса. При этом отмечается тенденция вынесения в заголовки газетных материалов информации о большом количестве умерших в третьих странах. Так, в частности, в газете «Известия» встречается заголовок «Чис-

ло умерших от коронавируса в США превысило 20 тыс.» [21]. Подобные сведения излагаются и в немецкой прессе, причем здесь также подчеркивается большое количество заразившихся среди этнического меньшинства американских индейцев: *Fast 100.000 Menschen sind in Nordamerika an den Folgen von Covid-19 gestorben. Besonders die Ureinwohner trifft es hart. In der Navajo Nation, dem größten Reservat amerikanischer Ureinwohner, haben sich pro Kopf mehr Menschen angesteckt als im ganzen Land* [30]. – *Почти 100 тыс. человек умерли в Северной Америке от последствий Covid-19. Особенно сильно эпидемия коснулась коренных жителей континента. В крупнейшей резервации американских индейцев Навахо-нейшн количество инфицированных на душу населения больше, чем в целом в США. При упоминании о количестве смертей от коронавируса в России отечественных газеты, как правило, выносят в заголовки небольшие цифры (например, заголовок «В России за сутки умерли пять пациентов с коронавирусом» [5]). Примечательно, что в период завершения карантинных мероприятий в заголовках газетных публикаций все чаще стали мелькать сведения не о количестве погибших, а о количестве вылечившихся (например, заголовки «В Москве еще 5390 пациентов вылечились от COVID-19» [4] или «За сутки 46 российских военных вылечились от коронавируса» [9]).*

6. Навязывание пресуппозиции, не требующей критического обсуждения. Данный прием речевого воздействия предусматривает «введение в сознание человека некоторой информации, которая не подвергается критическому анализу» [2, с. 189]. Сюда следует отнести, в частности, рассуждения главврача больницы в Коммунарке о его сдержанным отношениям к майским праздникам в период пандемии: *Главврач больницы в Коммунарке Денис Проценко признался, что с детства «очень ждал и любил» майские праздники, однако сегодня относится к ним сдержанно, так как «непредсказуемо, что будет после них в плане увеличения количества больных» COVID-19 [6]. Информацией подобного типа, навязываемой через СМИ немецкому читателю, являются рассуждения о том, что российский лидер В. Путин намеренно занижает статистику смертности от коронавируса: *Auch wenn die Corona-Todesrate höher wäre als Putins Statistik, wirklichen Schrecken würde die Krankheit im russischen Alltag kaum verbreiten* [28]. – *Несмотря на то, что уровень смертности от коронавируса выше, чем его фиксирует путинская статистика, настоящий ужас в повседневную жизнь россиян не проникает* [16].*

7. Использование метафор является важной техникой в персуазивных целях. Распространенным случаем метафоризации являются те ситуации, когда надо подчеркнуть масштабный характер коронавирусной инфекции: *Coronavirus-Ferien in allen Schulen und Kitas – Experte warnt vor „Infektionslawine“* [23]. – *Карантин по коронавирусу во всех школах и яслях. – Эксперт пре-*

достерегает от «лавны инфекции». Кроме того, часто при помощи метафор акцентируются огромные негативные последствия COVID-19 для экономики и социальной сферы общества: *Das Coronavirus hat die Gesellschaft wie auch die Wirtschaft infiziert* [24]. – *Коронавирус инфицировал общество, а также экономику.* В российской оппозиционной прессе особый упор делается на метафорическое изображение коронавируса как средства контроля в различных сферах общественной жизни: *Коронавирус как алиби для усиления контроля* [7]; *Коронавирус сегодня – не причина, а триггер, это случайность, игра хаоса, которая используется для решения задач совершенно иной важности и протяженности во времени* [7].

8. Ссылка на неизвестный источник информации, который невозможно проверить [2, с. 236], является распространенным механизмом формирования общественного мнения о пандемии коронавируса. В российской прессе негативно оценивается распространение слухов о COVID-19: *Гражданин на основе слухов утверждал, что один случай инфицирования зафиксирован в поселке Мортка, чем посеял панику среди местных жителей* [20]. Кроме того, в отечественных газетах ссылка на неизвестный источник информации задействуется при информировании читателя о неисследованных наукой аспектах данного вируса: *Если вирус гриппа дает нам тяжелые формы в одном проценте случаев, то коронавирус – в 2–3% случаев. По некоторым данным, до 6%* [17]. В немецкой прессе частотно употребление модального глагола «sollen» с эвиденциальной семантикой с тем, чтобы дистанцироваться от недоказанной информации при характеристике Китая как источника смертельной инфекции. Тем самым немецкие журналисты эксплицируют политкорректную позицию в оценке сложившейся ситуации: *China soll zu Beginn der Krise entscheidende Daten zurückgehalten haben* [25]. – *По некоторым данным, Китай в начале кризиса скрыл важные данные.*

Подводя итог нашему анализу основных приемов персуазивности российской и немецкой прессы в период распространения коронавирусной инфекции в первой половине 2020 г., отметим релевантность в ходе портретирования пандемии COVID-19 таких приемов речевого воздействия, как: введение подаваемой фактуальной информации в отрицательно оцениваемый контекст; переход на личности при обрисовке негативных последствий описываемого явления; изображение недоказанности как виновности; установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью; выбор единицы измерения как инструмента речевого воздействия; навязывание пресуппозиции, не требующей критического обсуждения; использование метафор в персуазивных целях; ссылка на неизвестный источник информации. Дальнейшее исследование массмедийной презентации ситуации с распространением COVID-19 способно, на наш взгляд, выявить социальные последствия пандемии.

Литература

1. Баксанский О. Е. Фундаментальные, прикладные и практические аспекты когнитивных наук // Когнитивный подход: монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 58–121.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Бахтин М. М. Антропологистика: избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. 255 с.
4. В Москве еще 5390 пациентов вылечились от COVID-19 // Известия 09.06.2020. URL: <https://iz.ru/1021478/2020-06-09/v-moskve-eshche-5390-pacientov-vylechilis-ot-covid-19> (Дата обращения: 10.06.2020).
5. В России за сутки умерли пять пациентов с коронавирусом // Известия 08.04.2020. URL: <https://iz.ru/997089/2020-04-08/v-rossii-za-sutki-umerli-pyat-pacientov-ot-koronavirusa> (Дата обращения: 10.06.2020).
6. Врачи призвали горожан оставаться дома на майские праздники // Известия 30.04.2020. URL: <https://iz.ru/1006577/2020-04-30/vrachi-v-moskve-prizvali-gorozhan-ostatsia-doma-na-maiskie-prazdniki> (Дата обращения: 10.06.2020).
7. Голубицкий С. Новый китайский человек в каждый дом // Новая газета 31.05.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/31/85627-novyy-kitayskiy-chelovek-v-kazhdyu-dom> (Дата обращения: 10.06.2020).
8. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: УРСС, 2005. 288 с.
9. За сутки 46 российских военных вылечились от коронавируса // Известия 08.06.2020. URL: <https://iz.ru/1021362/2020-06-08/za-sutki-46-rossiiskikh-voennykh-vylechilis-ot-koronavirusa> (Дата обращения: 10.06.2020).
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
11. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
13. Мартынов К. Первая статистическая // Новая газета 26.05.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/26/85539-pervaya-statisticheskaya> (Дата обращения: 10.06.2020).
14. «Невозможно опровергнуть, потому что это так глупо». Основатель Microsoft прокомментировал слухи о чипировании людей под видом вакцины от Covid-19 // Новая газета 05.06.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/06/05/162070-nevozmozhno-oprovergnut-potomu-chto-eto-tak-glupo-osnovatel-microsoft-prokomentiroval-sluhi-o-chipirovanii-lyudey-pod-vidom-vaktsiny-ot-covid-19> (Дата обращения: 10.06.2020).
15. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
16. Панов А. Китайский синдром Трампа // Новая газета 05.06.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/05/85231-kitayskiy-sindrom-trampa> (Дата обращения: 10.06.2020).
17. Приемская Е. «Мы стоим на пороге пикового роста» // Известия 02.04.2020. URL: <https://iz.ru/994414/evgeniia-priemskaja/my-stoim-na-poroge-pikovogo-rosta> (Дата обращения: 10.06.2020).
18. С коронавируса на бал // Новая газета 05.06.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/05/85709-s-koronavirusa-na-bal> (Дата обращения: 10.06.2020).
19. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.
20. Систему распознавания лиц для контроля за самоизоляцией задействуют в Югре // Известия 10.04.2020. URL: <https://iz.ru/998312/2020-04-10/sistemu-raspoznavaniia-litc-dlia-kontrolia-za-samoizoliatciei-zadeistvuiut-v-yugre> (Дата обращения: 10.06.2020).
21. Число умерших от коронавируса в США превысило 20 тыс. // Известия 12.04.2020. URL: <https://iz.ru/998730/2020-04-12/chislo-umershikh-ot-koronavirusa-v-ssha-prevysilo-20-tysiach> (Дата обращения: 10.06.2020).
22. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. New York: Routledge, 2003. 270 p.
23. Görman M. Coronavirus-Ferien in allen Schulen und Kitas – Experte warnt vor „Infektionslawine“ // Frankfurter Rundschau 15.03.2020. URL: <https://www.fr.de/panorama/coronavirus-schulen-deutschland-ferien-kitas-kindergaertenschulferien-corona-frei-schueler-covid-19-sars-cov-19-zr-13595894.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
24. Gürne M. Coronavirus: Tagesthemen-Journalist zeichnet düsteres Szenario – und hat Rat für jeden Einzelnen // Frankfurter Rundschau 14.03.2020. URL: <https://www.fr.de/politik/tv-ard-corona-tagesthemen-wirtschaft-hr-kommentarszenario-markus-guerne-zr-13592153.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
25. Dimitriu M. Corona-Bericht erhebt schweren Verdacht: China soll zu Beginn der Krise entscheidende Daten zurückgehalten haben // Frankfurter Rundschau 04.06.2020. URL: <https://www.fr.de/panorama/corona-china-who-donald-trump-daten-zurueckgehalten-pandemie-kritik-manipulation-zr-13785788.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
26. Hottel U. Woher stammen die Falschnachrichten zum Coronavirus? // Zeit 20.03.2020. URL: <https://www.zeit.de/digital/internet/2020-03/fake-news-covid-19-vorwurf-russland-usa> (Дата обращения: 10.06.2020).
27. Schmidt F. Lockern für Putin // Frankfurter Allgemeine 09.06.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/anti-corona-massnahmen-moskau-lockert-frueher-als-geplant-16807921.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
28. Scholl S. Gefahren für Putin // Frankfurter Rundschau 04.05.2020. URL: <https://www.fr.de/meinung/gefahren-putin-13749503.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
29. Soldt R. Immer wieder neue Rätsel // Frankfurter Allgemeine 25.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/behandlung-von-corona-patienten-immer-wieder-neue-raetsel-16784080.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
30. Steffens F. Schlimmer als in New York // Frankfurter Allgemeine 26.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/corona-folgen-unter-ureinwohnern-schlimmer-als-in-new-york-16786482.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
31. Thomaser S. Bill Gates und das Coronavirus – was steckt hinter der Verschwörungstheorie? // Frankfurter Rundschau 14.05.2020. URL: <https://www.fr.de/politik/corona-krise-bill-gates-virus-verbindungen-who-verschwuerung-13759001.html> (Дата обращения: 10.06.2020).
32. Wehner M. Wie russische Medien Verunsicherung erzeugen // Frankfurter Allgemeine 30.03.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/corona-fake-news-wie-russische-medien-verunsicherung-erzeugen-16702265.html> (Дата обращения: 10.06.2020).

References

1. Baksanskii O. E. Fundamental'nye, prikladnye i prakticheskie aspekty kognitivnykh nauk (*Fundamental, applied and practical aspects of cognitive sciences*) // Kognitivnyi podkhod: monografiya (Cognitive Approach: Monograph). M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2008. P. 58–121.
2. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika (*Linguistic examination of the text: theory and practice*). M.: Fiinta: Nauka, 2007. 592 p.
3. Bakhtin M. M. Antropolingvistika: izbrannye trudy (*Anthropolinguistics: Selected Works*). M.: Labirint, 2010. 255 p.
4. V Moskve eshche 5390 patsientov vylechilis' ot COVID-19 (*In Moscow 5390 patients recovered from COVID-19*) // Izvestiya 09.06.2020. URL: <https://iz.ru/1021478/2020-06-09/v-moskve-eshche-5390-patsientov-vylechilis-ot-covid-19> (Accessed: 10.06.2020) (In Russian)
5. V Rossii za sutki umerli pyat' patsientov s koronavirusom (*In Russia, five patients with coronavirus died over one day*) // Izvestiya 08.04.2020. URL: <https://iz.ru/997089/2020-04-08/v-rossii-za-stuki-umerli-pyat-patsientov-ot-koronavirusa> (Accessed: 10.06.2020)
6. Vrachy prizvali gorozhan ostavat'sya doma na maiskie prazdniki (*Doctors called on citizens to stay home for the May holidays*) // Izvestiya 30.04.2020. URL: <https://iz.ru/1006577/2020-04-30/vrachy-v-moskve-prizvali-gorozhan-ostatsia-doma-na-maiskie-prazdniki> (Accessed: 10.06.2020)
7. Golubitskii S. Novyi kitaiskii chelovek v kazhdy dom (*New Chinese people in every home*) // Novaya gazeta 31.05.2020. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/05/31/85627-novy-kitaiskiy-chelovek-v-kazhdyy-dom> (Accessed: 10.06.2020)
8. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstv (opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi) (*The study of media texts (experience in the study of modern English media speech)*). Moscow: URSS publ., 2005. 288 p.
9. Za sutki 46 rossiiskikh voennykh vylechilis' ot koronavirusa (*For a day, 46 Russian military cured of coronavirus*) // Izvestiya 08.06.2020. URL: <https://iz.ru/1021362/2020-06-08/za-sutki-46-rossiiskikh-voennykh-vylechilis-ot-koronavirusa> (Accessed: 10.06.2020)
10. Ussers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi (*Communicative strategies and tactics of Russian speech*). Moscow: URSS publ., 2003. 284 p.
11. Kostomarov V. G. Nash yazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki (*Our language in action: Essays on contemporary Russian style*). Moscow: Gardariki publ., 2005. 287 p.
12. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa (*Fundamentals of Discourse Theory*). Moscow: Gnozis publ., 2003. 280 p.
13. Martynov K. Pervaya statisticheskaya (*First statistical*) // Novaya gazeta 26.05.2020. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/05/26/85539-pervaya-statisticheskaya> (Accessed: 10.06.2020)
14. «Nevozmozhno oprovergnut', potomu chto eto tak glupo». Osnovatel' Microsoft prokomentiroval slukhi o chipirovanii lyudei pod vidom vaktsiny ot Covid-19 (*«It is impossible to refute, because it is so stupid.» Microsoft founder commented on rumors about chipping people under the guise of Covid-19 vaccine*) // Novaya gazeta 05.06.2020. URL: <https://novyagazeta.ru/news/2020/06/05/162070-nevozmozhno-oprovergnut-potomu-chto-eto-tak-glupo-osnovatel-microsoft-prokomentiroval-slukhi-o-chipirovanii-lyudei-pod-vidom-vaktsiny-ot-covid-19> (Accessed: 10.06.2020)
15. Olyanich A. V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa (*Presentation Discourse Theory*). Moscow: Gnozis publ, 2007. 407 p.
16. Panov A. Kitaiskii sindrom Trampa (*Chinese Trump Syndrome*) // Novaya gazeta 05.05.2020. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/05/05/85231-kitaiskiy-sindrom-trampa> (Accessed: 10.06.2020)
17. Priemskaya E. «My stoim na poroge pikovogo rosta» (*«We are on the threshold of the peak of growth»*) // Izvestiya 02.04.2020. URL: <https://iz.ru/994414/evgeniia-priemskaya/my-stoim-na-poroge-pikovogo-rosta> (Accessed: 10.06.2020)
18. S koronavirusa na bal (*From coronavirus to a ball*) // Novaya gazeta 05.06.2020. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/06/05/85709-s-koronavirusa-na-bal> (Accessed: 10.06.2020)
19. Sedov K. F. Diskurs kak suggestiya: Irratsional'noe vozdeistvie v mezhluchnostnom obshchenii (*Discourse as suggestion: Irrational impact in interpersonal communication*). Moscow: Labirint publ., 2011. 336 p.
20. Sistemu raspoznavaniya lits dlya kontrolya za samoizolyatsiei zadeistvuyut v Yugre (*A face recognition system for monitoring self-isolation is deployed in Ugra*) // Izvestiya 10.04.2020. URL: <https://iz.ru/998312/2020-04-10/sistemu-raspoznavaniya-litc-dlia-kontrolia-za-samoizolyatsiei-zadeistvuyut-v-iugre> (Accessed: 10.06.2020)
21. Chislo umershikh ot koronavirusa v SShA prevysilo 20 tys. (*The number of deaths from coronavirus in the United States exceeded 20 thousand*) // Izvestiya 12.04.2020. URL: <https://iz.ru/998730/2020-04-12/chislo-umershikh-ot-koronavirusa-v-ssha-prevysilo-20-tysiach> (Accessed: 10.06.2020)
22. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. New York: Routledge, 2003. 270 p.
23. Görman M. Coronavirus-Ferien in allen Schulen und Kitas – Experte warnt vor „Infektionslawine“ (*Corona virus holidays in all schools and daycare centers – expert warns of «avalanche of infections»*) // Frankfurter Rundschau 15.03.2020. URL: <https://www.fr.de/panorama/coronavirus-schulen-deutschland-ferien-kitas-kindergaerten-schulferien-corona-frei-schueler-covid-19-sars-cov-19-zr-13595894.html> (Accessed: 10.06.2020)
24. Gürne M. Coronavirus: Tagesthemen-Journalist zeichnet düsteres Szenario – und hat Rat für jeden Einzelnen (*Coronavirus: Daily-themed journalist draws a grim scenario – and has advice for everyone*) // Frankfurter Rundschau 14.03.2020. URL: <https://www.fr.de/politik/tv-ard-corona-tagesthemen-wirtschaft-hr-kommentar-szenario-markus-guerne-zr-13592153.html> (Accessed: 10.06.2020)
25. Dimitriu M. Corona-Bericht erhebt schweren Verdacht: China soll zu Beginn der Krise entscheidende Daten zurückgehalten haben (*Corona report raises serious suspicions: China is said to have withheld key data at the start of the crisis*) // Frankfurter Rundschau 04.06.2020. URL: <https://www.fr.de/panorama/corona-china-who-donald-trump-daten-zurueckgehalten-pandemie-kritik-manipulation-zr-13785788.html> (Accessed: 10.06.2020)
26. Hotelet U. Woher stammen die Falschnachrichten zum Coronavirus? (*Where do the wrong messages come to coronavirus?*) // Zeit 20. 03.2020. URL: <https://www.zeit.de/digital/internet/2020-03/fake-news-covid-19-vorwurf-russland-usa> (Accessed: 10.06.2020)

27. Schmidt F. Lockern für Putin (*Putin's vacation*) // Frankfurter Allgemeine 09.06.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/anti-corona-massnahmen-moskau-lockert-frueher-als-geplant-16807921.html> (Accessed: 10.06.2020)
28. Scholl S. Gefahren für Putin (*Dangers for Putin*) // Frankfurter Rundschau 04.05.2020. URL: <https://www.fr.de/meinung/gedanken-putin-13749503.html> (Accessed: 10.06.2020)
29. Soldt R. Immer wieder neue Rätsel (*Always new puzzles*) // Frankfurter Allgemeine 25.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/behandlung-von-corona-patienten-immer-wieder-neue-raetsel-16784080.html> (Accessed: 10.06.2020)
30. Steffens F. Schlimmer als in New York (*Worse than in New York*) // Frankfurter Allgemeine 26.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/corona-folgen-unter-ureinwohnern-schlimmer-als-in-new-york-16786482.html> (Accessed: 10.06.2020)
31. Thomaser S. Bill Gates und das Coronavirus – was steckt hinter der Verschwörungstheorie? (*Bill Gates and the corona virus – what is behind the conspiracy theory?*) // Frankfurter Rundschau 14.05.2020. URL: <https://www.fr.de/politik/corona-krise-bill-gates-virus-verbindungen-who-verschwoerung-13759001.html> (Accessed: 10.06.2020)
32. Wehner M. Wie russische Medien Verunsicherung erzeugen (*How Russian media create uncertainty*) // Frankfurter Allgemeine 30.03.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/corona-fake-news-wie-russische-medien-verunsicherung-erzeugen-16702265.html> (Accessed: 10.06.2020)

Сведения об авторах

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / svetla.na@mail.ru

Милостивая Александра Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / amilostivaia@ncfu.ru

Information about the authors

Serebriakova Svetlana – Doctor of Philology, Professor, Head of chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / svetla.na@mail.ru

Milostivaya Alexandra – PhD in Philology, Associate professor, Department of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / amilostivaia@ncfu.ru

УДК 81-114.2

Е. В. Яковлева

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИСЕМАНТОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Данная статья посвящена исследованию полисемантических слов, извлеченных методом сплошной выборки из англоязычных текстов, реализующих газетно-публицистическую дискурсию и их русскоязычных соответствий. Целью работы является пополнение методологической базы преподавания перевода. Определяются также транслатологические особенности полисемантических слов при переводе анализируемых текстов дискурса с английского языка на русский. Для лингвистического анализа исследуемых контекстов использовался описательный метод во всех его вариациях, который был дополнен приемом контекстуальной замены, дефиниционным, а также дискурсивными методами анализа.

Ввиду того, что публикации на английском языке с официальных сайтов правительств и социальных организаций Англии, США и Швеции содержат информацию общественно-политического характера, ярко освещают факты и события, происходящие в мире и в обществе, излагают сведения, посвященные значимым событиям в жизни людей, данные сообщения были выбраны в качестве материала исследования.

Выявлена и обоснована необходимость идти на компромисс между семантической структурой выраже-

ний языка оригинала и адекватностью их передачи на языке перевода. В свою очередь перевод реалий на английский язык подразумевает важность экстралингвистических знаний переводчика, благодаря которым он отказывается от дословного перевода и использует различные виды трансформаций.

На основе анализа эмпирического материала выявлено, что при переводе многозначных слов общественно-политического дискурса наиболее частотными лексическими трансформациями являются смысловое развитие с элементами грамматического преобразования, целостное преобразование, конкретизация значения; крайне редко применялись трансформации дифференциации и генерализации значений, компенсации потерь. При этом основной моделью перевода контекстов, содержащих анализируемые полисеманты, стала контекстуальная. На данные результаты и должны быть, в первую очередь, ориентированы упражнения, необходимые для отработки навыков перевода многозначных слов.

Ключевые слова: газетно-публицистический дискурс, процесс перевода, модель перевода, контекстный перевод, полисемия.

Yevgeniya Yakovleva

TRANSLATION PECULIARITIES OF POLYSEMANTIC WORDS IN SOCIO-POLITICAL TEXTS

The article studies polysemantic words extracted by continuous sampling method from the English language texts that implement newspaper and journalistic discourse and their Russian language equivalents. The purpose of the research work is to supplement the methodological base of translation teaching. The translation peculiarities of polysemantic words in the translation of the analyzed texts of the discourse from English into Russian are also determined. The main method of linguistic analysis in this study was the descriptive method in all its variations, which was supplemented by methods of contextual, definitional and discursive analysis.

Due to the fact that publications in English from the official websites of governments and public organizations in England, the United States and Sweden contain information of social and political importance, vividly cover facts and events in the world and in the society, present information on significant events in people's lives, these messages were chosen as the material of the study.

The necessity to compromise between the semantic structure of the original language expressions and the adequacy of their transmission in the target language is re-

vealed and substantiated. Translation of culture-specific elements into English implies the importance of the translator's extralinguistic knowledge. Owing to this knowledge, the translator declines literal translation method and uses various types of transformations and other translation techniques.

Based on the analysis of empirical material, it is revealed that when translating polysemantic words of socio-political texts, the most frequent lexical transformations are semantic development with elements of grammatical transformation, entire transformation, and concretization of meaning. Transformations of differentiation and generalization of meanings, and compensation for losses are used very rarely. At the same time, the main model of interpreting of the segments containing analyzed polysemants has become contextual one. Therefore, the exercises that are used to develop skills of polysemantic words translation should be focused, first of all, on this lexical transformation.

Key words: newspaper and journalistic discourse, translation process, translation model, contextual translation, polysemy.

Газетно-публицистический дискурс ученые-лингвисты определяют как языковые средства, используемые в целях средств массовой информации по наиболее актуальным, в том числе, общественно-политическим темам [4, р. 5]. Именно само существование газетно-публицистического текста обеспечивает отбор и функционирование соответствующих языковых средств. Любая газета, репортаж по телевидению и/или радио освещают немало тем, многогранных в своем содержании, и охватывают огромную аудиторию. Этим можно объяснить наличие и употребление в газетно-публицистических текстах и общеупотребительной, и специальной лексики (политической, экономической и т.д.), которая выполняет главную функцию информирования реципиентов о происходящем. Перевод подобных сообщений в современных условиях имеет особое значение при формировании общественного мнения, популяризации политических идей, либо разобщения социума.

Известно, что для тех же целей предназначены общественно-политические тексты, которые относятся к газетно-публицистическому стилю, информативному или прагматическому типу текстов, а перевод таких текстов называется информативным и представляет собой сообщение определенных сведений, передачу информации. Текстам общественно-политической тематики свойственна высокая степень устойчивых и клишированных выражений, журналистские штампы, термины и названия, полисемантические слова, насыщенность реалиями, широкое использование образной идиоматологии, выразительных средств, приемов и фигур речи, большой процент абстрактных слов, несмотря на то, что информация, обычно, конкретна [1, р. 68]. В связи с тем, что эти тексты более или менее стандартны по форме и средствам языка, переводчику, прежде всего, приходится решать лингвистические проблемы, обусловленные различиями в семантической структуре. При переводе должна соблюдаться инвариантность на уровне плана содержания. Как правило, язык, на который осуществляется перевод, доминирует, поскольку важнейшим планом является содержание, а переводчик должен донести до реципиента перевод в традиционной для него грамматической и лексической формах, передавая при этом информацию оригинала предельно ясно и точно. Достичь это становится возможным при изложении материала открыто, не выражая собственного мнения, выдерживая нейтральный стиль повествования [3, р. 97].

Специфика текстов общественно-политической направленности определяется их стратегиями: информационными и коммуникативными. В связи с этим при исследовании подобного материала требуется анализ его прагматического потенциала. А с помощью его транслатологии достигается определенная цель, связанная с намерениями самого переводчика или заказчика перевода. В литературных источниках указано, что в сообщениях общественно-политической тематики для правильного восприятия информации

реципиентом перевода чаще всего применяется прагматическая адаптация, то есть процесс перевода, в рамках которого переводчику необходимо принять во внимание уровень знаний адресата.

Для профессионального переводчика недостаточно понимать лишь то, о чем говорится в общественно-политическом тексте, ему необходимо знать культурные традиции другой страны, обладать экстралингвистическими знаниями, располагать сведениями о политических ситуациях в англоговорящих странах, настроениях их населения и тому подобном. Сохраняя стиль изложения, профессиональному переводчику необходимо на соответствующем уровне эквивалентности воспроизвести смысл исходного текста на язык перевода. Наряду с этими требованиями переводчик должен уметь правильно строить предложения, соблюдать верный порядок слов. Его перевод должен быть легко читаемым и понятным [2, р. 93].

Отличительными и наиболее важными признаками газетно-публицистического стиля являются достоверность, правдивость, истинность и непредвзятость содержания текста. Соответственно, для объективного освещения событий переводчик не должен высказывать свое мнение о данной ситуации, либо осознанно выделять какие-либо факты среди прочих. Данную информацию нужно переводить оперативно, точно и политкорректно [7, р. 110]. Снять неопределенность, многозначность языковых единиц оригинала помогает процесс перевода, при котором необходимо идти на компромисс между семантической структурой выражений языка оригинала и адекватностью передачи информации на язык перевода, поскольку в языке перевода может быть только одна точная и адекватная интерпретация [6, р. 46–49].

Таким образом, можно предположить, что процесс перевода обладает как общим лингвистическим механизмом, так и спецификой совершенствования качества перевода, достижения эквивалентности на высшем уровне, отклонения от максимально возможной степени смысловой общности, применения элементов прагматической адаптации и т.п.

В свою очередь процесс перевода и его результат в значительной степени зависят от специфики исходного текста и его стиля, коммуникативных возможностей переводчика, его знаний и мастерства, которое предполагает соблюдение общей структуры переводческой деятельности, представляющей собой последовательность действий и операций. Другими словами к переводу лексики общественно-политической тематики применяются системный, коммуникативный и семантико-прагматический подходы.

Даже у профессионального переводчика определенные трудности вызывает довольно сложное языковое явление – полисемия. Соответственно, для их разрешения переводчику следует придерживаться определенной модели перевода, под которой мы понимаем определенную последовательность мыслительных операций, приме-

няемую для осуществления перевода текста с иностранного языка на родной и наоборот, ориентированную на экстралингвистическую реальность или семантические и структурные характеристики языковых единиц. Среди широкого ряда моделей перевода, в лингвистике в целом, наибольшее распространение получили: аналитическая, герменевтическая, денотативная, когнитивная, коммуникативная, контекстная, семиотическая, синергетическая, трансформационно-семантическая, эквивалентная и т.д. [5, p. 105].

Модель контекстного перевода представляет для нас большой исследовательский интерес. Основа этой модели заключается в том, что перевод является сравнением и соотношением семантических систем языков. По этой причине закономерно определение данного вида перевода как способа создания контекстной системы равноценных семантических эквивалентов в разных языках. В свою очередь процесс распознавания контекстуальных значений языковых единиц подчинен определенным логико-семантическим правилам, устанавливаемым из смысловой структуры слова.

Однако под влиянием контекста семантика того или иного слова может приобрести новое динамическое, не совпадающее со словарным, значение. В такой ситуации лексические трансформации помогают автору перевода раскрыть значение переводимого слова в контексте оригинала и найти ему соответствие на языке реципиента.

Переводческие трансформации широко изучались такими учеными как: Л. С. Бархударов, Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкая, А. Д. Швейцер, В. Е. Щетинкин и др. Исследователи М. Бейкер, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, Г. Егер, М. Снелл-Хорнби, Ю. Найда также занимались разработками в данной области, однако «переводческие трансформации» в западной лингвистической традиции принято называть «translation techniques» [9].

Каждый из вышеперечисленных ученых имеет свою точку зрения относительно вопроса трансформаций, однако, предлагаемый исследователями набор приемов, используемых для их реализации, в большинстве работ совпадает. Стоит отметить, что все лингвисты сходятся во мнении об условности классификации трансформаций. Данное утверждение основано на том, что некоторые трансформации не встречаются вне сочетания с другими трансформациями, поэтому их сложно классифицировать. Поскольку нет какого-либо единственно правильного, общепринятого деления на виды и типы переводческих трансформаций, мы решили остановиться на классификации, предложенной Я. И. Рецкер, так как его классификация, на наш взгляд, дает наиболее четкую дифференциацию переводческих трансформаций. Подобные трансформации дают возможность изменить семантическую структуру предназначенного для перевода слова, привнести в структуру лексического значения переводчи-

мой единицы новые, соответствующие данному контексту компоненты.

Под грамматическими трансформациями Я. И. Рецкер понимает замены частей речи или членов предложения. Среди лексических трансформаций, ученый выделяет семь разновидностей: дифференциация значений; конкретизация значений; целостное преобразование; генерализация значений; антонимический перевод; смысловое развитие; компенсация потерь в процессе перевода [8, p. 72–84].

Что касается стилистической характеристики слова, которая определяет его функционально-стилистическую принадлежность, эта задача не всегда под силу даже квалифицированному переводчику.

Учитывая тот факт, что без языковой конкретики, которая обеспечивается на уровне анализа текстов перевода, невозможно создать базу для дидактического материала, приведем некоторые примеры, на материале которых попытаемся выявить наиболее частотные лексические и грамматические трансформации, используемые в контекстуальной модели перевода полисемантической лексики общественно-политического дискурса.

Существующая учебная литература, содержащая практические упражнения, направленные на развитие навыков перевода полисемантов, предлагает обучающимся основные способы их передачи. Благодаря определенным закономерностям, выведенным на основе переводческого анализа исследуемых языковых единиц, будут привнесены определенные знания из области теории перевода (в рамках контекстуальной модели) и накоплен некоторый необходимый опыт. Это и послужит новизной данной работы.

Основу картотеки исследования составили контексты англоязычных публикаций, выявленные на официальных сайтах правительств Англии, США и Швеции методом сплошной выборки: «Social and economic empowerment», «Making Inclusion a Reality in Development Organisations», «Families experiencing multiple disadvantage: their use of and views on childcare provision», «20 mph zones and Road Safety in London», «Participation, Citizenship and Local Governance», «Behaviour Change and Energy Use», «Gender Aware Approaches in Agricultural Programmes – Zambia Country Report», «Natural resource governance» (UK Parliament Website: <http://www.parliament.uk/>, UK Government Website: <https://www.gov.uk/>, Swedish International Development Cooperation Agency: <http://www.sida.se/English/>, Government Offices of Sweden: <http://www.government.se/>, The Swedish System of Government: <http://sweden.se/society/government/>) и выполненные нами их переводы на русский язык. Основным методом лингвистического анализа данного материала послужили интерпретация, обобщение и наблюдение, т.е. описательный метод, дополненный приемами контекстуального, дефиниционного, а также дискурсивного анализа. Информация, представленная на данных сайтах, формирует взгляды и мнения общественности на ряд социально важных проблем.

Так, в процессе переводческой работы над статьей под заголовком «Measuring Inequality: Autonomy» нами был выявлен интересный случай снятия многозначности в следующем примере:

The degree of **empowerment** in decisions about one's own life. Asking how much «choice and control» individuals think they will have in five years (https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/85543/measuring-autonomy.pdf).

Оценка неравенства: самостоятельность

Насколько самостоятельно Вы принимаете решения в своей жизни? Людям был задан вопрос: «Насколько независимы Вы будете через пять лет?»

В данном контексте анализу подлежит полисемант **empowerment**. В англо-русском словаре мы обнаружили следующие значения данной лексической единицы: доверенность, полномочие. Показательно, что выявленная в тексте оригинала единица не может быть переведена дословно, так как в контексте она используется в сочетании с лексемой **degree**. Известно, что заглавие является структурным элементом сообщения и как средство рубрикации отражает главную идею текста в лаконичной форме. Поэтому мы считаем необходимым обратиться именно к заголовку, ключевой лексемой которого является **autonomy** – независимость, самостоятельность. Смысл заголовка и окружающий контекст подсказывают нам, что речь идет о свободе выбора человека, о том, насколько самостоятельно он принимает решения. Таким образом, представленная в оригинале именем существительным языковая единица **empowerment** в тексте перевода передана наречием **самостоятельно**. Данное смысловое развитие обусловлено различными нормами сочетаемости исследуемой лексической единицы в русском языке. Интересно, что подобное грамматическое преобразование сопровождается такой синтаксической трансформацией, как замена членов предложения. В нашем случае, учитывая ситуативный контекст, утвердительное предложение было трансформировано в вопросительное (замена предложения по цели высказывания).

Интерес с точки зрения перевода вызывает следующий пример из статьи под заголовком «Social and economic empowerment»:

Poor people's involvement in local associations and inter-community cooperation mechanisms can contribute to **social empowerment** by improving their skills, knowledge and self-perception. Local associations also act as **self-help mechanisms** through which poor people organise their economic activities, such as farming cooperatives, or microfinance groups (<http://www.gsdr.org/go/topic-guides/empowerment-and-accountability/social-and-economic-empowerment>).

Вовлечение малоимущих в местные ассоциации и межобщинные кооперативы может благоприятно повлиять на социальное включение, улучшая их навыки, знания и самовосприимчивость. Местные ассоциации также поддерживают

это направление, помогая малоимущим организовывать свою экономическую деятельность, например, создавать сельскохозяйственные производственные кооперативы, или микрофинансовые группы.

В данном контексте особое внимание уделим двум полисемантическим лексемам: **mechanism** и **empowerment**. У слова **mechanism** существуют три основных значения: 1) механизм; аппарат; устройство, 2) закономерность, 3) механика; техника. Очевидно, что лишь первый вариант соответствия наиболее приемлемый в данном контексте. Помочь найти правильное решение перевода может языковое окружение, а в данном случае слово **self-help**, предшествующее исследуемому **mechanism**. При переводе данного словосочетания воспользуемся лексической трансформацией смысловым развитием, поскольку ее значение выводится логически из значений исходных единиц, а также преобразуем существительное с определяющим его словом в глагол. Таким образом, окончательным вариантом перевода является слово **поддерживать**.

Для более точного перевода лексической единицы **empowerment**, некоторые значения которой мы привели в рамках анализа вышеуказанного контекста, нам следует обратить внимание на предложения в целом и характеризующее его прилагательное **social**. *Вовлечение малоимущих в местные ассоциации и межобщинные кооперативы*, а значит их трудоустройство, возможность получения образования, обеспечение доступа к услугам здравоохранения и прочее – все это определение такого понятия, как социальное включение. Соответственно при переводе мы воспользуемся приемом контекстуальной замены и преобразуем лексическую единицу **empowerment** во **включение**.

Рассмотрим еще один пример, обнаруженный в руководстве для консультантов в сфере поддержки людей с инвалидностью «Making Inclusion a Reality in Development Organisations», свидетельствующий о том, что контекстуальный перевод является одной из наиболее эффективных моделей перевода полисемантических слов:

When people are asked to describe what they are hoping for, what a good life would include for them, the list is fairly consistent and includes **elements** that relate to relationships, home, work and leisure, education, passions, safety/security, health, spirituality, contribution to community and decision-making (http://www.iddcconsortium.net/sites/default/files/resources-tools/files/121200_iddc_totm_digi_revised.pdf).

Когда людей просят рассказать о том, на что они надеются, описать благополучную жизнь, они последовательно перечисляют какие блага она будет включать, например, в отношениях, дома, на работе и на отдыхе, в образовании, в увлечениях, безопасности, в здоровье, в религии, в обществе и в вопросах выбора.

В данном отрезке текста разберем значение полисемантической лексемы **elements**. Следует

сказать, что подлежащая анализу языковая единица обладает несколькими словарными вариантивными соответствиями, среди них: 1) элемент, 2) доля, след, признак, 3) секция, отделение, 4) основы, азы, 5) стихия, 6) непогода, фактор. Однако поскольку основным эквивалентом является **элемент**, при переводе обратимся к содержанию всего сообщения. В руководстве говорится об элементах счастливой жизни, таких как, здоровье, дом, увлечения и т.д., имеющих позитивную коннотацию. Данный признак, а также развитие смысла лексемы **element** подсказывает нам, что речь идет о жизненном благополучии. Таким образом, в данной конкретной ситуации самым близким к коннотативному значению полисеманта **element** является значение слова **благо**, так как благо способно приносить удовольствие и удовлетворять людские потребности.

Предлагаем обратиться к следующему контексту из публикации «Families experiencing multiple disadvantage: their use of and views on childcare provision»:

However, this can be a challenge for families that experience multiple **disadvantage** (including, for example, worklessness, poor skills, material deprivation, poor health, family breakdown) (https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/221979/DCSF-RR191.pdf).

Однако это может быть проблемой для семей, которые испытывают некоторые **неблагоприятные условия** в жизни (в том числе, например, безработица, низкая профессиональная квалификация, материальные трудности, слабое здоровье, распад семьи).

В исследуемом нами отрезке интерес вызывает пример использования полисемантической лексемы **disadvantage**. Такие значения, как: 1) неудобство, неблагоприятное условие, 2) барьер, преграда, 3) вред предложены в англо-русском словаре. Считаем словосочетание **неблагоприятное условие** наиболее подходящим в контексте, подлежащем переводу. Ключевым фактором, повлиявшим на такое решение, стало дальнейшее содержание сообщения – перечисление в скобках подразумеваемых неблагоприятных условий. Благодаря анализу контекста, мы пришли к мнению, что речь идет о жизненных трудностях, проблемных ситуациях. При переводе полисемантического слова мы использовали трансформацию конкретизация значения.

Поясним переводческое решение в следующем примере, выявленном в докладе под названием «20 mph zones and Road Safety in London»:

Further, after traffic calming, residents perceived speeds as lower and **driver behaviour** as better (<http://content.tfl.gov.uk/20-mph-zones-and-road-safety-in-london.pdf>).

Впоследствии, после успокоения дорожного движения жители почувствовали снижение скорости и улучшение **манеры вождения**.

У многозначного слова **behaviour** существует четыре значения: 1) поведение, 2) режим работы, 3) свойства; характеристики, 4) протяжение

процесса. В связи с тем, что полисемант употреблен в сочетании со словом **driver**, то мы понимаем, что речь идет о водителе и его поведении на дороге. Перевод данной лексической единицы позволяет воспользоваться приемом целостного преобразования, результатом которого являются как постоянные, так и вариантыные словарные соответствия, и передать существительное **behaviour** как **манера**. В таком случае конструкция **driver behaviour** получает соответствие на русском языке – **манера вождения**.

В нашем эмпирическом материале также заслуживает отдельного внимания следующий контекст из информационной записки «Participation, Citizenship and Local Governance», снимающий многозначность полисеманта initiatives:

In an influential statement, the World Bank Learning Group on Participation defined participation as a process through which stakeholders influence and share control over development **initiatives** and the decisions and resources which affect them (<https://www.uv.es/~fernandm/Gaventa,%20Valderrama.pdf>).

В своем важном заявлении Учебная Группа Всемирного банка по вопросам участия определила участие как «процесс, посредством которого заинтересованные стороны влияют и совместно контролируют **реформы** в области развития, а также решения и ресурсы, которые их затрагивают».

Полисемантность слова **initiative** нам помог снять контекст первого предложения записки, в котором говорится о структурных реформах. При переводе мы воспользовались лексической трансформацией, а именно смысловым развитием значения, и полисемант **initiative** был преобразован в слово **реформа**.

Таким образом, в процессе подбора необходимого значения лексической единицы переводчик не только выбирает адекватное значение из числа уже существующих, но также может создавать новое значение, привязанное к контексту, которое в свою очередь, облегчает выбор соответствия одной и той же языковой единицы.

Отметим, что процесс интерпретации изолированных фраз и слов в основном невозможен, следовательно, невозможен сам перевод. Только контекст и фоновые знания соответствующей реалии могут раскрыть значение языковых единиц. Например, в контексте публикации под названием «Behaviour Change and Energy Use» интерпретации требует словосочетание green behaviours:

This paper explores how social norms can encourage the adoption of **green behaviours**. We are introducing new trials and policy changes that will show how we can encourage people to reduce their energy use by providing them with comparative energy consumption information (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/48123/2135-behaviour-change-and-energy-use.pdf).

В этой статье рассматривается, как социальные нормы могут содействовать формиро-

ванию у людей **экологического образа жизни**. Мы проводим новые исследования и производим ряд изменений в политике, которые покажут, как мы можем склонить людей к тому, чтобы снизить потребление ими энергии, предоставляя им сравнительные сведения об энергопотреблении.

Согласно экстралингвистическим источникам **green behaviour** означает совокупность операций и действий человека, которые вносят вклад в защиту и сохранение окружающей среды. Таким образом, полагаем, что данное словосочетание, используя модель контекстуального перевода, можно перевести как **экологический образ жизни** – трансформация смысловое развитие.

Следующий отрезок, выявленный в тексте доклада «Gender Aware Approaches in Agricultural Programmes – Zambia Country Report», представляет собой яркий пример, в котором многозначность снимается благодаря языковому окружению:

Several farmers explained that they were teaching their neighbours particular methodological **elements** of the ASP approach since non-ASP households wanted to learn... All farmer respondents, both male and female, recorded that men had changed their **behaviour** as a direct consequence of ASP (<https://www.oecd.org/countries/zambia/46150642.pdf>).

Некоторые фермеры рассказали, что они учили своих соседей по их инициативе особым методическим **положениям** программы сельскохозяйственной поддержки (ПСП). Все опрошенные фермеры, и мужчины, и женщины, подтвердили, что мужчины исправили свое **отношение к женщинам**, благодаря ПСП.

Так, слово **element** в данном конкретном случае может быть переведено буквально, однако, стиль текста от этого пострадает. Для того чтобы перевод лексемы в наибольшей степени соответствовал контексту, нам следует узнать, что подразумевается под выражением *the ASP approach*. Аббревиатура ASP означает *Agricultural Support Programmes*. Основное направление программы *Gender Aware Approaches* – сокращение неравенства между мужчинами и женщинами фермерами, активное участие женщин в принятии семейных решений. Предпереводческий анализ контекста внес ясность, а именно то, что фермеры учили своих соседей основным **положениям** программы.

Обладая экстралингвистической информацией о программе и ее основных подходах, мы можем с легкостью подобрать подразумеваемое в контексте значение полисемантического слова **behaviour**. Учитывая то, что в тексте речь идет об уравнении прав женщин и мужчин в бизнесе, а также об улучшении положения женщин в семье, то правильным будет воспользоваться трансформацией конкретизация значения исходной единицы, но в сочетании с приемом лексического добавления и перевести полисемант словосочетанием **отношение к женщинам**.

Рассмотрим следующий контекст, обнаруженный в приложении «Natural resource governance»,

снимающий многозначность полисемантической лексической единицы initiatives:

The proliferation of global **initiatives** to oversee a transparent management of natural resources came about at the turn of the century as a donor effort to tackle development problems associated with the «resource curse»: government corruption, institutional erosion, civil conflicts, and economic crowding out effects (https://www.transparency-initiative.org/archive/wp-content/uploads/2011/05/impacts_annex4_final1.pdf).

Распространение глобальных кампаний по контролю над прозрачным управлением природными ресурсами возникло на рубеже веков как донорская попытка решить проблемы развития, связанные с «проклятием ресурсов»: коррупцией в правительстве, институциональной эрозией, гражданскими конфликтами и эффектами вытеснения экономики.

Трудности при переводе слова **initiatives** в данном контексте вызвала его многозначность среди которой выделяют следующие эквиваленты: 1) инициатива, 2) предприимчивость, способность к самостоятельным активным действиям, 3) право законодательной инициативы. Для установки подразумеваемого значения следует обратиться к номинативной конструкции *по контролю над прозрачным управлением природными ресурсами*, согласно которой под лексической единицей **initiative** подразумевается ряд мероприятий. Применяя модель контекстуального перевода и такую лексическую трансформацию, как смысловое развитие, подберем исследуемой лексеме следующее обозначение – **кампания**.

Таким образом, чтобы выявить релевантное значение слова и подобрать наиболее подходящее ему вариантное соответствие при переводе с исходного языка на язык перевода необходимо контекстуальное окружение: на уровне группы слов и словосочетаний, предложений, абзацев, всего текста и даже заголовка. Благодаря экстралингвистическим знаниям при передаче реалии на язык перевода, переводчик отказывается от дословного перевода и использует различные виды трансформаций.

Кроме того, количественный анализ практического материала данного исследования позволил установить, что при переводе многозначных слов общественно-политического дискурса по характеру частотности среди переводческих трансформаций смысловое развитие с элементами грамматического преобразования обнаруживает 55% от общего числа проанализированных случаев полисемии, целостное преобразование – 30%, конкретизация значения составила 7%, дифференциация и генерализация значений, компенсация потерь в целом составили 8%. Отметим, что антонимический перевод выявлен не был. При этом основной моделью перевода контекстов, содержащих анализируемые полисеманты, стала контекстуальная.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что основополагающими признаками современ-

ного языка общественно-политического дискурса являются семантическая неопределенность, сложность или неоднозначность значений. Полисемия является следствием возникновения групповых коннотаций, выражающих интерпретацию политической реальности с позиций той или иной социальной группы. Как показал переводческий анализ, англо-русские словари недостаточно полно отражают значения слова, а обнаруженные нами значения не зафиксированы в Lingvo. Поэтому, для того чтобы будущие переводчики не

совершали языковые, речевые, культурные и т.п. ошибки, связанные с особенностями семантики единиц и структур ИЯ и ПЯ, необходимо делать упор на упражнения по отработке навыков перевода многозначных слов. Данные упражнения должны быть ориентированы в первую очередь на переводческие трансформации смыслового развития с элементами грамматического преобразования и целостного преобразования в рамках контекстуальной модели.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 230 с.
2. Зиборова Г. М. Трудности перевода общественно-политического текста с английского на русский. М.: РОССПЭН, 2004. 228 с.
3. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М.: РЕМА, 1997. 206 с.
4. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин. проев. РСФСР. Ленингр. отд-ние, 1969. 173 с.
5. Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник/отв. ред. канд. филол. наук М.Б. Раренко. М.: ИНИОН, 2010. 260 с.
6. Паршин А. В. Теория и практика перевода. М., 1985. 310 с. URL: <https://studfile.net/preview/4267259/page:15/> (Дата обращения: 10.01.2020).
7. Райс К. Классификация текстов и методы перевода. М.: Международные отношения, 1978. 228 с.
8. Ретскер Я. И. Что же такое лексические трансформации? // Тетради переводчика. 1980. №.17. С.72 – 84.
9. Molina L., Hurtado A. Translation Techniques Revisited: A Dynamic and Functionalist Approach. Meta, XLVII, 4, 2002. P. 498–512.

References

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka (*Stylistics of modern English*). Moscow: Prosveshhenie publ., 1990. 230 p.
2. Ziborova G. M. Trudnosti perevoda obshhestvenno-politicheskogo teksta s anglijskogo na russkij (*Difficulties in translation of a social and political text from English into Russian*). Moscow: ROSSPJeN publ., 2004. 228 p.
3. Komissarov V. N. Teoreticheskie osnovy metodiki obuchenija perevodu (*Theoretical foundations of the translation training methodology*). Moscow.: REMA publ., 1997. 206 p.
4. Kuznec M. D., Skrebnev Ju. M. Stilistika anglijskogo jazyka (*Stylistics of English*). L.: Gos. ucheb.-ped. izd-vo Min. proev. RSFSR. Leningr. otd-nie, 1969. 173 p.
5. Osnovnye ponjatija perevodovedenija (otechestvennyj opyt) (Basic concepts of translation studies (*Russian experience*)). Terminologicheskij slovar'-spravochnik / ed by M. B. Rarenko. Moscow: INION publ., 2010. 260 p.
6. Parshin A. V. Teorija i praktika perevoda (*Theory and practice of translation*). M., 1985. 310 p. URL: <https://studfile.net/preview/4267259/page:15/> (Accessed: 10.01.2020).
7. Rajs K. Klassifikacija tekstov i metody perevoda (*Texts classification and translation methods*). Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija publ., 1978. 228 p.
8. Retsker Ya. I. Chto zhe takoe leksicheskie transformatsii? (*What is lexical transformation?*) // Tetradi perevodchika. 1980. No.17. P. 72–84.
9. Molina L., Hurtado A. Translation Techniques Revisited: A Dynamic and Functionalist Approach. Meta, XLVII, 4, 2002. P. 498–512.

Сведения об авторе

Яковлева Евгения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) evgeniyaviktorovnast@yandex.com

Information about the author

Yakovleva Yevgeniya – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / evgeniyaviktorovnast@yandex.com

РЕЦЕНЗИИ

УДК 470.6(25)

Т. А. Невская

**СЕВЕРНЫЙ КAVKAZ ГЛАЗАМИ ПАСТЫРЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. К 100-ЛЕТИЮ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО АГАФОДОРА (ПРЕОБРАЖЕНСКОГО)
АРХИЕПИСКОПА СТАВРОПОЛЬСКОГО И КАВКАЗСКОГО. В 2-Х Т. СТАВРОПОЛЬ:
СТАВРОПОЛЬСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ, 2019**

Tat'yana Nevskaya

**NORTH CAUCASUS WITH THE EYES OF THE SHEPHERD. BOOK REVIEW:
BIOGRAPHIC MATERIALS. TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BLESSED
END OF THE HIGHLY CONSOLIDATED AGAFODOR (TRANSFIGURED)
ARCHIEPISCOPE OF STAVROPOL AND CAUCASUS. IN 2 VOLS. STAVROPOL:
STAVROPOL THEOLOGICAL SEMINAR, 2019**

Издание документов и материалов является важнейшей частью современной исторической науки, так как значительно расширяет источниковую базу для новых исследований. Этот труд представляет большой интерес не только для изучения церковной истории, но и для широкого круга краеведческих изысканий. В 2-х томах сборника материалов приведены статьи, описывающие нелегкий жизненный путь одного из видных религиозных деятелей России второй половины XIX – начала XX вв. – архиепископа Ставропольского и Кавказского Агафодора. Составители и авторы предисловия протоиерей Павел Самойленко и священник Александр Пантюхин использовали такие редкие издания как «Альманах современных русских государственных деятелей» (СПБ, 1897), журнал «Церковная Старина на Северном Кавказе», «Журнал Ставропольского Епархиального Церковно-Археологического общества» и другие. Особый интерес представляют статьи, публиковавшиеся в «Ставропольских Епархиальных Ведомостях» с подробным описанием путешествий Преосвященнейшего Агафодора по Кавказу.

Биография Высокопреосвященнейшего Агафодора, составленная на основании статей дореволюционных изданий, показывает интересный и малоизученный пласт социальной истории России второй половины XIX – начала XX в. Будучи сиротой, терпя с детства нужду и лишения, Павел

Преображенский сумел получить образование и прошел путь от сельского приходского священника до архиепископа. Жизненный путь Павла Преображенского опровергает сложившееся мнение о том, что в дореволюционной России практически отсутствовали социальные лифты. Описание его детства, приведенное в статье члена Церковно-Археологического общества Мартирия Чемева, дает нам нерадостную картину быта бедных сельчан. Оставшись вдовой с шестинедельным сыном, Евдокия Преображенская стирала белье по найму, поступала в прислуги. В маленькой курной избе, в страшной бедности ютились две семьи. Дети не имели теплой одежды и сапог и в холодную погоду вынуждены были сидеть дома. Нелегко жилось Павлу и во время обучения в духовном училище, так как не было средств уехать домой на каникулы. В нужде прошла и семинарская жизнь, он «страшно нуждался в самой необходимой одежде, единственный халат, который светился, как сито насквозь, днем служил ему верхней одеждой, а ночью одеялом» [1, с. 86]. Ярко описана в названной статье жизнь семинаристов в дореформенной России. Однако трудолюбие и успехи в учебе позволили способному ученику заниматься репетиторством и улучшить свое положение.

Главе, посвященная пастырской деятельности в с. Воскресенском, дает представление о жизни сельских священников, которые не получали

жалования за свою службу, а «пользовались одними доходами и скудным сбором хлеба в осеннее время» [1, с. 89]. Приведены данные о доходах причта и стоимости треб в 60-е годы XIX в. Интересные сведения приведены о поведении крестьян в период существования и отмены крепостного права: «О.Павел...еще застал то время, когда крестьяне становились на колени перед важно проходившим или пышно проезжающим помещиком, когда сами священники, проходя мимо помещичьего дома, должны были снимать шляпы и идти с непокрытой головой» [1, с. 93]. Именно священники должны были объяснить народу Манифест 19 февраля, они принимали деятельное участие в заключении выкупных сделок.

Биография Высокопреосвященнейшего показывает, какую важную роль играли священнослужители в жизни села. Например, кроме служения в церкви и исполнении треб, о. Павел учредил церковно-приходское попечительство, которое помогало крестьянам вести дела с различными учреждениями, снабжало училища книгами и бумагой, следило за посещением детьми школы, оказывало помощь в случае бедствий и неурожая и т.п. Большую роль играло попечительство в помощи неимущим, так, в 1870 г. оно даже внесло оброк за 23 крестьянских надела, «дабы выручить крестьян, которые вследствие несчастных случаев не смогли внести его своевременно» [1, с. 16]. На примере деятельности о. Павла видно, как сельские священники занимались просветительской деятельностью, учреждали приходские училища, снабжали их книгами, письменными принадлежностями. В конкретных примерах деятельности о. Павла наглядно вырисовывается картина развития школьного образования в России в пореформенный период.

Овдовев, протоиерей Павел принял монашество и получил сан епископа. Из его биографии мы узнаем, что представляли собой русские монастыри во второй половине XIX в., как была организована монастырская жизнь, взаимодействие с местным населением. Большой интерес для истории науки представляет работа Высокопреосвященнейшего Агафодора как председателя Нижегородской Церковно-Археологической комиссии. Особое внимание уделяется в сборнике деятельности Высокопреосвященнейшего Агафодора в Сухумской епархии. В работе описано положение абхазских церквей, Ново-Афонского монастыря, а также работа основанной церковно-археологической комиссии. За два года управления Сухумской епархией Агафодор не только улучшил материальное положение абхазских церквей, но и открыл здесь 22 школы, епархиальное Александроневское братство, попечительство для помощи духовенству, вдовам и сиротам.

Важные сведения о жизни Ставропольской губернии мы узнаем из описания деятельности Высокопреосвященнейшего Агафодора на Ставропольской кафедре. Особый интерес представляют сведения о крещении калмыков, проведенные им лично. Приведено описание калмыцкой

степи, буддийских ритуалов и обычаев, убранств хурулов. По ходатайству Владыки крещеным калмыкам был отведен значительный надел земли. В сборнике приведены интересные сведения об организации миссионерской деятельности в епархии.

Владыка занимался основанием новых монастырей, поэтому в его биографии большое место занимает описание процесса открытия монастырей в верховьях Кубани, отношение местного мусульманского населения к этому событию, а также взаимоотношения монахинь и жителей карачаевских селений. Так, при Сентинском монастыре была открыта школа, в которой учились вместе с православными и мусульмане карачаевцы. Школы русской грамоты епархиального ведомства открывались и в других магометанских селениях. Интересные факты приведены об отношении ставропольских туркмен с православными миссионерами. Подробно освещена в сборнике и организация школьного дела в ставропольских селах, так как Владыка считал важнейшей обязанностью сельских священников участие в просвещении населения. Деятельность по развитию и благоустройству церковно-приходских школ и других учебных заведений занимала большое место в заботах Высокопреосвященнейшего Агафодора.

В биографических материалах можно найти ценные сведения о благотворительных учреждениях Ставропольской епархии, а также об учреждении им «Ставропольского епархиального Церковно-Археологического общества», которое поставило своей задачей не только изучение религиозной жизни Северного Кавказа, но и охрану и изучение памятников древности, подготовку материалов для составления истории Ставропольской епархии.

Во втором сборнике материалов собраны труды Архиепископа Агафодора, его речи, а также описания его поездок по епархии. Будучи в Абхазии, епископ написал очень интересное подробное описание Успенско-Драндского монастыря близ г.Сухума

В сборнике приведены статьи, публиковавшиеся в «Ставропольских епархиальных ведомостях» о путешествиях Преосвященного для обозрения церквей. Здесь можно найти интересный материал о ставропольских станицах – Сенгилеевской, Николаевской, а также Убеженской, Армавире и др. Причем, особое внимание уделяется состоянию школ в селениях, количеству учащихся. Дано описание таких станиц как Прочноокопская, Крыловская, Переясловская, Брюховецкая, Павловская, Новомарьевская, Отраденская и многих других. Причем, Архиепископ Агафодор не только досконально ознакомился с состоянием образования, библиотеками, но и сам опрашивал детей по разным предметам, чтобы выяснить уровень знаний учащихся. Подробно описаны церкви, состояние монастырских обителей. Побывал Высокопреосвященный Агафодор и во многих селах – Ивановском, Мостовом, Успенском, Та-

тарке, Нины, Воронцово-Александровском и других. Кроме описания внешнего вида и построек в селениях приводятся также сведения по истории населенных пунктов, так автор статей в «Ставропольских епархиальных ведомостях» не обошел вниманием историю села Маслов-Кут, где крестьяне подняли восстание против помещиков Калантаровых.

Пастырские послания и речи Высокопреосвященного Агафодора, приведенные в данном сборнике, представляют собой образцы высокого слога русского языка конца XIX в., сохранившего

связь с каноническими жанрами послания и поучения.

Таким образом, изданные в Ставропольской Духовной семинарии сборники представляют собой весьма важный комплекс разноплановых источников по истории и культуре населенных пунктов не только Северного Кавказа, но и Абхазии, по истории народов, населяющих регион, а также по истории образования и школьного дела, истории монастырей, благотворительности и много другого.

Литература

1. Биографические материалы. К 100-летию блаженной кончины Высокопреосвященнейшего Агафодора (Преображенского) Архиепископа Ставропольского и Кавказского. В 2-х т. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2019.

References

1. Biographic materials. To the 100th anniversary of the blessed end of the highly consolidated Agafodor (Transfigured) Archbishop of Stavropol and Caucasus. In 2 Vols. Stavropol: Stavropol Theological Seminar, 2019.

Сведения об авторе

Невская Татьяна Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tnevskaya@yandex.ru

Information about the author

Nevskaja Tat'yana – Doctor of History, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tnevskaya@yandex.ru

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНЫ ГАЛКИНОЙ (1976–2020)

IN MEMORIAM OF ELENA VYACHESLAVOVNA GALKINA (1976–2020)

Кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета с прискорбием сообщает о невозможной утрате.

9 июня 2020 г. скоропостижно скончалась наша коллега и друг, доктор политических наук, профессор Галкина Елена Вячеславовна. Она ушла из жизни слишком рано, не успев реализовать многие свои замыслы. Но совершенное ею в пределах недолгого земного времени поражает своей основательностью.

Родилась Елена Вячеславовна в 1976 г. в семье военнослужащих. Окончив в 1999 г. Ставро-

польский государственный университет по специальности «История», работала в университете, получив в 2002 г. степень кандидата исторических наук, а в 2010 г. доктора политических наук.

С 2012 г. уже в Северо-Кавказском федеральном университете Елена Вячеславовна осуществляла научное руководство магистерской программой «Прикладная политология», выпускники которой работают в самых различных организациях Ставропольского края и за его пределами. Елена Вячеславовна являлась научным руководителем нескольких аспирантов, членом двух диссертационных советов.

Как преподаватель, активно вовлекала студентов в научную деятельность. Под ее руководством студенты принимали участие в престижных конкурсах и конференциях. Являясь ответственным, профессиональным и неравнодушным к судьбе региона и страны ученым, опубликовала более 300 научных и учебно-методических трудов, 13 монографий.

Пройдя свой жизненный путь стремительно и ярко, она оставила в политологии и исторической науке светлый и долгий след. Отзывчивая коллега и любящая мать, научный деятель, талантливый организатор, великолепный преподаватель, мудрый человек, надежный друг – такой мы запомним Елену Вячеславовну.

Скорбим и соболезнуем.

Коллеги и друзья

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2020. № 2

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 23.06.2020

Дата выхода в свет 29.06.2020

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 25,81	Уч.-изд. л. 25,33
Бумага офсетная	Заказ 24	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2